Одесский
альманах

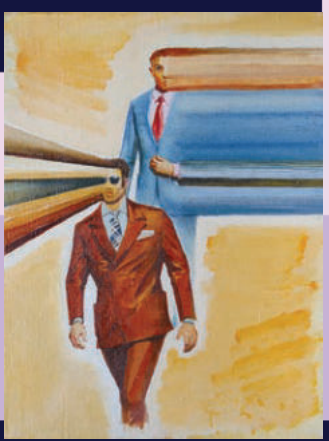
№65

II / 2016

ДЕРИБАСОВСКАЯ ⚓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (65), 2016
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

FSC
accredited
FSCTrademarkO1996
ForestStewardshipCouncil A.C.
FCS-ACC-015

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (65), 2016
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

FSC
accredited
FSCTrademarkO1996
ForestStewardshipCouncil A.C.
FCS-ACC-015

© АО «ПЛАСКЕ», 2016
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2016

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (65), 2016
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

FSC
accredited
FSCTrademarkO1996
ForestStewardshipCouncil A.C.
FCS-ACC-015

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (65), 2016
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

FSC
accredited
FSCTrademarkO1996
ForestStewardshipCouncil A.C.
FCS-ACC-015

© АО «ПЛАСКЕ», 2016
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2016

От редакции

Этот номер нашего альманаха читатели получат в июне. Первый летний месяц задает тон туристическому сезону, раскрывает все возможности Одессы – крупного порта, культурного центра, излюбленного места отдыха не только наших соотечественников, но и гостей из зарубежья.

Александр Пушкин, чей день рождения мы отмечаем 6 июня, в Одесской главе «Евгения Онегина» дал немало точных и образных определений особенностей нашего города, делающих его уникальным и привлекательным. Сегодня вспомним два, которые особенно полно и ярко проявляются в эти дни.

«Здесь все Европой дышит, веет!»
«Здесь долго ясны небеса!»

Действительно, Одесса с первых дней своей истории связана со всем миром, а что до нашего дивного лета, то оно способствует не только отдыху на пляжах, но и проведению множества ярких и разнообразных событий в культурной жизни.

Напомним, что нынешний одесский год объявлен фестивальным. Многие из фестивалей уже состоялись, но вот что входит в программу, которую предлагает департамент культуры и туризма Одесского горисполкома на июнь-август. Мы выбрали из обширного перечня лишь те события, которые предполагают участие зарубежных организаций, исполнителей, зрителей.

Знаменательно, что лето открывается 1 июня Международным фестивалем искусств «Дети – детям».

Широкую и разнообразную аудиторию традиционно собирает Международный Корнейчуковский фестиваль детской литературы, который в этом августе предложит немало интересных творческих конкурсов.

Михаил Жванецкий

Похождения бравого солдата Швейка

Для нового издания бессмертного романа Ярослава Гашека по просьбе издателей Михаил Жванецкий написал предисловие. Нет, не рассказывает он нам биографию автора, нет, не знакомит нас с личной жизнью Франца-Иосифа, нет, не…

– А зачем тогда предисловие? – спросит поднаторевший читатель, привыкший узнавать сюжет, кто с кем, где и когда, из предваряющей «критической статьи».

Это предисловие не о том. Не о *них*.

Оно о *нас*.

Михаила Жванецкого волнует то, что волновало Ярослава Гашека сто лет назад.

Человечество меняется медленно.

Е. Г.

Великая книга.

Она возвращает нас к иронии.

Ирония интереснее юмора.

Ирония непонятна.

Это неискреннее одобрение неискреннего патриотизма.

Одобрение всего, что услышал.

Ибо увидеть это невозможно.

Если настоящий патриотизм – битва за спасение Родины.

Или того, что гибнет на твоих глазах.

Того, что любишь.

Того, чем живешь.

То принуждение к патриотизму напоминает перевод слепого через дорогу.

Ироничная книга большая редкость.

Ироничная книга большая смелость.

Ироничная книга – разоблачение и есть.

Неискренние вопли парламентов и газет о будущих победах и прославлениях вдруг встречают в этой книге такое тихое благожелательное, такое чудесное одобрение.

Это так мило! Миво! Миво!

Такая дивная, дивная публика!

Огромная просьба продолжать законотворчество.

Не выключать пение хором на ночь, продолжить его ночью.

Пожалуйста, не останавливайтесь! Это такое наслаждение.

И, конечно, надо идти дальше в ужесточении жизни.

Это очень правильно, побольше сажать и поменьше лечить.

И не надо ждать появления предателей, а помогать им появиться, чтоб выловить подлецов немедленно.

И когда государство сплотилось в таком угаре, очень, очень важно на фоне всего этого… хотя бы кому-то быть сплоченней всех…

И шептать с бесконечным одобрением: «А вот это верно. А вот это правильно… Ах, даже так! Еще верней».

И все тихо, с улыбкой, чтоб общая картина не была такой однообразной.

Верный и бравый солдат Швейк, кочуя из сумасшедшего дома в тюрьму, горячо одобряет правильность происходящего.

И даже подкрепляет примерами из своей жизни, неимоверно длинной и широкой.

Как тепло рассказано о массовой слежке по выявлению настроений в обществе при такой угрозе со стороны вечных соседей, притворяющихся время от времени друзьями, но употребляющих остроотточенный кинжал даже за мирным завтраком.

Да, пушки еще молчат, но газеты уже поют, чтоб пушки были готовы.

Ибо на той стороне замечено очень неприятное движение, или скопление, или вращение, короче, враждебная суета и бряцание.

Кто там бря̀цает или бряца̀ет?

Тут не время думать об ударении.

Надо думать об ответном ударе.

И хочется понимать, если даже кто-то бряцает далеко, все равно надо выкатывать из капониров все, что может катиться, и прицеливаться и бряцать в ответ.

Всем думать головой в сторону возможного мерзавца.

А чтобы там не было неожиданностей, лучше их развязать самим. То есть упредить, если получится.

Пусть опасаются!

Швейк прав и еще раз прав.

И, хоть его комиссия признала идиотом, он прав.

Душа радуется, когда наказание все же учитывает степень вины, хотя есть ограничения в питании, передвижении и отношении с женщинами, запрет на отношения с которыми и есть худшее наказание для настоящего солдата и патриота.

Призыв отказаться от встреч с женщинами хотя бы по нечетным числам почти виден, но еще не слышен в виде приказа.

Персонажи этой книги выглядят несколько глупее Швейка, законно признанного клиническим идиотом, из-за понимания всего происходящего в родной стране буквально! Буквально!

Отдавая честь беспрекословно, он доволен жизнью, сидя, стоя и бегом в указанном направлении, меняющемся ежеминутно.

Отчего он всегда опаздывает в никуда!

Великая книга.

Читать ее – как пить хорошее вино маленькими глотками, чтобы ощущать и наслаждаться настоящей выдержкой и прекрасным вкусом 1923 года.

И в завершение.

Достоинства нашей жизни также вполне соответствуют рассказам Швейка.

Вот был еще случай в Ростове.

Жители подали в суд на соседа, два года назад залившего их квартиру. Когда состоялся суд, сосед уже умер. И судили покойника, чтобы установить родственников для возмещения. Покойник в суд не явился…

Еще раз говорю, великая книга с бесконечным продолжением рассказов Швейка!

Леонид Буйневич

«Кронштадт»

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 11 Нью-Йорк 1975

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $7.00 USA for one year
$2.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Otterlev
4187 Preme Place,
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

All rights reserved

«Подруга дней моих суровых…»

А. Пушкин

Где ты, девочка?..
На чулочках стрелочки,
Ледяные каблуки,
Легкое пожатие руки…
В суете вокзальной
– Стыдно целоваться,
В тесноте вокзальной
– Трудно расставаться…
Крестик на груди,
Синие погоны.
На втором пути
– Красные вагоны,
А за вагонами
– Все беспогонное
И – белая метель…
Где ты, девочка, теперь?..

А. Туроверов
35 в. Д. К. К.

…Мы много говорим о себе и повторяем,
Но о подругах тех дней забываем.
Человеческая память эгоистична,
А они (подруги) – слишком другие.

Недавно мне прислали письмо «оттуда»,
в нем не было оскорблений, ни похвал,
но было желание общения, это – главное.
Я прочел это письмо, и невольные слезы
затуманили глаза. Их (слезы) – я забыл
с давних пор.

Твой А. Т. (как знают меня)

Рождество Христово 1919 года не было похоже на радостный праздник, хотя во многих окнах серых одесских домов и виднелись зажженные свечи на украшенных елках. Но они горели както особенно спокойно, освещая украшенные ветки, и были больше похожи на панихидные свечи, чем на праздничные.

Помню, на улицах было мокро, холодно и совсем не уютно. Большинство проходящих женщин были одеты в траур, с лицами, покрытыми густой черной вуалью, а многие мужчины носили черные повязки на рукаве левой руки. Издали доносилась артиллерийская стрельба, к которой тревожно прислушивалось население Одессы и военные. Военных же было в то время много: французы, зуавы, англичане, итальянцы, сербы и русские добровольцы ген. Гришина-Алмазова. Одесский порт и рейд были полны военными кораблями, и иностранные моряки наполняли рестораны на одесских улицах; не было бы большой ошибкой временно переменить название города Одессы – на Вавилон.

Артиллерийская стрельба приближалась к городу с каждым днем. В один из таких серых дней нас в корпусе разбудили немного раньше обычного времени и приказали укладывать свои вещи. Быстро получили из цейхгауза корзинки и выбросили ненужные вещи из классных парт и ночных столиков, набивая тесно кадетские корзинки тем, что нужно было взять. Готовы были быстро. После завтрака к зданию корпуса подошли заказанные крестьянские подводы, на которые мы стали складывать вещи. Когда все было готово, нас построили и, не объясняя и не спрашивая ничего, скомандовали: «Шагом марш!». Вышли без оркестра, без барабана и даже без песен.

Усиленная артиллерийская перестрелка приблизилась, казалось, к самому городу; откуда-то доносились звуки пулеметных

очередей и даже были слышны отдельные ружейные выстрелы. Становилось ясно, что горсточка большевиков побеждает «вавилонские» армии, но мы лишь молча слушали и не разговаривали, пока шли в строю, тем более что нас больше интересовало, куда нас ведут? Через пару часов наше любопытство было удовлетворено. Наш новый командир роты, полк. Навроцкий, скомандовал: «Стой, стоять вольно!». Мы были в порту, и нас остановили перед огромным серым кораблем, на носу которого большими буквами было написано название «Кронштадт». «Это плавучая военная мастерская Балтийского флота», – объяснил какой-то знаток из кадет. И пусть будет так, мы не спорили; мы устали от ходьбы, и нам было совершенно безразлично. Революция, охватившая нашу родину, показала нам слишком много разных неожиданных фокусов, после которых какая-то плавучая мастерская нас совершенно не удивляла.

Эта серая огромная махина стояла, пришвартовавшись к самой пристани. На палубе лениво передвигались матросы, а на корме шумно работала лебедка. Грузили вещи с подъехавших подвод. Длинный трап был спущен на пристань, и по нему уже медленно поднимались чины какого-то авиационного отряда. После них, по распоряжению ген. Саранчева, быв. директора Сумского кад. корпуса, началась погрузка 3-й роты кадет. Ген. Саранчев был заместителем директора Одесского корпуса, полк. Бернацкого, который вместе с воспитателями и всей 4-й ротой корпуса остался в корпусном здании.

После погрузки 3-й роты по команде на трап ступил левый фланг 2-й роты. Нас разместили в большом трюме, по-видимому, бывшей огромной столовой. Устраивались просто на полу, в таком же порядке и соседстве, как и в спальнях корпуса на кроватях. За 2-й ротой грузилась 1-я рота, которая была размещена в носовом трюме корабля. Потом погрузились институтки Одесского института, а за ними какая-то сборная офицерская часть и кто-то еще; в общем, на корабле насчитывалось пассажиров около полутора тысяч человек. При погрузке, конечно, не обошлось без происшествий: двое кадет 2-й роты умудрились упасть в море, угодив между кораблем и молом, причем один из них, Охримович, кое-как плавал, а другой, болгарин Стой-

чев, плавать не умел и наглотался соленой воды. Слава Богу, оба были спасены, вытащены из воды и отправлены в трюм для просушки, под смех и шутки остальных кадет. Оба тряслись от озноба и стучали зубами громко и быстро, а с палубы доносился грохот работающей лебедки, а в промежутках слышались крики грузчиков, то «вира», то «майна». Что означали эти таинственные слова, никого не интересовало.

К вечеру шум лебедки прекратился, ушам стало приятно, можно было нормально разговаривать, а не кричать и не надрываться. Вскоре за этим с палубы донеслись новые крики: «Отдай концы!» – повторяющиеся несколько раз в настойчивой форме. «Господа, кто успел спереть концы? Отдайте скорей, не то будут неприятности!» – пытались острить некоторые кадеты, но никто не смеялся и даже не улыбался, как-то было не до острот.

«Кронштадт» медленно отходил от пристани, тяжело поворачивался и шел к выходу из Одесского порта. Команда на «Кронштадте» была военная, состоявшая из матросов Балтийского флота. Они лениво, но ловко складывали канаты на палубе, молча бродили около спасательных лодок, что-то завязывали, стягивали, а что-то и развязывали, одним словом, занимались своим привычным делом, не отвечая на вопросы любопытных пассажиров и относясь к ним подчеркнуто недружелюбно. «Кронштадт» развивал ход, выходя из порта, миновал множество иностранных военных кораблей и вышел в открытое море.

С палубы виднелась Одесса, залитая электрическим светом и мигающими кое-где цветными рекламами. Было холодно и сыро. Все как-то сразу поспешили скрыться в свои трюмы и поудобнее устроиться на полу для спанья. Разговоры смолкали, вскоре свет был погашен, и только в разных местах трюма тускло мерцали контрольные лампочки, вызывая еще больше сонное настроение.

Часа в три ночи «Кронштадт» вдруг вздрогнул. Толчок был такой сильный, что все сразу проснулись, и был зажжен свет. Все с тревогой и недоумением смотрели друг на друга, с палубы доносился топот ног, какие-то крики и истерический плач институток. Чей-то тенор кричал наверху: «Тонем! Тонем!». По всему можно было судить, что на палубе была паника. Наш трюм быстро опустел – все бросились наверх. И действительно, на палубе

происходила настоящая истерическая паника. Кто-то раздавал спасательные пояса, но их не хватало для всех, а потому ими снабжали только институток и младших кадет 3-й роты. Какой-то воспитатель из этой роты с паническим криком «Я не умею плавать!» вырвал из рук одного кадета спасательный пояс и дрожащими руками надевал его на себя, многие бросились к спасательным лодкам. Но их на местах не оказалось, но и матросов тоже не было видно, как это ни странно. Тогда старшие кадеты 1-й роты, видя всю панику, овладевшую даже некоторыми из наших офицеров, быстро организовались, соединились со 2-й ротой, и на палубе ночью вдруг раздалось спокойное пение кадетского хора: «…В нас дух отцов богатырей, и дело наше право, сумеем честь мы отстоять иль умереть со славой!..». Песня за песней неслись по простору Черного моря, начиная успокаивать испуганных людей, и вскоре паника улеглась. Часть старших кадет пошла разузнавать причины происшедшего толчка корабля, остальные же продолжали пение.

Вскоре все было выяснено. Оказалось, что матросы подложили в одно из помещений носового трюма «Кронштадта» адскую машину, сами погрузились во все лодки, имевшиеся на корабле, и под покровом ночной темноты незаметно покинули «Кронштадт». Надо полагать, что с офицерским составом корабля они расправились по-своему, или же забрали их с собой. Но как это им удалось сделать, об этом никто и никогда не узнает.

На пустом капитанском мостике не было никого. Руль был крепко закреплен, направляя корабль в одном направлении. Кадетами был быстро разыскан какой-то морской офицер, понимавший в управлении кораблем, и его попросили принять командование. Было установлено, что закрепленный руль направлял «Кронштадт» на минное поле; в начале войны с Германией и с Турцией как раз в этом месте Черного моря, где мы находились, был нами подбит немецкий крейсер «Гебен», который прошел через Босфор погулять и попугать прибрежные русские города. Газеты в свое время много кричали об этом и критиковали нашу оборону. Наделал «Гебен» много шума и в Крыму, и в Одессе, пострелял немного по берегам, но толку от этого не было никакого, только сам получил артиллерийские гостинцы с берега и поврежденным ушел обратно.

Заплыв в самую середину минного поля, «Кронштадт» каждый момент мог взлететь на воздух и разорваться на части. Но в нашей среде не было ни страха, ни даже разговоров на эту тему; мы, конечно, знали, что минные поля – это не шутка, но верили, что с нами ничего не случится. Знали, что бывают чудеса, да еще не такие! Чем мы хуже «Гебена», который гулял по минному полю, как раз по этим местам, и не взорвался, чего же нам беспокоиться, как-нибудь пройдем. Ночь была необыкновенно темная, небо было затянуто облаками. Машины «Кронштадта», к которым были приставлены кадеты, работали мерно. Полоски света из окон кают освещали воду за бортом на большое расстояние, и вода эта, как течение в реке, пробегала около корабля куда-то назад, во тьму. Группа кадет, поставленная на самый нос «Кронштадта», заботливо вглядывалась в темную воду и искала мины, хотя в этой темноте нельзя было ничего разобрать. Но главное, что они исправно исполняли свою должность. Так полагалось по морским правилам, и исполняющие такую должность называются «вахтенными»; в данном положении «Кронштадта», зашедшего в минное поле, служба эта была опасной и ответственной.

Капитан «Кронштадта» был энергичным и хладнокровным офицером. Из кадет 1-й и 2-й роты он сразу организовал всю команду корабля на все необходимые должности; кочегары встали к печам паровых котлов, были назначены и простые матросы, даже место радиотелеграфиста занял один офицер авиационного отряда, всем на быстроту коротко и ясно он объяснил их обязанности. Взрыв адской машины, от которого так сильно вздрогнул «Кронштадт», вышиб целую стальную плиту на правой подводной части на носу корабля, и вода хлынула внутрь. Кадеты, опять под руководством капитана, быстро наложили толстый пластырь на дыру, которая образовалась от взрыва, другая же группа насосами выкачивала воду из носового трюма. Насосы не успевали выкачивать всю воду, и она прибывала все больше и больше. Организовали вторую и третью группы, чтобы вычерпывать воду всеми имеющимися ведрами и выливать ее за борт по цепи, составленной из кадет. Но и это не помогало, вода все прибывала и прибывала. Паника среди пассажиров утихла почти совсем. Никому, кроме кадет, не было известно, что «Кронштадт»

двигается между минами, в самой середине минного поля, и что вода неудержимо прибывает. Поэтому палуба постепенно начала пустеть, все забирались в свои трюмы, чтобы немного отогреться и по возможности вздремнуть до рассвета. Мерно работавшие машины корабля успокаивали растрепанные нервы пассажиров и даже как-то убаюкивали.

Прибывающая в трюме вода накреняла очень заметно на правый бок серую махину корабля. На заре, которая зимой наступает довольно поздно, «Кронштадт» опять вздрогнул. На этот раз толчок был настолько сильный, что многие даже чуть не упали. Машины остановились. Все проснулись и опять в панике бросились на палубу. Первая мысль у нас, кадет, была о том, что мы наскочили на мину. Но в наступающем рассвете можно было ясно разобрать, что перед носом «Кронштадта», приблизительно на расстоянии километра, успокаивает взоры черная лента холмистого берега, а корабль наш стоит совершенно неподвижно среди спокойного моря, сильно накренившись на правую сторону. «Берег близко, значит, можно и доплыть!» – мысль эта победила сразу панику, снова начавшуюся на палубе. Вскоре выяснилось, что наш капитан, успешно выведя «Кронштадт» из минного поля и видя, что вода все прибывает и грозит затопить корабль, решил искать мель, на которую и посадил нас. Хотя толчок, напугавший всех, был очень сильным, но вода перестала прибывать, уровень ее стал постоянным, и исчезла опасность потонуть, так как «Кронштадт» крепко врезался в песок.

С корабля понеслись по беспроволочному телеграфу первые просьбы о помощи – «S.O.S.», повторяющиеся каждые 15 минут. К 11 часам утра на горизонте показался английский крейсер. Он шел полным ходом по направлению к нам, но подойдя приблизительно на 500 метров, сделал два круга и так же быстро ушел. В 2 часа дня подошли 2 других английских корабля и остановились недалеко от нас. Видно было, как спускались шлюпки с матросами и как они гребли к нам. Они привезли с собой стальные тросы, которые прикрепили с обеих сторон кормы «Кронштадта». Пара матросов с флажками в руках остались у нас, а остальные пошли обратно. Через короткое время оба корабля стали нас тянуть с мели. Видно было, как сильно натягиваются тросы, как

вскипает вода под винтами кораблей, но «Кронштадт» не двигался с места. Начались какие-то переговоры через рупоры, маханье флажками и быстрое, и медленное, опять натягивались тросы и опять тянули без результата. «Тянут, потянут, вытянуть не могут, – шутили кадеты: – Надо позвать бабку да дедку!»

После повторных криков в рупоры на непонятном языке мы получили с капитанского мостика приказание, которое заключалось в том, что все пассажиры «Кронштадта» должны были выйти на палубу и собраться у левого борта. По знаку с мостика все сразу быстро должны были перебежать на правый борт и снова, по новому знаку, бежать обратно на левый борт. Началось что-то похожее на игру; пассажиры забегали по палубе то туда, то обратно. Стало весело, и захотелось даже подпрыгивать на бегу. Так бегали и бегали, так что даже стало казаться смешным, но вдруг «Кронштадт» закачался и постепенно стал сползать с мели, продолжая по инерции покачиваться. Оба английские корабля подошли к нам вплотную с обеих сторон, прикрепили нас к себе канатами, и наше путешествие началось снова. Мы шли в виду берега, обратно к Одессе. «Неужели же в руки большевиков?» – тревожно спрашивали друг друга офицеры, которые потеряли свой авторитет в наших глазах во время паники. «Возможно, что так!» – повторяли они, еще больше нервируя себя своими ответами. Мы же относились к этому как-то пассивно, веря, что и на этот раз избежим беды. А «Кронштадт», зажатый между двумя кораблями, как арестованный, шел обратно в Одессу.

Вода в трюме немного медленнее, чем раньше, но все же прибывала и прибывала. Уже были залиты все нижние трюмы, в потухнувшей кочегарке вода была уже по колено. Опасались взрывов еще не остывших котлов. Машинное отделение тоже наполнялось водой, и «Кронштадт», хотя и был прикреплен канатами с двух сторон, давал крен направо все сильнее и сильнее. Опять заработал радиотелеграф, на этот раз на боргу английских кораблей. Надвигались вечерние сумерки, как вдруг с треском лопнули канаты между «Кронштадтом» и правым английским кораблем, и наше судно резко еще больше наклонилось вправо и потянуло за собой левого «англичанина», на котором засуетились и быстро отвязались от нас. «Кронштадт» пошатнулся

и почти что лег на правый борт. Оба английских корабля отошли подальше от нас. На горизонте уже были видны зажженные фонари на одесских улицах и кое-где мигающие рекламы.

В наступающих сумерках виднелись силуэты стоящих на рейде иностранных военных судов, награжденных кадетами прозвищем «коршуны», и какой-то корабль, быстро идущий по направлению к нам. Все ближе и ближе, уже можно было прочитать, что на носу золотыми буквами было написано «Александр Михайлович». Он шел быстро и так же быстро подошел вплотную к правому борту «Кронштадта» и пришвартовался к нему. С нашего капитанского мостика раздалась команда: «Приготовиться к перегрузке! Сначала женский институт!».

Пока еще дисциплина держалась на высоте, и перегрузка институток прошла в порядке. Следующими следовали кадеты 3-й роты, и все шло сначала нормально, но когда перешла половина роты, «Кронштадт» резким движением еще больше накренился; началась опять паника, и перегрузка пошла без очереди, кто как и где мог успеть, перелезал или перепрыгивал через борт. С капитанского мостика спокойно и строго послышалась команда: «2-я рота на левый борт!». Приказание было немедленно исполнено, правый борт «Кронштадта» приподнялся, и переход остальных людей произошел более или менее в порядке. На «Александре Михайловиче» была французская команда. Наша 2-я рота терпеливо все еще находилась на левом борту «Кронштадта», а «Александр Михайлович» по французской команде быстро отвязался и стал медленно отходить. Мы все видели, как ген. Саранчев стал возмущенно требовать от французского капитана пристать обратно для перегрузки 2-й роты, но француз невозмутимо объяснял генералу, что его корабль перегружен и не может больше принять пассажиров без опасности самому перевернуться.

Генерал Саранчев беспомощно заплакал, встал на колени перед французским молокососом и, сложа руки, как на молитву, умолял этого субъекта не обрекать кадет на гибель. Мы стояли молча на левом борту «Кронштадта», и нам было унизительно стыдно и больно за нашего доброго генерала. Наших воспитателей с нами не было, они успели перегрузиться вовремя. Нам

не хотелось ни смотреть, ни слушать, ни думать; кто-то из кадет смущенно попытался острить, сказав: «Вот и приехали в Париж!».

«Кронштадт» наклонялся все больше, и вдруг его корма стала медленно подыматься, а нос стал опускаться в воду. Трап, висевший с правой стороны борта, неожиданно зацепился за верхнюю палубу «Александра Михайловича», и, чтобы освободиться от него, он должен был опять подойти вплотную к «Кронштадту». Кто-то вызывающе громко спросил: «Что ж, мы во Франции или в России?» – и как ответ на этот вопрос 2-я рота рванулась на палубу «Александра Михайловича». На возмущенные крики французика, который вытащил из кобуры револьвер и угрожал стрелять, никто не обращал внимания, и перегрузка прошла быстрее, чем можно было ожидать, а французского крикуна окружили здоровяки 1-й роты, да и «Александр Михайлович» совсем не думал переворачиваться, а освободясь от «Кронштадта», медленно отошел от него, направляясь к Одессе. Француз продолжал что-то картавить, но был беспомощен. «Ох, и была бы из него яичница, если бы хоть раз выстрелил!» – почесывая руки и расходясь от него, ворчали кадеты 1-й роты.

Все наши вещи, а главное съестные припасы, остались на «Кронштадте». На рейде Одессы, совсем недалеко от самого порта, сразу за молом, разделяющим порт от рейда, стоял на якоре маленький корабль торгового флота. К нему мы и подошли. Из злобы, или для удовлетворения своего оскорбленного французского самолюбия, французик приказал перегрузить на этот корабль 2-ю роту. После новых резких, но коротких объяснений с ген. Саранчевым мы получили распоряжение перегрузиться. Перелезали медленно, прощаясь с друзьями, весело шутя и посылая воздушные поцелуи по направлению капитанского мостика.

«Александр Михайлович» быстро отошел от нас и скрылся в темноте наступающей ночи. Мы разбрелись по нашему новому помещению, подыскивая себе места и стараясь устроиться на них поудобнее. Принимая во внимание, что с момента погрузки на «Кронштадт» мы еще ничего не ели, легко понять, что мы были озабочены поисками продуктов питания на этом нашем новом корабле. Но было темно, света на нем не было, спички следовало беречь для курения, и поэтому, решив дожидаться

утра, мы легли спать голодными, кому где удалось устроиться. Море начинало бушевать, и наше корыто качалось на волнах, как скорлупа от ореха, но это было даже кстати, так как убаюкивало и нагоняло сон. Спали хорошо и спокойно. Утром проснулись рано и начали знакомиться с нашим поплавком. Выйдя на палубу, увидели перед нами Одессу, залитую солнечным светом, во всей ее красе, украшенную красными флагами почти на каждом доме. Налюбовавшись этой неприятной картиной, мы установили, что являемся первым кораблем, стоящим на рейде так близко от совершенно пустого порта. Почувствовали, что появилась опасность неожиданного ночного нападения или обстрела днем, с берега. Установили дежурства.

После этого узнали, что наш тральщик, или грузовик, носит название «Паванна». Скоро нашли трюм, нагруженный мешками риса и сундуками с апельсинами. Это открытие было, пожалуй, самым радостным. Нашли и помещение кухни в полном порядке, с огромным запасом дров, разных размеров и сортов кастрюль, тарелок, чашек и чайников. Нашли и огромный танк, наполненный вкусной пресной водой, а также и исправный электрический мотор, дающий свет всему кораблю. Сразу же пустили его в ход. Топки были пусты, паровые котлы холодные, угля не было нигде, но машинное отделение было в порядке. Но зато помещения кают и трюмы напоминали собой нечто, подвергшееся неожиданному нападению пиратов в давние времена. Все было разломано, побито и разбросано. Кучи пустых бутылок от всяких напитков, окурки папирос и настоящий ковер из скорлупок семечек на полу говорили, что тут было веселое празднование хулиганов.

Наши добровольные повара приступили к стряпанью еды, комбинируя рис с апельсинами к завтраку, апельсины с рисом к обеду и рис без апельсинов к ужину. Другие занялись общей чисткой помещений. Горячий кипяток вместо чая можно было получить уже через 25 минут. Через несколько часов «Паванна» уже выглядела совсем иначе и даже приобрела уютный вид. Проходили дни и ночи, про нас, видимо, забыли. В солнечные дни мы изучали с палубы одесский бульвар, пустой порт, стоящие вокруг на рейде военные суда «коршунов», с направленными на город орудиями для устрашения, смотрели в воду, а в ясные вечера

разглядывали звезды на небе. Других занятий не было. Без конца питались рисом и апельсинами, и разместившись уютной компанией в кружок, под разные рассказы друзей попивали кипяток и не унывали. Однажды подошла лодка с французскими матросами. По спущенному трапу они поднялись к нам; француз, морской офицер, долго о чем-то разговаривал по-французски с полк. Навроцким, потом сел в лодку и отчалил по направлению ближайшего крейсера. Через несколько часов мы заметили катер, быстро идущий к нам. Оказалось, что наши добрые союзнички привезли нам хлеб. Наше меню улучшилось, кроме риса и апельсинов мы получили наш православный солдатский русский хлеб, правда, немного суховатый, но главное не французский, а действительно наш. Казалось, что вкуснее этого хлеба нет ничего. С этих пор каждый день утром, точно как по часам, к нам подходил катер и привозил хлеб.

Один за другим пролетали дни беззаботной жизни на рейде. Некоторые шутили, что если бы еще какой-нибудь катер стал доставлять нам по утрам молоко, то можно было бы совсем вообразить, что мы богачи и проводим каникулы на собственной яхте. Но однажды вместе с привезенным хлебом к нам поднялось несколько французских матросов и офицер, которые остались у нас. Наших поваров сменили, как потом выяснилось, итальянцами на французской службе. Капитанский мостик ожил, а «Паванна» украсилась сигнальными флажками, которые то подымались, то спускались на мачте. «Держись, Ванька, начинается!» – шептали наши остряки. Наша жизнь переменилась, и питание улучшилось, так как теперь тот же рис давали с каким-то сладким ароматным соусом со вкусом апельсина и тот же хлеб. Эта горсточка матросов была очень дружелюбна и симпатична, и мы с ними просто подружились; иначе и быть не могло, когда они так сердечно снабжали нас папиросами.

Однажды утром, когда с моря дул особенно сильный ветер, мы любовались, как мощные бушующие волны разбивались о камни мола, разделяющего порт от рейда. Настолько море на рейде бушевало, вздымая высокие волны, настолько в самом порту оно было спокойно и даже напоминало зеркальную поверхность озера. Внимание наше было привлечено к берегу, где

от одесского бульвара отчалила лодка, в которой виднелись силуэты двух людей. Они усиленно гребли, и лодка довольно быстро скользила по гладкому морю по направлению к выходу из порта. Когда она достигла середины, с берега раздались ружейные выстрелы, и пули стали ложиться вокруг лодки, поднимая высокие фонтаны в спокойной воде. Когда эти фонтаны были особенно близки к лодке, гребцы бросали весла и ложились на дно. Стрельба прекращалась, но когда через короткий промежуток люди поднимались и гребли опять, выстрелы начинались снова, и так продолжалось довольно долго, Мы с волнением наблюдали за этой картиной, всецело держа сторону гребцов на лодке и инстинктивно желая им помочь: раз они на воде, и по ним стреляют, значит, они принадлежат к нашему лагерю. Кто-то предложил открыть стрельбу по берегу, но у нас только несколько человек имели винтовки. Когда они вынесли их на палубу, энергично вмешался капитан-француз, категорически запретив открывать огонь; по его словам, это могло нарушить соглашение между французами и войсками, занявшими Одессу (не называя их большевиками). О существовании каких-либо соглашений мы еще тогда не имели никакого понятия и узнали о них значительно позже, но принуждены были разочарованно покориться, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Между тем лодка была уже на расстоянии всего около 30 метров от камней волнореза, когда стрельба с берега особенно усилилась. От фонтанов воды, подымавшихся от пуль, лодку временами было почти не видно. Гребцы снова упали на дно, и на этот раз особенно долго не поднимались. Ветер, дувший с моря, стал сносить лодку обратно к берегу, но обстрел лодки прекратился. «По-видимому, оба убиты!» – выразил вслух свою мысль кто-то из наших кадет, но мы молча продолжали наблюдать за лодкой. Но тут вдруг из нее поднялась одна фигура, быстро скользнула через борт в воду и поплыла по направлению к молу. Было ли это замечено с берега, или нет, – неизвестно, но оттуда больше не стреляли. Второй беглец из лодки не поднимался, а ветер продолжал медленно нести ее к берегу. Общее внимание сосредоточилось на плывущем человеке. Он подвигался быстро и приближался к волнорезу, отделявшему порт от рейда и составленному из больших каменных кубов, которые тянулись высокой и длин-

ной лентой. С нашей стороны об этот мол с силой разбивались высокие волны, поднимаясь пенистыми брызгами и полностью заливая камни белой пеной.

Именно к этим камням и приближался плывущий. Вот он уже уцепился за камень и вскарабкался на него, но налетевший вал с силой смыл его обратно в воду. Опять уцепился, опять влез, машет рукой и что-то отчаянно кричит, но опять его смывает вал. Так продолжается долго. Нервы напряжены – как ему помочь? Нельзя же допустить, чтобы человек, спасшийся от большевиков, погиб на наших глазах у нас под носом. «Лодку бы послать», – слышались голоса кадет. Кто-то побежал к полк. Навроцкому, кто-то из умеющих говорить по-французски – к капитану, прося разрешения опустить лодку и спасти человека. Но француз и слышать не хотел о таком риске, объясняя, что вмешательством в такое щекотливое дело можно вызвать вооруженную стычку, нарушение договора и много неприятностей и выговоров от своего начальства. Делать было нечего, все находившиеся на «Паванне» столпились на корме и с тревогой наблюдали за волнующей картиной.

Видя безвыходное положение беглеца, пара кадет приняла быстрое решение. Побежали к своим приятелям, французским матросам, каким-то образом объяснили им суть дела, больше жестами, чем словами, и уговорили спустить лодку и спасти человека, утаив, что капитан «Паванны» этого не разрешает. Никто и не заметил, как с носа нашего корабля быстро спустилась на воду единственная наша спасательная лодка, в которой уже находились смелые заговорщики и матросы. Капитан-француз как раз горячо объяснялся с полк. Навроцким, когда лодка, качаясь на волнах, прошла уже довольно далеко от «Паванны» по направлению к молу. Когда капитан-француз их заметил, он побледнел как полотно и стал что-то неистово кричать и махать руками. Не знаю, слышали ли его гребцы, или шум ветра и волн заглушал отчаянный вопль капитана, только лодка все ближе подходила к молу, и гребцы, по-видимому, не думали о возвращении. Человек в воде по-прежнему пытался ухватиться за камни, хотя чувствовалось, что он изнемогает; но при виде приближающейся лодки силы к нему вернулись,

он быстро забрался на верх каменного мола и, не ожидая, чтобы волна его снова омыла, бросился в набегающий вал со стороны рейда. Один момент казалось, что волна разобьет его об острые камни, но судьба улыбнулась пловцу. Белая пена закрыла его от наших взоров, а отходящая волна отнесла от камней. Когда его голова снова появилась на поверхности, он был уже довольно далеко от мола, а расстояние между ним и лодкой все уменьшалось. Это было удачно для всех, так как лодка не могла подойти к острым камням со стороны открытого моря без опасности разбиться в мелкие щепки, а одновременно разбились бы и отважные гребцы.

Наконец мы увидели, как истомленный человек подплыл к лодке, как гребцы ухватили его за руки, втащили в лодку и пошли назад. Француз-капитан с выражением полного отчаянии на лице ушел в свою каюту, сильно хлопнув дверью. С радостью и с любопытством мы следили, как лодка причалила к кораблю и как ее начали подымать наверх. На дне лодки, тяжело дыша и закрыв глаза, лежал молодой человек, одетый в форму французского матроса. Лицо его было избито, покрыто крупными синяками и опухшее, из рук, покрытых ранами и царапинами, сочилась кровь и окрашивала в розовый цвет воду, которая текла из мокрой одежды спасенного человека. Его перенесли в каюту капитана, который больше не ругался и вполне успокоился. Он смущенно благодарил своих смелых матросов и сигнализировал флажками на соседний крейсер о случившемся. Оттуда он получил ответ, но мы не смогли узнать, что ему передали.

Наши взоры снова привлекла лодка в порту, которую ветер почти подогнал к берегу, где уже как муравьи толпились люди. Из рассказа спасенного французского матроса выяснилось, что вторым человеком в лодке был наш офицер доброволец; он был тяжело ранен и, по мнению матроса-француза, должен был умереть прежде, чем лодка пристанет к берегу. Оба они были пойманы в Одессе красными, арестованы, избиты и приговорены к расстрелу со многими другими. Им двоим удалось бежать, когда их вели на расстрел; скитаясь и скрываясь в погребах домов, они добрались до порта, овладели лодкой, но были замечены… все остальное нам уже было известно самим.

Странные и удивительно разные понятия встречаются у людей разных наций; нам, кадетам, казалось несомненным, что если бы раненным оказался французский матрос, то наш офицер не выскочил бы из лодки в воду, а попытался бы вывести лодку с раненым из порта, или же сам бы погиб вместе с ним. Хотя, может быть, это так только казалось нам из-за затаенной обиды в душе за русского офицера.

Лодка уже совсем подошла к берегу, но не было слышно никакого выстрела. Это успокоило нас и прогнало тяжелые опасения, витавшие в наших головах. Темнота наступала быстро. На бульваре зажглись огни, и приставшая к берегу лодка утонула во мраке наступившей ночи. На другой день спасенного француза увезли куда-то на «хлебном» катере. В этот же день, немного позже, к нам подошел большой катер, который с трудом снял нас с якоря и потащил на буксире куда-то в глубину рейда. Уже далеко, за всеми военными судами, стоял на якоре угольщик, такой же заброшенный и забытый, как «Паванна»; нас подвели к нему и пришвартовали к его борту. По распоряжению капитана мы начали большими корзинами перегружать уголь на «Паванну». Лебедка была испорчена, и грузить пришлось вручную. Работала вся рота с раннего утра до позднего вечера, и так несколько дней.

Наконец настал день, когда по окончании нашей работы мы решили исследовать этот заброшенный корабль и маленькими группами в два, три человека расползлись по трюмам и каютам угольщика. Первое впечатление заставляло тревожно думать о тех ужасах, которые здесь происходили перед тем, как его покинула команда. Машинное отделение было разбито до виртуозности, котлы пробиты и забрызганы кровью, на грязном полу в узких коридорах тоже встречались лужи засохшей крови. Осколки стекла, пустые винтовочные гильзы и следы пуль – вот что мы находили на каждом шагу, причем на корабле не оставалось ни одной лодки. Между прочим, их не было и на «Паванне», за исключением одной, вероятно, случайно забытой. В узких коридорах было темно, электричество было испорчено. Наша группа бродила внизу, заглядывая в каюты, по-видимому, недавно еще принадлежавшие матросам из команды этого корабля. Пустые бутылки от водки, разбитые и целые, были единственными

предметами, которые мы находили в каютах. Переходя из одной в другую, мы подошли к железной двери, у которой было маленькое окно с решеткой. Дверь была закрыта на большой висячий замок: маленькое помещение за ней, по-видимому, предназначалось для кладовой или для магазина. Любопытство толкнуло нас заглянуть через решетку вовнутрь. И вдруг оттуда на нас выглянуло худое изможденное лицо живого человека. Исхудалыми руками, обнажая грудь, покрытую грязной измятой рубашкой, он заговорил хриплым голосом: «Убейте меня, я больше не могу, убейте!». От такой неожиданности, при всей нашей храбрости, мы бросились бежать наверх из темного коридора, перегоняя друг друга.

Захлебываясь от волнения, мы доложили полк. Навроцкому о том, что видели, а он передал это французу-капитану; уже минут через двадцать французские матросы вывели под руки высокого худого человека, еле державшегося на ногах, заросшего рыжей бородой, грязного, одетого в морскую форму торгового флота. Оказалось, что это был капитан этого угольщика; матросы перед своим уходом с корабля избили его до бесчувствия, закрыли на замок в этой маленькой кладовой, предварительно унеся все съестные припасы и запас пресной воды. С остальными разделались по-своему, просто перестреляли и побросали в воду, а сами на спасательных лодках ушли ночью в Одессу. Что было с этим бедным капитаном дальше, нам неизвестно. Его с «хлебным» катером перевезли на французский крейсер, и мы не узнали его дальнейшую судьбу.

На другой день мы, кочегары, затопили печи под котлами и начали поднимать пары. Приблизительно после двадцати часов, к вечерней заре, торжественно снялись с якоря. С «Паванны» раздался длинный, густого баса свисток, сопровождаемый облаком вылетающего пара, и мы пошли довольно быстро, разрезая небольшие волны открытого моря. Одесса оставалась сзади. Кое-где мерцали зажженные рекламы и виднелись фонари одесского бульвара. Уже в наступивших сумерках «Паванна» прошла недалеко от затопленного корабля. Из воды только торчали длинные мачты, наклоненные вправо, и часть кормы, на которой можно было ясно прочесть надпись белыми буквами «Кронштадт». «Это военная плавучая мастерская Балтийского флота», – заметил

опять знакомый голос знатока кадета. «Не плавающая, а ныряющая», – поправил его один из остряков.

Было тихо и спокойно. Перед нами колыхалось Черное море, на западной части неба краснели облака. За бортом ясно доносились всплески воды. Это кадеты бросали за борт свой ужин, рис с апельсинами, а запоздалые чайки, летевшие за «Паванной», с жадными криками набрасывались на эту добычу, как на какой-то неведомый до сих пор деликатес. Права была поговорка, что на вкус и цвет товарища нет!

Куда мы шли, никто из кадет не знал, но нас это мало интересовало. Было приятно двигаться после долгого стоянья и после всего пережитого. Погода была дивная, море довольно спокойное, время проходило быстро и весело. Наблюдали за чайками, провожавшими нас из самой Одессы, любовались дельфинами, прыгавшими вокруг нашего корабля, и внимательно вглядывались в горизонт, надеясь увидеть землю. Но земли нигде не было, только море, море и море!..

Кто-то из кадет заметил приближающийся к нам в воде большой белый предмет и объявил первое, что ему пришло в голову: «Мина!». Но оказалось, что это был лишь большой пакет, связанный простыней, упавший, по-видимому, с какого-то корабля. Началась ловля пакета; когда его поймали и вытащили, то, рассмотрев его содержимое, увидели, что он состоял из платьев, белья, чулок, ботинок и прочих вещей женского туалета. Кадеты разобрали вещи и в скором времени на нашей палубе устроили настоящий маскарад. В длинных платьях, в ботинках на высоких каблуках, в шляпках и с открытым зонтиком неуклюже прогуливались переодетые кадеты, вызывая громкий смех у остальных. Но это быстро надоело.

После нескольких дней беззаботного плаванья уже совсем под вечер заметили вдали полоску земли. К утру эта полоска превратилась в высокие горы, и наша «Паванна» вошла в порт Новороссийска и пришвартовалась к пристани. На ней толпились жители города, ожидавшие вновь прибывший корабль, и с любопытством рассматривая нас, вступали в разговоры и засыпали вопросами. В этом шуме разговоров выделился громкий женский голос, кричавший нам наверх: «Кадеты, есть ли между вами кадет

Буйневич, или кто-нибудь знает, где он?». Много голосов кадет сразу ответили на это, а я, тоже стоявший на палубе «Паванны», на ее носу, узнал голос моей матери, с которой я давно уже потерял всякую связь из-за происшедших политических событий. Такая неожиданная счастливая встреча привела меня в восторг, и я поспешил к спущенному трапу, чтобы сойти вниз на пристань. По нему уже опускались матросы, а передо мной вступил на него кадет Рогойский-старший. Трап был очень крутой, и по нему ходили медленно. Не успел я сделать и трех шагов, как послышался треск, трап сломался, и все мы в один момент очутились в воде между кораблем и пристанью.

Раздались крики, произошла суматоха, и нам начали бросать спасательные круги. Конечно, очень спешили, так как была опасность, что наш корабль, который волны прижимали к пристани, мог легко нас раздавить, тем более что расстояние заметно уменьшалось. Не ожидая помощи, я сразу поплыл к выходу из этого узкого прохода. Рогойского вытащили наверх, а я плыл до того места, где находились моторные лодки, и вылез на ступеньки пристани. Моя мать, почти потеряв сознание, стояла, поддерживаемая какими-то офицерами. Я поспешил к ней. С меня лилась вода, мокрая одежда прилипала к телу, из сапог брызгали фонтаны и мешали идти нормально, Мой вид был, наверное, смешон, так как мои товарищи весело смеялись, смотря на меня. Впрочем, смеялся и я сам. С мамой я уехал сушиться на их квартиру, где остался и спать. На другой день утром я пошел на пристань, но «Паванны» уже не было, она ушла прошлым вечером, унося моих товарищей 2-й роты в Туапсе. Так я и не смог попрощаться, а со многими из них уже не встретился больше никогда.

Проходило время, все мы ушли из России, и в Югославии образовались кадетские корпуса, сохранившие старые традиции и великую любовь к Родине. Вторая мировая война снова разрушила нормальную жизнь и разбросала кадет по всему миру. Как-то, в конце уже 1945 года, мне пришлось пролетать над побережьем Адриатического моря. В одном из мест был виден затопленный корабль. Из воды торчали наклоненные в правую сторону мачты, а на корме, торчавшей из воды, можно было прочесть надпись «Куманово». Вспомнился «Кронштадт», и вдруг

возникла в памяти статья из сербской газеты «Политика». В ней говорилось, что ген. Врангель подарил Королевству С. Х. С. пассажирский пароход «Александр Михайлович», которому дали новое имя «Куманово», и что это очень было полезно для королевства. В этой же статье приводился и протест французского правительства, которое настаивало на том, что вся флотилия, ушедшая из России, должна была быть поставлена в Бизерте. Все это вспомнилось так живо, что сердце сжалось от обиды. Так вот где опять встретился мне этот корабль! Давно уже воды смыли следы слез генерала Саранчева с твоей палубы, но из памяти это не изгнать, и забыть это невозможно.

IV в. Рус. Кад. Кор.

Обнаружил и прислал из Нью-Йорка Леонид Рабинович

Андрей Добролюбский, Лариса Пикановская

Пляж Ланжерон под присмотром Аполлона Врача

В последние годы (2013-15) мы проводили поисковые археологические осмотры и обследования мыса и пляжа Ланжерон в районе дельфинария «Немо», его набережной и других увеселительных заведений. Это делалось с целью выявить, собрать и, по возможности, зафиксировать имевшиеся здесь археологические остатки перед их окончательным уничтожением строительными работами.[1] Выяснилось, что здесь в «доодесские» времена существовали как минимум два достаточно крупных поселения – античное и турецкое, «хаджибейское» (вторая половина XVIII века).

Также удалось установить, что вся керамика античного времени, найденная в песке Ланжероновского пляжа, была привезена вместе с этим песком в 2007 году с Одесской банки, или отмели.[2] Это означало, что на отмели, которая в античные времена возвышалась над уровнем моря и представляла собой продолжение нынешней Кинбурнской косы,[3] было античное поселение. Это поселение располагалось на тогдашней оконечности этой косы, напротив нынешнего Одесского залива.

Из находок античной эпохи выделяется хорошо сохранившаяся петлевидная ручка и часть тулова чернолакового древнегреческого килика. Изделие убедительно датируется серединой VI в. до н. э. А остатки керамики V-III вв. до н. э. – амфор и кухонной посуды – насчитываются десятками. Имеется также несколько выразительных фрагментов сосудов римского времени, то есть первых веков нашей эры. Сказанное означает, что поселение «Отмель», как и поселение на самом Ланжероне, синхронны поселению на Приморском бульваре, то есть городу Борисфену.[4] Они, таким образом, являются его предместьями[5] и относятся к самому

Скарабей

раннему, «архаическому» этапу греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья.

В песке у входа на Ланжероновский пляж, под так называемыми знаменитыми Двумя шарами наряду с фрагментами черно-лаковой окатанной керамики античного времени, которая была привезена с «Отмели», был найден продолговатый амулет в виде скарабея (размеры. 3,8×2,8 мм, толщина 1,8-0,8 мм) с выделенной головкой.* Как выяснилось, он был изготовлен из гематитового железняка, или так называемого «кровавика», ближайшие месторождения которого имеются в Николаевской области и в Восточном Крыму**.

* Выражаем благодарность Н.М. Секерской, А.В. Главенчук (ОАМ НАНУ), С.А. Булатович (ОНУ), А.В. Симоненко (ИА НАНУ), Г.Н. Тощеву (ЗНУ), Л.С. Клейну и др. за помощь и консультации в определении этого изделия как скарабея. Впрочем, отчетливых аналогий нашему амулету подобрать не удалось.

** Определение А.В. Главенчук и Д.К. Жданова (ОНУ).

Находка на одесском побережье такого амулета, относящегося к скифо-античной эпохе, сначала показалась достаточно неожиданной, поскольку скарабей в современном культурном сознании первично ассоциируется исключительно с Древним Египтом. Поэтому самым привлекательным предположением было то, что он был сюда привезен прямо из Египта. И для этого имеются прямые основания. Так, в низовьях левобережного Днепра (античной Гилее) была найдена бронзовая чаша с ажурными накладными пучками лотосов. Публикующий эту чашу В.Ф. Петрунь убежден, что ее владельцем был «этнический египтянин», побывавший в районе озер-болот Гилеи в доскифскую эпоху – ранее VII в до н. э. «…Неясно, был ли это простой моряк, купец-разбойник или разведчик из жреческого сословия, поскольку именно последним согласно легендам поручались и посещение новых земель, и изъятие особо ценных находок с их территории, но, судя по сюжету бронзового изделия, вряд ли это был предмет, предназначенный для примитивного обмена, а скорее артефакт сакрального использования… Привлечь же древнеегипетский экипаж именно в Гилею могла ландшафтная близость низовий Борисфена тростниковым зарослям нильской дельты. Ведь именно среди камышовых зарослей последней, согласно древнеегипетской мифологии, и располагались елисейские «Поля Блаженных», или «Острова Блаженных», где окончившие свой земной путь могли по собственному желанию сливаться с богами местного пантеона или трансформироваться не только в любое из желаемых (плавающих, ползающих или летающих) существ, но и в лотос, который, согласно верованиям, выполнял в загробной жизни функции повелителя полевых растений… Убедившись со временем, что на западе нильской дельты райских «камышовых полей» нет, – полагает В.Ф. Петрунь, – поиск их мог быть перенесен и в другие места, включая Гилею, с попутной проверкой, нет ли здесь условий для произрастания североафриканского лотоса, бобовидные семена которого, по сведениям Теофраста, шли в пищу не только египтян, но и греков».[6]

Разумеется, приятно было бы думать, что некий моряк, пират или купец-разведчик, а еще лучше – жрец Хепри и Изиды, потерял именно здесь свой амулет-скарабей. И это не исключено.

Но в нашем случае очень сомнительно. Поскольку известно множество скарабеев-подражаний, явно изготовленных, как их египетские прототипы. Это вовсе не такая уж редкость в восточноевропейских степях. Они известны здесь, уже начиная с катакомбного времени, и довольно распространены в скифо-сарматскую эпоху. «Изображения жуковины, – пишет А.В. Эдаков, – священного жука-скарабея и амулета-оберега древних египтян, часто покрытого надписями, стали уже обычными среди находок скифского и сарматского времени на территории Восточной Европы, на Урале и даже за Уралом». По его мнению, «скарабей для скифа (сака), как и для любого неегиптянина, в конечном счете служил амулетом-оберегом. А как таковой он, следовательно, был и воплощением фетишистских образов и представлений. Однако оберегающая сила скарабея станет значительно более понятной для современного человека только в том случае, если иметь в виду его этиологическую сущность, в которой одновременно могли найти отражение религиозные представления и ариев вообще, и скифов, и египтян, и многих других народов. Поэтому-то спустя буквально годы после завоевания Египта персидскими войсками, в составе которых находились подразделения скифов (саков), скарабеи начали «завоевание» мира».[7]

В Северо-Западном Причерноморье находки изображений египетских священных жуков-скарабеев немногочисленны; они известны в Никонии (А.Г. Загинайло), Семеновке (Л.Б. Субботин), а также в Николаевском нижнеднепровском могильнике поздних скифов (I в. до н. э. – III в. н. э.; особенно I в. н. э.). Здесь, «в земляном склепе, содержавшем останки трех взрослых человек, – пишет Э.А. Сымонович, – на шее женщины среди различных по форме и материалу бус найдены шесть удлиненно полусферических пастовых (глухое стекло) бусин, напоминавших египетские фаянсовые скарабеи. На них были нанесены линии, показывающие места схождения крыльев и выделяющие переднюю часть – головку насекомого – так, как это сделано на египетских скарабеях. Среди этих бусин были зеленые, красные со следами зеленоватой патины и желтые. В другом земляном склепе на шее девочки-подростка среди богатого набора бус находилось коричневато-желтое с прожилками изображение

жука-скарабея, изготовленное из стекловидной пасты. Выпуклую поверхность этого предмета покрывала несколько более сложная система бороздок, исполненных, как и в предыдущих случаях, по горячему стеклу. Подражания египетским скарабеям также встречены в Беляусском могильнике (одно), Танаисе (два), Пантикапее (одно), Херсонесе (три), могильнике у совхоза № 10 (два), Тузлинском некрополе (одно)»[8].

Высказанные соображения вселяют определенную убежденность в том, что наш, одесский, гематитовый скарабей также мог быть подражанием каким-либо египетским образцам. Тем более что он изготовлен из гематитовой руды, залежи которой имеются в нынешней Николаевской области. Это обстоятельство ясно указывает на его местное происхождение. Найден он был в песке, вместе с сопутствующей керамикой, привезенной с «Отмели» – крайней западной оконечности тогдашней античной Гилеи. Эта оконечность представляла собой песчаную косу (или цепочку вытянутых островов), тянущуюся вдоль приодесского побережья. И если на одном из этих островов («Островов Блаженных»?) имелось античное поселение, то там также мог быть и могильник. Такая мысль допустима, поскольку скарабеи-подражания, по археологическим наблюдениям, использовались преимущественно в погребальной обрядности.

Иные размышления могут возникнуть в связи с гематитом – материалом, из которого изготовлен одесский скарабей. Приписываемые ему лечебные и целительные свойства очень впечатляют. Так, издавна гематит-кровавик считался любимым минералом лекарей и целителей «всех племен и народов». Он исцеляет кровеносную и сердечно-сосудистую системы, с его помощью больных избавляли от воспалений и нарывов, он быстро заживляет раны, переломы, лечит ожоги, укрепляет костный мозг, улучшает свертываемость крови и омолаживает ее состав. Он стимулирует сексуальную энергию, улучшает зрение, лечит печень, почки, селезенку и поджелудочную железу, помогает при вспышках гнева, а также при мочеполовых и гормональных расстройствах, венерических заболеваниях и пр.

Что до чудодейственных магических свойств гематита, то их просто не счесть. Они отмечены впервые уже упомянутым

философом Теофрастом (315 г. до н. э.), который его сравнивал со свернувшейся кровью (греч. Ατματιτης – «гематитес», подобный крови), а также в трактате о драгоценных камнях, написанном Азхалием Вавилонским (I в. н. э.) для понтийского царя Митридата. В Древнем Египте жрицы Исиды украшали себя гематитом во время совершения ритуалов, так как считалось, что гематит не только защищает их от темных сил, но и охраняет богиню, спускающуюся во время обряда на землю. А римские легионеры тоже старались иметь при себе гематитовые талисманы-обереги. Так же поступали и беременные женщины.

Если все это правда, то одесский скарабей – воистину волшебный. Он должен обладать некой совершенно исключительной целебной и магической мощью – и как скарабей сам по себе, и как амулет из гематита.

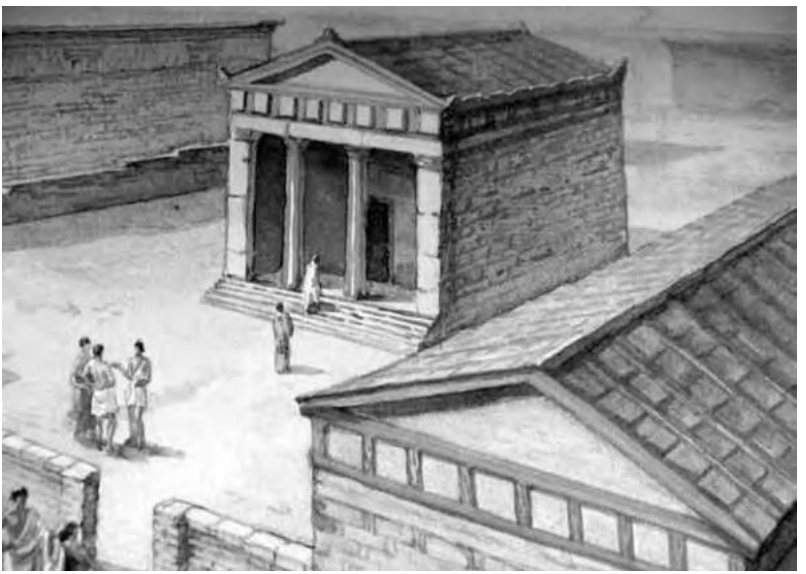
Известно, что изначально скарабей ассоциировался с богом Хепри, воплощением которого было восходящее солнце – символ постоянного возрождения. Считалось, что этот маленький жук повторяет путь солнца: подобно тому, как солнце совершает путешествие по небу, излучая свет и тепло, создавая условия для возрождения жизни во всем сущем, скарабей перекатывает свой шар с яйцами с востока на запад, пока зародыши не созреют и не родятся на свет. Поэтому он был символом жизненной силы, воскрешения, движения вперед.

Культ солнечного бога Хепри, с точки зрения мифологических универсалий, родственен культу солнечного бога Аполлона. А Аполлон был универсальным богом, и как таковой признан всеми ионийскими колонистами. Он обладал множеством функций и более всего подходил для сакральной защиты переселенцев в отдаленные области ойкумены. С его культом ассоциировались те обширные свойства (бог солнца, весны и лета, покровитель земледельцев, пастухов, мореплавателей, колонистов и рыбаков, избавитель от множества неприятностей и болезней и т. п.), которые делали его наиболее желанным и почитаемым. У древних писателей (Гомер, Дион Хрисостом, Овидий и др.) Аполлон выступает как бог-целитель, отвратитель зла, врачеватель.

В таком случае весь спектр лечебно-целебных и волшебно-животворных свойств нашего скарабея позволяет его рассматривать

как атрибут культа Аполлона Врача (ΙΗΤΡΟΣ), который, по мнению А.С. Русяевой, являлся «главным богом» основателей и первопоселенцев Борисфена и Ольвии[9].

Территория Гилеи могла входить, как представляется, в состав Ольвийского полиса[10]. Это касается и ее юго-западной окраины. О широком распространении культа Врача в Ольвии имеется довольно много сведений. Более всего наглядны посвятительные надписи с Березани, прямо указывающие, что ΑΠΟΛΛΩΝΟΣ ΕΜΙ ΙΗΤΡΟ («Я принадлежу Аполлону Врачу»), или ΙΗΤΡΟ ΕΙΜΙ («Я принадлежу Врачу»), относящиеся к VI в. до н. э. и т. п.[11] В самой же Ольвии найдено граффито на боковой грани милетской полихромной симы с иониками третьей четверти VI в. до н. э.: Α[ΠΟΛΛΩΝΙ ΙΗΤΡΩΙ ΒΟΡΥΣΘΕΝΕΕ]ΟΣ ΜΕΛΕΟΝΤΙ?] («Аполлону Врачу, [Владыке?] Борисфена»). Хотя такую эпиклезу (призывание) Аполлона как Врача вряд ли стоит объяснять одними лишь только медицинскими, целительными свойствами этого божества.

Храм Аполлона Врача в Ольвии. Реконструкция

Этот сюжет довольно обстоятельно выработан в научной литературе. Принято считать, что для милетских поселенцев в Западном и Северном Причерноморье был учрежден общий специальный культ Аполлона Врача, совершенно не известный в других областях Эллады. Его основу, как считает А.С. Русяева, составляла ипостась Аполлона Дидимского, вобравшего в себя к концу VII – началу VI вв. до н. э. многие деяния, способствующие постижению универсального бога, который мог бы удовлетворить разнообразные духовные запросы колонистов. Наиболее популярным этот культ был также в Истрии и Аполлонии.

Хочется надеяться, что предложенное истолкование волшебных, лечебно-магических свойств нашего гематитового скарабея как атрибута культа Аполлона Врача, широко распространенного в Северо-Западном Понте, окажется достаточно естественным объяснением использования этого амулета-оберега в сакральной практике античных колонистов. Если это так, то пребывание такого амулета на одесском побережье на протяжении тысячелетий должно обеспечивать очень сильную магическую защиту этой местности.

Примечания

[1] Добролюбский А.О., Пикановская Л.В. Археология дачи Ланжерона. // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Книга 59. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2014, с. 22-25.

[2] Добролюбский А.О., Пикановская Л.В. Археологические поиски в песках Ланжерона // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Книга 63. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2015, с. 43-50.

[3] Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 59-65.

[4] Там же.

[5] Добролюбский А.О., Пикановская Л.В. Археология дачи Ланжерона… С. 23-24.

[6] Петрунь В.Ф. Новое о древнеегипетском импорте на северопонтийском побережье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Материалы IX международной научной конференции 25-30 мая 1998 г. – Ростов-на-Дону, 2001, с. 25-27.

[7] Эдаков А.В. Египетские скарабеи в Скифии // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III Археологического семинара). Часть II. – Новочеркасск, 1993, с. 137-145.

[8] Сымонович Э.А. Подражания амулетам из египетского фаянса в Нижнем Поднепровье. Краткие сообщения Института археологии. Вып. 145. – 1976, с. 86-87.

[9] Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – Киев: Наукова думка, 1990, с. 29-30.

[10] Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья / В.М. Отрешко // Ольвийские древности: сборник научных трудов памяти Валерия Михайловича Отрешко (1949-1999). – Киев: НАН Украины. Ин-т археологии, 2009, с. 28-37.

[11] Русяева А.С. Указ. соч.

Евгений Деменок

Бугаз, любовь моя

Каролино-Бугаз, Каролино,
видно, кто-то с тобой пошутил,
островное, округлое имя
на тебя обронив по пути.
Хлебной корочкой, долькой лимонной,
птичьей просекой в синем лесу
между морем и стылым лиманом
два прибоя качают косу.
И по белым твоим, по горбатым,
по горячим, по горьким твоим,
по пескам никаким акробатам
не пройти, не пробраться – двоим.
Никому. Ну, а нам – и подавно.
Два прибрежья, а берега нет.
Только паруса вымысел дальний,
Корабельный прибившийся след…
Каролино-Бугаз. Переливом,
перекатом, морщинкой у глаз,
так приходит волна – каролино,
так она ударяет – бугаз…

Юрий Михайлик

Как сказал однажды Михаил Михайлович Жванецкий, Одесса никогда не была курортным городом – здесь все занимались своими делами, а между ними болтались отдыхающие. По этому поводу есть много шуток, выросших из были, одна из них такая –

если летом на улице ты увидишь совершенно не загорелого человека, знай, это одессит.

– Ты уже был на море в этом году?

– Нет, в городе вода грязная, а на Бугаз поехать некогда.

В Одессе всегда считалось, что самая чистая вода – на Бугазе.

Каролино-Бугаз. Удивительное место. Десятки километров песчаных пляжей. Чайки и редкие высохшие кусты вдоль моря. Железнодорожная насыпь и колея, через которую нужно переходить, а иногда перебегать, чтобы попасть на пляж. Узкое место, где от Днестровского лимана до моря рукой подать. Именно туда прибило однажды во время зимнего шторма два корабля, хотя – каких корабля, папа еще с детства научил меня, что корабли бывают только военными, а все пассажирские и грузовые – это пароходы. Мы приезжали потом смотреть на эти пароходы – на них легко можно было взобраться, ржавеющие громадины внушали какой-то непонятный трепет. Потом их разрезали на части и увезли. С другой стороны узкой песчаной полосы, уже на лимане, долго стояло судно-гостиница, старая советская посудина, которая в конце концов сгорела.

Много лет спустя я задумался – откуда такое странное название? Это было позже, гораздо позже. В детстве такие вопросы не возникают, а названия кажутся естественными. Так ведь и должно быть, не правда ли? Фонтан – я вырос на Фонтане. Ланжерон. Аркадия. Каролино-Бугаз.

Я влюбился в Бугаз лет в двенадцать. Мы поехали тогда на дачу к родителям тетиного мужа. Родители были профессорами, преподавателями сельхозинститута, кажется. В советское время преподавателям одесских вузов давали участки земли на Бугазе. Это была привилегированная каста. Остальные могли об этом лишь мечтать. Дача на Бугазе… Карьеру получившего там участок можно было смело считать успешной. И это притом, что тогда – так же, как и сейчас, – на длинной узкой песчаной косе не было никаких удобств, кроме часто выключаемого электричества. Вместо канализации – выгребные ямы, вместо водопровода – колодцы, рыть которые нужно прямо в песке, и лишь опытный мастер может найти водоносный слой. Воду грели просто – на крыше самодельного душа устанавливали металлические,

а позже – пластмассовые баки, куда насосами накачивали из колодцев воду, и она за день нагревалась на солнце. Никакого газа – в лучшем случае баллонный. И комары, комары… Зеленые лиманские комары повсюду.

Местная легенда гласит, что в конце брежневской эпохи на Бугаз каким-то чудом занесло всесильного Михаила Суслова. И что же? Результат вполне предсказуемый – он влюбился. Влюбился в этот горячий песок, бесконечное море, в этот воздух, невероятную смесь морского соленого ветра и речного запаха Днестра, лимана…

Ну, не знаю – может, у него все было по-другому, но именно в это влюбился я. А Суслов – Суслов решил привнести на Бугаз цивилизацию, сделать из него всесоюзный курорт. И на деньги профсоюзов начали строить два пансионата-тысячника. Недостроенные корпуса их и сейчас стоят на песке, у воды, напоминая о величии и крахе СССР. Но тогда это было совершенно естественным и правильным решением. Бессарабия была и остается «медвежьим углом» страны – это ее крайняя, пограничная точка. Это касалось любой страны, в состав которой она входила. Когда-то она была дальней окраиной Римской империи, и я, например, очень горд этим. Валы Траяна сохранились до сих пор, и «черные археологи» все еще находят в них древние монеты, принадлежавшие когда-то солдатам римских легионов. То был второй век нашей эры – эпоха наибольшего величия Рима. Бессарабия была тогда пограничьем между диким и цивилизованным миром. Граница между этими мирами всегда проходила по Дунаю, и не всегда эти миры мирно уживались друг с другом. Соединить их удалось когда-то грекам – за семь столетий до нашей эры они смогли найти общий язык со скифами, и греческие торговые полисы Северного Причерноморья стали на многие столетия очагами цивилизации. Каждый из античных городов Причерноморья прошел свой собственный путь, у каждого – своя история. Никоний, на раскопках которого мне посчастливилось найти обломок чернолаковой ионийской пелики, существовал почти восемьсот лет, пережив войны и разрушения. Тира – почти тысячу. Куда подевались все те черепки, которые мы с детства привозили оттуда, из-под крепости?

Бессарабия могла стать частью империи Александра Македонского, но этого не случилось – полководец Александра, наместник Фракии и Понта Зопирион со своим тридцатитысячным войском потерпел сокрушительное поражение от граждан греческого же полиса Ольвии, их союзников-скифов и погиб на обратном пути, где-то в бессарабских степях. Персидский царь Дарий I, тот самый великий Дарий, прошел со своим войском по Бессарабии, по Буджакской степи, которую даже называли пустыней, в погоне за скифской армией, но сражения так и не состоялось, и Дарий вынужден был вернуться восвояси. Легенда гласит, что сам Аттила похоронен на территории Бессарабии, и, чтобы никто не нашел его могилу, специально отвели воду одного из рукавов Дуная, а может быть – и озера Ялпуг, и теперь могила находится под толщей воды. Потом, много столетий спустя, Бессарабия стала окраиной Османской империи, затем – империи Российской. Почти двадцать лет в составе Румынии в начале прошлого века вроде бы дали толчок к развитию, но и тут Бессарабия – самый бедный, самый отсталый регион. Ну а потом – крайняя юго-западная точка огромного Советского Союза. И хотя в Измаиле и Рени работали тогда аэропорты, а Дунайское пароходство процветало, эта земля все равно оставалась окраиной. Так что Суслов был прав, ой как прав. И кто знает, как могла бы развиться эта территория, как мог развиться Бугаз, если бы начатое тогда довели до конца.

Но когда я в первый раз приехал на Каролино-Бугаз, я ни о чем таком не думал. Я наслаждался солнцем, бесконечными, бескрайними пляжами с горячим песком, морем, которое было таким разным – один день тихим и ласковым, и можно было плыть вперед, насколько хватало сил, пока берег не превращался в узкую полоску, а рядом были только чайки; если знать правильные места, можно было далеко в море найти отмель и отдохнуть на ней. Я лежал на спине в воде, смотрел в небо и думал о том, что там, за горизонтом, турецкий берег, а еще дальше – Средиземное море, Греция, откуда приплыли к нам двадцать пять веков назад торговцы и мореплаватели, приплыли и сочинили потом мифы об амазонках, живших в этих краях, о подвиге Геракла, отобравшего у царицы этих самых амазонок Ипполиты пояс, о душе Ахилла, перенесенной после смерти на остров Левка, который мы знаем как Змеи-

ный… А на следующий день на море был шторм, и мы прыгали в накатывающую волну, она выносила нас на берег, иногда переворачивая и больно царапая о ракушки, но это была ерунда, мелочь по сравнению с тем ни с чем не сравнимым наслаждением, которое дарит шторм на море. Во время одного из таких штормов много лет спустя волны унесли наш надувной матрас – мы смотрели ему вслед и смеялись, представляя себе, как, должно быть, удивится, увидев его со своего мостика, капитан парохода, а может быть, какой-нибудь житель Синопа или Трабзона найдет его выброшенным на берег. Скорее же всего, он станет плавучей базой отдыха для чаек, которые в конце концов пробьют его своими клювами, и он найдет свое последнее пристанище на дне морском.

В ту самую первую поездку на Бугаз я взял с собой книгу Альберто Моравиа «Римские рассказы». Я начал читать рассказы в электричке, ехавшей на станцию Солнечная; электричка была переполнена, и сначала приходилось читать стоя; потом мне удалось примоститься на краешке сиденья, и тетин сын, мой двоюродный брат, сказал фразу, которую я помню до сих пор: «Лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять». Возможно, возможно, но тогда мне было решительно все равно. Ничто не могло омрачить моего настроения. Мальчишкам в двенадцать лет вообще трудно испортить настроение. Я предвкушал встречу с морем и незаметно погружался в римскую жизнь, ходил с автором по римским улочкам, так что Бугаз с тех пор четко и неразрывно ассоциируется для меня с Италией. Улицы Рима невероятным образом смешались у меня с виноградом, росшим на даче прямо из песка, – нужно было внимательно смотреть под ноги, чтобы не зацепиться за лозу; с горячими еще помидорами и огурцами, сорванными только что с куста и поданными к столу, стоявшему в открытой деревянной беседке; с биточками из тюльки и жареными бычками, которые еще утром плавали в море. Уже потом, много позже, когда я обзавелся собственной дачей на Бугазе, я не раз заставал удивительное явление – выброс сероводорода, когда рыба в поисках кислорода сама всплывала на поверхность, и ее можно было ловить чуть ли не руками. Тогда дачники и их гости пировали. Кстати, выбросы сероводорода ведут прямиком еще к одной легенде, которыми так изобилует Северное Причерноморье, –

к легенде о Потопе. Да-да, о том самом, библейском Потопе. Давно уже доказанным фактом является то, что Черное море дважды за свою историю было пресноводным озером, на берегах которого возрождалась цивилизация после очередного ледникового периода. Пять-шесть тысяч лет назад Босфорского пролива не существовало, и соленые воды мирового океана превышали уровень пресноводного озера минимум на сто метров. После масштабного землетрясения скала на месте Босфора треснула, и соленая вода водопадом хлынула в озеро, создавая страшный шум и уничтожая всю пресноводную живность и растительность. Именно в Северо-Западном Причерноморье, то есть в наших местах, произошло наибольшее затопление. А морская растительность, погибшая под толщей соленой воды, попросту сгнила без кислорода, превратившись в сероводород. Ни в одном другом море на планете ничего подобного нет – мы и здесь уникальны.

После того самого первого визита я влюбился в Бугаз безоговорочно и бесповоротно. Как оказалось позже, я был в хорошей компании. Легендарный одесский художник Юрий Егоров каждое лето старался проводить на Бугазе – с его холстов на нас смотрят море и солнце, которые бывают только там, на узкой песчаной косе. Их можно рассматривать бесконечно, и я рискну предположить, что фирменный егоровский изогнутый горизонт появился впервые именно там, среди бесконечного моря и бесконечного пляжа.

Бессарабия полна легенд, загадок, исторических и культурных ассоциаций. Переезжая устье Днестра, а точнее – Днестровского лимана по разводному мосту, я иногда думаю о том, что здесь еще каких-то восемьдесят-девяносто лет назад проходила государственная граница, которую так неудачно пытался перейти Остап Бендер, и гораздо удачнее – многие из эмигрантов, бежавших из Одессы от большевиков. Пытаюсь представить себе сторожевые вышки, строгих пограничников с собаками – но безуспешно, атмосфера Бугаза располагает только к благости, неге и наслаждению жизнью. А перед Бугазом, за несколько километров, находится село Роксоланы – все знают, что там растет самая вкусная картошка. Нет, легендарная Роксолана не родилась в этом селе и не выращивала в нем картошку – и оно, и, скорее всего,

она названы по имени одного из древних западносарматских племен, жившего в тех местах. Кстати, еще Геродот писал, что сарматы произошли от амазонок, выходивших замуж за скифов. А еще он писал, что их женщины «ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду… Ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага». Понятно теперь, откуда у Роксоланы такой характер.

Принято считать, что сезон на Бугазе длится три месяца. Учитывая, что туристы приезжают не раньше половины июня – и вовсе два с половиной. Поэтому главная задача собственников дач и мини-отелей, которые растут на песке быстрее грибов, – окупить свои инвестиции. Спускаясь с горки и въезжая из Каролино-Бугаза в Затоку – а они переходят друг в друга без всякого промежутка, – сбросьте скорость, чтобы не задеть отдыхающих в купальниках и шлепках, а главное – чтобы внимательно рассмотреть десятки гостиниц и дач, украшенных табличками «Сдается номер» и «Сдам комнату». Бабушки Бугаза и Затоки не продают у дороги семечки. Они заняты гораздо более важным делом – они продают номера.

После того как место для жилья выбрано, можно заняться главным: рано утром выйти на пляж, выбрать место получше, улечься на прохладный еще песок и любоваться рассветным небом; когда солнце взойдет окончательно и появится настоятельное желание бросить разгоряченное тело в воду – не отказывать себе в этом желании и после секундной адаптации превратиться в морского тюленя, котика, плещущегося у берега, или, наоборот, в дельфина – и плыть все дальше и дальше от берега в этом бесконечном ласковом море. Вдоволь накупавшись, выйти на берег и быстро, чтобы не обжечь ноги, перебежать по раскаленному песку, упасть на подстилку, чувствовать всем телом жару и возбуждать аппетит, слушая бесчисленных коробейников и зазывал.

Пляж на Бугазе тянется на многие километры. Десятки коробейников с едой бредут навстречу друг другу, текут, как ручейки муравьев, расхваливая на разный манер свой товар.

Бодро:

– Холодное пиво, рыбка, кальмары, креветки, мидии!

– Вареные раки! Рапаны!

По-деловому:

– Песочные рогалики! Вишня ассорти!

Заунывно:

– Сладкая вата…

Тут трудно проголодаться. Десятки мужских и женских голосов почти ежеминутно:

– Горячие хачапури!

– Мороженое! Пломбир, клубничное, шоколадное, дынное!

– Трубочки со сгущенкой и арахисом! Плацинды! Рогалики!

– Горячие пирожки! С картошкой, капустой, мясом! Чебурэки!

– Горячая сахарная кукуруза!

И особенно это:

– Медовая пахвала!

И даже так:

– Сладкая бахвала!

Так и хочется похвалить продавца.

Нагуляв таким образом аппетит, лучше всего съесть шашлык с овощами в одном из многочисленных местных кафе и удалиться к себе в комнату. Послеобеденный сон – это святое. Нужно набраться сил перед вечерним купанием и ночными танцами; а если вы приехали в правильное время – и перед ночными концертами, ведь знаменитый Джаз-Коктебель проходит теперь в Затоке.

Принято считать, что сезон на Бугазе длится три месяца. Но – одесситам везет. Они могут начать его гораздо раньше. Кто-то начинает купаться в апреле; кто-то не прекращает купаться круглый год. Ну а уж не открыть купальный сезон на майские праздники просто грех.

Я же больше всего люблю приезжать на Бугаз осенью, когда бескрайние пляжи становятся пустыми, море – кристально прозрачным, и ты остаешься с ними один на один. Только ты, море и песок. И солнце, почти летнее иногда солнце – если повезет застать теплый солнечный день. Гостиницы дорабатывают последние дни сезона, кафе уже закрыты, и везде царит атмосфера не то чтобы запустения – но легкой грусти, той грусти, в которой больше радости.

Каролино-Бугаз – волшебное место, куда хочется возвращаться вновь и вновь. Хотя – какое хочется? Необходимо. Когда-то

мы проводили там все летние месяцы, сейчас эти времена уже прошли, но каждый май мы начинаем чувствовать легкий зов, непонятное влечение, которое усиливается и становится почти нестерпимым в августе; невозможно провести год без того, чтобы хоть на одни выходные приехать на Бугаз, обязательно переночевать там, почувствовать его, вдохнуть его воздух и очередной раз признаться в любви к нему.

Много лет я наслаждался Бугазом, и мне не было никакого дела до того, почему же он так назван. Откуда у него это «островное, округлое имя» – как в стихотворении Юрия Михайлика. Но любовь к родным местам неизбежно перерастает в страсть к краеведению, а страсть эта не только неизлечима, но с годами прогрессирует. И я взялся изучать историю этого благословенного края.

Каролино-Бугаз. Каролино…

Откуда же взялось такое странное название?

Вот откуда.

Очевидно, что Бугаз – производное от «богаз», тюркского слова, обозначающего пролив. Татарское селение Бугаз известно с конца XVIII века. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов оно было уничтожено. После окончания войны, закончившейся победой России и заключением Ясского мира, территория эта вошла в границы земельного участка, выделенного под дачу Адриану Моисеевичу Грибовскому, одному из доверенных лиц Платона Зубова, фаворита императрицы Екатерины II. Сам Адриан Грибовский был кабинет-секретарем императрицы в последний год ее правления, что стало пиком его карьеры. За заслуги во время русско-турецкой войны – а Грибовский служил в Военно-походной канцелярии князя Потемкина и даже исполнял обязанности конференц-секретаря во время Ясского конгресса – в 1792 году он получил земельные наделы на отошедших к России землях, на левом берегу Тилигульского лимана и на левом берегу Днестровского лимана. Его именем названо село Грибовка, расположенное в пяти минутах езды от Каролино-Бугаза. Это стало для меня открытием – еще одно привычное название из детства вдруг обрело свой смысл, свою историю.

Адриан Грибовский, носитель императорского имени, оставил свой след в истории Одессы. Мот и весельчак, любитель музыки,

имевший свой оркестр и сам игравший на скрипке Страдивари, он составил текст рескрипта об основании Одессы и даже хвастал, что это именно он предложил императрице переименовать Хаджибей, назвав его в честь древнегреческого поселения Одессос, только на женский манер.

Со смертью Екатерины II карьерный рост Грибовского прервался; в его жизни началась черная полоса – он был отстранен от всех должностей, выслан из Санкт-Петербурга, а позже, обвиненный в многочисленных нарушениях – заключен в Петропавловскую и в Шлиссельбургскую крепости. Чтобы уплатить необходимые взыскания, он продал в 1802 году земли на берегу Днестровского лимана.

Так у Бугаза появился новый хозяин – польский шляхтич граф Игнаций Сцибор-Мархоцкий, личность ничуть не менее, а, по правде говоря, даже более значимая и экстравагантная. Достаточно сказать, что Игнаций Сцибор-Мархоцкий, вольтерьянец и вольнодумец, объявил на подвластных ему землях свое собственное Миньковецкое государство и даже установил по периметру пограничные столбы – с одной стороны с Российской империей, с другой стороны – с Австро-Венгрией. В 1795 году он отменил крепостное право, создал двухпалатный парламент и городское самоуправление, уравнял в правах католиков и протестантов и дал широкие права евреям. Мархоцкий печатал собственную валюту, написал для своих подданных конституцию, издал на латыни свод собственных законов и вершил по ним правосудие в своих же собственных судах. И все это – будучи юридически в составе Российской империи. Звучит несколько ошеломляюще, не правда ли?

Графу тоже пришлось испытать все превратности судьбы – его обвинили в том, что он ввел в своих владениях культ богини Цереры; в том, что сам вершил бракосочетания по собственному, а не церковному обряду; в том, что построил непонятные тогдашним властям сооружения – Храм мира, святилище в честь Жан-Жака Руссо… Процесс над ним длился четыре года, его дважды сажали за решетку. И только вмешательство искренне любящих подданных – украинцев, поляков, евреев, которые написали письмо императору Александру I в защиту своего правителя, который был «отцом, а не хозяином своим подданным», спасло его.

Экстравагантный хозяин записал земли у Черного моря и Днестровского лимана на имя жены, итальянки Евы Руффи, и «государство» это назвал Руффиполис. Это была большая территория к югу от Овидиополя, на которой расположены сейчас Грибовка, Каролино-Бугаз и Роксоланы. Правда, справедливости ради нужно отметить, что в Руффиполис из Миньковецкого государства отправляли в ссылку провинившихся. Можно считать, что им крупно везло – их ссылали на курорт. А само селение Бугаз было снова заселено в 1824 году сыном Игнация – Каролем Сцибор-Мархоцким; в честь него и получил Бугаз свое второе название – Каролино. Название это впервые упомянуто в завещании Игнация Сцибор-Мархоцкого от 14 декабря 1822 года. Так появился Каролино-Бугаз.

Кстати, село Роксоланы тоже получило свое имя благодаря Мархоцкому – именно он переименовал бывшее селение Бузиновата (Бузинавода) в Роксоланы – новое название также было указано в его завещании.

После смерти Игнация Сцибор-Мархоцкого и до 1918 года Каролино-Бугаз принадлежал семье Ингистовых – за Николая Ингистова вышла замуж дочь Игнация и сестра Кароля Эмилия.

Эта земля помнит голоса греческих мореплавателей и ираноязычную речь скифов и сарматов, поступь римских легионов и гул персидской конницы, нашествие гуннов и великое переселение народов, молдавских господарей и генуэзских купцов, русско-турецкие войны и битвы второй мировой войны.

Но время словно не властно над ней.

Она вечно молода и прекрасна. Она дарила и дарит радость каждому.

Маленькая точка на карте – и большое место в сердце.

Бугаз, любовь моя.

Александр Дорошенко

Русский модерн в Городе

I
Реквием по русскому модерну 1900-1914 годы

Большая Московская гостиница,
дом Дементьевых и Васильева

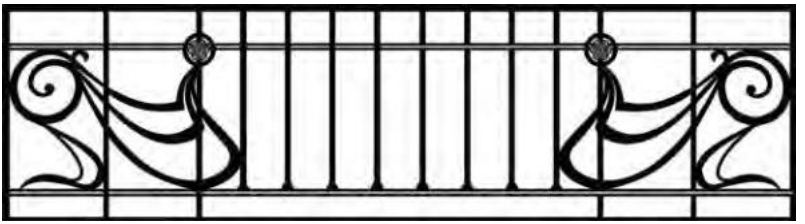
Так было.

Каждый вечер мышасто-серая пятиэтажная громада загоралась сто семидесятью окнами на асфальтированный двор с каменной девушкой у фонтана… В зимние вечера, когда бес, прикинувшись вьюгой, кувыркался и выл под железными желобами крыш, проворные дворники гнали перед собой щитами сугробы, до асфальта расчищая двор. Четыре лифта ходили беззвучно вверх и вниз… В кронштейнах на площадках горели лампы…

И ничего не стало…

И самая память стала угасать… Да было ли это, господи?

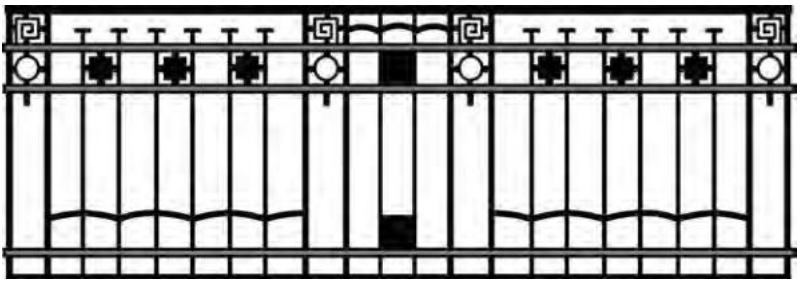
Михаил Булгаков
№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна

Софиевская, 16, архитектор Л.М. Чернигов, начало XX века*

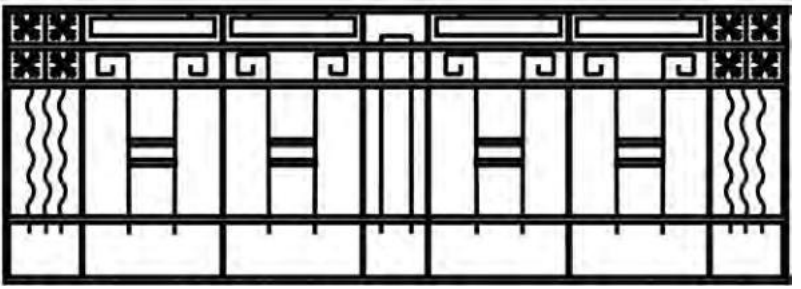
Льва Толстого, 32, архитектор В.И. Прохаска, 1903 год;
Пишоновский переулок, 2

Греческая, 48, архитекторы Ф.А. Троупянский и Л.Ф. Прокопович,
1909-1910 и 1912 годы (реконструкция)

В основу Города лег псевдоклассицизм. Затем на столетие Город окунулся в разновременную эклектику – так было вплоть до конца XIX века, когда на недолгое время возник псевдорусский

* Прориси приведены по книге «Балконы Одессы». – Одесса, 2012 год .

Куйбышева, 27

стиль*. Это ряд общественных зданий на Старопортофранковской, на углу Кузнечной и Успенской, на Пастера – корпус физического института, на Коблевской… Почему он так был назван? Эклектика была все же честна, а этот «стиль» был лубочной картинкой, отдавал замшелым Ильей из Мурома, бочкой с квашеньями и соленьями, был надуман, вымучен и стал откровенной пошлостью.

Город во второй половине XIX века был преимущественно двух-трехэтажным. Сохранились лишь вкраплениями эти дома, которые собственно и были Городом для наших предков. Вся его красота и роскошь, от эклектики до модерна, созданы были в короткое и недавнее время, на рубеже веков, плюс-минус 20-летие.

В тридцатые советские годы в Городе недолго бытовал «конструктивизм», стиль-отголосок происков Ле Корбюзье и его отечественных последователей:

> У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
> что оба потрудились от души
> над переменой облика Европы…
>
> Иосиф Бродский. Роттердамский дневник

В этих домах профилированы прямоугольными выступами фасады, между ними висят широкие горизонтали общих балконов, там тишина и тень. Этот сверхсовременный поиск пахнет провинцией, глухой периферией, задворками. Странно – то, что

* Правильнее называть его ложнорусским.

было задумано как наше продолжение в пространстве, на поверку оказалось сухим и чуждым нашей душе…

Все же это был поиск, связь с окружающим миром, а в те годы все связи рушились. Печальным и поздним отголоском этих поисков стала убогость наших Черемушек, новых спальных районов…

Затем наступила эра сталинского ампира (стиль «вампир», или – «ам-пир во время чумы»), в нем, как и в модерне, было все кусочками от бывшего в веках: все ордерные системы, колонны и пилястры, тяжелые и выступающие в пространство улиц антаблементы и башни, возвышающиеся над кровлей на углах зданий, гигантские арки въездных ворот, открытые колоннады балконов, на которые отродясь никто не выходил смеяться и радоваться солнцу (в такой арке, как отметил Олеша в «Зависти», красиво и впечатляюще можно было повеситься). Странным образом и несмотря на эти апробированные человечеством средства, этот стиль был лишен радости, и цвет его стен, придуманный коммунистами, отливал смесью пролитой крови и экскрементов, а призванные быть манящими открытые ветрам балконы отпугивали леденящим страхом. Кнутобойный образ империи рождал вид этих зданий, а цвет их был сродни содержимому общественных туалетов. Это было совпадающе близким к архитектурным новациям стиля Третьего Рейха.

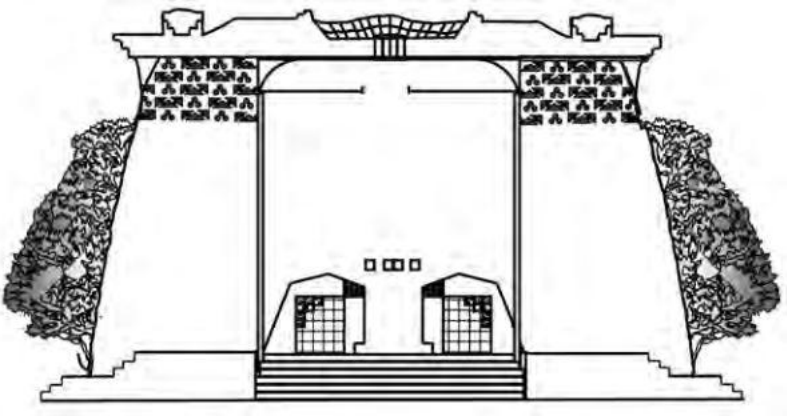
Облагообразить эти строения ничем невозможно!

Нас учат мрамор и гранит
Не поминать обид,
Но помнить, как листва летит
К ногам кариатид**

Александр Кушнер

В самом же начале XX века в Город пришел на все довоенное время – время оставшейся свободной и достойной жизни Города – последний в истории человечества стиль, модерн, в той его форме, которую мы называем «русским модерном». Родились новые здания модерна одновременно, и годами рождения имели

** Мы помним, но кроме – мы помним, что эти ноги разбиты, и уже не все есть.

1903-1914, когда начавшаяся война навсегда (а думали – временно) прервала это новое созидание Города.

Михаил Врубель называл музеи покойницкой. Он думал и о себе, о своих работах, и ему отчаянно не хотелось, чтобы они, его дети, попали в морг. Модерн впервые позволил художнику выйти на люди, в пространство улиц и площадей, на плоскости стен. На стенах «Метрополя», в самом центре Москвы, уже столетие представлено великолепное и огромное врубелевское панно над скульптурным фризом Андреева. Модерн вывел мозаики на стены зданий, сплел очаровательные витражи в парадных… Впрочем, это было и раньше, но модерн придал этим усилиям масштабность поиска и честность взгляда…

Возникший на идеологической подоплеке, на основе красоты, которая если не спасет, то во многом улучшит мир, абсорбировав усилия архитекторов, художников и дизайнеров, модерн оказался разумным ребенком времени развитого капитализма. Великолепие фасада в нем сочетается с хищнической экономичностью подхода к пространству жилья. Более глухих беспросветных дворовых колодцев не знала ни в какие свои времена архитектура Города. Наряду с высотами стиля модерн в Городе много «экономического» модерна, когда на фасаде читаются только следы стиля, так было принято строить в это время, во всем остальном это экономически и жестко упрощенное жилье.

Лучшие города России, Питер и Москва, Одесса и Львов, Баку и Киев (но и Калуга, и Ярославль, и далекий Саратов…), как и лучшие города мира, от Парижа до Гаваны, и Барселона Антонио Гауди, остановили навсегда свою молодость во время господства стиля модерн.

Это был стиль, и поэтому он пронизывал все – женские обольстительные платья, театральные и коммерческие афиши, дизайн автомобилей и швейных машин, спичечные коробки и папиросные пачки, ограды и памятники на втором кладбище… мысли горожан и атмосферу личной жизни.

Это был стиль любви, вся ее обольстительная и манящая атмосфера, полутона и шлейф запахов («дыша духами и туманами» – это тоже время модерна, и им рождено), вся эта наэлектризованность и неуемная жажда счастья. Ах, не случайно он пришел в жизнь наших предков именно тогда, в преддверии страшных и небывалых у человечества бед и лишений, – чтобы дать надышаться, как просьба о прощении, за все, что им предстояло.

Лучшими архитекторами стиля модерн, людьми, последний раз проектировавшими и строившими с любовью Город, у нас были: Л.М. Чернигов, Ф.В. Гонсиоровский, Э.Я. Мэснер, С.А. Ландесман, А.Б. Минкус, Л.Л. Влодек, М.И. Линецкий, В.И. Прохаска, Ю.М. Дмитренко, Н.К Толвинский, С.С. Гальперсон, В.А. Домбровский, Ф.П. Нестурх, Я.С. Гольденберг, В.М. Кабиольский, Я.М. Пономаренко…

В Городе адреса модерна определились в странной логике, так, как если бы кто-то, задумав тотальную его перестройку, начал предварительную разметку, присматриваясь, как это будет, и ставя эти 3-5-этажные красавцы дома в разных городских точках. И вот еще поражающая странность – они возникали парочками, рядом, среди отжившего городского пространства, среди трущоб и убогой серости. Чтобы не было им так сиротливо и одиноко среди серости, которая была, но трижды, которая придет и наступит!

Этих адресов в Городе не счесть…

Начала перестраиваться в модерне Кузнечная. Она открывается четырехэтажным угловым домом в развилке Успенской, – носом корабля, рассекающим серое море предназначенного к сносу

старья. Птица со сложенными в напряжении и готовыми вновь распахнуться крыльями. Для полета – но так никуда и не полетела: некуда было больше лететь в этой начавшейся то ли стране, то ли казарменном барачном поселении, где эстетической нормой выдвинута была и навсегда ею осталась идея «эвакопункта». Два крылатых дракона свешивают в хищном оскале головы над угловым окном первого этажа, и в высоте угла укреплен крылатый символ охранения и защиты. Угловые башни вынесены над кровлей… Рядом с ним плечом к плечу стал красавец в 5 этажей под № 52, – но навсегда в нем распахнуты кованые ворота и выбиты стекла за коваными решетками парадного входа. Эту бы ковку сохранить в музее, и был бы тот музей историей нашей болезни!

Как кладбищенская ограда, как ворота некрополя, где все, кто жил, давно мертвы, а новые и случайные поселенцы вот уже столетие живут здесь времянкой, уродуя и калеча, – как будто бы в ожидании хозяев. Зачем хранить, если все равно и неизбежно потеряешь! Так описал Михаил Булгаков этих новоселов, живших в доме «№ 13. – Эльпит-Рабкоммуна» и так они навсегда во всех поколениях сохранились: «Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли… Поперек гостиных протянули веревки и на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем, и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерне мрак… В квартире 50 в двух комнатах вытопили паркет. Лифты… Да, впрочем, что тут рассказывать…».

Это была Москва, 1923 год, дом № 13 в русском модерне, один из лучших, но так же само это было в Городе, и таким осталось – до сегодня!

Угловой № 40 на углу Тираспольской, в 5 этажей кавалергард, со сдвоенными полуколонками в высоте последних этажей у балконов. Высится над углом дома многоколонная ротонда. Таких ротонд над Городом тогда появилось много.

В самом начале Тираспольской, по линии Старопортофранковской, на углах «городского въезда» стоят три дома, высокие красавцы, два симметрией на углах и один под номером 97, развитием Старопортофранковской. Он особенно хорош, и в его

высоте помещены майоликовые картуши с аистами… Так был обозначен вход в Тираспольскую улицу – такой она должна была стать вся! И кто-то, так задумавший этот дом и посадивший аистов на его крышу, был уверен, – люди, идя мимо, аистами этими станут любоваться.

Я много раз там стоял и присматривался – нет, не любуются. Может быть, они начинают любоваться, когда я покидаю этот угол, а при мне стесняются?

По всей длине улицы Толстого стоят красавцами-кавалергардами высокие дома в модерне. На углах Нежинской, Новосельского, по краям Каретного переулка. Вот сохранившиеся ворота у дома № 13, и над ними устроен домик для фонаря. Когда-то в начале века горел здесь фонарь. Что он видел и кому освещал путь домой? И как они ходят вот уже столетие к себе домой, когда не горит вовсе фонарь, сохранившийся, готовый для нас гореть – только вставить лампочку?! Евангелическая девичья школа на углу Каретного. На высоких плоскостях стен припухлостью дан невысокий эркер. На Большом проспекте Петроградской стороны в Санкт-Петербурге есть доходный дом постройки И.А. Претро. Они удивительно похожи, от подошвы до крутизны крыш. Но питерский теперь любовно представлен в альбомах.

На Нежинской, если идти от Нового рынка, по правой стороне стоит ряд домов в модерне: одноэтажный № 38 с высоким, во всю высоту дома, проездом и на заказ выкованными воротами, два красавца на подходе к углу Толстого (А.Б. Минкус, 1910), поставленные «в рост», и вся эмблематика русского модерна на стенах этих домов: бессонные совы и геральдические щиты… А в самом начале Нежинской, в переулке Богданова, прямо в подбор от угла, стоят сразу три красавца, рослых, статных, подобранных друг к другу. Изувеченных новыми поселенцами…

На Коблевской под № 38, А и Б, стоят рядом два красавца в модерне, в четыре этажа каждый, и рисунок проездных ворот у них для лучших альбомов (то, что там уцелело).

И Троицкая в устье от Преображенской также начинается двумя, на противоположных углах, зданиями в модерне. На правом необычен «глухой» закругленный угол, без окон, и на высоте второго этажа висит великолепной пластики уличный фонарный кронштейн,

но сто лет как не стало фонаря, разбитого, видимо, пролетариями еще в самом начале строительства новой жизни. В которой он уже не понадобился. Дом «собран» к углу и высится замкнутой башней, суровой, как надгробие рыцаря. Это самая «модерная» улица Города. Еще несколько зданий в модерне у зала «Уніон»…

На Екатерининской, в самом ее начале, под № 9 – четырехэтажный дом братьев Л. и Ю. Лантье (Г.К. Шевремброндт, исполнители – Артель Десятников), за № 8/10 четырехэтажный, и ряд красавцев – кавалергардов, а внутри двора под № 6 спрятался еще один, неожиданный и такой же рослый красавец в модерне. Над парадным входом горельеф – античные ребята с конями под уздцы. Под 35-м номером на углу Почтовой стоит одно из лучших в Городе зданий, проекта Л.М. Чернигова.

Дом на углу Дерибасовской и Ришельевской (С.А. Ландесман) – строгий и холодный модерн (классицизм и ампир), и яркие мозаичные вставки в высоте его пятого этажа. И весь Колодезный переулок, от «дома-пряника» – гостиницы «Большой Московской» – и до двух домов на углу Греческой, включая Русский театр.

Здание на углу Надеждинской (№ 21) и Сабанеева моста, его проектировал и строил В.И. Прохаска в 1808-1809. Тяжело рустованы первые этажи, но гладкими оставлены плоскости самого верхнего из четырех. Наличники окон, выступающие тяжелой огранкой в третьем, сливаются с плоскостью стен четвертого этажа. Дом становится «легче» к верхним этажам, и это скрадывает его масштабы и грузность. Парадный вход высотой в два этажа и кованая дверь в мотивах модерна – простота – сила – чистота – ясность – и разруха!

Этот прием Прохаска повторил в 4-этажном и тоже угловом здании на углу Толстого и Новосельского улиц. У ворот сохранились флагодержатели – морские коньки, выпятив брюшко, обеими руками держат тяжелый флагшток, и кованые розы распустились на воротах у дома Прохаски…

В переулке Чайковского: 4-этажный красавец в модерне (№ 4), 1904 года рождения – фасад торжественный, как занавес в театре, и № 10 – трехэтажный модерн, 1905 год, у него три балкона, и у всех трех различен и очарователен рисунок кованой объемной ограды.

Стоят эти красавцы на Приморском бульваре, в переулке Лянунова, вдоль всей длины Преображенской и Маразлиевской, на Приморской улице (здания морского порта) и у Таможенной площади, на Щепкина и вдоль Пастера (великолепное здание Матросского клуба), на Конной и Торговой, на Пироговской (комплекс зданий Я.М. Пономаренко) и Новорыбной, вдоль Госпитальной, включая здание Еврейской больницы, и вся городская больница на Слободке-Романовке построена тоже в модерне, как и великое множество фонтанских дач…

Но все это даже не половина!

Если нанести на карту Города эти дома, построенные в основном от 1903 до 1914 годов, можно обнаружить удивительную и трагическую вещь. Так начиналась перестройка Города, так начиналось наступление на кварталы двухэтажных развалюх Молдаванки, городских трущоб, соседствующих с самым что ни на есть центром, так произведена была как бы разведка боем, и все определилось…

В 1904 году по примеру Неаполя и Берлина была задумана реконструкция центра Города – планировали проложить по осям Тираспольской и Почтовой улиц новую магистраль шириной 55 метров, застроив ее исключительно зданиями общественного назначения. Так началось великое наступление центра на окраины, сменившееся в последующее столетие эрозией почвы и встречным наступлением трущобных районов на городской центр. Ах, если бы не начавшаяся война, сменившаяся гражданской и затем всеми последующими кошмарными режимами! Все остановилось, трущобы, уже в те годы так именуемые, остались трущобами и простояли еще столетие, рушась и ветшая… Их укрепляли национальным типом контрфорсов – деревянными бревнами, подпирающими стены домов, упираясь в тротуар.

На стенах этих домов записана великая «загадка русского модерна», ключ к которой безвозвратно утерян. Вся эта богатая лепнина, причудливые ветви, полные цветов и листьев, маски и маскароны, тонкая и неглубокая профилировка поверхности, благодаря чему она способна варьировать цвет, – все это сохранилось в целости и сегодня. Как будто бы строители знали, что наступит столетие безвременья, когда ремонтировать эти стены

уже никто не станет… Так выполнены стены всех домов «русского модерна» в Городе, и если их намеренно не уродовали, они сохранили родное покрытие – это чистый и глубокий светло-серый цвет… Но был утерян секрет покрытия. Это заметно на противостоящих домах на въезде в Тираспольскую улицу. Отремонтировали недавно угловой левый дом и обмазали его чем-то серым, цвета мокрой земли. А справа стоит дом с медальоном-камеей на угловом фронтоне, где, говорят, запечатлена жена владельца, – он остался таким, как был от сотворения. И вот он имеет светло-серый и теплый цвет, данный ему от рождения, а обмазанный ремонтниками имеет цвет могилы, но, к счастью, уже очевидно, что вскоре эта замазка опадет. Что, конечно, украсит дом.

Народ, масса, население – вполне глухи к новым формам. Вот поучительный диалог:

Иоганн Гете: – Высшим и единственным в своем роде актом, как в природе, так и в искусстве, является образование формы.

Джованни Микелуччи: – Опыт учит нас, что на рождение новых форм, пластических или декоративных, массы реагируют всегда негативно, так как не хотят утруждать себя тем, чтобы их понять.*

Я наблюдаю – эти массы движутся мимо, вовсе и никогда не поднимая глаз на дома, балконы, эркеры, лепнину и статуи. Им все равно и все едино, этой пищеварительной массе. Нет, даже утруждая себя, они не в состоянии понять. Они могут только привыкнуть и подчиниться традиции. Если бы они строили Город, он был бы таким, как выглядят сегодня все новые городские районы, от пресловутых Черемушек до самых сегодняшних**. Безлико, глухо, стереотипно, бетонно-кирпичными бараками обустроенного жилья. Вместо рустованных стен, колонн и пиляст-

* Форму нельзя понять, ее можно почувствовать и постигнуть новое в строении мира.

** Сегодня ломают и перестраивают Город, возводя в самом центре многоэтажки, чистые, опрятные, но лишенные художественного чувства, подменяя архитектурную мысль мощью строительной индустрии, не понимая или никогда не зная, что назначение архитектуры не столько в том, чтобы дать человеку обустроенную берлогу, но в том именно, чтобы утвердить в нем чувство человеческого достоинства.

ров, кариатид и атлантов, кованых решеток балконов и ворот, и парадных дверей, эркеров, и вообще хоть какой-то архитектурной, основанной на накопленном человечеством опыте и чувстве мысли, они поставили бы здания с глухими плоскостями бетонных серых стен, сварными из доступного уголка решетками (не для красоты, но для охраны только…), выкрасили бы их в любимый цвет блевотины и стали бы жить… Не говоря о стиле, о его ощущении, об ощущении городской среды…

Но такой она была всегда, «серая Рабкоммуна», во все времена, – красота пропорций и рисунок ковки, светотень на фасаде и завиток кованой виноградной лозы на балконе – было во все их времена, ей – им вполне безразличны. Поэтому то немногое, что сохранилось, они продолжают уродовать и разрушать. Ломают балконы и вывешивают на их месте в уличное пространство какие-то глухие прямоугольники бетонных надолбов и закомар, не считаясь с рисунком здания, закладывают колонны, срубают мешающих кариатид, надстраивают здания, и над верхним этажом появляется казарменная коробка, ни по стилю, ни по высоте, ни по духу не вяжущаяся с этим зданием.*** Выломаны проездные ворота высокой ковки и литья, навсегда выбиты стекла парадных дверей, выломаны фрагменты у решеток лестничных маршей… «Без окон, без дверей, полна комната зверей…» – не загадка!

Власти такие же, из этого же народа, им это вполне безразлично, а архитекторское ведомство Города по неведомым причинам на все спокойно закрывает глаза…

Так и живут, оставляя вокруг «глухой матлот», словесно, но пока еще и письменно, не разучившись, на облупленных стенах, семечковую лузгу, разбитые пивные бутылки в мраморной чаше бассейна и горы мусора, брошенного мимо разломанных мусорных контейнеров. И ветер перемен разносит этот мусор вдоль улиц…

Так было.
И ничего не стало…
Да было ли это, Господи?

*** Так изувечили дом барона Масса на Екатерининской площади, и красавец дом, стройный, строгий, формообразующий эту площадь, превратился в какого-то проходимца в надвинутой на лоб кепке.

II
Паутинка

Краснеет замка черепица
Над синей пропастью двора…
Поль Верлен

To make a prairie it takes a clover and one bee, / One clover? And one a bee, / And revery. / The revery alone will do, / If bees are few.
Emily Dickinson

В доме, где давно не убирали пыль, привольно жить пауку. Он возникает из ничего, из слов ненаписанных писем, из затерявшихся в прошлом надежд и неисполненных обещаний, его приносит ветер, он невесом, но сотканная им паутинка легко устоит под натиском урагана. Рухнут стены, унесет ветер вырванные с корнем деревья, обрушатся электрические линии и окостенеют перевернутые на спину автомобили – а невесомая ткань паутинки сохранится, даже если не станет мастера паука. Стены наших домов, балконы, ограды и ворота, все соткано из продуманных рисунков, и рисунки эти только на первый и обманчивый взгляд легко понять и прочесть.

В Питере на Петроградской стороне есть балкон, сотканный из такой паутины, и в центре его висит, отдыхая, внимательный паук… Почему бы тебе не смотаться – глянуть?!

Никогда не тревожь паука! У него много заданной на дом работы, и наше понимание неверно, волшебная паутина ему нужна не в качестве снасти, но чтобы мы ею любовались, а мухи это так, сырье… Он соткет кружево и укрепит его на ветках деревьев, утром оно все будет в каплях росы, в бриллиантиках высокой огранки и засверкает в первых лучах солнца. Не тревожь его и работу его не разрушай – однажды Будда простил прегрешения человеку, пощадившему паука, – человек шел с кровавого ночного разбоя и переступил через паучка, бегущего по тропинке, – кто замолвит в нужный день за тебя слово?

Нежинская, 38

Как под прозрачной и ничего не скрывающей вуалью хорошеет тайной лицо женщины, так нашему Городу это плетеное чудо узоров!

Как это описать – рисунки решеток и люков, лепнину стен многообразием, объемом и фактурой, как это передать, не прибегая к фотографиям и зарисовкам? Нужны иные и новые органы чувств. Как ослепшему художнику форма и цвет, как глухому Бетховену звуки речи и музыки, как Чайковскому очарование женщины, так мои мне попытки. Может быть, это получится у вас?

Из чего можно сделать прерию?
Из пчелы – и цветочка клевера –
Одной пчелы – одного цветка –
Но, если там не растут цветы, –
Хватит одной мечты...

Эмили Дикинсон

III
Под ногами

Булыжник наших гранитных мостовых многоцветен, и форма его – хлебный кирпич. Он варьирует размером и часто широкие ряды чередуются с узкими. «Булыжники мостовой далеко не одноцветны, среди них есть даже зеленые…» – это Юрий Олеша увидел на наших мостовых. Повсеместно его залили асфальтом, но ряд улиц оставлен в булыжнике: Приморский бульвар, Пушкинская, Толстого, Французский бульвар… Брусчатка наших улиц линейна рисунком, серьезна и лишена всяких дуг и колечек:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал…

Павел Коган

Может быть, это потому, что с детства нога и глаз полюбили честную линейность наших дорог. Это важно, по каким рисункам мостовой бежит в булочную посланный за хлебом ребенок, но известно, что выросший на питерских дугообразных брусчатках Раскольников в результате убил топором старуху…

На Коблевской булыжные ряды поперечны улице, на Дворянской и Пушкинской они идут косым углом от краев к середине, «елочкой»*, а прямоугольник перекрестка набран конвертом, от каждого угла к центру.

Спуск от Театральной площади к Бульвару, плавной дугой огибающий Английский клуб, набран мелкими петитом – «торцевыми» гранитными кубиками, – так приятно ступает по ним нога! Как легко ступает! Они чуть шершавы, кубики гранита, как язычок ласкающейся кошки, как время нашей жизни. Я шел здесь с любимой, и торжественно лежала ее легкая рука на обшлаге моего рукава, и легко ложилась брусчатка, пружиня под нашими шагами. Поздней ночью

* Так, под углом к движению, укладывали гранитные плиты на своих дорогах римляне, чтобы колеса телег не образовали продольную колею, впрочем, они, колеса, за какое-нибудь полустолетие с этой задачей вполне справлялись, и это наглядно можно увидеть в Помпеях или Циппори.

мы весело взбегали по ней от Бульвара, держась за руки и возвращаясь домой, и смех наших голосов отражался, мячиком прыгая по торцам булыжника, стенам клуба, стволам и листьям деревьев. Он жадно впитывался кубиками гранита, стенами Оперы, ночным небом, прижавшимся к теплу земли, чтобы немного согреться и подслушать, и улетал к далеким звездам, чтобы их немного согреть.

И теперь, когда я иду этой дорожкой, тяжело ступая по давнишним камням, оставшимся молодыми, этот смех возвращается с далеких небес и согревает мне сердце.

Вчера мы там катались на саночках, с внучкой. Был, видимо, последний снег этого года. Последний, потому что сегодня он весь ушел обильными потоками слез. И весь Город утонул в озерах и реках, вчера еще бывших сугробами… Вчера вечером он, снег, это предчувствовал, мы были на этом спуске одни с саночками, и он на прощание стал покладистым, плотным и мягким, и скользучим. Саночки неслись сами по себе, даже, казалось, и вверх, на подъеме. Он радовался этому стремительному полету вместе с нами. Висел в густой и плотной синеве неба молоденький гоголевский любопытствующий месяц, было темно на спуске, и он сам освещал нам дорогу… Месяц был с видом Стамбула, разве что вместо минаретов белел высокий средник Оперы, и по плавному развороту крутого спуска от самой Театральной площади и до впадения в Пушкинскую улицу у Думской площади саночки неслись стремительно, неостановимо и беззвучно – так мягок, так упруг и податлив был радующийся вместе с нами снег.

Булыжник наш плотен укладкой и рельефен, как зерна кукурузного початка. Как чешуя дракона, и тело дороги выгнуто дугой к краям, как его спина. Если проснется дракон от столетнего сна и расправит занемевшие члены – задрожит земля и опрокинутся карточные ряды домов, и выйдет дракон на поверхность земли, тяжело и удивленно ворочая тяжелой и рогатой своей головой, готовясь к полету.

Везде, где к булыжнику не прикасались после 17-го года, он отлично лежит. Главное, чтобы не прикасались!

На тротуарах центра комли деревьев были убраны в чугунные решетки работы разных одесских заводов: «М.Э. ЭРНСТЪ Заводъ – Одесса», «Заводъ В. Рестель Одесса», и уже в советское время «Завод им. Осипенко, Одесса», но эти, последние, есть только на Садовой. Два широких и узких, литых и плоских полукольца, и внутри размещается еще два решетчатых, с трехъярусной ячеистой структурой, горловиной под самое дерево, как кружевной и кокетливый у дерева на горлышке воротничок. Решетка эта защищала основание дерева и позволяла ему дышать и получать влагу. И обувь прохожих она защищала в многолюдной тесноте наших широких тротуаров. Решетки сохранились на Дерибасовской, где они особые, квадратной формы, четырехсекторные, на Садовой и, частично, на Екатерининской и Преображенской.*

Бесконечно много в Городе люков. Обычно их не замечаешь, но, посмотрев под ноги, изумишься – их множество, различных назначением и формой, рисунком и происхождением. Как шляпки грибов, выросших в тени деревьев. Иногда на маленьком пятачке их пять-десять штук. Например, в моем дворе, на узком и длинном его пространстве, я насчитал двадцать люков, но, видимо, их все же больше. Я несколько раз пересчитывал, но их число варьирует в зависимости от направления счета – от ворот в дом или из дому к улице. Разбросаны они хаотично и прихотливо, в основном на широких тротуарах, но некоторые расположились на мостовой, прямо по ее центру, вдоль дороги, и эти имеют квадратную оболочку, на которой уже располагается круглый люк. Иногда рядом с люком находится и совсем маленький квадратной формы лючок, видимо, под ним спрятался кран (как под листиком гриб).

Иосиф Бродский как-то сказал о языке Андрея Платонова, что в нем закодирован абсурд нашей русской жизни. Нет нужды для такого вывода читать «Чевенгур», вполне достаточно задуматься над ошеломляющим количеством и странностями расположения наших люков…

* Эти решетки видны на рисунках Ефима Ладыженского, у кафе Робина и Фанкони по Екатерининской, на различных перекрестках Преображенской… Они несколько разнились рисунком, и видно, как этот рисунок украшал Город, вписываясь в его картину элементом южного орнамента.

Когда-то вдоль улиц, по обеим их сторонам, были вырыты глубокие открытые «ливневые» канавы, предназначенные для стока дождевой воды. Они видны на старых гравюрах городских улиц, это были открытые продольные улице канавы, идущие по краю тротуара, и на перекрестках через них были переброшены мостики. Потом эти канавы закрыли сверху, опустив под землю, и так возникли люки ливневой канализации, расположенные у самого края тротуара, для удобства стока воды. К ним добавлялась вертикальная полочка – заградительная решетка в месте слива водяных потоков. Как плотина у Днепрогэса. Имена у них: «Общ. «Трудъ» Одесса» – на Бульваре, повсеместно в центре «О.Г.В. СТ. ЧУМКА», «…ODESSA» на Пушкинской.

Старых люков сохранилось совсем немного: «М.А. Айзенъ. Одесса» (люк на углу Колодезного и Полицейской, если идти по Колодезному, по правой стороне, то этот люк лежит немного не доходя теперешнего здания банка);** в подъезде углового дома на Надеждинской у Сабанеева моста – «К…стеръ. Одесса». Есть люки с надписью «Трудколония. Одесса» с датой 1947 года – на Еврейской, в развилке Польской и Осипова, на Льва Толстого у № 13 и на углу Преображенской – Большой Арнаутской. Сразу приходит на память время под этой непростой датой, но возможно, что была это мирная трудолюбивая колония, отливали там люки. И лежит на дороге по улице Средней тяжестью могильной плиты люк «Одесса, ДЕТТРУДКОЛОНИЯ»…

Возможно, кто-то коллекционирует крышки от старых люков – часто их вовсе нет, и прохожий должен быть осторожен на наших улицах.

Под поверхностью Города лежат многоярусные катакомбы. Там никогда глаза не привыкают к темноте. Наша городская земля, как головка сыра, на разных уровнях прорезанная переплетением разновременных ходов древних и свежих выработок ракушечника. Они всегда под нами, но и под нашими домами тоже,

** К сожалению, его уже несколько лет как стащили, то ли есть такая особая область коллекционирования старых люков, то ли бомжи сдают эти люки в приемные пункты металлолома, но большая часть наших люков теперь прикрыта бетонной круглой плитой.

мы пересекаем их ходы ежечасно и вспоминаем об их реальности, остановленные внезапно, – провалилась колесами машина… Сегодня на Дегтярной, не доходя площади Толстого, я увидел такой провал. Ночью шел дождь, и в тротуаре образовалась обширная и глубокая щель. Внизу, метра два всего в глубину, был виден обнажившийся срез штольни, арка выработки, и ниже угадывалась ее глубина. А в ней – таящаяся чуждая и опасная жизнь.

Наши катакомбы как капканы, не столько расставленные в далеком прошлом, сколько позабытые сегодняшним недосмотром.

Иногда у меня возникает странное чувство – в глубине земли кто-то странный и мне неведомый сопровождает меня из улицы в улицу, идет он прямо подо мной, иногда ускоряясь в шаге своих многочисленных ног, чтобы не отстать, в том месте, где ход катакомбы петляет, и, догнав меня, он жадно поднимает голову к моим шагам по тротуару и тяжело вздыхает – так хочется ему со мной повидаться!

Надо бы мне спуститься к нему, в этот мрак и сырость подземелья, который он покинуть не может, и – поговорить!

Я недавно прочел, как в послереволюционные годы чекисты искали прятавшуюся в глубине и дальних закоулках катакомб контру, и вот на большой глубине катакомб под моим Михайловским садиком они натолкнулись на странные кости гигантских размеров.*

Специалисты из нашего университета эти кости достали и создали в университете музей. Было их свыше сорока видов, древних останков, и среди них страусы, слоны, гиены, саблезубые тигры, лисицы и мастодонты, и даже насчитали 400 останков верблюдов времени позднего плиоцена.

И вот теперь я припоминаю, я ведь это видел мальчишкой, не зная имен и названий, не зная этих прошедших времен, а прошли они так давно, что на самом деле никогда и не существовали. Но мальчишкой, ожидая, когда синий-синий, в темноту ночи цветом, сурман сядет наконец на ствол дерева, притаясь в тишине

* В 1928 году под Михайловской площадью в карстовых пещерах были обнаружены скопления останков млекопитающих животных, живших здесь 3,5-4 миллиона лет назад. Их нашли сотрудники одесского ГПУ, искавшие в катакомбах врагов советской власти.

и темноте кустов, я внезапно чувствовал чью-то странную мохнатую тень, из-за плеча, справа, кто-то и что-то ее отбрасывало, громадное и непонятное, оно выглядывало из-за моих плеч вместе со мной… Оно ожидало вместе со мной и вместе со мной переживало, чтобы не улетел красавец сурман, король легкокрылых стрекоз, чтобы сел и замер, и распустил, отдыхая, свои готические витражи-крылья.

Я вырос человеком именно потому, что здесь, в моем теперешнем Михайловском садике, в самом начале мира

– стояли высоченные глухие леса, еще первобытные, непроходимые… с полянами, полными шумящих на ветру высоких, в рост человека, трав… и головки цветов свешивались до земли…

– тяжелой поступью шли мамонты, покачивая задумчивыми головами…

– бежал сквозь глухие заросли джунглей саблезубый красавец тигр… и вот однажды он пробежал мимо и на меня искоса на бегу глянул, а я готовил, лежа в траве, задания по геометрии и, проследив за шелестом трав, закрывающихся

Иссахар Бер Рыбак

по его следам, мне впервые геометрия стала понятной и ясной насквозь…

– караваны верблюдов, пройдя пустыни, выходили к моему Зеленому садику и здесь, среди высоких кустов зелени, они паслись, ожидая меня…

– а там, вниз по Виноградной, где балка, моя Балковская улица, по ней мощно и неостановимо катила воды река, перекатывая тяжелые валуны. Как она называлась? Она была такой сильной и широкой, что ее не могли переплыть тогдашние красавцы олени.

Вот так и родились мои бабочки и стрекозы, – из праха мамонта, из кончика его бивня…

– из могучего хребта саблезубого тигра родился прыгучий кузнечик…

– а из тайной поступи гиены обозначился мой внимательный взгляд,

Из одного тела в другое
Вырастает таинственный разум.
Время кузнечика и пространство жука –
Вот младенчество мира*

Таинственный разум, которому научить невозможно, рождающийся из одного тела в другое и дальше переходящий, наследством,

* Николай Заболоцкий. Школа жуков.

вопреки всему научению мира… Сказочная шерсть и под ней удивительная кожа, и под ней нетерпеливо бьющееся живое сердце…

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин,

И мнимое рву постоянство
И самосознанье причин…

И вся моя школа была со мной, шла рядом, необходимостью и принуждением, но что-то еще, что-то иное, вне школы, вне правил, вне родительских слов… вне внешнего опыта… что-то из глубины сознания… куда иногда, очень редко… я в глубоком обмороке падал… и падая, знал… что это без дна и конца… что это страшнее всех вместе земных страшилок… и еще знал… спокойной уверенностью… что падаю я в материнские объятия земли… и всех ее детей… всех и всего… бывшего задолго до меня… и ждущего меня впереди!

И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей...

Осип Мандельштам, 1933 год

IV
Перед лицом

Тончайшим чугунным литьем были выполнены крылечки с навесами над парадным входом с улицы. Козырек такого навеса стереотипен и отливался, видимо, на одном из заводов Города. В его основе лежит прямоугольник с меандром, а в рисунке

Амедео Модильяни. 1911-1912

варьируется узор из прихотливых стрел и веточек с закрученными усиками, или пальметт. Иногда такой навес делался шириной в половину тротуара и покоился на двух литых столбиках, далеко вынесенных на тротуар. Так они сохранились на улицах Пастера, Коблевской, Еврейской, Греческой… Часто над козырьком помещалась монограмма владельца и год постройки…

Лучший козырек – у парадного входа дома Рафаловича на Пушкинской, теперешнего Музея западного и восточного искусства. Он литой в чугуне, тонкостенный и многослойный.

Дома Города имеют въездные проезды и запирающие их ворота. Первоначально большая их часть была деревянной. К началу века они были заменены на кованые и литые в металле, сохранились иногда только навершия, тяжелые и резные, с окошками в переплетении решеток и кружев – и в них герб, дата рождения дома, инициалы владельца, вензель. Формой они полукруглы или прямоугольны, как выполнен был сам дворовый проезд… в них резные полуколонки, овалы прорезей с металлическими вставками…

Эти ворота особые у каждого дома. Они «прозрачны», выполнены из кованых и литых деталей. Ворота были украшением дома, его «визитной карточкой», и сделаны были добротно, раз устояли столетие безвременья, когда рассчитывать на чьи-то заботливые руки уже не приходилось. Многие из ворот пропали, а о том, что появилось взамен, говорить не стоит. Но часть этих городских стражей все же уцелела, немногие здоровыми и целыми, больше инвалидами. Они криво висят на полусорванных петлях,

и видно, что много десятилетий их, открыв в последний раз, уже не закрывали. Как двери в навсегда обворованном и расхищенном доме. В доме покойника. Так, ошельмованные, утратившие части своих тел, покрытые десятикратными напластованиями красок, они и стоят на страже – смены им не будет. Тех дворников, заботившихся и нуждающихся в этих воротах, в одночасье не стало, новые разве что скребут вениками тротуары и метут листья, густо посыпая поднятой пылью неосторожных прохожих.

В глубине двора на Елисаветинской виден скрытый зеленью дом, пилоны ворот выступили в уличное пространство, но сами ворота сотканы из паутины – притаившийся где-то, ждет ваших неосторожных шагов паук, и притворяется он фонарем, покачиваясь на невидимой глазу паутинке.

На Греческой у № 20 они завершаются дворцовой полудугой, а в ковку ворот вплетены грифоны, яростно дышащие огнем и с хищно высунутыми языками. Во многих воротах сохранились старые замки. По замочной скважине видно, как велик был давно утерянный за ненадобностью ключ.

Самые красивые в Городе ворота у дома № 38 на Нежинской.* Они сотканы из виноградной лозы и листьев, и в их гуще прячутся виноградные гроздья. Гроздья припорошены пылью – они так давно созрели и их пора снять. Отлучился хозяин. А в арке над воротами – кованые многолепестковые розы в ощетинившихся шипами кустах. Ну зачем розам шипы?

«– Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? … – Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, – этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок…» Но если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли!»

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

* Проектировал и строил архитектор А.Я. Меннер, 1909.

Розовые шипы вовсе не охраняют розы, они хранят нас от неверных и опасных порывов! Эти ворота должны сохраниться! Потому что, если время их съест, это все равно, как если бы все наши оставшиеся звезды погасли бы разом!

И еще есть ворота у дома Фальц-Фейнов на Надеждинской – то, что осталось, левая створка. На ней растут невиданной красоты цветы.

В навершии ворот сохранились инициалы давнишних владельцев и даты строительства дома. Иногда они вплетены в кружево балконной ограды или вынесены на поверхности стен. Современники умели читать эти знаки, они знали или слышали о владельцах, которые тогда среди них жили. Владельцев этих давно не стало, и большую часть их имен позабыли. Можно покопаться в архивах, но прохожему недосуг, и он просто отмечает на ходу эти знаки как символы прошедшего времени и ушедших уже поколений.

Ужасающи запустением наши парадные входы, когда-то созданные парадно и величаво. Жильцы наводят красоты в квартирах, но сразу за дверьми, на лестничных площадках и ступенях, наступает «разруха». Разбиты витражи, обломаны ступени, выломаны звенья решеток, распахнуты навсегда настежь резные двери… Попробуйте осторожно, чтобы не измазаться, войти в любое из множеств таких парадных входов – и вас встретит чудо художества: в рисунке и ковке лестничных решеток, в аристократичной плавности переходов. Там нет, к сожалению, опознавательных знаков, имен художника и мастерской…

Литые ступеньки («М. Нудельман. Одесса»), тонкие, как русские блины на Масленицу, прозрачные на свету, ведут в квартиру с улицы. «Общ. «Трудъ». Одесса» – ступеньки и ограда крылечек на Базарной. «И.М. Яловиковъ. Одесса» – это лестницы с адресами на Базарной, 38, Канатной, 38, 60, 64, и еще есть внутренняя, левая, «черная», в отличие от мраморной и парадной, лестница в библиотеке Новороссийского университета. Она невесома, соткана из тончайших чугунных плиток-ступенек и опорных кронштейнов, она парит в высоком и просторном лестничном проеме библиотеки, залитом солнечным светом, и по ней поднимаясь, испытываешь чувство взвешенности в многоэтажном пространстве вестибюля…

(Как часто в прошлом я шел этими ступенями и ровно на середине, в высоте пронизанного солнечными лучами пространства, я останавливался, позабыв, с чем и за чем шел. Я стоял, облокотившись на кованую решетку огражденья, и рассматривал людей, идущих мимо, вверх – мужчин, и вниз – женщин, в старого покроя сюртуках были мужчины, в стоячих воротничках, и они поднимались по этим ступеням, касаясь меня,

– этот был задумчив, шел не торопясь и что-то обсуждал сам с собой, шевеля губами, нахмурившись, и был он математик Новороссийского университета, он меня чуть задел и посторонился, извинившись перед пустым для него пространством,

– этот легко взбегал и улыбался, и книгу нес он, толстую книгу о физических основаниях мира, но думал о чем-то ином, и рядом со мной он поравнялся с молоденькой девушкой, такой пронзительно стройной, с талией, нигде, кроме нашего Города, не бываемой, и они остановились, заговорив о каком-то научном семинаре, – но я видел, что здесь в ином, и совсем не в семинаре дело, и оказался прав – они спустились вместе по этим летящим ступеням, и я услышал их веселые шаги по гулким плитам коридора, а потом распахнулись двери – и они вышли на весеннюю Преображенскую.

Я стоял и продолжал их видеть – прошел дождь, прямо перед этой минутой, и они теперь шли в весеннем солнечном свете, осторожно переступая через лужи…)

Флагодержателями в Городе чаще всего служили львиные чугунные морды; крылатые драконы; орел, распахнувший крылья, с кольцом в клюве, держащий флаг в когтистых лапах; изогнутые прихотливо морские коньки, овальные медальоны. Дореволюционные оконные жалюзи («Л. Рубин. Одесса») не только сохранились, но и хорошо работают. Многоцветные витражи были сделаны в домах модерна в объемах парадных лестниц и мало где уцелели, разве что фрагментами, а крышей для этих лестниц часто служил световой фонарь.

Дворовые колодцы были в каждом дворе и уцелели в немногих. Они, правда, не совсем были колодцы. Это, как правило, большие подземные резервуары, выложенные из кирпича или

твердого камня с хорошо отштукатуренными стенками. Сюда по подземным лоткам стекали с односкатных крыш дождевая и талая воды. А наверху были установлены колодцы, как мы их привыкли называть. Они выточены из мраморной глыбы в форме приземистого сосуда (и напоминают фигурой среднего, и значит, лучшего возраста горожанок), над ними кованая сень решетки, в которой укреплен сохранившийся ворот. Ручка ворота отполирована работой: трудолюбиво поскрипывал ворот, наматывая цепь, ведро звенело и задевало стенки глубокого колодца, рука ощущала тяжесть и холодящую чистоту поднимаемой к свету воды. Было утро, ласково грело солнце сквозь зелень листьев, леденила губы колодезная вода.

У этого колодца солнечным и тихим, еще ранним утром можно было встретить юную красавицу и попросить напиться воды. Как в русских сказках – живой! Как в еврейских – так Иаков встретил свою Рахиль у колодца в Харране, и так началась жизнь Народа.

Потом в дворовое пространство пришел водопровод, и закрыли горловины колодцев, поставив дворовые краны. А колодцы остались в центре дворов, такие же красивые, как были всегда. Арка дворового проезда, прохладная и полная зелени глубина двора и прямо напротив ворот, посредине центральной дворовой клумбы – белоснежное чудо колодца и кованая лира с воротом венчает его, как гербовый родовой знак.

И давно не бьющие водой дворовые фонтаны.

Продолжение следует

Дитя расчета и отваги

Беседа редактора альманаха Феликса Кохрихта
с президентом АО «ПЛАСКЕ» Олегом Платоновым

Полностью пушкинская строфа из Одесской главы «Евгения Онегина звучит так: «Дитя расчета и отваги, идет купец взглянуть на флаги. Проведать, шлют ли небеса ему знакомы паруса. Какие новые товары вступили нынче в карантин? Пришли ли бочки жданных вин?..».

Всего 13 месяцев прожил поэт в Одессе и с прозорливостью гения не только дал молодому городу символическую Грамоту на бессмертие, но и с проницательностью ученого определил его главные приоритеты, которые только обозначились в начале XIX века, но остаются и сегодня, в веке XXI. Среди них, разумеется, и искусство («Там упоительный Россини, Европы баловень – Орфей…»), и полиэтничность – основа одесского менталитета («Язык Италии златой звучит на улице веселой…»), и многое другое, достойное отдельного разговора. Но определяя тему разговора с нашим собеседником, я выбрал именно ту пушкинскую цитату, которую вынес в заголовок этих заметок.

И вот почему. И Олег Исаакович Платонов, и я присоединяемся к главному тезису: в конце XVIII века Одесса задумывалась и затем состоялась как стратегический порт на Черном море, причем не военно-морская база, а как мирная гавань, откуда товары Российской империи (и в первую очередь – хлеб) получили выход не только в Черное море, но и в мировой океан. Расчет оказался верным, и спустя считанные десятилетия в молодой порт потянулись караваны парусников, затем пароходов, к Одессе побежали железнодорожные пути и шоссейные дороги, зачастили аэропланы – она стала крупным транспортным узлом, каковой и была все годы – и в Российской империи, и в Советском Союзе, и остается сегодня – в государстве Украина.

Независимо от социального и государственного строя, во все времена суть наследников одесских мореплавателей, портовиков, деловых

людей, чья жизнь была связана с морем, с портом, с отправкой, ожиданием и получением грузов – товаров, со взаимоотношениями с партнерами, говорящими на разных языках, как и пушкинского одесского купца, определялась главными свойствами характера: расчетом и отвагой.

Рискну предположить, что и в наши дни это определение звучит хотя и пафосно, но актуально.

Олегу Исааковичу Платонову пафос чужд, и вот как он ответил на мой вопрос:

– Что же подвигло вас на создание новой структуры – АО «ПЛАСКЕ», решившей взять на себя многие функции по координации деятельности транспортников страны в те годы, когда после распада СССР исчезло Черноморское пароходство, были нарушены наработанные контакты, говоря словами великого Шекспира – «распалась связь времен»?

– Действительно, в трудные 90-е годы мы определились: берем на себя ответственность и вступаем на поле деятельности, которую монополизировало государство, – постараемся в новой реальности способствовать тому, чтобы в первую очередь в полную меру заработали наши порты – Одесский, Ильичевский (Черноморский), Южный – главные составляющие главного бренда Одессы. Они ведь связывали как коммуникаторы Украину, Россию, Белоруссию со странами Европы, обеспечивали выход наших товаров на рынки Средиземноморья, Кавказа, Центральной Азии.

Что мы, «ПЛАСКЕ», могли сделать, для того чтобы помочь этому сложнейшему механизму со многими участниками вновь заработать, причем в новых условиях? Как сохранить и преумножить грузопоток? Выбор пал на транспортно-экспедиторскую деятельность, которая и сегодня у нас – одна из основных.

– В годы моей молодости экспедиторы осуществляли доставку товаров, скажем, с молокозаводов в магазины или со складов на склад. Чем занимаются сегодня ваши сотрудники, представляющие этот род занятий?

– У наших специалистов немало сложных задач, причем с использованием современных практик и технологий международного класса. Мы занимаемся организацией мультимодальных перевозок – иными словами, комбинированных (море, желез-

ные дороги, авто- и авиатранспорт) в разных сочетаниях. Не только организуем различные комбинации, но и создаем оптимальные выгодные для всех участников варианты и сопровождаем эти грузы по всему маршруту следования. Разумеется, сегодня экспедиторы не трясутся на облучке телеги, не проводят месяцы в товарных вагонах или в трюмах судов – контроль, учет и управление процессом осуществляются при помощи новейших средств связи и наблюдения на интерактивной основе.

– Есть ли унифицированные, принятые и в других странах параметры деятельности экспедиторов нашего времени? Где на них учат?

– Учат, в частности, в «ПЛАСКЕ», руководствуясь международными стандартами, но и применяя собственные методики, прошедшие апробацию и положительно оцененные партнерами. Мы входим в ассоциацию «Укрвнештранс», а через нее в Федерацию национальных ассоциаций (Цюрих), которая обладает правом аккредитации учебных центров. Уже несколько лет готовим в Одессе специалистов разного уровня, в том числе и высшего, а профессия называется «транспортный экспедитор».

– В быстро меняющейся мировой конъюнктуре перевозок важно быть осведомленными и оперативно реагировать как на конструктивные предложения, так и на различные вызовы от конкурентов...

– Для того чтобы быть в курсе важнейших событий и новаций, необходимо постоянно общаться с коллегами в рамках международных и профессиональных структур, одной из которых является Организация сотрудничества железных дорог. Совместными

PLASKE
ПЛАСКЕ
Энергия движения

усилиями удалось значительно упростить схему взаимодействия на стыке отраслей, и сегодня на морских участках железнодорожники используют единый документ, что позволило приступить к реализации давних планов. И в первую очередь возродить, можно сказать, мечту о соединении в одном маршруте Балтийского, Черного и Каспийского морей, что открывает новые горизонты в торговых отношениях Украины с европейскими государствами, со странами Центральной Азии, Ирана, Афганистана, Узбекистана, Туркменистана. Сейчас идет серьезная апробация этого проекта, и мы, одесситы, должны представить наш регион наиболее привлекательным для партнеров.

– За вашими профессиональными терминами, звучащими по-деловому и понятными специалистам, мне почудились слышанные еще в детстве рассказы о неутомимых путешественниках, предприимчивых купцах – людях отважных и расчетливых, которые в древности водили караваны верблюдов и флотилии парусников по Великому шелковому пути… Участвует ли «ПЛАСКЕ» в международной программе «Шелковый путь»? Снаряжали ли и провожали ли вы этот караван – грузовой состав, недавно отправившийся из Одессы на Восток?

– Так сложилось в жизни, что мы имели отношения к этому пилотному проекту.

– Столь лаконичны – по традиции – бывают те, кто связан с большим и моготрудным делом, не терпящим суеты, а судя по всему, освоение Шелкового пути – из таковых…

– Поезд, который 25 января 2016 года вышел из Ильичевска на болгарском пароме «Герои Севастополя», – экспериментальный: до последнего времени не существовало сквозного гарантированного маршрута Одесса – Казахстан – Китай. Перед этим

Украинские железные дороги сформировали состав, провели масштабные переговоры, и проект стал международным, с использованием разных видов транспорта. Одни порожние контейнеры отправились в Китай через Казахстан, другие – в Грузию. Из порта Батуми состав проследовал через Грузию в Азербайджан, а затем через Каспийское море и Казахстан, достиг границы с Китаем. Вопреки тяжелым погодным условиям и различным препятствиям маршрут из Европы в Азию занял всего 15 дней, но расчеты показывают, что из Польши в Китай можно добраться за 11.

– Есть такое крылатое выражение: «увидеть свет в конце туннеля», связанное с надеждой на то, что несмотря на все трудности, подчас трагические, жизнь все же повернется светлой стороной – к стране, семье, человеку... Что думает об этом Олег Платонов – ныне руководитель крупного предприятия, человек с большим международным опытом, начинавший трудовую биографию как паровозный машинист?

Контейнерный поезд впервые отправляется по маршруту:
Украина – Грузия – Азербайджан – Казахстан – Китай

– Интересный вопрос… Из туннеля можно и не вернуться: свет иногда и манит, и обманывает. Скажем, это может быть встречный поезд… Опыт работы машинистом дает мне сегодня возможность оценивать вызовы, даже опасные, как возможности. Сегодня нам, как говорится, светят разные перспективы, но как опытный железнодорожник призываю внимательно и без суеты «проверить туннель» и убедиться, что впереди – действительно выход…

– Достаточно заглянуть в последние выпуски новостей по ТВ и в Интернете, чтобы убедиться в том, что вы и ваши коллеги постоянно принимаете участие в совещаниях, конференциях, симпозиумах на разном уровне – межгосударственном, правительственном, профессиональном. Представители «ПЛАСКЕ» занимают руководящие должности в международных союзах и ассоциациях – это почетно, ответственно, но и обременительно?

– Все три определения имеют место быть, в том числе и последнее… Мы понимаем, что представляем и страну, и наш город, и стремимся делать это достойно. Назову лишь важнейшие сообщества. Сегодня «ПЛАСКЕ» представлено в Европейской бизнес-ассоциации, в Федерации ICC, регулирующей правила международной торговли, во Всемирных торговой и таможенной ассоциациях, в Европейской комиссии ООН и других структурах, и отовсюду черпаем новации, опыт, ищем пути сотрудничества, как и надлежит одесситам.

– Сотрудничество, толерантность, стремление понять собеседника, на каком бы языке он ни говорил, – родовые черты одесситов. С первых лет, прошедших после основания города, одесское общество – дворяне, купцы, мещане, политики, лидеры религиозных и этнических сообществ – стремились к благотворительности, к просвещенному меценатству: вспомним лишь Григория Маразли. И еще многонациональное население первым делом построило в юном городе театр, воспетый Пушкиным: «Но уж темнеет вечер синий, пора нам в оперу скорей».

Среди социально-культурных проектов АО «ПЛАСКЕ» видное место занимает сотрудничество с Одесским национальным театром оперы и балета, потребовавшее как мате-

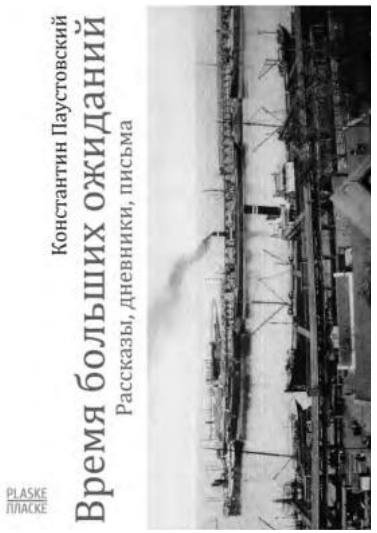
риальных, так и творческих усилий – создан современный фирменный стиль, поддержана постановка нескольких спектаклей. «ПЛАСКЕ» сотрудничает и с другими учреждениями культуры и искусства, печатными изданиями... Что побудило вас, причем не в самые благополучные годы, к столь масштабным, да и затратным решениям?

– Началось все не с Оперного театра, а с Литературного музея, где в 2000 году возникла замечательная идея создания Сада скульптур – перспективная и достойная поддержки, в чем сегодня могут убедиться и одесситы, и гости города. Мы ведь люди, хотя и состоявшиеся, но вовсе не такие уж богатые, и, посоветовавшись, решили выбрать приоритетные в нашем понимании объекты поддержки. Эту составляющую нашей социальной деятельности возглавил Иван Липтуга. С годами «ПЛАСКЕ» вступило в партнерские некоммерческие отношения со Всемирным клубом одесситов и, в частности, стало соиздателем альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», продолжило сотрудничество с Оперным театром, Литературным музеем, с которым выпускаем «Одесский календарь», Одесской национальной библиотекой, Муниципальным баскетбольным клубом. Оказываем помощь религиозным организациям.

А что до побудительных мотивов, то мы об этом не особенно задумываемся. Я руководствуюсь простыми, на первый взгляд, но проверенными временем житейскими правилами, доставшимися нам от первых одесситов: сочувствуй и будь гостеприимен.

Мы стараемся прислушиваться к стуку в наши двери и учимся открывать их – пусть не всегда, но по мере возможности и совпадения чувств… Прошли годы, и я сегодня могу поделиться с нашими читателями полученным опытом: когда отдаешь на хорошее дело, то к тебе и вернется…

– Среди поддержанных «ПЛАСКЕ» проектов – и «Одесская библиотека», в издании которой принимали участие и я, и мои коллеги по альманаху, и наши авторы. Среди выпущенных книг я, пожалуй, горжусь томом «Время больших ожиданий», созданным в сотрудничестве с Литературным музеем и вместившим практически все, что создал в Одессе и впоследствии об Одессе Константин Паустовский.

Рискну предположить, что он, не одессит по рождению, как и Пушкин, сумел не только вдохновиться городом и морем, но и проникнуть в суть одесского люда, одесской натуры, одесской мечты. В разговоре мы выяснили, что и вы привязаны к этому замечательному человеку, выдающемуся писателю. От него, как и от Пушкина, и от Бабеля читающий мир узнал о нашем городе.

Мы начали разговор с Олегом Исааковичем Платоновым с цитаты из Пушкина, а закончим словами Паустовского: «Одесса прекрасна. Каждый, кто ее покинул, испытывает тоску по ее акациям, ее говору, ее великолепному морю – родному и потому самому лучшему из всех морей».

Ростислав Александров

Кафе Фанкони

Уроженец Швейцарии Я. Фанкони, понаторевший в кондитерском мастерстве за шестнадцать лет обучения в Варшаве, открыл свое кафе 1 ноября 1872 года в одноэтажном домике под черепицей на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц. Со временем разросшееся «заведение» прихватило еще часть помещений соседнего по Екатерининской улице дома, а с 1913 года помещалось в только что выстроенном на этом месте по проекту архитектора Ю. Дмитренко четырехэтажном здании, в котором потом много лет располагалось агентство Аэрофлота.

К тому времени Я. Фанкони и поступивший к нему компаньоном его брат Д. Фанкони уже умерли, а кафе отошло к их родственнику Ф. Скведеру.

Новый владелец предприимчиво сохранил прежнее название, так как кафе Фанкони преотлично зарекомендовало себя. Известность его была настолько широкой, что оно попало даже в одно из произведений одесского городского фольклора – песенку о некоем маркёре, «о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони». К услугам посетителей тут были несколько залов, летняя веранда, бильярдная, так называемый дамский салон, предлагали русские и иностранные газеты и журналы.

«Это кафе, где пьют кофе, едят мороженое и заключают сделки», – пояснил Шолом-Алейхем в романе «Менахем-Мендл». Расположенное в центре города, в гуще коммерческой жизни кафе превратили в свою «штаб-квартиру» биржевые игроки мелкого пошиба, маклеры, «бурженники и лапетутники, – как не без юмора отметил А.И. Куприн в рассказе «Белая акация», – две загадочные профессии, известные только в Одессе». Но потом казавший-

ся вечным цикл «чашка кофе – купля – легкий скандал – порция мороженого – мелкий обман – продажа – чашка кофе и все сначала» нарушили, а саму жизнь кафе подчинили себе грянувшие события.

В марте 1917 года, как будет вспоминать Л. Утесов в книге «С песней по жизни», «в одном из наиболее популярных тогда кафе, «Робина» (автора подвела память: описываемое происходило в кафе Фанкони. – **Р. А.**) был устроен… «оригинальный» аукцион, на котором я продавал оковы Котовского, как бы символ старого мира, для сбора денег на подарки солдатам Временного правительства». Одесситка, купившая ручные кандалы в кафе Фанкони, в 1925 году, когда хоронили Котовского, испросила разрешения возложить их на гроб комбрига.

Незадолго до Январского восстания, к концу 1917 года, когда барометр политических событий уже устойчиво показывал бурю, кафе Фанкони затихло. К этому времени относится описание кафе в романе Валентина Катаева «Зимний ветер»: «Петя толкнул вращающуюся дверь и… очутился в знаменитом кафе. Петя был разочарован. Вместо шика и блеска он увидел почти пустой,

запущенный зал с диванчиками, столиками и дубовыми панелями, до бесконечности умноженными большими стенными зеркалами…».

В период австро-немецкой оккупации в 1918 году «город… угрюмо затаился и погас, – рассказывал П. Северов в повести «Сергей Линде», – только в кафе Фанкони, где гуляли немецкие офицеры, гремела музыка и горели огни. В кафе было весело, как в праздник на кладбище».

Последовавшая за австро-немецкой оккупацией французская интервенция подорвала надежды завсегдатаев кафе. Наблюдавший все это А. Толстой позже отметит в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», что «в городе и у Фанкони торговали одними только накладными… На лицах у дельцов было одно и то же выражение – смесь окончательного недоверия ко всякому жизненному явлению, будь то французский броненосец или накладная на вагон волоцких орехов».

Во время деникинщины, по свидетельству К. Паустовского, при котором отзвучали последние аккорды гражданской войны в Одессе, «одесские мелкие биржевые игроки и спекулянты, так

называемые лапетутники, стушевались перед нашествием наглых и жестоких спекулянтов, бежавших, как они сами злобно говорили, из Совдепии. «Лапетутники только горько вздыхали, – кончилась патриархальная жизнь, когда у Фанкони целый месяц переходила из рук в руки… одна и та же затертая железнодорожная накладная на вагон лимонной кислоты в Архангельске», – писал он в повести «Начало неведомого века».

А вскоре кончилось и само кафе: в феврале 1920 года здесь открыли «Клуб военморов имени Шмидта», что и имел в виду В. Нарбут, когда в стихотворении «7 февраля 1920 года» писал о том, как «широким военморам у Фанкони артелью раздувают самовар». Вслед за этим в помещении кафе был «культурный клуб моряков», а потом ресторан, именовавшийся по старинке «Кафе Фанкони».

После ресторана тут располагалась столовая, под стенами которой мельтешили «пикейные жилеты», благодаря Илье Ильфу и Евгению Петрову давно ставшие фигурами совершенно

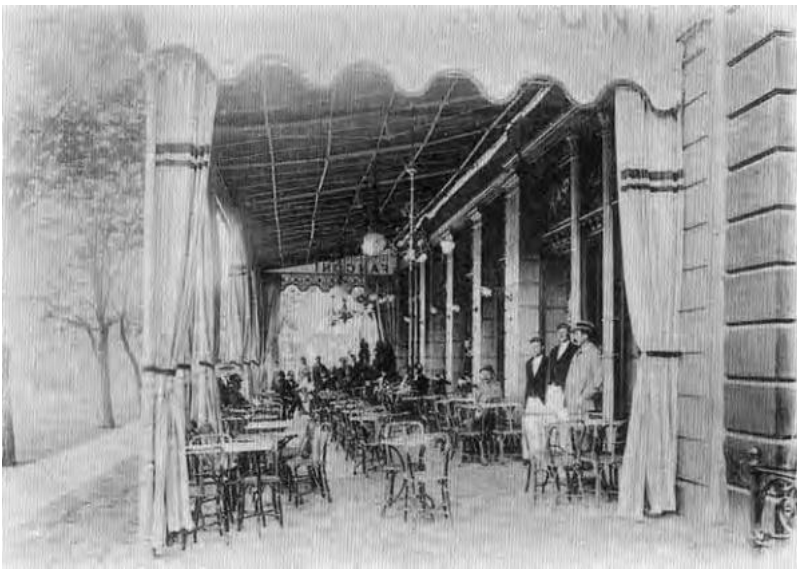

нарицательными: «Это были странные и смешные в наше время люди. Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье… Здесь… у столовой № 68, где раньше помещалось прославленное кафе «Флорида» (читай Фанкони. – **Р. А.**), собирались обломки дореволюционного коммерческого Черноморска: маклера, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтера и другая шушера. Когда-то они собирались здесь для совершения сделок… Все, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом. Когда-то, лет сто назад, Черноморск был действительно вольным городом, и это было так весело и доходно, что легенда о «порто-франко» до сих пор еще бросала золотой блеск на светлый угол у кафе «Флорида».

Нужно сказать, что большинство фактов, деталей, ситуаций, обстоятельств и терминов в романах Ильфа и Петрова отнюдь

не являются плодами авторского воображения. Это – самые что ни на есть реалии времени и места действия, в данном случае – Одессы. И идея «пикейных жилетов» о возрождении порто-франко имела под собой документальную основу, перенесенную соавторами из начала в конец 1920-х годов. Тогда в Одессе распространились слухи о якобы предстоящем возобновлении порто-франко, столь вожделенного для одесситов. Слухи эти были настолько упорными, что их пришлось официально опровергнуть. «Во избежание неправильного толкования происходящих в настоящее время суждений в межведомственном совещании комиссии НКПС по вопросу расширения одесского порта, повлекших за собой появление в некоторых газетах статей об устройстве в порту вольной гавани, – сообщили одесские «Известия» летом 1921 года, – отдел портов… считает необходимым в опровержение указанных сообщений поставить в известность о состоявшемся по сему вопросу постановлении совещания: признать, что в настоящее время нет оснований к устройству

в одесском порту временной вольной гавани». Так, к сожалению, лопнула мечта «пикейных жилетов», нежно взлелеянная ими под стенами кафе Фанкони, превратившегося в заурядную нарпитовскую столовую…

Столовую опять сменил ресторан, который в обиходе продолжали именовать по-старому. «Нашей небольшой группе литературных юнцов было… по душе «Фанкони», где можно было занять отдельную «кабину» и где метрдотель относился к нашим еженедельным встречам подчеркнуто благосклонно. Мы, в большинстве своем студенты одесских рабфаков и вузов… просиживали до часу ночи каждое воскресенье, читая вслух рифмованную продукцию, произведенную за неделю», – писал поэт, в ту пору студент сельскохозяйственного института, Савва Голованивский в воспоминаниях о Бабеле «Знаменитый одессит».

Встречи молодых литераторов в кафе Фанкони можно в некоторой степени считать продолжением традиции: и в старом кафе бывали местные и приезжие литераторы. «Здесь сияли светлые

глаза Бунина», – отметили в фельетоне «Одесса» братья Тур. По словам В. Каменского, он с В. Маяковским и Д. Бурлюком заходил сюда в 1914 году. Посещали популярное кафе и люди театра, что подтверждает в книге «Былое перед глазами» актер, впоследствии театральный деятель И. Нежный: «Было в Одессе кафе «Фанкони», где собирались актеры, антрепренеры, администраторы, владельцы театральных предприятий… Закушняк (известный эстрадный артист, мастер художественного чтения. – **Р. А.**) любил сидеть в окружении этого шумного, веселого, беспокойного люда». Заглядывал «к Фанкони» и тяготевший к актерам и литераторам С. Уточкин, которого запомнил старейшина советской эстрады, конферансье А. Алексеев. «На веранде кафе Фанкони, расположенного на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц, царит воскресное оживление, – писал он в книге воспоминаний «Серьезное и смешное», – за столиками, крытыми белоснежными скатертями, завтракают актеры одесских театров, музыканты, маклеры… За одним из столиков сидит погруженный в раздумья Сергей Исаевич…»

Кафе Фанкони было одной из тех черточек, которые создавали своеобразие старой Одессы, и, безусловно, достойно памяти или… возрождения.

Иллюстрации из книги «Одесса в почтовых открытках»
А. Дроздовского и Е. Красновой

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Редькин

Соломон Давидович, удобно устроившись в своем рабочем кресле, маленькими глотками отпивал черный кофе. Через открытое окно в комнату проникало весеннее утро с запахом тополиных почек и писком синички где-то в соседней кроне.

Отчет за первый квартал сдан. Начальство в целом довольно. Сегодня пятница и самое время себе заказать на воскресение что-нибудь эдакое. Из окна нижнего этажа доносилась веселенькая музычка.

И тут зазвонил телефон. Соломон Давидович взял трубку, предварительно расплывшись в улыбке и настраиваясь на работу с клиентом.

– Доброе утро, я рад вас слышать снова. Но, простите, вы ведь могли бы зайти к нам, как всегда, вот и поговорили бы. И кофе у нас, пожалуй, не хуже, чем в ресторане. Ну конечно, я буду, ну как можно отказать постоянному клиенту? Да, хорошо, но лучше в семь. Раз для вас это так важно, и вообще, я всегда с удовольствием. До вечера, будьте здоровы! – сказал в трубку коммерческий директор и положил ее на рычаг. Хорошее настроение как-то сразу улетучилось.

Каким-то дополнительным чувством Соломон Давидович почуял, что звонок этот неспроста, и проблема, которую хочет обсудить Редькин, вряд ли такая уж «мелочишка», как он сказал, и аппетит испортить вполне способна.

---

* Продолжение. Начало в кн. 64.

К семи часам Соломон Давидович входил в зал небольшого ресторанчика под милым названием «Бегемотик».

«Зачем опаздывать? – подумал он, входя в зал, – раньше приду – раньше свободен, лишь бы Редькин не опоздал».

Редькин уже сидел за столиком в уютном углу почти пустого зала. На столике стояли два бокала, бросающие красные блики от пламени свечи на конусы салфеток. На тарелках была разложена изысканная закуска, этаким букетом.

«Интересный разговор предстоит, – подумал Соломон Давидович, – даже вино мое запомнил. Что-то ему нужно».

Редькин, казалось, был несказанно рад встрече. Даже вышел навстречу из-за стола.

Соломон Давидович уселся в кресло, но почему-то не почувствовал с ним привычного единения. Он слушал ничего не значащую болтовню соседа и уже было подумал, что вечер пропал зря, как вдруг Редькин сказал:

– Между прочим, из-за вас я недавно получил небольшой скандальер прямо по месту жительства, так сказать, на семейном фронте.

– А мы тут при чем? – поинтересовался Соломон Давидович для поддержания разговора, предвидя нудное описание какой-то домашней неурядицы.

– Очень даже при чем. Возвращаюсь я из очередного путешествия. Ну, вы знаете мои пристрастия – рестораны и театры Парижа. Девятнадцатый век, светское и полусветское общество, приличная кухня, Монмартр. На этот раз я сидел в Мулен-Руже. Не скрою – меня там любят. Как завсегдатаи, так и артисты – артистки, точнее. Ну и я никогда не скуплюсь. Кошелек мой всегда открыт – не жалко.

«Добрый ежик – чужим золотом разбрасываться», – подумал Соломон Давидович, но перебивать не стал.

– Так вот, после представления я, как всегда, за кулисы. Кордебалет на мне висит, прима ждет у себя. В общем, все прекрасно, все как всегда. Жаль, но все хорошее когда-нибудь кончается. Лампа догорела, открываю я глаза – и из своего кабинета прямо домой. Обед, конечно, в парижском ресторане прекрасный, но кушать хочется.

Захожу я в свою квартиру, супруга меня встречает. «Что это у тебя на лице? – спрашивает. – А ну-ка, подойди к свету. Так у тебя вся морда в помаде, и в какой яркой!» Я посмотрел в зеркало и обмер.

При этих словах Редькина у Соломона Давидовича все внутри сжалось, и только что съеденный супчик превратился в холодец. На какое-то время его сознание отключилось от внешнего мира, и в голове крутились только две фразы: «Не может быть! Как же так?». Когда у Соломона Давидовича опять включился слух, Редькин как раз дошел до кульминации повествования.

– Мумочка, – говорю я, – это меня девочки поздравляли с днем ангела по ошибке. Фаня Семеновна, ну, та дама, что у меня делает фирменную фаршированную рыбу, почему-то решила, что у меня сегодня день ангела, ну и девочки налетели.

Моя супруга еще больше раскричалась, говорит:

– Кому ты, старый козел, будешь лапшу на уши вешать? Может, твоя Фаня и не знает твоего дня рождения, но насчет твоей национальности вот уж никак не сомневается. Она точно была твоей любовницей, а может, и сейчас с ней былое приятно вспомнить.

В общем, я получил по полной программе. Не буду же я рассказывать про девочек из кордебалета. Какая уж там Фаня, хотя она когда-то тоже была очень даже ничего.

– Так вы действительно считаете, что помада оттуда? Но ведь этого не может быть! – прервал уже готового пуститься в воспоминания Редькина коммерческий директор. – Вы ведь сами знаете, что иногда мы можем попасть в места и ситуации, которые, как нам кажется, нам когда-то снились, и это ровно ничего не доказывает. Мало ли откуда у вас может появиться на лице помада. Объяснений этому мужчины и, главным образом, мужья за последние столетия придумали множество.

– Тут вы совершенно правы, Соломон Давидович, – согласился с ним Редькин, – объяснений действительно множество, – для жен. Но тонкость вся в том, что, во-первых, они ни одному из них не верят, а во-вторых, мужчина, как правило, наверняка знает происхождение подобного компромата.

Но не об этом маленьком семейном скандальчике я хотел с вами, уважаемый, поговорить. Если бы я хотел рассказать что-нибудь веселое из моей семейной жизни, я бы выбрал что-то другое.

– Но я опять отвлекаюсь, – перебил сам себя Редькин.

Он сделал заговорщицки серьезное лицо, перегнулся через стол, накрыл руку собеседника своей и почти в лицо Соломон Давидовичу прошептал: «Помада оттуда – это точно». Директор отдернул руку, как будто ее ошпарили.

Затем Редькин плюхнулся в свое кресло и многозначительно замолчал, глядя на собеседника.

– Так вот, – продолжил Редькин, явно довольный произведенным эффектом, – у меня тут возникла интересная, как мне кажется, идейка.

В этом самом французском Мулен-Руже, где, как вы знаете, я частенько бываю, познакомился я одним странным типом. У нас, собственно, алкоголиков тоже предостаточно. И хромых на обе ноги тоже можно найти, если поискать. Но этот клиент, мало того что все это, так еще и гений. Я, конечно, художественных школ не заканчивал, но телевизор смотрю. Тулуз Лотрек его зовут – вот! Я как только его автопортрет увидел, так сразу и понял – это он, тот странный мужичок, с которым я только недавно так мило беседовал. Это я сейчас по-французски ни бум-бум, а в Париже все меня понимают.

Так вот этот Лотрек рисует на чем придется и своим друзьям даром раздает, а теперь рисунки этих девок никому не известных стоят кучу денег. Одной больше, одной меньше – никто же не знает, сколько их всего было. Смекаете, о чем я? Ну, и ваши интересы, конечно, в приоритете.

– Любой искусствовед скажет, что это новодел, – автоматически заметил Соломон Давидович, думая совершенно о другом, – да и вообще, это совершенно невозможно. Вы же понимаете, что это сон, – окончательно вернувшись в реальность, стал выкручиваться он.

По крайней мере Редькин был уверен, что директор выкручивается, притом довольно неуклюже.

– Сволочи, однако, – уже сидя дома перед телевизором, размышлял Редькин, – любым путем увиливают. И это понятно – у них на это монополия. Никого в долю брать не собираются. Опять же – кофе, еще одно доказательство. Тут такого не купишь, тем более в соседнем ларьке. И я поступил бы так же, и еще

попытался бы от себя избавиться. Нет, что-то я запутался – самому от себя никак не избавиться, разве что перестать быть собой. Тогда кто от кого должен избавляться?

На экране телевизора какой-то идиот высовывал руку из ящика для приема посылок, пугая подходивших. Раздавался дурацкий смех.

«Везде нас пытаются дураками выставить», – подумал Редькин и переключил канал. Там на ринге два здоровенных негра молотили друг друга по и так черным лицам.

«Вот – так-то оно проще – в открытую, – опять подумал Редькин, – а если они сильнее? Неграм хорошо, на них, может, и синяков не видно, и череп в два раза толще обычного. Да, неувязочка получается.

Значит нужно найти какие-то обходные ходы. Зря он выложил все директору. Теперь они, гады, насторожились, наверное, и сам Давидович за оплошность получит, то-то так в лице переменился и занервничал.

Значит, нужно выждать немного, пока успокоятся, и самому попытаться что-то предпринять. Получилось один раз – получится и в другой».

Придя хоть к какому-то выводу, Редькин перешел на диван, и как только удобно улегся, подложив под бок подушечку, из кухни раздался голос его супруги: «Боря, иди кушать. Я уже налила супчик». Этого пропускать было никак нельзя. На Мумочке Редькин в свое время женился не в последнюю очередь из-за ее кулинарных способностей.

В задумчивости разделяя фрикадельки в тарелке на мелкие части, Редькин пытался поймать ускользающую мысль, которая помахала ему хвостиком, когда он вставал с дивана. Но идея продолжала ускользать, а фрикадельки уже превратились в кашицу. Мысль нужно было как-то зафиксировать. И Редькин решился.

– Мумочка, где-то у нас была бутылочка коньячку? – задумчиво обратился он к жене, скатывая из хлеба шарик.

– И какой у нас сегодня праздник? – поинтересовалась жена. – Тебе же врач запретил, и жареное тоже. Я вот паровые котлеты делаю, а ты их коньяком запиваешь.

Но коньяк принесла, налила стопочку и опять отнесла в буфет.

– А день может быть сегодня особенный, а может, даже в нашей жизни переломный, как знать? – ответил Редькин, выпил коньяк и заел кусочком апельсина с блюдечка. – Может, жизнь наша изменится, и может даже, к лучшему, а сейчас мне подумать надо.

Мумочка еще что-то говорила о том, что хорошие идеи обычно дорого обходятся семье, а надо бы помочь сыну, а то в этой Америке ничего не заработаешь. Но Редькин уже по привычке отключил от своего сознания голос жены и стал думать.

В основном он отправлялся в места отдыха и хорошего питания. Приятно съесть чего душа пожелает, и чтобы тебе за это ничего не было. В места известные, ну хотя бы в Мулен-Руж. Известные по преданиям или исторически достоверные. Стоп! Исторически. То есть они в прошлом.

Оглянувшись, Редькин быстро полил паровую котлету кетчупом и положил в рот.

Вот именно – в прошлом. Из прошлого в будущее. Из настоящего в прошлое. Так это же перемещение во времени! И перемещать они могут только меня, а помада, видимо, переместилась как часть меня. Интересно!

Значит, если я спрячу какой-нибудь предмет там, и его никто не украдет по дороге, то я его получу здесь.

Эта мысль так поразила Редькина, что он встал из-за стола, так и не закончив обед, подошел к своей супруге сзади, обнял ее и прошептал на ушко:

– Мумочка, твой таки муж не такой уж и дурак!

После чего улегся на диван и стал пребывать в глубоком раздумье.

От такой выходки мужа Эмма Самойловна разволновалась окончательно. Последний раз, когда у мужа наблюдался такой взрыв самооценки, пришлось продать машину.

Петя

Петя выглянул из парадного. Дождь лил как нанятый, громко булькая соседней водосточной трубой. В свете фонаря под козырьком крыльца мерз нахохлившийся грач.

«Вот гадость, – подумал Петя, – зонтик забыл! А куда, собственно, спешить? К шести пойдут троллейбусы, а может, и дождь кончится. Покемарю в подвале часик – кто меня оттуда гонит? А этот гад пусть здесь на сквозняке и в сырости развлекается».

И очень довольный последним доводом, Петя вернулся в подвал. Там он придвинул свой стул к креслу «Пончика», уселся в кресле, положив ноги на стул, и оказалось, что сидеть так очень уютно. С улицы доносилось журчание воды, в подвале было тепло и сухо, и Петя начал потихонечку дремать.

Вдруг какой-то шорох заставил Петю открыть глаза. Перед ним стоял буфет, за которым, собственно, и разливалось масло по лампам. Буфет был старинный и, похоже, собранный из двух разных шкафов. Верх состоял из трех отделений, с дверцами, в которые были вставлены толстые граненые стекла в свинцовых переплетах. Верхушку украшала затейливая резная композиция из цветов и фруктов. Низ был когда-то комодом с множеством выдвижных ящиков, в которых располагались лампы и бутылочки с маслами.

Неожиданно Пете показалось, что дверцы буфета медленно и со скрипом открываются, а верхушка пристально смотрит глазом-яблоком. Петя вгляделся и увидел крепкий загнутый клюв и пронзительный слегка безумный глаз с круглым зрачком. Глаз мигнул и уставился на Петю. В скрипе дверец вдруг послышалось «ко-ко-коо», и вся верхняя часть буфета превратилась в огромную рыжую пеструю птицу. Она медленно повернулась на когтистых куриных лапах к Пете задом и расправила веером крапчатый хвост. Из нижнего отделения выдвинулся ящик с пустыми ячейками из-под бутылочек. Птица заквохтала. Из-под хвоста у нее показалось что-то округлое, перламутрово-золотистое. «Яйца будет нести», – подумал Петя.

Но из-под хвоста вдруг выпала знакомая бутылочка с круглым дном и узким горлышком и упала точно в ячейку. Показалась вторая бутылочка, потом третья, четвертая. Птица приговаривала «ко-ко-коо», а бутылочки одна за другой падали точно в ячейки. Наконец ящик заполнился. Птица вздохнула. Но тут верхний ящик сам собой задвинулся в буфет, а на его место выехал тот, что был ниже. Птица опять заквохтала, и бутылочки опять стали опускаться в ячейки. Петя глядел на это, открыв рот. Заполнив вто-

рой ящик, она перешла к третьему. Когда задвинулся последний ящик, птица захлопала крыльями, неуклюже повернулась кругом, встрепенулась, зашуршав перьями, сложила крылья, спрятала клюв под крыло и снова превратилась в деревянное украшение.

Обалдевший Петя вскочил с кресла, подбежал к буфету, выдвинул ящик и уставился на бутылочки. Они были тщательно пронумерованы, и возле каждой лежала бумажная лейка.

– Тьфу, черт! – высказался Петя и перекрестился. Ничего не изменилось. Он вернулся в кресло и задумался.

И тут опять раздался скрип, но уже за его спиной. Петя удивленно оглянулся. Сзади была гладкая стена – он это точно знал. Но сейчас за ним была дверь, и на пороге стоял плюгавенький рыжий карлик в изумрудном бархатном камзоле с филигранными золотыми пуговицами. На ногах у него были великолепные синие фирменные кроссовки. За спиной карлика угадывался глубокий темный проход в катакомбы.

Незнакомец злобно глянул на Петю и пошел к буфету, волоча за собой пустую проволочную тачку из супермаркета. Он вынул ящик с заполненными лампами и вывернул лампы насыпью в тачку – аж загрохотало. Петя хотел вскочить, но кресло не отпускало, крикнуть тоже не удалось. А карлик высыпал сверху второй ящик ламп, встряхнул тачку, чтоб улеглись, и отправил в нее таким же манером остальные лампы. Опять злобно глянул на Петю и сказал:

– А ты думал, они сами тут появляются? – и, оставив ящики на полу, утащил тачку в туннель. Не оглядываясь, карлик лягнул дверь прохода, и она снова стала стеной.

Петя дернулся и вскочил. На полу стояли ящики с пронумерованными пустыми лампами в ячейках. Петя попробовал поставить ящик на место. Ящик был тяжеленный и задвигался плохо.

– Вот гад! – выругался Петя. – Не мог сам на место поставить, а еще зарплату получает.

Управившись с ящиками, Петя поставил стул и кресло на место и отправился домой.

Дождь кончился, на улице было холодно, сыро и серо. Петя поднял воротник, засунул руки поглубже в карманы и пошел на остановку, не оборачиваясь на грача, – с него на сегодня было достаточно.

Мумочка и Галина

Галина мыла посуду, заодно обдумывая конструкцию каркаса куклы. Дело это было безрадостное. Кастрюль, как всегда, было четыре. Почему кастрюль всегда четыре, Галина уже давно перестала разбираться – видимо, это закон природы такой. Каркас по теории получался, а на практике нет. Вернее, внутри куклы он функционировал нормально, а к подставке не пришпандоривался – как ни крути, а все равно шатался. А главное – мысли все время сбивались на Петину работу.

Ну какой женщине понравится, если ее мужчина в первом часу ночи вылазит из постели и уходит невесть куда? И то, что он аккуратно возвращается к пяти утра голодный и так, и этак, – совсем не утешает. Ты ему не жена, и когда он раздуплится и женится, неизвестно.

Можно, конечно, его послать и поискать кого-нибудь другого. Теоретически. Но в данном случае все как с каркасом. И главное понятно, что никуда они друг от друга не денутся, а вот поди ж ты.

Ну что это за работа такая? И пахнет от него. Ну, говорит, что это ароматические масла. Но местами уж очень похоже на французские духи, то женские, то мужские. Ну, в последнем варианте она сомневается. Потому как уж очень Петя консервативно-патриархальный. Так что соперников среди мужчин искать вроде не стоит.

Опять же эта история с дверью. С досады Галина скомкала полиэтиленовую майонезную баночку и зашвырнула в мусорное ведро, хотя обычно эти баночки мыла и разводила в них краску.

Они пошли на день рождения к Светлане. И лучше бы не ходили. Света, конечно, заказчик, и сама кукол покупает, и других приводит, но в близкие знакомые к ней лучше не идти. И для бизнеса, и для семьи лучше. Но тут Светлана вцепилась, как клещ: «Я тебе презентацию устрою – у меня весь бомонд будет на именинах».

Пошли! Во-первых, чем ближе они подходили к Светиному дому, тем больше портилось у Пети настроение. Потом он почему-то засунул свой ключ в дверь парадного. На звонок по мобильнику прибежал сын Светланы, открыл дверь и побежал наверх.

Вдруг потух свет – и Петя исчез. Галина боялась темноты и стала судорожно ощупывать совершенно гладкие стены. Свет тут же включился – и Петя оказался рядом: пихал какую-то дверь, которой только что не было. Или была? Создавалось впечатление, что дверь исчезла прямо на глазах. И Петя про нее сказал, что он здесь работает, но их позвали сверху, и стало не до двери. А когда шли вниз, то двери уже точно не было. Галина даже стену пощупала. И спрашивать было глупо. Как вам понравится такой вопрос:

– Петечка, была ли у Светы в подъезде дверь, а если была, то куда ты ее дел?

В гостях Галине показалось, что Света ведет себя по отношению к Пете уж очень по-свойски. Но тут опять пойди пойми – уж такой ее Петя располагающий к себе человек. Всем кажется, что они с ним в один детский сад ходили.

Конечно, все гости ахали на Галкиных кукол, хотя у Светы вкус так себе – одну пупсятину заказывает. Но Галина как-то скисла, и если бы не Петя с его неисчерпаемым запасом анекдотов, так бы и провалила встречу. Светлана ее опять приглашала вместе с Петей, но Галина увильнула.

И самое противное, что когда она заносила Свете очередную фею – никакой двери в парадном не было. И что думать – совершенно непонятно! Хотя, возможно, ее просто заложили, потому что подъезд был свежеотремонтирован. И Светлана сказала, что не помнит, была у них дверь под лестницей или нет. Но ведь не в двери дело!

А может, Петя ходит к Свете на посиделки? Может, просто так, поиграться, а все равно обидно. Тут воображение у Галины понеслось вскачь, и она, чтоб не расплакаться, оставила посуду и пошла красить овечий мех для кукольных волос – дело морочливое и требующее внимания.

Но проклятая дверь не шла у нее из головы, и Галина решила пойти к Мумочке.

Мумочка жила этажом выше и была на двадцать лет старше. Почему ее называли Мумочкой, неясно. То ли это была сложная метаморфоза имени, Эмма – Маня – Муся – Мумочка, то ли производное от мамули. Но так ее звали и муж, и дети, и соседи. С Мумочкой они ходили в клуб биоэнергетики, где, собственно, и познакомились.

Галина ходила на презентацию в новых босоножках на высоченных каблуках. Пробегав два с половиной часа, она совершенно обезножела и, ковыляя к маршрутке, вдруг увидела открытую дверь в немыслимой красоты белый сводчатый подвал. На полу на войлочной кошме сидели босые люди. Искушение снять босоножки победило: Галина спустилась вниз и таки их сняла!

Ее приняли как родную. Учитель был седой, спортивный и очень интеллигентный, обучающиеся дамы – ну просто комильфо! Атмосфера ну очень возвышенная. Галине там сразу очень понравилось, и она даже записалась на инициацию рэйки.

Не все в подвале сидели на полу. Возле двери в низеньком кресле, накрытом клетчатым пледом, как шоколадное мороженое в вазочке, покоилась пышная дама в индийском сарафане с бахромой. Из-под бахромы выглядывали пухленькие маленькие ножки с розовыми пальчиками и пятками. Это была Мумочка. Мумочка была умная. Более того, она была мудрая. И, как оказалось на обратном пути, она жила с Галиной через потолок.

Галина отжала выполосканный мех, повесила его сушить, и только взяла телефон, как раздался звонок в дверь, и Мумочка пришла в гости сама.

Пока варился кофе с мускатным орехом и доставалось печенье, Галина рассказала про все свои сомнения: и про дверь, и про Свету, и про Петину работу. Мумочка слушала и не перебивала.

Галина разливала кофе, себе в кухонную чашку с котом, а гостье в специально гостевую полупрозрачную китайскую фарфоровую чашку с журавлями. Мумочка задумалась. Она думала довольно долго, отхлебывая кофе мелкими глоточками и не забывая про печенье. Наконец все взвесив, она стала задавать вопросы.

– А что, Петя кидается, шипит, в глаза не смотрит, еду ругает, плохо ест?

– Да нет, ест за милую душу и не кидается, только думает и молчит.

– Вот зараза, а раньше кидался?

– Нет.

– Это уже лучше, хотя как сказать…

– А подарки дарит сам?

– Дарит. Сам.

– Н-да. Деньги складывает или еще долги отдает?

– Вот сейчас последние отдает, но, по-моему, уже начал складывать.

– Ты, Галина, как всегда, не в ту сторону смотришь. На Свету ты плюнь, она, конечно, вертихвостка, но Петя ей не нужен – не те деньги. Даже если она ему голову морочить будет, то не слишком долго, ремонт она уже закончила. А твой Петя не так блестит, чтоб им гостей развлекать, и не такой крутой, чтоб за его счет жить.

С дверями там не разбери-поймешь, но это тоже чепуха, и дела его фирмы – может, они от налоговой прячутся. А вот что это за работа такая, чтоб за штуку зелени четыре часа в ночь работать? Что-то тут не то! То ли он врет, то ли ему врут. Вот он и думает. Видимо, ему тоже что-то не нравится, вот и молчит – тебя волновать не хочет. Я так думаю, что скоро прояснится. Ты особенно не волнуйся, Петя везучий. До сих пор как-то крутился – и сейчас выкрутится. Толку с него не будет, в смысле денег, но человек он порядочный и приятный, хотя с его скоростями я б его уже убила.

– Почему денег не будет? Он же старается…

– Потому что ему работать интереснее, чем зарабатывать, – ты сама такая же. А вот что мне с Редькиным делать? То, что он опять шляется, то и черт с ним. Но чует мое сердце, что затевается опять какая-то афера. На днях приходит в помаде. И какая помада – я такой уже лет тридцать не видала, такая у моей тети Лизы была, сейчас такую не делают. Что за баба? Судя по помаде, ей должно быть лет восемьдесят.

Опять же глаза горят, бегает туда-сюда. Вчера борщ пересолила – глотнул не глядя. Это Редькин-то? Ой, кажется мне, опять пролетим на деньги. А вчера я к нему в кафе сходила, а у него на столе масляная лампа стоит. Вот я и вспомнила про Петю. Ты его порасспроси – хотя вряд ли он что-то знает. Может, Редькин тоже хочет в это ввязаться, так мне еще не хватало, чтоб его посадили.

Мумочка пухлой ручкой перевернула чашку и, подождав, глубокомысленно поджав губы, воззрилась на кофейные узоры. Тяжело вздохнула и засобиралась домой.

Милиция

«Гражданин (без документов) был задержан в помещении продовольственного магазина «Одарка», где он втыкал острый предмет в грудную клетку гр. Попричного В.И., чем нанес ему повреждения, несовместимые с жизнью (протокол судмедэкспертизы прилагается)».

Майор Оприщенко посмотрел на фотографии подследственного: рожа какая-то мерзкая, с низким лбом и приплюснутым носом. И рот какой-то странный – домиком, с опущенными краями и торчащей вперед верхней губой. Рост – метр пятьдесят. Вес – девяносто килограммов. Однако!

«Наверное, цыган, – подумал майор. – Сейчас сюда придет целый табор каких-то цыган и будут клятвенно утверждать, что этот ублюдок весь вчерашний день провел в ресторане на юбилее какого-то их родственника, и с него глаз не спускало сорок человек. Гадость какая!»

Майор давно закаялся иметь дело с цыганами из-за общей бесперспективщины – были прецеденты.

– Так, что нам скажут медэксперты? «…проникающее ранение острым предметом на 10 см. В процессе движения этого предмета сломаны два ребра. («Однако же!») Смерть наступила несколько ранее ранения или в одно время с ним в результате обширного инфаркта миокарда». А это уже интересно, но ничего не доказывает. Если тебя сейчас попытаются вскрыть как курицу, то у многих может произойти инфаркт. Ну что ж, посмотрим на клиента.

Оприщенко снял трубку и сказал: «Приведите вчерашнего задержанного, как его там? – майор глянул на первую страницу дела и добавил: – Ну, маленького черного», – и повесил трубку.

В дверь постучали, и два здоровенных конвоира втащили в кабинет почти шарообразного человечка с руками, скрепленными за спиной наручниками. Он упирался, всячески тормозя движение, и на какое-то время вся компания застряла в дверях. Как только его усадили на стул для допроса, он тут же вскочил и попытался броситься к столу с криком:

– Человек, отпусти меня, а то хуже будет!

Конвоиры посадили его на место, придержав за плечи. «Действительно, мерзкий тип», – подумал майор.

Начиная с низкого лба весь череп человечка был покрыт мелкими колечками сбившегося черного волоса или шерсти. Эта же шерсть выглядывала из рукавов, покрывая руки до пальцев. А на пальцах росли прямо-таки когти, черные и загнутые.

Майор сначала подумал, как всегда, отослать охрану, но потом вызвал из соседнего отдела лейтенанта Петькина – мужика здорового и тренированного. Так, на всякий случай.

Петькин зашел и присел на край стола. Охрана вышла за дверь, устроившись в коридоре.

– Вот субъект, – кивнул майор на цыгана, – завалил в гастрономе товарища стилетом и кричит, чтобы отпустили. Куча народа это видела, а он еще и угрожает.

– Угрожает? Это уже интересно! – оживился Петькин и окинул мужичка кровожадным взглядом.

– Ну, ладно, приступим. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

– Гули мы. Колодезные, подземные, – прогундосил цыган.

Майор записал фамилию – Гуль.

– Имя как? – опять спросил он.

– Человек, я тебе уже сказал, что никого не убивал, клятву я давал такую: убить только двоих – и всё. Это мясо само лежало, свежее. Разве нельзя? – прогундосил Гуль. И вдруг вскочив, опять бросился к столу с криком: – Отпустите, говорю вам – время идет!

От удара в живот Петькина, который, казалось, только того и ждал, мужичок согнулся и опять упал на стул, приобретя совершенно шарообразную форму.

– Раз вы так – тогда я обиделся! – зарычал он.

– И говорить не будешь? – перебил его майор. – Ничего, посидишь сутки в камере, а ребята с тобой поговорят. Глядишь – и разговоришься, а мы пока со свидетелями поработаем.

Майор многозначительно глянул на Петькина и уже собрался вызвать охрану, как вдруг арестованный опять заговорил:

– Я тебя, человек, предупреждал, что спешу, и пока никого не убил? – спросил он совершенно спокойным голосом.

Оба следователя уставились на цыгана, не зная, что делать. И не столько от его слов, сколько от его поведения.

Гуль вставал со стула и одновременно проворачивал руки, сцепленные сзади наручниками, вперед. Причем и наручники, и руки проходили сквозь туловище самого цыгана. Вывернув руки вперед, Гуль стряхнул с них наручники и, составив указательные и большие пальцы так, что они образовывали кинематографическую рамку, посмотрел через нее на Петькина. Глаза лейтенанта остекленели, и он тихонько сполз на пол.

Цыган подошел к обалдевшему майору и, указав ногтем большого пальца левой руки, который становился все длинней и длинней, превращаясь в двадцатисантиметровый клинок, сказал:

– Пиши пропуск, начальник, – нельзя мне всех убивать.

Получив пропуск из похолодевших рук майора, гуль ухмыльнулся, показав из-под верхней губы два длинных белых зуба, и приговаривая: «А жрать-то как хочется», – направился к двери. Вдруг на что-то решившись, вернулся, поронул когтем по пульсирующей на горле лежащего лейтенанта сонной артерии и, нагнувшись над фонтанчиком крови, утолил жажду. Поднявшись, вытер морду рукавом и вышел, тихонько притворив за собой дверь.

Редькин

Всю неделю Редькин готовился к путешествию. Он то сидел в задумчивости в своем кабинете и вносил некоторые поправки в свою будущую заявку, то гонял по городу и разглядывал старые дома в его центре, то сидел в библиотеке и перелистывал краеведческую литературу. К пятнице заявка была готова.

В эту субботу банкета в его кафе не было, и на этот раз Редькин был этому даже рад. Отпустив уборщицу, он запер кафе изнутри, потом заперся в своем кабинете, удобно устроился в кресле на колесиках, поставил перед собой лампу и зажег фитиль.

Серый жеребец весело цокал подковами по камням мостовой. В храме на соборной площади звонили колокола, оповещая о вечерней службе. Солнце блестело на мокрых листьях молодых кле-

нов в сквере на площади и отражалось в окнах недавно построенного Пассажа.

Редькин ехал в пролетке мимо собора, мимо Пассажа, и настроение у него было замечательное. Экипаж повернул с Преображенской на Дерибасовскую и покатил мимо Городского сада. Вдоль улицы все в цвету стояли молодые акации.

«А теперь здесь липы, а акации уже лет сорок пять как выкорчевали, – подумал Редькин, – а акации тут были, пожалуй, как-то уместней».

Навстречу пролетке попадались редкие извозчики. Прохожие переходили улицу в удобном для себя месте. «Прямо как сейчас», – подумал Редькин.

На углу Екатерининской стоял роскошный городовой с саблей и револьвером на шнуре.

Пропустили автомобиль, поворачивающий с Екатерининской на Дерибасовскую. Жеребец дернулся в сторону, но кучер удержал его. Повернув, проехали квартал по Екатерининской.

– А вот и кафе Фанкони, барин, – сообщил кучер, останавливая пролетку.

На улице под парусиновым тентом стояли столики. С подносами бегали официанты в длинных белых передниках.

– Все-таки приятно, когда тебя называют барином и не имеют в виду никаких значений этого слова, кроме буквального.

Редькин с барским видом расстегнул сюртук, достал из кармана жилетки золотую луковицу часов, поддел крышечку, которая с музыкой отворилась. Было пять минут седьмого, из храмов доносился колокольный перезвон, в высокие окна проникали лучи еще не горячего вечернего солнца начала лета. Редькин зашел в кафе. Подбежавший гарсон провел посетителя за угловой столик, из-за которого был виден весь зал.

За столиком напротив у другой стены сидела компания молодых людей, одетых по последней моде. Среди них явно выделялся молодой джентльмен, безукоризненно одетый, с тонкими усиками и несколько раскосыми глазами.

Редькин отпивал небольшими глоточками очень ароматный кофе – колониальный товар. «Может, они даже тут кофе берут», – подумал он, рассматривая молодых людей.

Но тут и молодые люди заметили Редькина. Тот, что с усиками, встал, подошел к Редькину и, поздравив с приездом, предложил пересесть к нему. Редькин, как бы делая одолжение, согласился.

Подводя Редькина к столику, Мишка Япончик, а это был он собственной персоной, представил гостя друзьям.

– Знакомьтесь, это гость нашего города и мой старый друг Шмерль Иосифович Горинштейн, – ребята дружески закивали. – Он прибыл ко мне по небольшому дельцу из Санкт-Петербурга. Там он известен под именем Рюрикович.

Произнесенное имя произвело на ребят впечатление гранаты, которая крутится на столе с зажженным фитилем. Они наперебой стали подниматься из-за стола, еще раз неуклюже поздравлять Редькина с прибытием, а затем старший из них высказал общую мысль:

– Миша, мы тут, пожалуй, пойдем пройдемся по свежему воздуху, очень уж вечер хорош.

После разрешающего «да, да, конечно» ребята быстренько убрались из кафе с видом, что им крупно повезло. Каждый из них знал, что за Рюриковичем трупов больше, чем они вместе съели фаршированных рыб.

Этой выдумкой Редькин был особенно доволен.

– Так что именно вас, уважаемый, привело в наш прекрасный город из вашего, не менее замечательного? – поинтересовался Миша, после того как чашка Редькина опустела.

– Миша, ты же знаешь, что ты мне как сын (Япончика несколько передернуло), и мне всегда приятно с тобой посидеть побеседовать, когда я бываю в Одессе, – начал излагать Редькин, промокнув рот салфеткой. – Но в данном случае я хочу обратиться к тебе с просьбой, – Редькин сделал паузу, как бы обдумывая, стоит ли обращаться.

– Да, конечно, чем могу – помогу, – вставил Япончик реплику в паузу.

– Нет, нет, ничего сложного, – поспешил заверить Редькин, – мне нужна какая-нибудь прелестная вещица на подарок. Что-нибудь в виде броши, кулона, в крайнем случае перстень. Я бы у вас приобрел. Я, конечно, мог бы обратиться к ювелирам,

но меня некоторые знают. И вообще, зачем светиться в этом городе, где все так замечательно беспечны, что одевают украшения даже по вечерам?

Редькин улыбнулся своей шутке, как бы давая знать, что можно тоже улыбнуться, но Япончик сидел серьезный и что-то прикидывал в уме.

– Я, кажется, имею что вам предложить, – подумав, сказал он. – К нам тут попалась недавно одна интересная вещица – небольшая розеточка с бриллиантами и изумрудами. Занятная вещица и чудненько смотрится в районе дамского бюста. Так вот ее я хочу вам и предложить. Вещица у нас в городе может быть легко опознана, так что мы ее собирались разобрать и продать, так сказать, на запчасти, и если вы ее увезете – так и ладненько.

Получив утвердительный кивок Редькина, Миша жестом подозвал официанта и велел позвать с улицы Яшу. Ребята далеко на свежий воздух не пошли, а сидели за столиком на веранде, рассматривая содержимое проезжающих мимо пролеток.

– Яша, – сказал Япончик, – слетай на Базарную к тете Симе и привези ту безделушку, что я ей оставил, она знает. Скажешь: «Миша просил аккуратненько».

– Айн момент, – сказал Яша и исчез.

Буквально через полчаса он появился, соскочив с подножки еще не успевшего остановиться извозчика.

– Это передала тетя Сима, – отрапортовал он и протянул Япончику сверточек зеленого бархата. – Немного задержался – она искала, во что поприличнее завернуть.

– Пожалуйте взглянуть, – предложил Миша, когда Яша исчез в дверях.

Редькин развернул зеленую тряпицу и внутренне ахнул. Это действительно было чудо. На бархатной салфетке лежал цветок из бриллиантов и изумрудов. Редькин сам придумал эту брошь, но даже не представлял, как она может быть хороша на самом деле. Он взял брошь в руки и какое-то время ловил ее камнями лучик желтого вечернего солнца, проходящего через высокое окно кафе.

– Ну что, берете? – прервал это занятие Миша, так как множественные блики на потолке уже стали привлекать посетителей.

– Беру, – выдохнул Редькин, с сожалением заворачивая брошь в бархотку и пряча во внутренний карман сюртука.

– О цене мы, надеюсь, договоримся? – насторожившись, спросил Миша.

– Да что тут договариваться, – сказал Редькин, – я думаю, этого хватит.

С этими словами он достал из кармана пачку сторублевых банкнот в банковской упаковке и протянул их Япончику.

Миша сорвал бумажную обвязку и прошелестел купюрами.

– Тут даже много, с избытком, хватило бы и половины, – сказал он.

– Миша, разве я обращался бы к тебе по мелочам? Все суета сует, и не стоит придавать деньгам больше значения, чем они имеют.

В голосе Редькина появились отцовские нотки.

– Хорошо, будем считать, что я ваш должник, – сказал Миша, пряча деньги в бумажник. – Но зачем нам эти долги? Позвольте пригласить вас в ресторан. Сегодня или завтра, как вам удобно. Можно неплохо посидеть в массе приятных мест.

Редькин чуть не согласился, но вовремя вспомнил, что поход в ресторан не заказан заранее.

Поблагодарив за сотрудничество и пообещав в следующий свой приезд обязательно составить компанию при посещении различных злачных мест, Редькин с деланной небрежностью вышел из кафе, выдав гарсону сотню на чай, отчего тот остолбенел да так и остался стоять, переваривая фразу «сдачи не надо». Других купюр у Редькина не было.

Выскочив наперерез извозчику, Редькин чуть не попал под лошадь. Кучер было начал материться, но Редькин тыкнул ему под нос сотню рублей и закричал: «Гони на Прохоровскую! Сдачи не надо!». Гнедой кобыле давно не приходилось преодолевать расстояние по городу с такой скоростью.

Солнце садилось. Пролетка неслась по Прохоровской. Грохот колес эхом отдавался в домах. Некоторые окна уже светились зажженными керосиновыми лампами.

А вот и нужный забор.

– Стой, приехали!

Извозчик осадил лошадь, и как только Редькин отдал обещанную купюру и выпрыгнул на тротуар, убрался тем же аллюром, каким приехал сюда, – вдруг странный пассажир передумает. Но Редькину уже было все равно. Он шел вдоль строящегося забора и считал камни. От калитки пятый камень в третьем ряду. Только сегодня положен на глину. Редькин поднатужился и вынул камень. Чавкнула глина. Сделав углубление в слое глины на шве, Редькин аккуратно положил туда сверточек, предварительно упаковав его в два целлофановых пакета, и замазал глиной. Затем, поднатужившись, всунул камень на прежнее место. Отошел, посмотрел со стороны, поправил пальцем шов – вроде не видно. Оглянулся – никого нет, улица темная, только где-то вдали раздаются пьяные голоса. Редькин еще раз отошел от строящегося забора, перешел на другую сторону улицы и… открыл глаза.

Ежи странные животные

Получив от Галины адрес, Петя отправился искать уфологов. Отделение располагалось в подвале, над дверью которого висела табличка «Союз кинологов». Понимающе вздохнув, Петя спустился по лесенке, открыл дверь и оказался в сводчатом подвале, заставленном конторскими столами и деревянными скамейками.

Справа от входа, сидя за столом, громко кричала дама административного вида:

– Трахаетесь с кем попало, а я потом регистрируй, – возмущалась она. – Элитная сука и вот этот ублюдок!

– Да понимаете, я пришел из рейса, немножко выпили, а у моего кума такой красавец, мы решили их поженить, – оправдывался подвыпивший загорелый средних лет мужчина. У его ног лежала скучающая овчарка, слегка подергивая ухом на слишком громкий звук.

– Какой красавец? Этот ублюдок? Да у него документы купленные. Я вообще не знаю, на какой помойке он его поймал.

В глубине подвала под плакатом с бассетами сидел высокий блондин с благостно-проницательным взглядом экстрасенса и одобрительно кивал.

– Так ему, так, сейчас ему Ирина покажет, как породу портить. Вы ко мне?

– Мне бы отделение уфологии.

– Это вон туда, в ту комнату, – показал он в правый отсек на стеклянную дверь.

За дверью перед компьютером сидел худой взъерошенный молодой человек в очках и азартно играл в звездную стрелялку. Увидев Петю, он с сожалением поставил игру на паузу и принял деловой вид.

– Вы ко мне?

– Мне бы посоветоваться. Тут меня грачи преследуют. Очень странные. Во-первых, они летают за мной неотступно и днем, и ночью, причем одни и те же. Один большой толстый и два поплоше. Тот, который худой, крылья почему-то вперед загибает, а второй летает и забывает крыльями махать, не то что бы парит, а на взлете. Расставит крылья, как самолет, и взлетает вертикально, ни разу крыльями не взмахнув. Наверное, инопланетяне. Я, знаете, не пью, и не пил никогда особенно. И биологией с детства интересуюсь. И в нечистую силу не верю. И глюков у меня не бывает, я недавно медкомиссию проходил от военкомата. Может, вы знаете, что это за хрень такая, или проверить их можете.

– Так вы говорите, вороны?

– Грачи, – поправил Петя.

– Вот-вот, грачи. Не замечали за ними подобного поведения! Хотя все может быть. Мир, знаете ли, совсем не так устроен, как мы привыкли предполагать. Вот раньше люди жили на плоской Земле – и ничего, им это не мешало, плодились и размножались. А вот за воронами ничего такого не замечалось, хотя та еще птица. Другое дело ежи.

– А что ежи?

– Престранные, я вам скажу, создания. Сейчас как раз группа исследователей во главе со мной пытается ответить на вопросы, которые ежи задают нам, то есть человечеству. И натолкнул на ежей, то есть на размышления, нас такой же энтузиаст, как вы. Так что, вам еще одно спасибо.

«А когда же было первое?» – подумал Петя.

– Да, натолкнуться на ежа довольно неприятно – он же колючий, – добавил он.

– Вот-вот. Вы сразу ухватили суть проблемы, – похвалил Петю уфолог, – именно колючий. Вот как вы думаете, зачем ежу столько колючек?

– Ну, я думаю, чтоб его никто не съел.

– Может быть, может быть. Но, во-первых, существуют другие, более действенные способы защиты. Панцирь, например, или броня, как у броненосца, а ежик выбрал ненадежные иголки. Но парадокс как раз не в этом, а в том, что ежу приходится излучать в окружающую среду огромное количество энергии. Вы видели когда-нибудь коронные разряды или школьные опыты с распределением разрядов по поверхности? Весь разряд скапливается на остриях – вот!

Уфолог сделал паузу с видом человека, который только что открыл фундаментальный закон мироздания.

– Ну и что? – сразу не понял Петя.

– А сколько у ежика остриев? И все они излучают. Где же он столько энергии берет? Он же маленький!

Теперь другое. Вы когда-нибудь слышали, как ежики ходят? Правильно: топают и шумят. Спрашивается, зачем такому маленькому зверьку так шуметь? Ответов напрашивается два. Во-первых, еж гораздо больше, чем кажется. На астральном, конечно, плане. Поэтому даже слоны дают ему дорогу. Вы когда-нибудь слышали, чтобы слон наступил на ежа? Нет! И я нет. Разве что в сказке, которая хоть и добрым молодцам урок, но все же ложь.

Во-вторых, ежу нужен контакт с землей. Поэтому он каждую лапу ставит кардинально и фундаментально, как сваи заколачивает. Слышали, наверное, как ежики топают по полу всю ночь, если их пускают в квартиру? Это они заземление ищут. Вы спросите, зачем ежу заземление? Это более тонкий технический вопрос. Любой радиопередающей станции для нормальной работы нужна антенна и заземление. Антеннами ежик покрыт сплошь, причем разнонаправленными, а вот хорошее заземление ему приходится искать.

Другими словами, по нашим предварительным соображениям, ежи представляют сеть передвижных ретрансляторов, наподобие сотовой связи, покрывающей весь Старый Свет.

Заметьте, в Америке ежей нет, но это тема отдельного исследования.

– И куда же эти ежики ретранслируют, и от кого получают информацию? – с сомнением спросил Петя.

– Вот это и является насущной задачей современной уфологии. Есть соображения, что вся информация скапливается в каких-то центрах. В Шамбале, например. А поставляют ее агенты, внедренные в наше общество, нашу жизнь. А хоть бы и грачи ваши. Знаете: высоко сижу, далеко гляжу; всех кругом имею – дело разумею. Или что-то в этом роде. Очень подходящий камуфляж для агента внедрения. Ведь ни для кого не секрет, что все на земле делается под руководством инопланетян.

– Извините, а вот то, что вы рассказали про ежиков, – это плоды ваших исследований?

– Честно говоря, исследования только начались, и то, что я вам изложил, – это убедительные аргументы для их развертывания в международном масштабе. Сейчас создается фонд изучения ежиков. Средства уже поступают на наш счет от людей, которым небезразлична судьба планеты. Так что, я думаю, что еще одна загадка устройства мира не устоит перед совместным натиском ученых и энтузиастов.

Несколько обалдевший от нового поворота в видении мира, Петя вышел на улицу. Грач, рывшийся длинным клювом в опавшей листве, прекратил это занятие и уставился на него правым глазом

Редькин

Борис Александрович сидел в своем кабинете в полной темноте. Лампа потухла. Зажег свет, посмотрел на часы. Была половина одиннадцатого.

– До утра не доживу – не выдержу, – подумал Редькин и, заперев заведение, вышел на улицу.

Проголосовав, остановил частника.

– На Прохоровскую.

– Десять гривен.

Редькин хотел поторговаться, но затем махнул рукой:

– Поехали.

Забор был на том же месте, где он его оставил девяносто лет назад. Только он был не построен, а разобран до третьего ряда снизу.

Фонарь светил достаточно ярко, чтобы можно было посчитать камни. От калитки пятый камень. Калитки давно не было. Она была замурована кирпичом уже лет пятьдесят, но точка отсчета просматривалась. Один, два, три, четыре, пять, – считал Редькин. Сердце колотилось. Попробовал сдвинуть камень руками. Он сросся со стеной в одно целое. Заглянув за забор, нашел кусок ржавой водопроводной трубы. Раздолбал шов, всунул трубу, нажал – камень поддался и вывалился, разломившись на две половинки.

Напрасно Редькин еще часа полтора разрушал забор и измельчал глину – пакетика с брошью не было.

Петя у Крестовоздвиженского

По сравнению с ярким солнечным днем на улице, в подворотне было темно и пахло кошачьей мочой. И помойкой. Задерживаться там не хотелось.

Петя быстро прошел во двор, где рос пирамидальный тополь и сушилось белье на веревке, перетянутой через двор на уровне третьего этажа. Возле тополя стоял белобрысый молодой человек в джинсах и зеленой футболке. Он курил и как будто кого-то ждал. Увидев Петю, молодой человек улыбнулся и, показывая рукой куда-то в угол двора, сказал: «Если вы к художнику – то вам вон в тот подвальчик». Петя поблагодарил и пошел в указанный угол двора, подумав, что клиентурой художника Бог не обидел, раз все соседи его знают.

Спустившись на несколько ступенек по лестнице с поворотом, Петя оказался перед обшарпанной деревянной дверью в полуподвал. Постучал и услышал шаркающие шаги хозяина. Дверь отворилась, и на пороге появился Дионисий Самуилович собственной персоной. На нем не было костюма с галстуком,

а просто старые джинсы и перепачканная масляной краской клетчатая байковая рубашка.

– Добрый день, добрый день! – ответил художник на приветствие Пети. – Я так и думал, что вы найдете время посетить мою берлогу. Проходите, пожалуйста!

Петя прошел сначала в квадратную прихожую, из которой одна дверь была открыта в кухню, другая в большую комнату, а третья закрыта. «Туалет или подсобка», – подумал Петя и прошел в зал. Художник усадил Петю в старое, но очень удобное кресло, и Петя сразу в него провалился. Рядом с креслом стоял небольшой столик.

– Чай, кофе? – засуетился художник.

– Кофе, пожалуйста, только не крепкий.

Хозяин убежал на кухню, а Петя стал осматриваться. В большой комнате было много света, несмотря на полуподвальное помещение. Возле журнального столика, где сидел Петя, стояло еще одно такое же кресло. Рядом старинный буфет. «Видел я похожий в одном подвальчике», – подумал Петя.

У противоположной стены возвышался камин, настоящий, с мраморной полкой и старинными часами на ней. Часы стояли, а вот камин, видимо, был действующий, и топили его недавно. В нем была свежая зола и несколько обгоревших поленец рядом.

В углу стоял телевизор, старый советский, с кнопочным переключателем каналов. В другом углу у окна громоздился большой аквариум. Из аквариума на Петю таращилась какая-то рыба в синих блесточках. Подойти рассмотреть Петя посчитал неудобным.

Возле другого окна стояли два мольберта. Один пустой, а на втором была укреплена уже законченная картина. На полотне маленькими узенькими мазочками было изображено большое красивое здание – возможно, готический собор. Пете показалось, что эту картину он уже где-то видел.

Скоро вернулся хозяин, переставил на столик с подноса кофейник, две чашечки, печенье, тарелочку с сыром и сухой колбасой. Достал из буфета бутылку армянского коньяка, конфеты в вазочке и две хрустальные стопочки. Все это он расставил на журнальном столике и пригласил гостя к трапезе. Налил кофе, поинтересовался: куда налить коньяк – в кофе или в стопочки?

Петя предпочитал в стопочки. Тогда художник опять полез в буфет и достал блюдечко с только что нарезанным лимоном.

– За знакомство, – сказал хозяин. – Всегда приятно познакомиться с интересным человеком.

Петя выпил и заявил:

– Скорее я должен был произнести такой тост. Вряд ли я представляю большой интерес для человека искусства вашего масштаба, – и кивнул на картину.

– Ну что вы, эта картина не моя, это Моне, «Собор в Руане. Закат». Одна из его лучших картин, как мне кажется. Вам нравится?

Да, Пете Моне нравился, даже настроение как-то поднимал, если рассматривать полотно не спеша. Куда-то в глубину души прятались страхи и опасения, и жизнь начинала казаться светлей и радостней.

– Да, приличная картина, – сказал Петя и закусил лимончиком. – Оригинал, наверное, еще лучше. Вы ведь копию писали по фотографии или по альбому какому-нибудь. Та еще цветопередача. Хотя я как-то смотрел альбом нашего современного художника. Ну просто класс! Все как настоящее. Пошел на его выставку, а там на картины тряпочки, фольга и жемчуг речной наклеен.

– Знаю я этого художника, но в данном случае никаких искажений нет. Копия похожая, хоть к нотариусу неси. Вы знаете, приятно иногда просто наследовать гению. Хоть и понимаешь, что твой труд вторичен, но, повторяя в точности все мазки мастера, чувствуешь сопричастность творчеству.

– Извините за вопрос, может, я чего-то не понял, но как же вы делаете копию, если у вас нет натуры? Ведь оригинал Моне где-то в музее. Или вы в музее и пишете? – напрягшись, как можно культурнее изложил Петя свое недоумение.

Тут он вспомнил сомнения Галины и решил послушать, как художник будет выкручиваться. Музеи – они далеко, во Франции.

– Нет, пишу я не в музее, – стал объяснять художник, похоже, не уловив подвоха, – в музее шум, народ толпами ходит, того и гляди под руку толкнут, а кроме того, моя работа не терпит посторонних. Пишу я прямо здесь, в этой мастерской.

– По памяти, что ли?

– Нет, исключительно с натуры.

От такого оборота Петя выпил свой коньяк без всякого тоста и уставился на художника, не зная, что сказать, и с недоверием на лице.

В это время Дионисий сосредоточенно сооружал бутербродики с сыром и колбасой и не заметил произведенного эффекта.

Затем, увидев лицо гостя, логика которого зашла в тупик, он решил пояснить:

– Мне картины Никифор приносит. Ненадолго. Я их отражаю на полотно, а потом остается только раскрасить. Конечно, это мог бы всякий, и для художника это неприлично, но я в этом вижу общение с великим. Как бы сотворчество. Возьмите бутербродик, вы совершенно ничем не закусываете.

– Извините, Дионисий Самойлович, видимо, я вас плохо понял, – решил последний раз уточнить Петя, держа бутерброд в руке, как нечто постороннее. – Вам кто-то приносит картины прямо из музея «ненадолго», и вы их тут копируете?

– Именно так, да, именно так! – подтвердил художник, расплывшись в улыбке от удовольствия, что его, наконец, поняли.

– Нет, ну, вы меня таки дурите, – почти обиделся Петя и положил бутерброд на стол.

– Дорогой мой, я не собирался вас «дурить» или разыгрывать каким-нибудь другим способом. Простите меня, если так вышло. Действительно, все это несколько необыкновенно, и вы не обязаны верить мне на слово. Я вынужден как-то реабилитироваться.

Крестовоздвиженский немного помолчал, пытаясь разрешить создавшуюся ситуацию и разглядывая мастерскую как бы в поисках чего-то.

– Вот, – сказал он наконец, – попрошу еще раз Никифора. Если он согласится, то вы увидите оригинал этой картины.

Встал и уверенно вышел из комнаты.

Пока хозяина не было, Петя тоже стал разглядывать комнату и вдруг на полке буфета увидел что-то знакомое. Он встал с кресла, как бы для того, чтобы размять ноги, подошел к буфету. Сомнений не было – на полке стояла точно такая же лампа, как те, что он заполнял маслом каждую ночь.

«Интересно», – подумал Петя и потрогал краешек картины на мольберте. Убедившись, что краски свежие, опять сел в кресло.

В соседней комнате, которую Петя раньше принял за подсобку, послышались голоса. Дионисий что-то объяснял кому-то за тонкой перегородкой.

– Да не пойду я больше туда, – слышался молодой голос. – Чтобы надо мной там все смеялись – туда-сюда одну и ту же картину!

Потом возмущенный голос художника:

– Сколько можно жрать этот твой плов! Я его уже видеть не могу, да еще и полное блюдо.

– Так я же не только себе. Мне ж еще с ребятами делиться надо, – ответил молодой голос.

Дальше переговоры пошли тише, и Петя ничего не смог разобрать.

Минут через десять художник вернулся в комнату. По его виду было понятно, что дело сделано.

– Не желаете немного подкрепиться, скажем, отобедать чем бог послал? – поинтересовался он, потирая руки.

– Ну, мы как бы уже перекусили, да и не хотелось вас задерживать долго, – стал отказываться Петя. – Кстати, что там с картиной из Парижа? – не преминул съехидничать он.

– С картиной все нормально, ее скоро доставят, – не заметил ехидства художник. – А мы пока перекусим. Я вас уверяю, что такого плова вы в жизни не пробовали.

Петя засомневался насчет плова, так как предварительные закуски не обещали такого солидного продолжения, но согласился. Время еще было, и ему стало интересно, как художник выкрутится с картиной.

Получив согласие, хозяин опять ушел на кухню, повозился там минут пять и появился на пороге, неся на вытянутых руках поднос с блюдом, на котором дымился и благоухал насыпанный горкой рис. Холм из риса венчал толстый слой жареной баранины, вид и запах которой подтверждал, что это лучшие кусочки отборных молодых барашков. Жир, стекая с баранины, пропитывал желтый от шафрана рис, в котором попадались зерна граната и другие пряности. Запах был такой, что даже рыба в аквариуме засуетилась и стала принюхиваться.

Петя не ожидал от Самойловича таких кулинарных способностей. «Может, кто-то другой приготовил», – подумал он. В мастерской они были явно не одни.

– А где же ваш товарищ, с которым вы разговаривали? – поинтересовался Петя между двумя ложками плова.

– Так он же за картиной отправился по вашей просьбе, – ответил художник, вяло пережевывая рис. Ему угощение нравилось много меньше, чем Пете.

– В Париж отправился и скоро будет? – с сомнением переспросил Петя.

– В Париж, в Париж. Вот плов доедим – он и появится.

– Может, вашему товарищу, кажется, Никифору, оставим плова?

– Нет, плов нужно доесть весь, он свою долю получит, – с уверенностью ответил Дионисий и опять стал жевать рис, словно выполняя почетный долг.

– Вам не нравится плов? – удивился Петя. – Мне он кажется очень вкусным. Я такого вообще никогда не ел.

– Я очень рад, что вам нравится, – оживился художник. – И Галину свою приводите, надеюсь, она не мусульманка.

– Конечно нет, а почему вы спрашиваете?

– Ну, у мусульман плов – фирменное блюдо, как бы не опозориться перед хозяйкой.

– Не волнуйтесь, плов не каждая хозяйка сделает. И вообще, говорят, на Востоке его только мужчины и готовят.

Петя уже собрался выложить все, что он знал о приготовлении плова, как в прихожей послышались шаги, и чем-то деревянным задели о косяк двери.

Дионисий встрепенулся и с криком: – Раму, раму не побей, зачем ты вообще ее притащил! – выскочил из комнаты.

Дверь, только что закрытая за ним, опять распахнулась, и на пороге появился тот самый молодой человек, которого Петя встретил во дворе. Он внес картину в красивой позолоченной раме в мастерскую и установил на свободный мольберт.

– Вот, поглядите, перед вами подлинник Моне и его копия моей работы, – торжественно произнес Дионисий, приглашая жестом Петю начать осмотр.

Петя подошел к картинам и стал сравнивать. Принесенная работа была, конечно, старше копии, и в ней чувствовалась подлинность. Прошедшее время оставило на ней свои знаки. Краски утратили глянец новизны, но не потеряли красоты и цвета.

На обороте стояла печать музея Орсэй. Копия была как новая копейка и блестела свежим блеском. В остальном же идентичность была полная. Петя даже стал тщательно рассматривать верхний левый угол на одном и втором полотне, но различий не нашел.

Он отошел от картин, еще раз сравнивая, и чтобы сказать что-нибудь умное, усомнился:

– Но все-таки, это же новодел, и краски ярче, и трещинок нет.

– Все правильно, молодой человек, – подтвердил художник. – Вы очень наблюдательны, но не учли только одного – мы не создаем подделок, мы создаем копии. При этом в том виде, когда мастер поставил свою подпись в углу. Конечно, любая экспертиза сразу скажет, что копия писалась современными красками и на современном холсте. И это всё – больше различий нет. Спасибо, Никифор, можешь отнести оригинал на место.

– И вам спасибо, – сказал Никифор, ребята тоже благодарили, мы давно не собирались за таким вкусным пловом. Ну, до встречи!

Никифор поднял картину в раме и вышел, притворив за собой дверь ногой.

– Может, чайку попьем? А то после этого плова пить хочется.

Редькин

Только под утро Редькина наконец-то сморил сон. Всю ночь было чертовски противно. Причем буквально от всего. От того, как он глупо разговаривал с Соломоном, от этого идиотского выпендрежа с Мишкой Япончиком. Как будто нельзя было купить какую-то мелочь в магазине и не скакать по городу, как на пожар. А главное, он чувствовал себя полным дураком, потому что был полностью уверен в успехе этой затеи и даже решил провернуть ее с шиком и помпой, и оказался в полном дерьме. Вряд ли контора не поняла его намерений. Вот, наверное, посмеялись гады. А ведь и виду никто не подал. А может, это им не в диковинку? Может, каждый второй хочет вот так вот что-то с этих путешествий поиметь, а они давно к этому привыкли? Может, у них есть механизм противодействия подобным вещам. Черт их знает!

Утром Редькину снилось, как Соломон Давидович отворачивает пятый камень в третьем ряду, достает его пакетик, извлекает из него брошь и опускает ее в карман длинного бархатного халата. А затем вытирает глину с рук о халат на животе. Причем на красном бархате вместо глиняного пятна возникают светящиеся буквы: «Редькин, ты дурак».

Петя и Никифор

Выйдя из подвала художника, Петя сощурился от яркого солнца и прикрыл глаза. Прямо перед ним шелестел огромный тополь и чернела подворотня. Выйдя на улицу, по привычке огляделся – грачей нигде не было. Странно.

Вдоль улицы и во дворах стояли белые акации, все в цвету. Волны запаха прокатывались по переулку, улетая с легким ветерком. Именно аромат акации был для Пети запахом детства. Цветет акация – значит, лето, летние каникулы, теплое море и длинные, без конца, летние дни.

На мгновение забылись подвальчик и странная картина Моне из Парижа.

Но вместе с запахом акации Петя ощутил запах корицы. Опять корица. Ею пропахла вся мастерская Дионисия, но булочек Петя так и не дождался. «Наверное, съели до меня», – подумал он тогда. И вот опять совершенно отчетливый запах корицы.

– Что за фигня? – испортились все ассоциации, связанные с цветущей акацией. Петя плюнул и мысленно вернулся в подвальчик.

Если рассуждать здраво – Петя был свидетелем какого-то мошенничества с живописью. Ведь нельзя же серьезно воспринимать рассказ о доставке картины из Парижа. Тем не менее вторая картина – безусловно, старая и очень похожая на подлинную.

«Вот, – вдруг осенило Петю. – Дионисий пишет копии, а потом придает им старый вид». Где-то Петя об этом уже слышал. Состарить картину очень даже можно. Чтобы лак потрескался и там еще чего-нибудь».

Значит, вторую картину принесли, допустим, от покупателя. То-то Никифор возмущался, мол, носи ее туда-сюда, и над ним

смеяться будут. С этим почти понятно. Остаются две вещи: почему Дионисий все это Пете показывал? Не из любви же к дешевым эффектам, хотя что он о художнике знает?

Опять же, почему Дионисий пригласил его к себе, угощал коньяком, а потом еще и прекрасным пловом, чего он от Пети хотел? Ведь ни о чем так и не поговорили. Что, ему пловом кормить некого или о живописи поговорить дилетантов не хватает? Или он так клиентуру ищет? Странно это. Так ему не Петю, а Марину коньяком поить надо, она ему скорее клиента на копию найдет. Странный человек. Говорят, что бывший священник, а в мастерской ни одной иконы. Правда, в других комнатах Петя не был – может, там? И визитка у него тоже. Что это там написано. «Художественные копии. Эксклюзивные стили. Экзорцизм». А это еще откуда? Вроде как не было. То еще совместительство.

И второе: откуда он знает о Галине? Тут Петя подумал, что не мешало бы пойти к Галке, тем более оказалось, что он туда и так идет.

Уже подходя к знакомому подъезду, Петя заметил очень знакомую фигуру. И не просто знакомую, а совершенно такую же, как он сам. Даже пятно на правой штанине было там, где надо. Петя еще раз посмотрел на свои штаны, потом на фигуру впереди себя, и тут незнакомец повернулся. Оказался он вполне знакомым – это был Петя. Точная копия, только с пакетом в руке. Второй Петя подмигнул первому и вошел в Галкин подъезд.

Петя почти вбежал за ним и наткнулся на Никифора.

– Никифор, а где же я? – ничего более умного не придумав, спросил Петя.

– Там же, где и я, – ответил Никифор, не смутившись, как будто ожидая подобный вопрос. – Ты только что за продуктами ходил. Вот возьми! – Никифор повесил на Петину руку, как на вешалку, увесистый фирменный пакет гастронома «Сельпо». – А перед этим ты весь день лежал на диване у Галины и смотрел Дискавери про дельфинов.

– Но я же был у Дионисия, плов ел?

– Ну, ты совсем не соображаешь. Может, тебе и все равно, что тебе грачи проходу не дают, а Дионисию такой пушистый хвост совершенно не нужен.

– А кто же был у Галки?

– Я был, конечно, везде за тебя отдуваюсь. И зачем ты только нашему попу сдался?

– Погоди, погоди, и что это ты у Галки целый день делал?

– Я же тебе сказал: телевизор смотрел.

Никифор, видимо, решил, что разговор пошел по кругу, быстро шагнул к двери и вышел на улицу, хлопнув дверью чуть не по Петиному носу. Петя тут же открыл дверь – во дворе никого не было.

Джинны

Под полом что-то заскреблось, потом пол начал содрогаться от толчков снизу. На столе звякнул стакан, задевший за бутылку. В шкафу тонко отозвались фужеры.

– Опять этот мышь норист, – проворчал Крестовоздвиженский, встал с кресла и отогнул угол ковра на полу.

Снизу ударили, и три доски подскочили вверх, открыв черный проем подпола. Затем из проема показались две рыжие волосатые ручки с острыми черными ногтями и схватились за край доски. Ручки напряглись, из проема медленно, как воздушный шарик, вылетел маленький человечек. Он пролетел по комнате и приземлился в углу возле мольбертов.

Человечек был весь рыжий, рябой от веснушек, с метр росту вместе с высокой цилиндрической шляпой. Одет он был в зеленый кафтанчик, короткие штаны и туфли на высоком каблуке. Тулья шляпы и туфли были украшены большими пряжками, усыпанными бриллиантами. Вместо пуговиц были пришиты крупные бриллианты в золотой оправе.

– А в джинсах ты выглядишь не хуже, – заметил вместо приветствия Никифор, на которого столь эффектное появление не произвело никакого впечатления.

– Много ты понимаешь! В джинсах – это на работе. А это, во-первых, для души, а во-вторых – так меня никто не видел.

– Как же тебя не видеть – ты же блестишь, как елка в Рождество.

– Правильно, блещу. А ты видел когда-нибудь живых леприконов? И люди никогда не видели. И сколько бы эти туристы или всякая сволочь, что по моим штольням шастает, обо мне ни рассказывали, им никто никогда не поверит. Понял?

– А ты место не мог выбрать почище, поуютней, что ли, – Никифор опять протянул руки к огню и потянулся.

– Джинн должен жить в заброшенных и ужасных местах, а не на коврике у камина. Мы, гули, традиции чтим.

Дионисий во время этого разговора закрыл вход в подпол, поправил ковер и, придвинув кресло на прежнее место, сказал:

– Ребята, дело не во вкусах, а в том, что благодаря Рафлу мы узнали про этих гадов раньше, чем они успели вас всех прищучить.

– Рафл, будь добр, расскажи, как там у них дела, и давайте подумаем, что нам делать.

– Вот именно, – буркнул рыб, высунувшись наполовину из аквариума и отрастив себе на жаберной крышке ухо.

Гуль, несмотря на любовь к традициям, подвинулся ближе к камину, сел на ковер, поджав ноги, выхватил из огня один язычок пламени и с хрустом съел. Потом кашлянул и сказал:

– Сегодня огонек получше, а то в прошлый раз, наверное, кизяком топили.

– Не кизяком, а я свои старые валенки сжег, – поправил Дионисий. – Ну, рассказывай уже.

– Так вот, – подкрепившись, начал рассказ гуль, – прислали к нам четверых отпетых маридов. Терпеть их не могу – все хотят выслужиться. Залезли они, гады, ко мне в катакомбы, как будто к себе домой, и давай что-то строить. Как я уже рассказывал, сначала я хотел их просто выгнать, а может, и морды набить. Потом передумал – их же много больше, и здоровенные они, эти маридины. Дай, думаю, посмотрю, чем это они занимаются.

В общем, с прошлого раза они успели найти перекресток выработок, подправили его немного, чтоб по сторонам света правильно расположить. Потом дыру наверх пробуравили под нужным углом.

– Ага, это для луны, – догадался Никифор.

– И я так думаю, – подтвердил гуль. – Я притворился плесенью в соседней штольне и высунулся через трещину в их выработку. Вот и сидел там последние три дня. Местная плесень хотела

вступить со мной в интимную связь, а кивсяки стали мной питаться. Надеюсь, что у них заворот кишок приключился, если у них есть кишки. Вон, кусок рукава отгрызли.

– Кто такие эти кивсяки? – спросил художник.

– Это такие мокричные маленькие броненосики. Везде живут в сырых местах, и когда пугаются, сворачиваются в шарик. Та еще гадость, – уточнил Никифор.

– Ну, и что кивсяки? Тьфу! Ну и что эти мариды?

– Ловушка будет готова через два по три четверти на ближайшее полулуние, – гуль что-то стал считать, шевеля пальцами перед лицом, и уточнил: – У нас две с половиной недели и два дня.

– Что будем делать? – задал риторический вопрос Никифор. – Если им не помешать, то они включат свою шарманку, и все окрестные джинны сами явятся к этим гадам, а мы тут, собственно, не совсем легально. Хитрые сволочи. Полномочия у этих детей ехидны, очевидно, есть. А нет – будут через пару недель.

– Что может помешать джинну исполнить приказ?

– Воля второй категории, но она последний раз была в руках у Соломона. Буквально в руках. Его кольцо делало его желания волей второй категории.

– А первой?

– Только не надо называть нам это имя! – крикнул рыб из аквариума и, перевернувшись на другой бок, кажется, и в самом деле потерял сознание.

– В общем, ничего утешительного, – подытожил художник. – Дней через двадцать ваши старые друзья включат свою мышеловку, и вы, как мыши в сказке, пойдете на зов дудочки. И помешать им никак нельзя. Они вас отправят по этапу, а я либо опять буду рисовать бездарные пейзажи, либо за полной ненадобностью в экзорцистах буду доставать своим кошмарным вокалом Всевышнего на отпеваниях в его же храме. В общем, время еще есть, будем думать.

– Пока мы будем думать, ты расскажи, что там с этим работником Зиревым, почему его так птички пасут? – перевел разговор на другую тему гуль.

– А, Петя… Нормальный хлопец, – еще не совсем переключившись, произнес художник. – Пасут его по той причине, что в нем кое-

кто из вашей братии поселился. Такая себе внутренняя эмиграция. Но без компании ему скучно, вот он и устроил Петю к Зиру в лавку.

– Это тот Зир, что людям подержанную радость сбывает и прочие сомнительные удовольствия, – уточнил Никифор.

– Ну почему же подержанную? Каждый сам у него заказывает. Я когда-то был хорошо знаком с шефом их Эразмом Моисеевичем, тогда он был психиатром в районной поликлинике в моем приходе. Это он уже потом стал психоаналитиком и начал своих больных ко мне посылать. Мол, идите и морочьте голову попу. Пришлось с ним на эти темы беседовать, а потом его Зир нашел.

– А потому подержанную, что никто ничего нового придумать не может. Друг у друга идеи крадут с вариациями. Чтоб придумать новое удовольствие, тоже талант нужен. А таланту покупные удовольствия не нужны, ему настолько интересно жить, что ему главное, чтоб не мешали. Один хочет красавицу, другой десять, третий сто. Было, все уже было. У Соломона было 700 жен и 300 наложниц.

– Кстати о Соломоне, он там у них исполнительным директором работает, – вставил гуль. – Я, конечно, тоже, но не начальство, так, подрабатываю от скуки.

– А шкаф в курицу превращать – это тоже твое развлечение? – спросил Дионисий.

– Нет, это не развлечение, это скорее рационализация, – отозвался гуль. – Знаешь, как нудно эти бутылочки раскладывать? И буфету веселее. А то стоит вот так сто пятьдесят лет без малого. Дрова дровами. Никакой личной жизни.

– Тоже мне благодетель, – заметил Никифор, – Ты бы лучше подумал, что они нам могут пришить, если сцапают. Грачики небось не только Петиного жильца выпасали, но и деятельность, связи, чем фирма занимается, уже точно знают.

– Что-то они там, конечно, выведали, но Петя в ней никто, и зовут его никак, – сказал художник.

– Раз он не такая важная среди грачей птица, то для чего же ты перед ним тут распинался, за картиной посылал, бабу его приглашал? – возмутился Никифор.

– А ты знаешь, кто в нем сидит? Не знаешь. Я тоже не знаю. Но, в отличие от тебя, умею слушать и сопоставлять. Что было недавно в вашей родне, если вы еще этим интересуетесь?

– Ну, мятеж намечался, или вроде того. Там еще пытались племянника государева на трон посадить. И вроде бы у них все получалось, да сам претендент сбежал. Его, конечно, все сейчас ищут. Одни – чтоб опять бунт затеять. Другие – чтоб никто ничего больше не затевал. Да только никто его не нашел.

– Пока не нашел, – поправил Дионисий. – А вдруг в Пете будущий Меджид Второй и кроется?

– А мы ему поможем взойти на трон, и я буду плавать в хрустальном бассейне и подавать государю гениальные советы.

Существо в аквариуме вырастило руки и мечтательно жестикулировало в такт своим словам.

– Но скорее всего, по поводу подавления мятежа тебя зажарят на сковороде и выбросят во двор собакам, – уточнил гуль.

В аквариуме опять что-то хлюпнуло.

– Погоди, погоди, а с чего ты вдруг решил, что беглый Меджид именно тут, в Пете ошивается? Или это шутка такая? – спросил гуль.

– Рафл, ты как вчерашний. Или забыл, что Господь (при этих словах лица джиннов пошли глубокими морщинами, и они уменьшились в размерах, в аквариуме вокруг рыбы закипела вода) в своей бесконечной милости дал мне возможность видеть в человеке нечистую силу.

– Больше не надо так, хорошо? – немного придя в себя, попросил Никифор, – Мы к тебе по-хорошему, а ты забываешься.

– Это ты, Никифор, забывать стал, что именно я выгнал тебя из того бизнесмена, который по глупости в мою церковь зачастил.

– Ну и что хорошего вышло? Бизнесмен этот на благотворительности обанкротился и теперь торгует на Привозе иваси. Налицо деградация.

– Зато я ему душу спас, которую ты чуть не погубил. И тебя, кстати, тоже на дороге не бросил. Искусство все-таки дело хорошее.

– Хорошо, что было, то было. А сейчас ты кого видел? Откуда ты знаешь, что это Меджид?

– Вот в том-то и дело. Я Меджида никогда не видел. А сидит там темно-желтой плазмы джин. По описанию подходит.

Рыб постепенно пришел в себя, вода вокруг него постепенно перестала булькать. Он вылез из аквариума, сел на его край и свесил срочно выращенные ножки вниз.

– Ребята, – сказал он, – у меня есть один знакомый джинн. Он по поручению большого начальства изучает аквариумное рыбоводство. Так он принца видел, и не один раз, у него и спросим.

– А если даже это принц и есть, и ради него затеяна вся охота, то радости никакой. Нас всех заметут вместе с ним как соучастников. И получим мы пожизненную должность жарить тощую баранину для нищих джиннов, притом в качестве огня.

Казалось, что нарисованная гулем перспектива расстроила самого оратора. Чтобы как-то утешиться, он покопался в камине, достал из углей толстенький язычок пламени, который там прятался, и стал его медленно есть, откусывая маленькими кусочками. Огоньку это явно не нравилось, он шипел и извивался.

– Вот что я вам скажу, ребята, – подвел итоги Дионисий, – грачи не грачи, принц – не принц, а вам пора отсель бежать. Рафл вас проведет до моря под землей, чтобы с воздуха не засекли, а там кто куда.

– Ничего не получится, – обреченно вздохнул гуль, доев огонек и облизав короткие пальцы. – Везде такие конструкции строят, чтобы никто не улизнул. Я их разговор слышал. Они с таким злорадством свой разговор думали, что кивсяки разбегались.

– Что-то для поимки одного Меджида слишком помпезно и дорого. Похоже, что затевается большая гадость, может, даже война. Только мобилизации нам не хватает! В любом случае я в этом участвовать не хочу. У меня тут во всех соседних царствах родственники или женщины, где ни поселись – подозрения в шпионаже не избежать, – вставил Никифор.

– Слушай, а ведь если джинна заключить в приличный случаю сосуд и соответственно запечатать, то он выйти не сможет ни на какой зов, ведь так? – обрадованно спросил художник, думая, что ему пришла в голову гениальная мысль.

Никто не пришел в восторг, и даже наоборот, а Никифор кисло заметил:

– Мысль хорошая, даже гениальная, но печать на пробке опять же должна быть поставлена перстнем Соломона. Тем самым перстнем того самого Соломона, от которого нас отделяет три тысячи лет. И с тех пор перстень не давался никому. Так что…

И Никифор скептически улыбнулся и развел руками.

– Но почему же никому? – удивился Дионисий. – Перстень был одно время у Сахра, и он успешно с ним управлялся, а Сахр джинн.

– И все знают, сколько потом Сахр просидел в бутылке, запечатанной тем самым перстнем.

– Господа, а может, можно сделать такой перстень? Имечко на нем вырезать. Вот Дионисий художник – он сможет, – оживился гуль.

– И отправить создателю, чтобы он его вручил нам, – испортил ему настроение художник.

– А вот ключики, ключики Соломона – их же может делать кто ни попадя.

– Да только они для бутылки не годятся, – заметил Никифор.

– А может, я просто схожу и выставлю их на фиг из той выработки именем известной вам власти? – предложил Дионисий.

– И они дружно и весело отправятся в другую выработку, точно по указанному тобой адресу, где мы их фиг найдем, – вставил реплику Никифор.

– Н-да, незадача… А если я вам прикажу стоять на месте?

– Ну, часа на полтора в лучшем случае ты нас продержишь, а ее меньше, чем на две недели, не запускают – нерентабельно.

– Вот гадство, а зачем аж на две недели, вы же мгновенно перемещаетесь?

– Ну вдруг еще какие-нибудь джинны из соседних мест забредут, музычку послушать.

– Так они же чужие.

– Ничего, в хозяйстве пригодятся.

Грачи

На толстой горизонтальной ветке старого платана сидели четыре грача. В сидении грачей на ветке платана даже самый придирчивый наблюдатель не нашел бы ничего предосудительного. Тем более что наблюдатель вряд ли знал разговорный язык грачей, а тем более простонародный язык джиннов. А вот грачи как раз на этом языке и разговаривали.

– И сколько может приличный ифрит ходить с руками за спиной? – возмутился грач и ухитрился переплести крылья пе-

ред грудью. От этого упражнения лапки у него зацепились друг за друга, он потерял равновесие и сорвался с ветки. Но сорвавшись, грач так и остался стоять в воздухе, выпятив грудь и скрестив на ней крылья.

– Омар, – резко одернул его самый большой грач, который отличался не только размерами, но и тем, что у него на левой лапе вперед торчали четыре пальца вместо трех.

– Сядь на ветку и не ерепенься. Возмущаться будешь дома перед тем, кто нас послал, да забудет неназываемый его имя. И вообще, это всех касается: летать, махая крыльями, время от времени каркать! Когда на вас смотрят, делать вид, что ищете прошлогодний орех.

– Где бы я ни находился? – поинтересовался Омар.

– А может, мы и гнезда вить будем? Вон какие вокруг грачихи аппетитные.

– Грачей команды жрать не было, а тем более грачих. И вообще, хватит умничать. Подлети и послушай, о чем они говорят!

Омар слетел с ветки и, описав дугу, демонстрируя всем, что он на самом деле никакой не ифрит, а самый настоящий грач, уселся на тоненькую веточку у пивного павильона. Веточка не прогнулась.

За окном Петя беседовал со своим другом Сашей за кружкой черниговского пива.

– Вот смотри, – сказал Петя, видимо, к слову, – эта черная сволочь опять тут, – он ткнул кружкой в сторону грача.

– Может, птичке пива захотелось? – предположил Саша.

– Кыш, хищная птица! – махнул Петя рукой на грача. Грач перевернулся на веточке, взмахнул крыльями и вернулся обратно на платан.

– Они обсуждают, напоить нас пивом или нет. Я так и знал, что эти людишки всегда пытаются найти на нас ужасную погибель. Наверно, знают, что для нас пиво – как для них смола горячая. Смерти нашей ищут.

Продолжение следует

Женя Голубенко

Zveri

На лестничную клетку старого дома, в «фонарь», проникла ворона. Верхний слой остекления был поврежден, некоторых стекол давно не хватало, и ворона залетела внутрь, попалась в западню между двумя прозрачными слоями. Снаружи ей было хорошо видно отверстие, но изнутри на фоне неба фонарь казался однородно целым. Ворона наудачу тыкалась туда-сюда, ударяясь о стекло между железными рамами. Потом долго сидела, отдыхала, размышляя. И опять в истерике бросалась наугад, билась крыльями о невидимую преграду. Ловушка была большая, площадь остекления метров тридцать квадратных, и между слоями не меньше пяти метров высота, но дни стояли жаркие, а температура внутри парниковая. Ворона хотела пить и в перерывах между попытками сидела, тяжело дыша с открытым клювом. Два дня она металась в ловушке в надежде на случайное освобождение, и сил у нее оставалось все меньше. Пришлось лезть на крышу и частично разбирать остекление, увеличивать и так не малую прореху. Безрезультатно. Ворона не видела отверстия. Только тогда, когда я нашел большую ветку, срезанную весной со старой липы, и, размахивая ею внутри фонаря, погнал птицу в нужном направлении, она выскочила наконец наружу. И в эту минуту ко мне пришло понимание, что кот Мальчик, отсутствующий четвертые сутки, уже не придет никогда.

Памяти Якопетти.

Звукооператор Роже ди Поньо стоял на парапете Потемкинской лестницы в Одессе (рядом с тем местом, где начала свое движение в вечность знаменитая детская коляска Эйзен-

штейна) и вглядывался в высохшую траву, в чахлый осенний бурьян.

– Авэгль, – произнес он и показал на облезлого кота, который осторожно пробирался по склону вдоль легендарного сооружения. Кот был с бельмами на глазах.

– Слепой! – перевела переводчик.

Съемочная группа занималась своими обычными подготовительными делами, в частности начали причесывать своего кота-актера (ему предстоял тяжелый рабочий день), а я выучил еще одно французское слово. В добавок к мерси, бон жур, мон амур, пардон и соваж. До этого я пополнил свои знания странным словом бизар.

Вадик и Саша фотограф – приятели. Вадик и его сучка доберман пинчер тоже друзья – общеизвестно, что собака друг человека. Вадик иногда брал свою подружку в командировку, и жили они втроем (Саша не возражал) в одной комнате гостиницы. Мужчины-люди спали на кроватях, а девушка-собака – на полу. Но это только с вечера, потому что поутру оказывалось – Саша фотограф спит на полу, а собака Вадика на его кровати. К своему хозяину она не лезла, потому что это только говорят, что собака друг человека, а на самом деле он ей вожак и начальник. А Саша в этой компании был «слабое звено».

Есть выражение «система ниппель». Оно обозначает, что клапан работает в одном направлении. К примеру, вы вошли в квартиру, и собака вежливо посторонилась, пропуская вас, но когда вам понадобилось выйти, умный хорошо обученный пес садится у двери и молча наблюдает за вашим поведением. Не сомневайтесь – уже не выйдете. Я ремонтировал кухню у друзей, державших доберманов, собак, которые были на службе у полиции, и даже деревянный Буратино их побаивался. На целый день я оставался в компании собак и никогда не понимал, что у них на уме. Обычно им было плевать на меня, но пару раз, когда я стоял на стремянке, пес подходил и ложился внизу под лестницей. И на всякий случай, чтобы не искушать судьбу, я сидел на верхотуре, пока ей не надоест сторожить меня.

Кошка Зигфрид любит писать письма. И получать сообщения от других кошек обожает не меньше. Друзья и случайные гости всегда приносят на своей одежде и вещах запахи своих животных. Зигфрид обнюхивает ноги, засовывает голову в чужую сумку. Глубоко вдыхает аромат, который мы, люди, не ощущаем. И начинает тереться – писать письмо или телеграмму ответ. Приблизительно такого содержания: – не молодая, но очень интересная, черепаховой масти, не переносит запах косметики, домоседка без вредных привычек и т. д. В молодости у нее была вредная привычка присасываться к шее человека (ее рано оторвали от груди), но уже давно прошла, и никакого вреда эта ее слабость никому не причиняла. Зигфриду абсолютно чужда грубая материальность мира. Духовность Зигфрида проявляется в том, что физическое присутствие рядом с ней другой кошки или, не дай бог, собаки ее натуре нестерпимо отвратительно.

Совет. Если вечером вы пошли выносить мусор и споткнулись в темноте обо что-то маленькое и живое – не спешите из любопытства брать «это» в руки. Может случиться, что это брошенный щенок, и вы не сможете положить его обратно.

Стая бродячих ничейных собак пришла на «собачий пляж». Хотя он и считался собачьим в народе, хозяев с собаками на нем не больше, чем на любом другом пляже. Не было нигде и вывесок на эту тему. Пляж не благоустроенный, дикий, и собаки пришли в количестве штук тридцать, окунулись в море и устроились, заполнив все промежутки между людьми. Очень дружелюбно расположились. Чепуха, в принципе, если бы одни мокрые собаки не отряхивались, вывалявшись в песке, а другие не улеглись на чужие (человеческие) подстилки.

Куда девать живность, если надо срочно уехать? Вечная проблема собакокотовладельца.

– Почему вы гуляете с собакой Жени Голубенко? – спрашивал сосед Арсен Захарьянц всякого моего приятеля, которому приходилось оставаться с собакой во время моих отлучек. И они отчитывались перед Арсеном: куда, зачем и на какой срок

я уехал, что бы снять подозрение в воровстве моей дворняги. Елена Михайловна Васильева даже была вынуждена приобрести в собственность немолодую болонку, с которой согласилась побыть во время командировки знакомых. После возвращения хозяев собака приходила под балкон временных опекунов и выла там, демонстрируя им свою любовную тоску. Может, ее пленил красный бант, который на новом месте ей повязывали на голову? Этот бант, по свидетельству новой хозяйки, возбуждал у соседа алкоголика подозрения насчет принадлежности собаки к коммунистической партии. Но нрав собаки – довольно фривольный (она была слаба на передок – если применять к ней человеческую терминологию), делает невозможной эту версию. Времена, когда коммунизм предполагал общность жен, давно прошли. Вид этой сучки у одних вызывал умиление: – Ой, какая хорошенькая! А у других неприятие: – Ой, какая страшненькая! Но собака об этом не догадывалась.

Архитектор Гердт Иван Иванович жил с любимым котом Рыжиком в любимом им городе Львове. Но в любимом городе были проблемы с работой, и пришлось искать ее на стороне – в столице бывшей родины – Москве. Во львовской квартире поселились друзья, и забота о коте им досталась в придачу с жилплощадью. Только через пять лет у Ивана Ивановича появилось свое жилье в Подмосковье, и он решил наконец забрать свое животное. Сделал ему загранпаспорт: красивый, с цветной фотографией друга, со всеми медицинскими справками, и тут выяснилось, что друзья отказываются возвращать кота. Они его полюбили, и кот к ним привык, давно забыл своего прежнего хозяина.

Кусок проволоки с железным шаром на конце у спортсменов почему-то называется молот. И они его, раскрутив вокруг себя, кидают куда подальше. А как назвать «спортивный» снаряд из восьмикилограммовой собаки на конце поводка, который вы вертите в воздухе? Вертите, потому что если ваша собака опустится на землю, то чужой ротвейлер вопьется ей в глотку. Меж тем хозяйка супостата приближается к вам не спеша, на полусогнутых, а ее команды своему любимцу носят декоративно-необязательный

для исполнения характер: с одной стороны, вроде бы и «Фу, нельзя!», а с другой – «Можно, и задай им покрепче!». Дама подошла, когда я уже лежал на спине, прижав свою собаку к животу, а от ее зверя отбивался ногами, как заяц от орла.

Совершеннолетие у людей. У современных, не дикарей – однозначно веселый праздник. Католики выставляют в витринах магазинов фотографии подростков, готовых к первому причастию. У собак – все с точностью до наоборот. Вот собака Каштан живет на лестничной клетке, и каждый день весело встречает подростка Тузика. Впечатление, что он в нем души не чает. Тем более удивительно и обидно Тузику, когда в один прекрасный, то есть ужасный день Каштан ни с того ни с сего схватил его больно за холку и «уважать себя заставил». А он, Тузик, его и так уважает, как старшего, зачем больно делать? Это совершеннолетие собачье наступило, догадался я. Тузик вырос и может потребовать равных с Каштаном прав на территорию парадного. Нужно показать кто в «доме» хозяин.

Загадки природы. Одна кошка интенсивно ест, а вес набирает другая.

В тени памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко в парке имени Тараса Григорьевича от летнего зноя спрятались бродячие собаки. В количестве три штуки. Означает ли это их особое отношение к великому украинскому поэту? Не знаю. Значит ли это, что сам поэт как-то особенно относился к собакам, и они это ощущают, скрываясь в его могучей тени? Тоже неизвестно. Но со стороны, когда окидываешь взглядом эту выразительную скульптурную группу: великий Кобзарь, набычившись, смотрит вперед, а косая тень его изваяния прячет от солнца неприкаянных и никому не нужных псов, сюжет выглядит осмысленно законченным, хотя участники этой инсталляции и задействованы «в темную», то есть в замысел Творца не посвящены.

Образное решение. На голове и распростертых крыльях орла расселись голуби. Топчутся на птице и гадят на нее немилосерд-

но. Почему бы и не гадить, если стервятник каменный. Точнее, отлит из бетона в эпоху расцвета «курортного стиля». Посадили гордую птицу на груду камней у родника. Посадили и забыли о ней навеки, отдали мелким городским пакостникам, голубям, на поругание.

Должны ли авторы городских изваяний учитывать неизбежное соавторство природы? Я не про патину старины или зелень мха на поверхностях, я о том, учитывается ли скульптором силуэт незваной птицы на голове романтической фигуры или сосулька на вытянутой вперед ладони, указующей путь в светлое завтра?

Параллельные миры.

Досадные случаи драк за земельные участки, давно разделенные между людьми, не только не редкость между котами, но и постыдная повседневная практика в нашем городе-герое.

Случай души прекрасного порыва, непреднамеренного, искреннего и синхронного, произошел на границе тротуара и проезжей части. Овчарка на коротком поводке (хозяйка готовилась переходить дорогу в неположенном месте) выронила изо рта маленький резиновый мячик, и тот весело поскакал наперерез машинам. Все мое существо рвалось вперед, на мостовую: успеть схватить игрушку из-под колес и вернуть растяпе-собаке. То же самое произошло и с овчаркой. Она подалась вперед, натянув поводок до отказа. Но хозяйки крепко держали нас обоих. Каждого своя. Мою звали инстинкт самосохранения.

Я знаю столетнюю липу уже двадцать четыре года. Огромные стаи скворцов отдыхали на ее ветках. Тысячи грачей. Сотни голубей. Вороны.

Однажды следом за грачами на дерево опустился ястреб. Они сидели рядом – охотник и жертвы, но птицы не взлетали, понимая, что на просторе у них нет преимущества и шансов. А он ничего не мог с ними поделать среди густого переплетения ветвей. Не мог даже расправить свои крылья. В другой раз другой ястреб закусывал на липе половинкой голубя, и перья, плавно кружась, опускались на асфальт двора. Хищник держал

лапой тушку, а клювом рвал мясо, и оно как резина растягивалось длинными полосками. Дятлы, синицы, сойки и сороки – постоянные гости дерева. Но почему-то не воробьи. Этих товарищей липа совсем не интересует. Кошки – да, те лазят по ней периодически. Не все. А три подростка, как минимум, вскарабкавшись наверх, оказывались в западне собственного страха. Один орал два дня, боялся даже смотреть вниз, пока соседский мальчик не влез на липу и не стряхнул его, как спелую грушу или яблоко, или сливу – выбрать по вкусу, на крышу пристройки (кошка раскачивалась на самом краю тонкой ветки). За другим по лестнице лазила девочка. Третьего, с нижней развилки, шваброй стащил я. Если иметь железные нервы и не обращать внимания на крики отчаявшейся кошки, можно часами наблюдать, как она пытается спуститься с дерева головой вниз. Сделав один шаг и почувствовав, что между когтями и корой нет сцепки, испуганное животное возвращается на прежнюю позицию или, еще хуже, лезет выше по стволу от человека, который приближается, чтобы ему помочь. Я могу поделиться изобретенной мною технологией спуска полукоматозной кошки. Когда обессилевшая тварь, уписавшись, уже висит животом на ветке, нужно, взяв за шкирку, пересадить ее пониже прямо перед собой, а затем спуститься самому. Потом опять оторвать ее, как магнит, и опять посадить ниже (она обязательно вцепится когтями там, где ее посадишь). И так до самого низа. Ни в коем случае не брать на руки – покалечит. Вверх кошки лезут инстинктивно, а спуску вниз их обучает мать.

Летний месяц июль на украинском языке называется лыпэнь. Но цветет она в середине июня, в чэрвне, и тысячи пчел собирают нектар с ее цветов.

Стыд. Вы отстояли длинную очередь в кассу универсама, расплатились, все покупки упаковали и на выходе столкнулись в дверях с бездомной собакой. Она смотрит вам в глаза, обнюхивает кульки, но там ничего съедобного для собаки нет, а возвращаться в магазин за бутерной колбасой вам лень, неохота. Неохота совать вещи с покупками в камеру хранения, опять стоять в длинной очереди.

Раздражение и обида. Вы пересилили себя, вернулись в магазин, купили ей чего-нибудь, а собака не дождалась, давно убежала искать счастья в другом месте.

Злость. Собака на месте, но ваше подношение ей не по вкусу. Понюхала подарок и удалилась, не сказав не слова.

Бродяжка с пятью собаками – сплошная рвань, высокомерно отказалась от денег. «Мелочь не беру», – заявила она, даже не посмотрев, что мелочи ей было предложено минимум на две условных единицы, что для бомжихи совсем не мелочь – гривен десять в украинской валюте. Зимой и летом, присев под стеной дома, она читала книгу через увеличительное стекло. В разных местах центра города. Только собак становилось все меньше с каждой случайной встречей. Что она читала, я так и не рассмотрел. Своим отказом от мелочи она напомнила мне Дон Кихота, который ходил в рваной одежде, потому что как истинный аристократ чиненого не носил.

Такую любительницу чтения я уже видел однажды в Москве. Шел мокрый снег. Женщина сидела на газете. В одной руке держала книгу, а другую, в варежке, протягивала к прохожим. Собак у нее не было.

Симбиоз бездомных людей с бездомными собаками стал бросаться в глаза после установки в городе импортных мусорных баков. До этого собаки легко запрыгивали в открытые железные ящики, отгоняли котов и рылись в пищевых отбросах. Теперь они покорно бредут от «Альтфатера» к «Альтфатеру» (название фирмы красиво написано на каждом контейнере) за своими опекунами, терпеливо ждут, пока те откроют крышку и отсортируют находки – на полезные и ненужные. Радостно вертят хвостами, когда получают часть пищевой добычи. Какая польза бомжам от этих четвероногих товарищей? Какие защитники из этих тихих, пришибленных жизнью тварей? Они согревают им душу в холодных подвалах городских трущоб.

Уже сменилась третья фирма, зарабатывающая на вывозе мусора, а горожане называют контейнеры именем самой первой. Выбросить в «Альтфатер», найти у «Альтфатера» – полюбились одесситам именно эти сочетания звуков.

Через лет сто никто и не вспомнит, почему мусоросборник называют немецким словом «Дедушка».

«Фетяска» и «Мускат». Звучит красиво и завлекательно. Вино все-таки. Наверно вкусное. Фетяска на румынском означает «Девичье». Дети так назвали приблудную дворнягу. Девичье – уже немолодая и много рожавшая истеричная сучка. Придурковатая и непредсказуемая, как и ее «яблоко от яблони» сын Мускат. Своих жильцов любят. А случайных прохожих могут цапнуть. Только колбаса спасает от насилия. Заранее нарезанная на куски и разбрасываемая подальше с точным расчетом на время пересечения двора: от ворот до дверей нужной квартиры. Можно и схитрить, пожадничать, колбасу не покупать, а позвонить по мобильному друзьям и попросить встретить на улице.

Хочется открыть фирму с таким рекламным слоганом: – Дадим имя вашей кошке! Подберем кличку собаке, кролику, хомячку или белой крысе! Можем и фамилию придумать. И образцы предоставить типа Чернобелов, Полосатов, Пестров, Пушков-Муркин, Когтистый-Дикий и т. д. Народное творчество перешибить все равно трудно. Я знал ничем не примечательного кота по кличке Манюний. Манюний – слово, производное от манюня, то есть малыш, маленький. И я понимаю, что в детстве этот здоровенный котяра таковым и был. А сейчас раскормленный лентяй грелся на солнце и едва поворачивал голову на толстой шее к своей хозяйке, бабе Марии, если она обращалась к нему с вопросом. В ее в лексиконе кроме кошачьего имени были и другие интересные слова: оберкоса, грехфрукт, маникур, а также общеупотребительные в Украине калидор, лисапет, чумайдан и чоколадка.

Японская поэзия:

Зима. Дождь.
Какая-то крупная птица села на голую ветку.
Пока я искал очки – она улетела.
Наверно ворона.

Сильный ветер треплет на ветках белые крылья голубя или чайки

Я надел очки – увы, это всего лишь целлофановый пакет, зацепившийся за дерево.

Выбор натуры для киносъемки. Пустынная дорога вдоль берега сухого лимана. Трудно сосредоточиться на цели поездки. Трудно вникать в суть вопроса: годится ли место для съемки сценарного эпизода, если в пяти шагах от берега совершается таинство природы. Не по телевизору в передаче «В мире животных», а тут, у тебя под носом водяные ужи охотятся на лягушек. В прорехах зарослей осоки прекрасно видно, как уж схватил жертву за ногу, и она орет от страха, пытаясь вырваться. Другой охотник, чуть поменьше (или чуть короче, надо говорить), вцепился за голову этой же лягушки и тянет ее к себе. И ни один не может пересилить. Они сплелись вместе, и клубок медленно, извиваясь, укатился в камыши – с глаз долой.

Один заядлый рыбак любил в качестве наживки на сома использовать живых лягушек (на крючок цеплял их за лапу, чтобы дергались активно) и держал запас живности в пластмассовой канистре. Ночью уж, забравшись внутрь, всех лягушек из жадности проглотил. Выглядел он на дне канистры, как чурчхела. Такая грузинская сладость: длинный стручок со вздутиями орехов в застывшем сиропе виноградного сока. Выбраться наружу уж не смог – в горлышко канистры не проходил. Но, может, это и враки, байки рыбаков нужно делить надвое, даже если рассказчик и молодой подающий большие надежды микробиолог.

Толя Миронович принес в школу дохлого крота. Бархатисто-черный зверек умещался на его ладони. А я смотрел, и не понимал, почему он такой маленький – ведь на иллюстрации в книге про Дюймовочку слепой крот гораздо больше маленькой девочки. До школы я понятия не имел, что это такое, дюйм. Поэтому размер крота соотносил с размером понятной мне девочки. Когда получил представление о мерах длины – про сказку давно забыл, и ее образы остались нетронутыми, не корректировались. До сих пор помню свое разочарование

малыми размерами этого милого животного – злейшего врага крестьян-землевладельцев.

Мария Семеновна преподавала у нас ботанику, зоологию и анатомию в старших классах. Каждую весну перед каникулами она распределяла среди учеников задания на лето. Пока она требовала собирать тополиный пух и сушить соцветия дурмана – никто особо не выступал. Неохота возиться, но что поделаешь? А в классе седьмом ее требования выросли вместе с нами. Мария Семеновна велела ловить пресмыкающихся и спиртовать их в стеклянных банках. На возмущенный ропот она заявила, что не надо корчить из себя таких уж неженок.

– Я про вас все прекрасно знаю, – сказала она, – мальчикам с живой кошки шкуру содрать ничего не стоит, а тут лягушку заспиртовать, или ужа, вам будет раз плюнуть.

Насчет детской жестокости она была абсолютно права, и использовать земноводных в качестве живой мишени при стрельбе камнями было в порядке вещей. И обгадившегося от страха ужа таскать по школе, засунув в карман школьной формы, тоже нормальная практика. А вот заниматься живодерством с научной целью никто не стал. Не нашлось ни одного желающего посвятить себя зоологии. Мария Семеновна никогда не говорила нам: – Закройте рты! – если хотела унять галдеж в классе. Она говорила: – Закройте губы!

И к слову о лягушках. Саша Ш. очень любит животных. Саша Ш. пошел учиться на ветеринара. Когда на первом курсе нужно было препарировать живую лягушку – он потерял сознание – оказался профнепригодным.

Уже не первый год повторяется одна и та же история. Семейная пара ищет место для выведения потомства. Она – почти белая, как в подвенечном платье, а он обыкновенный серенький. Он предлагает варианты, а она их один за другим отвергает, капризничает. Попутно голубки кормятся и совокупляются на ветках липы. И каждый раз он предлагает ей вить гнездо на заброшенном жильцами балконе. Роскошное место – в квартире давно

никто не живет, это видно любому дураку. Но не голубке. Она сначала как бы соглашается с мужем. Они даже начинают что-то сооружать, собирать мусор, а потом, взбрыкнув, птица бросает прекрасное место и улетает. Если бы я, как царь Соломон, понимал язык зверей и мог бы говорить на языке голубей, то, естественно, я заступился бы за главу семейства, подтвердил бы правоту его доводов. Я бы крикнул беременной женщине-птице, что жильцы квартиры давно вымерли, кошкам это место недоступно, и никто их не потревожит.

Я не верю в переселение душ, к сожалению. Но легко понимаю, отчего так притягательно это представление, от какого рода случайностей сформировалось это красивое поверье. Как часто летом в наш дом залетали птицы! Через открытую балконную дверь и через окна. Голуби, синицы, воробей, а вечером с наступлением темноты уже три раза залетали летучие мыши. Мороки с ними не оберешься. Одна, не сумев выбраться ночью, даже передневала, спрятавшись за картиной. И часто в эти дни кто-нибудь умирал. Так совпадало. Когда умерла мать, на улице пристала бродячая собака, поднялась со мной на третий этаж, виляла хвостом, загадочно улыбалась, но ничего из предложенного есть не стала. А о смерти брата я узнал в день, когда мне за городом встретился хомяк. Не домашний, живущий в клетке, а дикий, полевой, необычно большого размера. Он пробирался по асфальтовой дорожке вдоль бровки, и когда я вылез из машины, чтобы его подсадить, помочь перебраться на зеленый газон, он уже добрался до трещины между камнями и справился сам, выбрался из «каменных джунглей» на привычную мягкую землю.

Нельзя показывать врачам фильм про врачей. Художникам про художников. И слесарям про слесарей – всегда найдут ошибки и будут нудно придираться к мелочам, заметным только им, узким спецам в своей области. Нельзя без улыбки подробно рассматривать гениальную картину Саврасова «Грачи прилетели» не то что орнитологу, но и просто грачевладельцу. Никакие это на картине не грачи. Что-то в общих чертах похожее, конечно, присутствует, если не присматриваться внимательно. Какие-то

черные птицы. И если те, которые кружатся вдали, так называемая массовка, еще так-сяк, то этот потомок динозавров на переднем плане слева (с дурацкой круглой головой) – совсем никуда не годится. Но тогда стоит вопрос: как назвать эту чудесную картину? Как у собаки Павлова желудочный сок выделяется при зажигании лампочки, так у всякого русского человека с раннего детства при словах «грачи прилетели» возникает в голове картинка ранней весны: мокрый снег, низкая тоскливая облачность, осязаемая мокрота внутри прохудившихся ботинок и обещание скорого тепла и света.

Какой бы интерьер, написанный Эммануэлем де Витте, вы ни рассматривали: синагоги, кальвинистской церкви или католического собора – везде по переднему плану увидите собак. И мелких, и довольно крупных, породистых. Также в некоторых интерьерах мозолит глаза одна и та же мужская фигура в запоминающемся плаще. Какой-то зевака таскается туда-сюда от скуки. И художник за ним. Не увидите только злобной старухи из православного храма, которая обругает и выгонит из церкви не только зашедшую погреться собаку, а попрет и случайного посетителя, если тот забыл обнажить голову или неправильно держит руки. Кошек на картинах мастера я не нашел. Но это и понятно. Кошка в церкви неуместна потому, что с «нечистым» накоротке. Это видно по картине Лоренцо Лотто «Благовещение». Прямо в центре, хочется сказать – кадра, кошка злобно выгнула спину и ощерилась на ангела. Ему это, правда, до лампочки – он явился не кошек гладить, не сводничать, что допускает возможность выбора, а просто поставить девушку перед неотвратимым фактом.

Мои родители на крошечном участке возле крохотного дома всегда держали кур. Временами и кроликами занимались. И тех и других растили, чтобы принимать в пищу, как и их предки. Резали птицу, снимали с кроликов шкурки, выделывали и превращали в деньги. Были и кошки. Во дворе. Некоторые получали «грин-карту» на кухню – согреться у печи морозными зимними ночами – дальше, в комнаты, кошки не совались. В присутствии родителей по крайней мере.

А мои кошки живут в доме, на улицу не ходят и спят везде. И еду для них приходится покупать специальную кошачью, и витамины для улучшения шерсти. И подавать болящим в постель. На подносе. А вместо кур я держу совершенно бесполезного грача с поломанным крылом и облезлую молодую ворону с перспективой выздоровления. Полная деградация и декаданс – иначе это не назовешь. Маньеризм и вырождение. Но червоточина кроется все-таки в наследственности: своих кроликов мама есть не могла. «Да, были люди в наше время – не то что нынешнее племя!» – сказал поэт почти двести лет назад, и был прав – народ мельчает.

Иллюстрация автора

Владимир Васьковцев

Торжественная меланхолия

Малая театральная энциклопедия

Диалог

– Ну всё, всё, куда ни кинься, с кем ни говори, всё, всё без исключений соткано из противоречий! Больших и мелких! – жаловался заместитель директора научного института артисту областной филармонии.

Артист кивал, угугукал, но, по-видимому, внутренне отсутствовал. Слушал, не слыша. Как он обычно поступал, повторяя в уме перед выходом на сцену свои сатирические монологи.

Дело было в санатории.

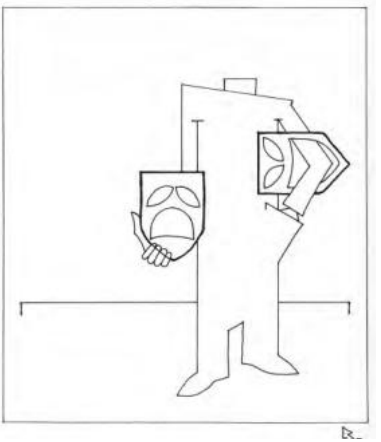
Заместителю директора научного института, слушают его или нет, жизненно полезно было выговориться, вытащить из головы занозу.

– Я говорю. Вы говорите. Мы говорим. Все говорят, – выразительно жестикулировал замдиректора, будто и он артист областной филармонии. – Я спорю. Вы спорите. Мы спорим. Все спорят. Каждый со всеми. Все вместе – с каждым. И с заграницей… Что доказал ты им? Ничего. Что они тебе? Ни-че-го. Что все доказали друг другу?.. А хотели же. Но проклятые противоречия!..

«Дай-ка и я скажу, облегчусь», – очнулся артист.

– Стоит в обеденный перерыв взять в руки книгу, кто ни пройдет мимо, обязательно спросит: «А что ты читаешь? А зачем оно тебе надо?!». И уже не до чтива. Стоит задуматься, сразу вопрос: «О чем думаешь?..». И сбивают с мысли…

Теперь замдиректора научного института угугукал, кивал головой, но не слышал ни слова.

– ...Попробуй заговорить с кем-то посторонним, сослуживцы тут как тут, ревнуют, ухом вперед подступают. Любопытствуют неистово, – с волнением говорил о насущном филармонический артист. – А как только бросишь книгу, бросишь думать, бросишь с посторонними людьми общаться, тотчас к тебе пропадает всякий интерес, будто и нету в живых... Ну все, куда ни повернись, что ни делай, – все, все соткано из противоречий!

– И я об этом. Я начал с этой мысли, – очнулся-встрепенулся замдиректора.

– Да?.. Знаменательно. Ни вы меня, ни я вас не слышим, а вывод сделали аналогичный!

– Извините, приму лекарства. Время подоспело.

Филармонический артист полюбопытствовал:

– Что, если не секрет, пьете?.. То есть глотаете?

– Обнадеживающий препарат. Буквально месяц назад минздрав предложил. Прочтите листок-вкладыш и все поймете, – протянул бумажку замдир, заглатывая две капсулы.

– «Показания к применению»... – со всей серьезностью вгрызся в текст филармонист. – Так, понятно... «Способ применения и дозы» – понятно. «Побочные действия» – так, так, так... «У отдельных больных возможны желудочно-кишечные расстройства (тошнота, рвота, понос, желтуха, головная боль, аллергия...)» Понятно... В общем, как всегда.

– Главу «Противопоказания» пропустите, не тратьте понапрасну времени. Ничего там про нас нет. Противопоказано грудным детям и беременным женщинам, а нам – пожалуйста, можно. Сколько влезет. Повезло!

– Уважаемый, прикосновение к лечебной теме меня и вас как-то сблизило – слушаем и понимаем друг друга... По-моему,

прекрасно! – трижды сплюнул через левое плечо артист филармонии, чтоб не сглазить.

– Да, дорогой, замечательно. Но если вы, как я, станете ежедневно глотать эту мерзость, есть угроза сблизиться еще больше. Где это место?.. Ага, вот оно: «…У больных, применяющих препарат, моча, слезы, мокрота приобретают оранжево-красный цвет». Конец цитаты. Большего родства душ и быть не может; не только говорить на общелечебные темы, даже плакать и пѝсать станем одной краской!.. – отказался от предложенного единения замдир, памятуя, что мир и все-все-все соткано из противоречий. И это неизбежно.

Жнец

– Прошу подняться на сцену Николая Николаевича Николаева!

На сцену взобрался маленький, худенький, никакой человек с никаким лицом.

– Удивил общественность. Спасибо! – сказал ведущий собрание Сергей Сергеевич Сергеев, потряс Николаеву руку и вручил конверт с денежной премией.

И тогда с Николаевым случилась странная вещь: его уши покраснели, увеличились и оттопырились в сторону зала. Он перестал суетиться. В него вдруг – непонятно каким образом – вошло самодовольство. Николаев вывернулся на каблуках к сослуживцам, прижал ручки к груди и *поклонился*!

Через… дай бог памяти – не помню сколько дней… – открывали новый отдел. Натянули поперек входа ленточку, чтобы, как водится, торжественно ее перерезать.

Сергей Сергеевич Сергеев обратил внимание, что кто-то настойчиво протискивается из задних рядов в передние…

В самый момент разрезания в центре внимания объявился Николаев, выхватил из нагрудного кармана ножницы *и разрезал сам*!

Едва треснул в воздухе первый хлопок аплодисментов, Николаев широко раскрыл руки, даря свое тщедушное тело присутствующим, и отвесил глубокий поклон всем вместе и каждому в отдельности, как это делают маститые сценические знаменитости.

Опомнившись от внезапного шока, Сергеев взорвался, как пороховой склад – шумно, дымно, вверх и в стороны.

– Кто ты такой?! Судом демократического мнения! Самозванец, а не добросовестный труженик!

– Честное слово, больше не буду! – улаживая скандал, поклялся ему в ухо Николаев.

Сергей Сергеевич Сергеев в свободное время руководил энтузиастами местного драмкружка, ставил спектакли и талантливо в них выступал.

Однажды отворилась дверь, и перед ним предстал крошечный Николаев.

– Разрешите выступить, – попросил.

– Разрешаю… – оторопев, согласился Сергеев.

Николай Николаевич Николаев сделал три шага вперед, виртуозно, кстати сказать, поклонился и застыл в ожидании.

– Это все?.. – поперхнулся Сергеев.

Николаев, как чужестранец с древней загадкой, еще раз, еще более эффектно, с вывертом, поклонился и вышел вон.

Следом вылетел в коридор Сергеев.

– Я от тебя с ума сойду! Что ты хотел этим сказать?..

– Наиглавнейшее в любой профессии – поклон! – открылся наконец Николаев. – Ведь, например, артист нравится не за то, как играет, а за то, как любит публику. Я ее люблю…

– Погоди, – перебил Сергеев, – а работать, лень бороть, не спать ночами, совершенствоваться, искать смысл?.. Поклон – суета, чушь собачья!

– Не скажите. Например, приду я в следующий раз на премьеру. Вы потрудитесь на сцене, а я выйду и поклонюсь…

– Свинством с твоей стороны будет…

– …Публика зашушукает: «Кто такой?» – спросят одни. «Николаев!» – ответят другие. «При чем здесь он?» – спросят первые. «Мастер поклонов!» – ответят им. «Самозванец!» – возмутятся первые. «Но зато какой! Какой неожиданный и милый!» И почти все цветы – мои.

– Внутренний паразит ты! Раб тщеславный! – навалившись всем телом, припечатал его к коридорной стене Сергей Сергеевич Сергеев.

– Больше не буду!.. Извините… Честное слово! – извиваясь, выкручивался расплющенный Николай Николаевич Николаев.

Но по глазам было видно, что врет. Врет, мерзавец, будет!

Скажите, пожалуйста…

– Скажите, пожалуйста, – робко обратился артист эпизода Федор Андреевич к ведущему артисту Демиденко. – Я грим придумал. Похожий?

– На кого? – пробасил Демиденко.

– На Петра Первого!

– Ну, ты даешь!.. Смело…

– Смело! Я так и думал, – обрадовался Федор Андреевич.

Через минуту он пристал к Демиденко с другим важным вопросом:

– Скажите, пожалуйста, двадцать килограммов краски здесь есть?

Демиденко передернуло, но отказать ветерану сцены не смог. Взвесил бидон в руке.

– Двадцати килограммов нет.

– А сколько? Больше или меньше? – уточнил Федор Андреевич.

– По-моему… *Меньше*.

– Меньше! – всплеснул руками Федор Андреевич. Одна нога здесь, другая там, слетал в магазин за краской. – Добавил! Проверьте, пожалуйста, не откажите… Ну как? Мне нужна точность, как в аптеке. По системе Станиславского…

– Федор Андреевич, дорогой, перелил. По-моему… *Больше*.

– Что ты скажешь, чутье потерял! – раздосадовался артист эпизода. Убежал и тут же вернулся: – А теперь? Я вас прошу! Не сердитесь…

– По-моему… А сколько надо?

– Ровно двадцать! Именно синюю заказал режиссер.

– По-моему… Я бы не сказал двадцать, я бы сказал…

– Только не это! Синей краски в магазине больше нет, всю купил! – запротестовал Федор Андреевич.

– Тогда норма. С точностью до грамма! – грохнул бидоном об пол Демиденко и ускользнул в дальний угол сцены зубрить главную роль.

– Скажите, пожалуйста, – настиг его Федор Андреевич, – текст у меня имеется. Как лучше, тонким голосом или толстым, погрубее?

– Ух ты ж, Федор Андреевич, и приставучий… – едва сдержался, чтоб не рявкнуть, Демиденко. – Быстро показывай, пока мое терпение не лопнуло!

Федор Андреевич, торопясь, тонким и толстым голосом пропищал и прорычал: «Крашу одуванчики! Кому покрасить одуванчики? Подходи!..».

– Удивительно, дорогой! За душу берет… Только отстань от меня, уйди куда-нибудь, ради всего святого! Мне работать надо!

Федор Андреевич ушел.

– Ты кто? – не узнал его режиссер.

– Я Федор Андреевич в гриме Петра Первого, – назвался он. – А это – бидон с синей краской, как вы придумали по системе Станиславского, вес – с точностью до грамма. Голос берет за душу. Грим смелый. Так сказал про меня ведущий артист Демиденко.

– А-а-а-а!.. – узнав, простонал режиссер, скривившись, как от вселенской боли. – Это мне наказание за все грехи сразу… Ладно. Ты хороший, правильный человек, но я уже не могу тебя видеть. Стань где-нибудь там… Подальше где-нибудь.

– Скажите, пожалуйста… – с неугасимым энтузиазмом попробовал уточнить еще какую-то деталь Федор Андреевич.

– И никаких вопросов! Молчи истуканом. Иначе премьера никогда не состоится, или я до нее не доживу! Замри и не дыши!

Федор Андреевич прижал палец к губам, понимающе кивнул, на цыпочках прокрался, куда было велено, и застыл, как каменный кропотливый страж *театра* с бидоном синей краски у ног.

Распределение

Моя профессия – режиссер.

Меня пригласили на постановку в известный театр.

Я предложил новую пьесу.

Прочитал вслух всей труппе.

Я ответил на возникшие и предупредил возможные вопросы.

Я понравился.

Внимательно просмотрел несколько спектаклей театра и выяснил картину:

работать можно, есть хорошие артисты.

И вот решающая встреча с главным режиссером.

Он спрашивает:

– Ну как?

Я отвечаю:

– Работать можно. Есть хорошие артисты.

Я излагаю ему – как и ради чего буду городить огород.

Ему это безразлично.

Он не без коварства спрашивает:

– А какой из наших спектаклей произвел на вас наибольшее впечатление?

– Всюду чувствуется твердая рука и единый стиль, – суммирую я.

И это правда. Я не вру.

Он кивает. Он доволен собой. Его волшебство накладывает уникальный отпечаток на все, что видно из зрительного зала. Я тому живой свидетель.

Переходим к главному вопросу, к распределению ролей, кто из артистов кого будет играть.

– Сарайкин с ролью не справится! – тут же возражает он против первого названного мной кандидата.

– Я с ним поработаю. Я из него вытяну, вытрясу, выжму! – защищаю самого способного артиста.

– Кроме того, он в воспитательных целях наказан, – холодно прерывает главреж. – Кто следующий?

– Артист Комендантов…

– Тоже наказан сроком на один год.

– Может, скостите для дела? Может, условно…

– Определенно! От звонка до звонка!

– За что же вы их? – изумляюсь я.

– За все! – отрезает художественный руководитель.

– А как вы смотрите на кандидатуру артиста Несмеянова? – упорно перечисляю, не теряя надежды.

– Кем вы его видите?

– Хорошо вижу.

– И напрасно. Кое-что он, безусловно, умеет… К сожалению… А то, что вам видится, – неправильно.

– Откуда вы знаете?! – взъерошиваюсь я.

– Вы бы не спорили, – начинает раздражаться руководитель. – Кого еще предложите?

– Бобошкина, с вашего позволения, – иронизирую я, будучи уверенным, что уж Бобошкин-то не нужен никому, мне в том числе…

– Забудьте его фамилию! – грозно одергивают меня.

– А его на сколько?

– Бессрочно. Вплоть до увольнения!

Я бескомпромиссно вскакиваю.

Я выхожу на улицу.

Поперек дороги – группа артистов вверенного ему театра, сплотившаяся возле внутрицехового анекдотчика.

При виде меня расступаются. Вместо приветствия двусмысленно отводят глаза…

Поздно вечером раздается телефонный звонок.

– Успокоились? – примирительно тлеют интонации главрежа. – Привыкайте, у меня твердые принципы: даю плохому – значит, так надо, не даю хорошему – значит, не заслужил! Записывайте, диктую своих кандидатов: артист Буратинов на заглавную роль…

– С фиолетовым лицом? Которого грим не берет?

– …Артист Туманов, трагик, злодей, профессионал…

– Помню-помню, прозрачный такой. Да-да, очень тонкий артист, тонкий и прозрачный, насквозь видно, что откушал накануне спектакля. Такой злодей, что если ему не поддаться – помрет от страха.

Главреж глух и неумолим.

– Пишите дальше: артист Стоянов…

– Наказан! – потеряв терпение, в тон ему импровизирую я.

– Да вы что, молодой человек, – взрывается главреж, – возражаете?!

– Кстати, и вы у меня с сегодняшнего дня наказаны!

– Как?!. – растерялся худрук.

– Сурово! – нагнетаю ситуацию. – От звонка до звонка!

– За что?!.

– В воспитательных целях, маэстро. Я изучил ваш гороскоп, это серьезно, это злободневно, это космическое, это говорит Абсолют, это звездный приговор без права на реинкарнацию, на следующую полноценную жизнь!

– Н-на сколько?.. – ничего не понял, но все равно испугался главреж.

– Думаю, что навсегда!

– И в следующей жизни я не стану главным режиссером даже какого-нибудь затрапезного театришка?.. Это действительно конец.

– Вас разлюбили звезды…

– Полный кошмар!

Премьера премьер

Празднично и ярко освещенное здание театра.

Вместо привычного «На сегодня все билеты проданы» красуется «Свободных мест нет!».

Директор театра и женщина-администратор радушно встречают входящих, раскланиваются с каждым и говорят приветливое: «Здрасьте!».

Продолжая улыбаться, администратор шепотом обращается к директору:

– Куда же мы всех посадим? Места в зале кончились!..

Но директор улыбчиво приветствует гостей:

– Здрасьте, Василий Тимофеевич! Добрый вечер, Степанида Денисовна! А вы, простите…

– Мы от Рудольфа Елизарыча…

– Мы от Леди Акакиевны…

– Мы от Елисеева…

– Конечно-конечно! Ждали, – радостно восклицает директор.

– Будет скандал, – в последний раз предупреждает администратор.

Зрительный зал наполняется публикой. Многие, как давние добрые знакомые, раскланиваются друг с другом. «Здравствуйте-здравствуйте, здравствуйте все!» – излучают тепло их ясные глаза и представительные фигуры.

Администратор за кулисами поторапливает артистов:

– Можете не успеть, сейчас начинаем.

В гримуборной, сбрасывая рыцарские доспехи, артист Клименко удивляется артисту Угарову:

– Чего не торопишься? Опоздаешь, брат. Придешь ты или не придешь, все равно начнут вовремя.

– Этот спектакль мне не нравится. Я принципиальный противник! – вспылил Угаров, грохнув железной перчаткой в стальной наколенник металлического костюма, прогнув его и нанеся себе травму.

– Ну и сиди, консерватор! – Клименко в концертных одеждах выпорхнул из гримуборной. Расталкивая артистов, под зов третьего звонка мчится к сцене.

Зрители расселись по местам.

Зааплодировали, поторапливая с началом.

Вот торжественно пошел вверх тяжелый занавес и открыл сцену…

…На переполненной сцене плотной массой ряд за рядом, вплоть до самого задника, с нескрываемым любопытством взирает на пространство зала тьма-тьмущая людей. Зрители на сцене приветствуют аплодисментами зрителей в зале. И те, и другие думают, что настоящий зрительный зал там, где сидят они…

– Мне рассказывали, что в спектакле занято всего пять артистов, – жужжит тучная женщина тучному мужчине. – Мы туда попали?..

И тут нежданно-негаданно в лучах прожекторов из глубин оркестровой ямы возникает фигура директора театра.

– Дорогие друзья, дамы и господа! – торжественно обращается директор в равной степени к залу и к сцене. – Мы бесконечно рады видеть вас в стенах нашего дома. Очень прошу, пожалуйста, ничему не удивляйтесь. Сегодня у нас эксперимент. Как модно нынче говорить, спектакль-эксперимент, который, как идея, давно витал в воздухе.

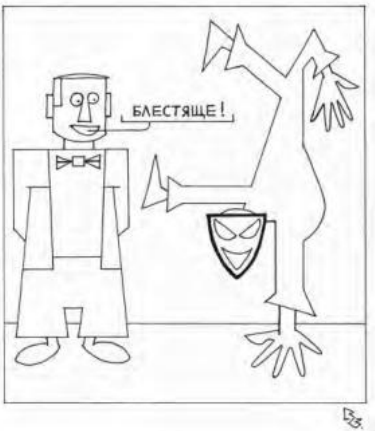
Угаров ворчит в гримерке, растирая травмированное колено:

– Я – артист, им и останусь. Только артист! Не нравятся мне ваши новации, я профессионал другой школы…

Директор твердо продолжает, переходя к сути дела:

– Случилось непредвиденное, наш ведущий артист, участник запланированного на сегодня спектакля, внезапно вышел

из строя. Мы вывесили объявление о его неожиданной болезни, но объявление украли неугомонные поклонницы пострадавшего, с которыми ничего нельзя поделать... И вот тогда... – директор на секунду придержал монолог, дабы сконцентрировать абсолютное внимание, и торжественно вышел из глубокого виража интригующей паузы на финишную прямую: – И тогда я окончательно решился на вышеупомянутый эксперимент, *спектакль без единого актера*. Смотрите, вот он! А вы – самые первые свидетели!

Зрители из зала недоверчиво смотрят на зрителей на сцене, а те со сцены пучат глаза на зрителей в зале... и, кажется, лишь теперь кое-как понимают сложность положения, в которое попали.

Угаров в гримерке увеличивает громкость трансляции со сцены, начинает торопливо переодеваться. С грохотом летят на пол доспехи.

– Помянете мое слово, кончится скандалом, поразят нас в незащищенные места острым критическим словом... Вот увидите...

Директор с хорошими манерами, из бывших артистов, рокочет, постепенно заполняя пустоты пространства, заставляя звенеть люстру и чутко дребезжать посуду в театральном буфете:

– *Спектакль без единого актера*! Полная свобода вашего самовыражения, никаких противоестественных помех. Никакой заумной драматургии! Никаких авторитетов! А теперь позвольте объяснить правила игры в театре-эксперименте, – гремит директор. – Итак, в зале – самые талантливые люди в городе, каждый в своем роде, конечно, а на сцене, представьте себе, самые нужные люди в городе. Наше действо, или спектакль, называйте

как хотите, ждет не дождется своего рождения. Так давайте же! Начнемте!

Артист Угаров высунулся сбоку, из-за кулисы, и вызывающе выкрикнул:

– Полжизни стою в льготной очереди… и никаких перспектив!

– Запишите мой телефон, – жестоким басом ответили со сцены, презрительно фыркнули и вместо номера телефона назвали сумму тайных сбережений артиста Угарова.

– Нужна одна недорогая путевка, всего одна, а говорят, их нет в природе, туда их нет! – прострадал привлекательными обертонами глубоко проникновенный женский голос.

– Встаньте и всесторонне покажитесь! – подсказал директор театра. – Так принято в приличных домах.

– Будет! – заверили со сцены. – Все вам будет!

Раздались первые аплодисменты.

Театр давно нуждался в обращении к импровизации, к конкретной злобе дня.

Вот и дождался.

А в следующий раз самые нужные люди города усядутся в мягкие кресла зала, а самые талантливые в своем роде – на сцене, то есть поменяются местами. Затем опять поменяются местами…

Чем плохо?

Афиши печатаются, перепечатываются, расклеиваются – стен не хватает!

Рисунки автора

Александр Мардань

Анатомия сознания

Любовь

До и После. До и после этот человек интересовал тебя, как большинство других, которым ты не желаешь зла, но не собираешься ради них чем-то жертвовать.

До и после мнение этого человека обо всем, включая тебя, интересовало в пределах математической погрешности, которой можно пренебречь.

До и после этот человек не жил в твоем сознании. И вам в нем не было тесно, как в поезде на верхней полке. Тесно и страшно, что можно упасть.

Теперь о Между. Между до и после… Между прочим Между… Между у всех разное и одинаковое. Настоящее человеческое чувство. Все люди разные и все похожи. Блуждающая улыбка, рассеянный взгляд.

Исчезновение одиночества, точнее – его трансформация в Между. Отсутствие недостатков, коллекция восторгов. Синдром привыкания, страх потери…

Следствий много. Причина одна.

Но ее никто не знает. Существует десяток объяснений. Но все они ложные. Уже хотя бы потому, что их десяток.

Настоящую причину знать не положено. Таков закон. И если пытливый Homo sapiens когда-то тайну откроет, это будет конец рода человеческого. Потому что без тайны нет любви, а без любви – жизни.

Ревность

Мало того, что мы у себя одни, мы еще одни во всем мире. И мы в этом мире лучшие. Лучшие в главном.

Да, мы не бежим быстрее и не прыгаем выше всех, но мы однозначно лучше в том, что нельзя измерить, взвесить, обсчитать. И если мы останавливаем наш выбор на ком-то, пусть даже этот некто выбрал нас раньше, то это мы даруем ему (ей) счастье быть рядом с самым-самым.

И вдруг оказывается, что этим счастьем пренебрегают. Или еще хуже. Совмещают с чем-то чужим и ничтожным. Иногда так и есть. Иногда нам это кажется. Но ощущения одинаковые. Больно и обидно.

Больно, потому что нас обманули. Тогда, и продолжают обманывать сейчас. Больно, потому что как было уже не будет, а как будет, надо решать, а это болезненный процесс.

Больно, потому что, сблизившись с кем-то, мы сняли с себя кожу, чтобы не мешала чувствовать и ощущать. Теперь мы как после ожога. А новая кожа нарастает долго и мучительно.

Нам обидно. Потому что кто-то чем-то лучше. И еще бы ладно, если он (она) был бы лучше в том, что можно измерить, взвесить, обсчитать. Тогда бы обида была спортивная. А так – человеческая…

Значит, ты не самая? А какая? Сто восьмая. Очень обидно.

Что остается? Остается доказывать, что он (она) ошиблись. А как доказать? Снова дарить счастье быть рядом с собой другому или прощать неразумного, если он раскаялся… И так до тех пор, пока ты не поймешь, что выбирают не лучших, а нужных.

А кто нужен человеку? Сие есть тайна великая, типа вечного двигателя или философского камня.

Умом понимаешь, а сердце болит.

Страх

«Если верно, что трусость – самый тяжкий порок…» – рассуждал нестрашный дьявол по фамилии Воланд.

Какой порок? Это естество наше. Страх рождается с человеком и не умирает, передаваясь по наследству.

«Нищему пожар не страшен» – гласит народная глупость. Допустим, тогда выходит, что вечный партнер страха – собственность на что-то или кого-то. Страх без обладания чем-то ничтожен, равен нулю. Да только нет таких, у которых нет ничего.

У нищих духом есть свобода от духовности, у нищих телом – от денег. Плюс у всех есть жизнь, которая дается один раз.

Значит, все живое трусливо, раз ему есть что терять. Жизнь и страх – сиамские близнецы. Друг без друга не ходят.

Напрашивается мысль, что наш характер это иерархия фобий (так звали страхи греки). Того боимся больше, того меньше, а миром правит не владелец информации, которая лишь средство доставки страха по адресу, а сам террор (так звали страх римляне).

Почему же мы ставим памятники бесстрашным героям? Обманываем самих себя или уже привыкли к страху? «Если вам заедут в глаз, вы вначале вскрикнете… а потом привыкнете». К счастью, это не так и не везде, и не всегда.

Страх был бы всесилен, если бы мы больше всего любили себя. Но смелость наша в том, что больше всего на свете мы любим наши желания. Поэтому страх – это, конечно, ужас (так зовут страх одесситы), но «не ужас, ужас!», как в старом одесском анекдоте про хозяйку борделя и неприглядного клиента.

Поэтому рано и поздно рушатся режимы, построенные на страхе-терроре, а миром правят те, кто манипулирует нашими желаниями и возможностями их осуществлять.

Недаром на их языке слово «страховка» (insurance) происходит от слова «уверенность», а не от слова «страх».

Страхуйте желания, смельчаки!

Лень

…она же порок, она же главный двигатель прогресса, она же гарант стабильности в семье и государстве. Она есть у каждого. Всяк человек ленив, как и двуног.

Лень враг труда и часть природы, где каждая взрослая особь кормит себя сама, в то время как изобретенный человеком

труд позволяет многим этого избежать. Если труд – враг лени, то ум ее лучший друг.

Лень в первой тройке инстинктов. Пропуская вперед продолжение рода и самосохранение. Она не предохранитель, спасающий нас от перенапряжения, а естественная реакция подсознания на команды алчного, тщеславного, завистливого, обуянного гордыней сознания. Лень борется с дурными наклонностями человека, оберегая его бездействием. Порок против пороков. «Не хочу» против «хочу».

Это раньше главным словом было «надо», сегодня – «хочу».

«Лучший способ сдержать обещание – его не давать» – и так во всем.

Лень надо беречь. Она – то немногое, что отдаляет человека от пчел и муравьев.

Лень подыскивает нам любые занятия вместо того, чем мы должны заняться.

Кому должны? Странному типу, которого зовут Здравый Смысл. Зовут его редко, чаще он приходит без приглашения и портит наше настоящее. Заставляет трудиться ради будущего, которое, наступив, мгновенно превращается в настоящее, в котором тоже нужно трудиться, и так до конечной остановки. Других защитников, кроме лени, у нас нет.

Виталий Амурский

Глазами Томаса Манна

Страницы из пропавшего архива писателя, сохранившегося в свободном переводе с оригинала его русским почитателем

Черновой набросок

Моя страна не первый год больна,
Чему словарь ораторов свидетель,
Где в каждой речи слышится: «война»
И то, как нам врага не проглядеть бы…

Как быстро все забылось, Боже мой, –
Галиция, Верден, Версальский финиш!..
Вы спросите: на сердце тяжело ль?
Отвечу – нет. Хотя слегка тошнит лишь.

Но в каждом немце музыка жива,
И пессимисту я скажу: – Послушай,
Пусть жизнь под ритмы маршей тяжела –
Вернутся звуки, что врачуют души.

Ну, а пока развескою гирлянд
На елке из Шварцвальда бюргер занят,
Декабрьскими ветрами фатерланд
От Мюнхена до Любека пронзает.

У двери Новый год. Тридцать восьмой уже!..
Неясно лишь за запахом еловым,
Что ждет нас всех на этом рубеже,
Что ждет меня и близких в этом Новом.

Письмо из Любека

От земляка, узнавшего, что в текущем 1938 году писатель (пятью годами ранее уже покинувший Германию и отказавшийся от предложения властей вернуться на родину) собирается в США

О чем скорбите, Томас Манн? –
Хотел спросить бы вас,
Когда народ наш сыт и пьян
И обожает власть.

В почете Лютер, как всегда,
И Вагнер точно – бог,
А вы – Германия больна,
И немец – плох.

Смотрите в фильмах Рифеншталь
И в киноновостях,
Как в Рейхе закаляют сталь
И молодежь растят.

Наш фюрер любит и любим,
Мы с ним не знаем бед,
А вы – все это, дескать, дым
И геббельсовский бред.

Ах, Томас Манн, сказал бы я,
Не радоваться грех,
Когда австрийская земля
Вернулась в отчий Рейх.

Судетам согревает дух
Такою же мечтой,
А вы как будто слеп и глух,
Мол, все это – ничто!

Ах, Томас Манн, ах, Томас Манн!
Какой вас точит червь,
Зачем вам нынче чемодан,
Америка зачем?

Ах, Томас Манн, ах, Томас Манн,
Ну, право, так нельзя!
Своя страна – не талисман,
Ее с собой не взять.

Скитаться по чужим краям,
Забыв привычный быт?
А в Рейхе счастлив Караян,
И Штраус не забыт!

Спасут вам книги из огня,
Рассеют смрадный дым,
Скажите только: рад бы я
Стать Фаустом вторым.

Какая мелочь это, впрямь –
Лишь подтвердить пером…
Но до чего же вы упрям,
Твердя, что Рейх – дурдом.

Не будьте, Томас Манн, нахал,
Мы ведь – одна семья.
Привет из Любека! Зиг хайль!
Вас помнящий земляк.

Пометка, сделанная рукой получателя

Германия, родина, во мраке сих лет
Я лишь огонек зажег.
Какой же мне дать земляку ответ,
Когда он с ума сошел?

Как трудно подчас слова подыскать –
Такого не помню давно.
Европу, увы, задавила тоска,
И сдюжить не всем дано.

Живу, тебя на куски не деля,
Чтоб выбрать лучшую часть.
Культура немецкая там, где я.
По меньшей мере сейчас.

Письмо Г. Манну

Предположительно в 1940 году

Здравствуй, Генрих, ну как
Твои звездные выси?
Извини, что рука
Чуть медлительней мысли…

В прошлый раз не успел
Поделиться о главном:
Наплевать на успех,
Если дома неладно.

Или проще – беда,
Но любовью сыновней
Я с Германией. Да.
Лишь не с этой. С иною.

Там, где власть подлеца,
Просто не о чем спорить,
Нужно ждать лишь конца
(Уповаю на скорый).

Нынче Вагнер – не мой,
Мой – иной, непохожий.

Фридрих Шиллер – немой,
Да и Гёльдерлин тоже.

Эти хриплые Sieg
Понимаю хотя я, –
Не немецкий язык,
Но язык негодяев.

Сквозь коричневый чад
Каждый шаг, как на ощупь,
Слышу – птицы кричат
Возле сгубленной рощи.

Даже птицы! И мне ль
Вдруг лишать себя речи,
Когда ложь, как шрапнель,
Чьи-то души калечит?!

Представляешь талант,
Схожий с липой без листьев?
Вот и наш фатерланд
Точно так мне немыслим.

Словно сад без земли,
Что под дождиком мокла,
И без той бузины,
Что глядела нам в окна…

Ничего, будет жизнь,
Вспыхнет свет в темном доме!
Верь, работай, держись.
Обнимаю. Твой Томми*.

* Именно так обращался к брату Г. Манн

Первым делом я хотел бы попросить прощения у ревнителей документальной подлинности, имеющих право упрекнуть меня в том, что, дескать, Томас Манн не был поэтом, и подобного «пропавшего» архива его не существует. Спорить здесь совершенно не о чем. Единственным оправданием себе за предлагаемую ниже композицию я назову творческое право на создание художественного образа реально существовавшего человека, в котором для меня соединились образцовые качества писателя, интеллигента и убежденного антифашиста. Впрочем, надеюсь, знающие, что именно автору «Будденброков», «Смерти в Венеции», «Волшебной горы» и других литературных шедевров, покинувшего нацистскую Германию в 1933 году, принадлежат слова: «Где я, там и немецкая культура» (обычно цитируется по публикации Г. Манна «Мой брат»), – знающие, что именно он в своей статье «Германия и немцы» раскрыл как никто другой загадочные глубины духа своего народа (в частности, через отношение к музыке), – такие знатоки его биографии не найдут в моих строках принципиальных искажений. Ну а о том, насколько эпоха Томаса Манна отличается от нашей или насколько, может быть, схожа с нею – это пусть определяет каждый для себя сам. В данном случае соглашаться с моими ощущениями совершенно не обязательно.

Париж

Олег Школьник

Как я крикнуть хочу...

Мы

Давно мы существуем под угрозой
Войны и истребленья, словно скот.
Но и в пустыне расцветают розы,
Как наш Всевышним выбранный народ.

Мы столько блага сделали для света,
Для той страны, где мирно обитали,
Чтоб граждане гноили нас за это
И нашей кровью землю поливали.

Тысячелетья торговали нами,
Во всех грехах нещадно обвиняя,
Но все дороже ценимся мы с вами,
Как вечная валюта мировая.

Нас истребить не сможет даже время…
Ничьи головоломные затеи.
Как сквозь булыжник прорастает семя,
Так вечно будут живы иудеи.

Нетания

Настоящее это – «пока»,
Дальше может быть лучше иль хуже,

То пожатая Богом рука,
Чаще грязная затхлая лужа.

Вот наносим мы грязь на бока,
Процедура такая целебна,
Понимая, что это – пока,
Грязь не долго бывает волшебна.

Так, барахтаясь в грязи, – живем
Ежедневно, напяливши шоры,
И подобных себе создаем,
Как стихи из подножного сора.

Раз иль два удается взбрыкнуть,
Пока молод и есть еще силы,
А потом уже трудно вздохнуть,
И плетешься в грязи до могилы.

Есть дорога, она не легка,
Чтоб тебе *человеком* остаться,
Где б ты ни был, сейчас и пока
Никогда никому не сдаваться.

Стрекоза

Утром хочется солнцем умыться
И под ивы плакучей лозу
Осторожно, без шороха, скрыться,
Чтобы не испугать стрекозу.

А она безмятежно кружится,
Опираясь на солнечный свет.
Как же ей удалось сохраниться,
Сбросив куколки жесткий корсет!

Бабель

В шляпе абажура
Лампы лысый череп
Матово и хмуро
Смотрит диким зверем.

Перебиты пальцы,
Сломана ключица,
В близоруком вальсе
Лист сухой кружится.

Тишина, как в склепе,
Тихо ветка стонет,
А в широкой степи
Женщины и кони.

Все в мешок совали
Весело, азартно,
Будто точно знали,
Что не будет завтра.

Матово и хмуро
Смотрит диким зверем
В шляпе абажура
Лампы лысый череп.

* * *

Я все время молчу,
Что совсем на меня не похоже…
Как я крикнуть хочу,
Но, боюсь, что мне крик не поможет.

Тишина, тишина…
А в ушах громко сердце стучится…

Мысль блуждает одна:
Разве может такое случиться?..

Я смотрю на погост,
И мне, кажется, все это снится.
Каждый занял свой пост,
Чтоб не смочь никогда отлучиться.

Дезертиров здесь нет,
Все застыли в последнем параде.
Перешли на «тот свет».
А зачем? Почему? Чего ради?

Ах, как жизнь хороша!
Вот ты где-то когда-то родился однажды,
И живи не спеша,
Жизнь никто не прожил еще дважды.

И не надо конца!
Никакого ущерба здоровью,
Вид родного лица
Воскресить можно только любовью.

И уже нет болей…
И не надо лекарства прокапать,
Только в жизни моей
Никого не назвать больше *папой*…

Юлия Петрусевичюте

Песни реки Стикс

* * *

бамбуковые пальцы ветра,
прозрачные сухие пальцы,
играют с каплей янтаря.
а мы вернулись с того света,
и все не можем надышаться
холодным небом октября.

и все не можем насмотреться
на эту долгую дорогу –
все вверх и вверх, за облака.
течет молочная река
из-под земли на свет,
и сердце оттаивает понемногу.

* * *

просто сиди у реки и смотри на воду.
жди, когда поплывут осенние листья.
жди, затаив дыхание, первого снега.

выброс часы и забудь все земные числа.
не поминай ни зверя, ни человека.
слушай песню реки и вдыхай свободу.

боль остывает вместе с памятью тела.
рябь на воде и белые всплески пены.
первый снег в молоко парное ложится.

время течет в прибрежный песок из вены.
я сижу у реки. я серая птица.
вот и листья плывут в иные пределы.

* * *

лодка ударилась в берег, воды зачерпнула.
в сером прибрежном песке, где ракушки да камни,
спит часовой механизм, и не слышно дыханья.

солью в реке тает белая, белая память.
снегом на черной воде угасает сознание.
только сжимает виски от неясного гула.

там, где река обрывается с края вселенной,
с грохотом рушится вниз водопадом молочным,
брызги созвездий висят над ревущим потоком.

время утратило силу и сделалось пеной.
плоть оказалась прозрачной, а тело – непрочным.
а поцелуй остается соленым и долгим.

* * *

Это песни реки. Их поют перелетные птицы,
Чтобы в долгой дороге не сбиться с привычного курса,
Чтобы не заблудиться в туманах далекого края.

Я и та, и не та, я и знаю себя, и не знаю,
Мое сердце полно до краев, и прозрачно, и пусто.
Я не знаю границ, и сама я предел и граница,

Я рождаюсь в дожде и, дожди породив, умираю.
Можно в русле послушно лежать, и чертить себе русло.
Можно жажду на миг утолить, и вовек не напиться,

Я всегда возвращаюсь, и мне никогда не вернуться,
Я несу в себе время, смываю слова со страницы,
Дом, в который летят с того берега дикие стаи,
Спрятан, как потаенный фонарь, в каждой маленькой птице.

* * *

Ночь на страже, и в темной воде отражаются звезды.
Видишь, лодка уходит под тихие, тихие всхлипы?
Не пытайся ее удержать, а прощайся, прощайся.

Пожелай им счастливой дороги, дороги счастливой.
Еле слышно звенели стеклянные слезы пространства,
Ледяного пространства звенели стеклянные слезы.

Только пальцы замерзли, прозрачные, прямо ледышки.
Не касайся руками воды, не касайся губами.
Обожжет до кости, и ударит с размаху под сердце.

Это темная память течет по реке между нами,
Не спастись от нее никому и вовек не согреться.
Видишь, лодка уходит по звездам, все выше и выше.

* * *

Поднимается ветер. Кто-то бродит по темному саду,
По верхушкам деревьев, по крышам, и вишни вздыхают во сне.
А повыше – смотри – белый всадник на черном коне
Смотрит в черную воду реки помутившимся взглядом.

Он не помнит ни дома, ни имени – только пути,
Только мост через реку и черную стылую воду.
Он гуляет в небесных полях до седого восхода,
И холодные звезды глядят через дырку в груди.

Канат Канака

Благословляю, бабочка, лети...

* * *

Я в степь бегу, вдыхая кислород
и пожирая каждой клеткой в легких.
Как на ладони степь.
– Мой древний род
здесь кочевал… – мне говорил историк.

Тушканчик скрылся. Вот его нора.
Мы с ним встречались лишь однажды, мельком.
Представил я мой высохший Арал
внезапно ставшим облаком молекул.

Как он плывет, сопутствуя луне,
поврозь со мной и не со мной, отдельно.
Не стал бы он захаживать ко мне,
не стал бы я ходить в его владенья.

Стесняет сердце и рассудок мой
глухая мысль. Что мной трудом зовется,
немыслимо… Пора ступать домой.
День пролетел – и вот заходит солнце.

Как поступить – домой пускаться лень.
Все кажется, что я стою на грани
безумия. Иду. Мелькнула тень
рептилии на престарелом камне.

Прощание с Дон Кихотом

Расстанемся когда-нибудь
под одинокою горою?
У каждого из нас свой путь,
не зарастающий травою?
Храни тебя моя звезда
от бед. Перед дорогой дальней
присядь. Тебя ругают зря
и осуждают, мой идальго!
Так бросить камень норовит –
на Дон Кихота –
каждый встречный
за неказистый внешний вид
и за высокопарность речи!
Быть может, не имея зла
на сердце, те же дети тоже
бранят, и принимает за
умалишенного прохожий
идальго. Но он мной любим,
и я его не дам в обиду.
Пусть каждый следует за ним
от Азии до Антарктиды.
– Как я люблю, когда, задрав
высоко голову, на кляче
сидишь спокойно, как удав,
претерпевая неудачу.
Не ждешь ответа на вопрос:
«В чем смысл нашей жизни бренной?»
А только задираешь нос
пред публикой высокомерной.
Как я люблю за нрав, за речь
высокопарную, за доблесть…
Уйдешь любить, страдать, стареть
и умирать один на воле…
Не оставляй меня во тьме
ума, беды, души и рока,

возьми меня, возьми к себе,
возьми куда-нибудь за скобку.
В твое лицо уйду навек –
отбыв, отпев – в твои морщины!
Возьми меня с собой наверх,
туда, где Анна и Марина
сохранны. Полыхнет восток
однажды, благородный рыцарь,
когда – не приведи Господь! –
с тобою что-нибудь случится!
Уйдешь, ни слова не сказав,
на кляче, старом Росинанте,
с зарей, с собою только взяв
оружие и томик Данте.
На счастье или на беду
я встречу днями буду клянчить?!
Иди, верши свою судьбу
на старой захудалой кляче!
«И что, что голова седа?
И что, что помутнен рассудок?»
Пусть путеводная звезда
хранит тебя везде и всюду.
Прощай,
мой друг!
Прощай,
мой брат!
Настанет день,
я в это верю,
когда воротишься назад
и тихо постучишься
в двери…

* * *

Благословляю, бабочка! Лети
к своим цветам, в свой сад и сновиденье.
Наскучила тебе зима. Прости,
что не внести тебя в стихотворенье.

О, как же зряч художник, как же слеп
тот, кто не видит красоту природы,
что ныне ты свой излучаешь свет,
как пламя самых первых дней свободы.

Сестра сестре и брату брат, как враг.
Нас время разделило на народы.
Теперь ты тоже как бы демократ
под солнечным и ясным небосводом.

Благословляю, бабочка! Лети
в свой зоосад.
С тетради прочь. Отныне
ты героиня не моей любви.
Лети себе, лети. Меня пусти,
себя слезой утешить по Марине…

Байконур

Сергей Лазо

Черно-белые стихи

* * *

Снег зеркально отбился бежевым,
В поднебесье –
ночное зарево,
Город тлеет огнями: те же вы,
Фонари, обмакнутые в марево.
Скрип, снежинки, метель, прохожие
Хором душу мою окликнули,
И года, на меня похожие,
Разбежались –
у них каникулы.
Это кто у окна потерянный,
Восвояси, вокруг да около,
Тот, кто ищет в стеклянном тереме
Одинаково одинокого.

* * *

метель гуляет в неглиже
на восьмом этаже
внизу прикрытая фанеркой
недостроенная церковь
золотая маковка
воронья лакомка
чернеют ветки на снегу
стеклопакеты
ни гу-гу

что низ что верх
белым-бело
куда нас время занесло
спешат поодиночке люди
свернут
и больше их не будет
крест позолоченный
перст напророченный
декабрьская сквозная вьюга
перебелила всю округу
в сугроб у запертых ворот
смела как мусор старый год

* * *

Дни догорают, как поленья,
Огонь бежит по острию,
Сентябрь и светопреставленье
На разноцветном барбекю.
Река становится прозрачной,
И в остывающей воде
Сбегает время не растраченным,
Не найденным никем, нигде.
Под вечер так согреться хочется,
Палить листву, костры, дрова,
И заморозки, как одиночество,
Пророчат снежные слова…

Черно-белое

Черное – нотки,
Белое – музыка,
Кому-то – четки,
Кому-то – бусики.
Черное – поле,
Белое – облако.

Весна на воле,
Всё ей по боку.
Лето – раскраска,
Прочь черно-белое,
Цвета фетяски
Глаза очумелые.
Кисло от клюквы?
Оскомина, деточка?
Черное – буквы,
Белый лист в клеточку…

* * *

Эти ленивые паттайские псы,
выгревающие яйца на пыльных мостовых,
безразлично взирающие на нескончаемый поток
двуногих уродов…
– Эй, вы, заполонившие улицы, снующие на мотороллерах,
всегда жующие, что-то глотающие,
куда торопитесь и что пытаетесь отыскать?
В Таиланде собаки никуда не спешат.
Не грызутся.
Не скулят.
Даже не метят территорию –
жратвы хватает всем.
Я валяюсь в зеркальной витрине тайской кофейни,
выдуваю пустые слова из пузатого кальяна,
который чуть слышно ворчит:
«Ах, эти ленивые паттайские псы,
которым уже и до сук нет дела…
И ты – один из них».

Киев

Юрий Гудумак

Новые эксперименты с вакуумом

I

Развязка, с которой можно было отчаиваться столкнуться
еще вчера, пусть и в части вполне абстрактного
малолюдства
заселенных далей, все-таки наступила.
В этих южных краях, что было
бы крайне важно в случае недорода,
передела собственности, войн, смертей. Вещи иного рода,
как-то: где расположено тело? –
никто не знает. Ибо даже в виду предела
человек всегда присутствует годом раньше
или позже. Способность помнить – уже не преданность,
но бесстрашье.
Местность тоже ушла не дальше, безмолвствуя
о промозглых
вечерах городов, о любви, разыгранной на подмостках.
Годы проходят, скорее не обещая
изменений, чем требуя их. Ибо это и есть большая
безмятежная жизнь, убеждающая в обратном
за глаза: не в пример однажды вынужденным объятьям.

II

Безусловно, пространство нуждается в большей
драматургии.
В божествах, в торжестве угла, где живут другие.
Либо – в простой, одинаковой здесь и всюду

перемене препятствия. Днем вопреки абсурду
ночи. Поэтому лучше – время.
Лучше предвидеть вещь превращающейся в отрепья
воробьиных пугал, латающей дыры в ихнем
мраморе. Или – осенним вихрем,
как в песочных часах, осыпающейся на злаках. В этом
смысле зима – горизонт. И летом
небеса улитки ближе иных окраин.
Верные метры подданства, где играем
в идеале цветы и чувства, и где правдивей
может быть только щедрость жертвы, доказанной
перспективой,
как в числе параллельных линий, в награду эре
победившей яви. Как вид потери.

III

Глядя назад, разумеется, легче понять, что память
избирательна, что осенний лист продолжает падать
в торричеллиевой пустоте, что опять же в основе
переворота
действительности – искусственность компоновки:
нечто вроде голландского натюрморта
с его увядающей неподвижностью, зачастую
лишь выигрывающей в золотую
пору от юркнувшей ящерицы, прошмыгнувшей мыши,
вспорхнувшего мотылька. И ты сокращаешь мышцы
под гримасу улыбки: дурные предвестья в прошлом.
Но и помимо этого по подошвам
уходящих холмов не сказать, что пространства
разоблачимы,
как теперь, с расстояния следствия от причины.
Из насиженных этих мест в их единственном многократном
удалении во времени что-то еще представляется вариантом
судьбы. И разгадка длиннее, чтоб быть готовой
четверть века спустя обернуться для памяти катастрофой.

IV

В сумерках расстояний взгляд беспредметен, и для паяца
нет традиции. Птица кладет вдруг яйца
в пустые глазницы трагической маски Древней
Греции. Всякая мысль о прошлом выглядит порельефней,
как и глаз, не увидевший цацки, точней, отнявший
у нас навсегда как минимум образ нашей
безглазой смерти. Потому-то она незрима. Незрима, если
не равна вообще предыдущей жизни. Кто знает, есть ли
теперь хоть какой-то смысл сетовать на замшелость
тени, в полдень показывающей на Север
либо на тот же шелест
писем оттуда в часы заката?
Обстоятельство действия само по себе – загадка.
Серебристые рощицы без оливок
с пятницей дня простираются в мир счастливых.
И весна покрывает пространства, которых зелень
к полуночи не настигнуть зреньем.

Кишинев

Море талантов 2015: «Пятерка с хвостиком»

В 2015 году в рамках XIX Международной книжной выставки «Зеленая волна», Третьего Корнейчуковского фестиваля состоялся четвертый литературный конкурс «Море талантов». В нем приняло участие более 300 ребят Одесской области и Украины.

Анастасия Кобельская представила отрывок из повести «Капитан «Синей чайки», где кипит веселая и задорная жизнь, дети строят плоты и путешествуют по реке. А когда неожиданно объявляются хулиганы-пираты, одерживают справедливую победу. Дмитрий Арнаут написал шутливый рассказ о неумеренном пристрастии к конфетам.

Отрадно отметить, что многие участники нашего литературного конкурса «Море талантов» заметно выросли в своем мастерстве. Благодаря своим наставникам, учителям, которые вдохновляют их на произведения и помогают сделать их качественнее, интереснее.

Инна Ищук, детский писатель, член Союза писателей Украины

Анастасия Кобельская, Одесса

Капитан «Синей чайки»

Было начало лета. Мальчишки сидели на берегу Десны, ловили карасей и бычков. Было тихо и спокойно. Вдруг Женя, сказал:

– Я на днях читал книгу о капитане Врунгеле. Он бороздил моря и океаны на яхте «Беда».

– Я ее в шесть лет прочитал, – отозвался рыженький паренек лет десяти – Валерка. – Он говорил, как корабль назовешь, так

он и поплывет. Поэтому он назвал свой корабль «Победа», но слог «по» отвалился, и осталась надпись «Беда».

– Я тоже хочу болоздить моля! – заплакал маленький Степанчик.

– Ладно, не хнычь, – сказал мальчишка, похожий на Гарри Поттера. Он был старшим братом Степанчика и его обязанностью было успокаивать младшего брата. Ваню уважали и взрослые, и дети за ум и честность.

– Я попрошу у деда сделать для нас плот с мачтой и флагом, – сказал Валерка.

– Здорово! – закричали мальчишки.

– Тогда чего мы ждем?– спросил Женя.

– Бежим скорей! А плот назовем «Синяя чайка», – крикнул уже на бегу Валера.

Они мигом примчали к дому Степанчика и Вани. Дедушка согласился сделать плот за неделю. Разговор деда и мальчишек услышали девочки, читавшие книги на траве под окном. Они тоже захотели плавать на плоту, причем каждая из них хотела быть на нем поваром. Девочки разделились: Настя и Рита побежали к мальчишкам, Влада и Юля – к деду, просить о постройке плота, а Неля осталась сторожить книги.

Мальчики выбирали капитана. Им стал Валерка. Он написал на кусочках бумаги морские профессии и перемешал их в панаме. Степанчик стал юнгой, Ване досталась должность боцмана, Женька вытащил назначение палубным матросом. Больше всех повезло Борьке, он стал коком. Вскоре появились Юля и Рита. Они стали проситься на должность кока на плоту, но Валерка сказал, что кок у них уже есть.

Неля и Настя просили деда смастерить для них плот с деревянным домиком на борту на случай дождя или сильного солнцепека. Но дед был занят до конца недели заказом мальчишек.

– Через две недели заходите! Получите свой плот! – заметил дед.

Девчонки стали мечтать, как через две недели они поплывут по реке, и по всей Десне разольется аромат свежесваренного борща.

В последующие дни мальчишки и девчонки занимались своими обычными делами: плавали в речке, загорали, ловили рыбу. Прошла неделя. Субботним ранним утром мальчишки всей командой торопились к реке. Накануне вечером дед сказал Степанчику, чтобы в семь утра вся команда собралась на причале. В половину седьмого Валерка последним сбежал к реке, где его ждали ребята. Все поглядывали на большой кусок брезента, скрывавший от их глаз мечту всей команды. Наконец появился дедушка. Он медленно шел по берегу, ноги плохо его слушались. Старик останавливался, раскатисто чихая, и утренние птички от испуга вылетали из камышей. Ваня от нетерпения большими пальцами ног копал в пыли канавки, а маленький Степанчик теребил подол рубахи старшего брата. Дед остановился в нескольких шагах от них и хитро улыбнулся.

– Что? Невтерпеж?

Ребята загомонили, но никто не решился винить деда в нерасторопности. Дружно стащили брезент и покатили плот специальными палками, толкая его по уложенным бревнам. Плот, громко хлюпнув, скатился в воду. Валерка тут же запрыгнул на борт, достав из-за пазухи аккуратно сложенный флаг – белый со старательно нарисованным якорем и надписью: «Синяя чайка». Через минуту флаг уже развевался на мачте.

И вот мальчуганы бороздят Десну. А еще через неделю девочки плыли на своем плоту, ели бутерброды и учились готовить. Ребята немного завидовали девочкам, потому что повар из Бори был никудышный: то рыбу плохо почистит, то недожарит ее – словом, не получался из него кок. Но попросить у девочек о помощи мешала гордость, оставалось только глотать слюнки.

Первым сломался Валерка: подошел к девочкам и пригласил их всех на должность кока. Было решено привязать плот девочек к «Синей чайке». Теперь каждый день девочкам приходилось узнавать новые рецепты у мам и бабушек, бегать в магазин и на базар, готовить – работы хватало на всех.

Земля слухами полнится. Другая компания мальчишек решила стать пиратами. Если повезет, отберут оба плота и будут сами бороздить водную гладь Десны на зависть всем вокруг. Но решили не торопиться и начали с малого – грабежа. Когда девочки воз-

вращались из магазина, один из новоиспеченных пиратов, споткнувшись, рухнул на землю.

– Ой-ой-ой, помогите, кажется, я сломал ногу! – вопил он на всю округу.

Девочки побросали сумки с продуктами и побежали к пострадавшему.

– Что с тобой?! Что сломано?! Бедняга… – наперебой затараторили подружки.

– Необходимо наложить шину и обездвижить поломанную ногу, – сказала Неля, учившая на уроке «Основы здоровья», как нужно оказывать первую помощь при переломе.

– Для начала давайте разберемся, поломана ли у него нога! – рассудительно заметила Рита.

– Ой, больно! – кричал «пострадавший».

Девчонки обступили его и решали, как быть дальше. В это время никем не замеченные два других хулигана подкрались к сумкам поварих и хладнокровно их стащили.

Девочки наконец приняли решение сделать носилки из подручных средств и доставить больного в медпункт. Когда мальчишка понял, что дело приобретает серьезный оборот, то вскочил на ноги и помчался прочь.

– Вот это называется состояние шока! С переломом, а как бежит! – объяснила Настя. Вернувшись на дорогу и не найдя своих сумок, девочки обнаружили «черную метку». Стало понятно – их провели хитрые пираты.

Но на этом они не остановились: ночью перерезали веревки, державшие два плота вместе, и забрали улов рыбы.

Утром команда «Синей чайки» собралась на совет. Ребята ждали, что скажет капитан.

– Предлагаю задействовать гражданское население! – серьезно сказал Валерка. – Хулиганы – общая беда. Расклеим объявления с приметами пиратов и просьбой сообщать об их местонахождении на наш причал.

Команда одобрительно загудела. Идея понравилась всем.

В течение следующего дня мальчишки бегали по улицам поселка и расклеивали объявления. А девочки раздавали листочки с написанным от руки текстом возле входа в магазин.

К концу третьего дня к причалу пришел старичок и привел под конвоем двух «морских разбойников». Они не сопротивлялись и стояли, потупив глаза. Еще через день были схвачены остальные пираты. Только капитану разбойников удалось спрятаться. Мальчишки знали, где он живет. Но наблюдатели докладывали – капитан пиратов не выходит из дома.

– Давайте отправим ему письмо! – предложил Степанчик.

Валерка сел за стол и принялся что-то писать. Когда все было готово, Степанчика послали бросить письмо в ящик дома предводителя пиратов. Через час в конце улицы показался белый флаг, высоко поднятый на древке. Вскоре можно было различить фигуру пирата. В руке он держал письмо.

– Я сдаюсь, – тихо сказал пират, – вы победили.

Рита взяла из его рук письмо и прочитала вслух: «Если ты не придешь, сегодня к причалу, то будешь трусом и предателем своей команды». Внизу листка стояла подпись: «Капитан «Синей чайки».

Дмитрий Арнаут, Одесса

Конфеты

Возвратившись с тренировки, Рома направился на кухню.

– Кушай быстрее! Уроки ждут! – сказала мама, поставив на стол тарелку с борщом.

Рома поднес ложку ко рту. Горячий! А конфеты в разноцветных обертках так и манили… Едва мама вышла из кухни, мальчик пулей метнулся к буфету. Через пару минут от конфет остались одни фантики.

– Рома, быстрее кушай! – мама вернулась в кухню.

Рома схватился за щеку.

– У меня разболелся зуб!

Тело мальчика стало на глазах распухать, и он приклеился к стулу.

– Конфеты ел?! – ужаснулась мама. – У тебя аллергия, ты же знаешь!

Рома едва смог кивнуть.

– Срочно к доктору!

Мама потянула сына за руку, но оторвать от стула не смогла.

– Ты что, на стул клея налил? – возмутилась мама.

– Не могу отлипнуть! – заплакал мальчик. – Ну почему меня потянуло к конфетам?!

– Лучше бы тебя к овощам потянуло, горе луковое! Теперь всю жизнь проведешь на этом стуле!

Мама еще раз попробовала отлепить сына – безрезультатно! Решили вызвать доктора на дом. Мама лихорадочно нажимала на кнопки.

– Милиция! – послышался ответ.

– Какая еще милиция?! – рассердилась мама. – Мне не до шуток! У нас ЧП!

В это время Рома заливался слезами и истошно вопил. В телефоне раздались гудки.

Мама вновь попыталась набирать нужный номер, но он постоянно был занят. Через несколько минут раздался звонок в дверь.

– Милицию вызывали?

– Нет!

– Посторонитесь, гражданочка. Ребенок плачет!

– Но… – начала мама.

– Гражданочка, не заговаривайте нам зубы!

Двое полицейских прошли в кухню. При виде распухшего Ромы сотрудники милиции воскликнули:

– Что это за монстр?

– Это мой сын!

– За что вы его так?

– Вы что, не видите, что у мальчика аллергия? Он может умереть.

– Я могу умереть, – снова завыл Рома.

Один из полицейских вздохнул.

– Да, ситуация серьезная.

Второй полицейский достал мобильный и набрал номер доктора.

Через время доктор позвонил в дверь.

– Где больной? – деловито осведомился он.

– В кухне. Проходите, пожалуйста.

Войдя в кухню и увидев Рому, доктор… упал в обморок.

– Слабонервный! – заметил первый полицейский.

Второй полицейский набрал в чашку воды и плеснул в лицо доктора.

– Что вы себе позволяете! – завопил тот, придя в себя.

– Не стоит благодарности, – обрадовался полицейский.

– Сделайте уже укол моему сыну! – взмолилась мама.

Доктор взял себя в руки и сделал укол! Пока отек сойдет, решили выпить чаю.

– Кушайте варенье, гости дорогие, потому что конфет в доме нет.

Все посмотрели на Рому. Ему стало стыдно. Отек вскоре пропал, зубная боль утихла, и через пару часов мальчика отлепили наконец от злосчастного стула!

Виталий Абрамов

Семья В.В. Кандинского в Одессе

Документы из фондов ГАОО

Жизнь и творчество Василия Васильевича Кандинского (1866-1944), одного из самых значительных художников XX века, основоположника и теоретика абстрактного искусства, в течение почти полувека была связано с Одессой. Сюда в пятилетнем возрасте будущий художник приезжает с родителями из Москвы. Учится в третьей гимназии (1876-1885) в Одессе, в 1898 г. дебютирует своими произведениями на выставке Товарищества южнорусских художников, показав впоследствии в Одессе более 200 произведений, относящихся к наиболее напряженному и плодотворному периоду его творчества.

Отечественные и зарубежные исследователи творчества и биографии В. Кандинского обращаются, прежде всего, к двум модификациям автобиографии художника, опубликованным в Германии (1917 г.) и в России (1918 г.). В этих текстах конкретика событий служит лишь неким фоном главного – развитию внутренних, духовных импульсов творчества. Художник вольно распоряжается фактами, многое скрывает, стилизует, вольно или преднамеренно опускает важные биографические детали. Образно говоря, эти тексты составляют некий «код Кандинского». Многое в их, условно говоря, «дешифровке» уже сделано, однако остается и множество лакун.

В Государственном архиве Одесской области (далее ГАОО) сохраняется ряд разрозненных по времени и содержанию документов, касающихся жизни многочисленной семьи Кандинских в Одессе. Приведем некоторые из них, сопроводив краткими комментариями.

Известно, что по приезду в Одессу в 1871 г. родители будущего художника расходятся, и его мать вскоре вторично выходит за-

муж. В метрической книге Одесского кафедрального Преображенского собора за 1874 г. (ГАОО, ф. 37, оп. 6, ед. хр. 48, л. 150) под № 10 есть запись от 25 января о бракосочетании: «Тамбовской губернии Козловский почетный потомственный гражданин и Одесский 1-й гильдии купец Михаил Михайлович Кожевников, православный, первым браком, 32 года, и дочь коллежского регистратора Лидия Ивановна Тихеева, по первому браку, расторгнутому по решению Херсонского епархиального начальства, утвержденного св. синодом, Кандинская, вторым браком, 28 лет. Поручители по жениху: Потомственный почетный гражданин Егор Иванович Носков, Потомственный почетный гражданин Александр Петрович Веретенников, Почетный гражданин Анатолий Иванович Тихеев. По невесте: Потомственный почетный гражданин Николай Михайлович Кожевников и московский купец Владимир Карлович Гок».

В.В. Кандинский. Одесса. 1904 г. Фото

Документ устанавливает год рождения матери В.В. Кандинского – 1846 й.

Краткая биография М.М. Кожевникова была опубликована в 1913 г. сразу же после его смерти.[1] Он учился в Петербургском коммерческом училище, которое блестяще окончил. Фамилия его занесена на золотую доску училища. Высшее коммерческое образование получил в Лондоне. В Одессе поселился в начале 1870-х годов и первоначально самостоятельно вел коммерческое дело, вступив в торговые отношения с английскими фирмами. В 1879 г. вместе с С.И. Ралли[2] явился учредителем Одесского учетного банка в должности директора которого пробыл 32 года.

Примечательно, что за четыре года до бракосочетания, в 1871 году, М. Кожевников в Одессе имел деловые контакты со старшими братьями отца будущего художника Василия Сильвестровича

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1874

Счетъ браковъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ браломъ.	Лѣта жениха.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которымъ браломъ.	Лѣта невѣсты.
10	25				
			32.		23.

Кандинского (1840-1926) – Михаилом Сильвестровичем (1814-187(?) и Ксенофонтом Сильвестровичем (1833-1875) Кандинскими, переехавшими из Москвы в Одессу.

Об этом свидетельствуют следующие объявления в газете «Одесский вестник»: «От торгового дома братьев М.С. Кандинских. Имеем честь известить господ покупателей, что с прибывшим 4 августа в Одессу из Ханькоу пароходом Русского общества

пароходства и торговли «Чихачев» мы получили чаи первого сбора, которые будут находиться на складе в Одессе. Желающих купить эти чаи просим обратиться к господину М. Кожевникову в Одессе, на углу Ришельевской и Дерибасовской улиц, в доме Стифеля».[3]

* * *

Следующий документ раскрывает некоторые детали биографии отца художника – Василия Сильвестровича Кандинского. Это дело канцелярии попечителя Одесского учебного округа о награждениях, начатое 18 янв. 1899 г. и оконченное 18 авг. того же года.[4] Документы дела содержат переписку руководства одесской Мариинской женской гимназии с канцелярией попечителя Одесского учебного округа по вопросу «исходатайствования почетной награды члену попечительского совета Одесских городских женских гимназий В. Кандинскому», а также перечисляет его награды, полученные ранее: золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте. 17 апр. 1883 г. по министерству финансов за службу в звании члена учетного комитета Одесской конторы Государственного банка; золотая медаль «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте 8 авг. 1886 г. по министерству народного просвещения за службу в должности почетного попечителя Одесской 3-й гимназии; золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте 1 янв. 1890 г. по министерству народного просвещения за службу в звании члена Учетного комитета Одесской конторы Государственного банка; орден Св. Станислава 3-й степени 1 янв. 1892 г. по министерству народного просвещения за службу в должности почетного попечителя Одесской 3-й гимназии.

Кроме перечисленных наград В.С. Кандинского в деле отмечено, что в звании члена Учетного комитета Одесской конторы Государственного банка он служил с 1 января 1878 г., а в звании члена попечительского совета одесских городских женских гимназий – с 1893 г. Испрашиваемая награда Кандинского – орден Св. Анны 3-й степени.

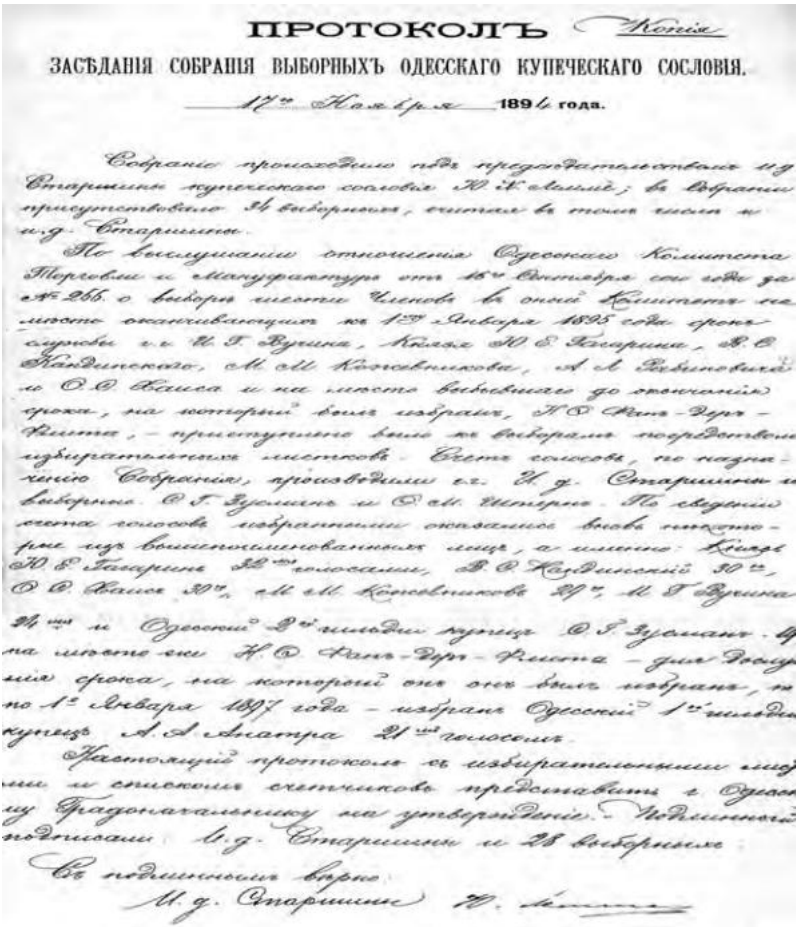
В.С. Кандинский

Приведенный выше документ свидетельствует о том, что отец художника получил две медали за службу в должности почетного попечителя Одесской третьей гимназии, в которой с 1876 по 1885 год учился его сын Василий.[5]

Рассматриваемое выше «Дело» корригируется с двумя фотографическими снимками В.С. Кандинского, сохраняющимися в архиве художника в Центре Ж. Помпиду, Париж (инв. № 85, 86). Согласно фирменному оттиску на паспарту этих фотографий, они были выполнены в ателье известных одесских фотографов В.Г. Чеховского и Я.А. Белоцерковского, располагавшемся на Дерибасовской ул., дом Сепича, № 13. Василий Сильвестрович запечатлен в мундире чиновника министерства финансов. Среди наград на его мундире находится и орден Св. Анны 3-й степени, испрашиваемый в деле канцелярии попечителя Одесского учебного округа. Известно, что в 1899 г. Я.А. Белоцерковский становится компаньоном В.Г. Чеховского, и до 1908 г. на паспорту их ателье указывали обе фамилии владельцев.[6] Таким образом, границы времени создания этих фотографий – 1899-1908 гг.

* * *

Следующий архивный документ, свидетельствующий о рейтинге В.С. Кандинского в среде одесского купечества, относится к 1894 г.:

ПРОТОКОЛЪ

ЗАСѢДАНІЯ СОБРАНІЯ ВЫБОРНЫХЪ ОДЕССКАГО КУПЕЧЕСКАГО СОСЛОВІЯ.

17го Ноября 1894 года.

Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ и.д. Старшины купеческаго сословія Ю.К. Лемме; въ собраніи присутствовало 34 выборныхъ, считая въ томъ числѣ и и.д. Старшины.

По выслушаніи отношенія Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ отъ 16го Сентября сего года за №266 о выборѣ шести Членовъ въ оный Комитетъ на мѣсто оканчивающихъ къ 1му Января 1895 года срокъ службы г.г. М.Т. Вушна, Коллеж. Сов. Е.Е. Кесаринъ, В.О. Кандинскаго, М.М. Коковникова, А.Л. Рабиновича и О.О. Ваисса и на мѣсто выбывшаго до окончанія срока, на который онъ былъ избранъ, Н.Ф. Фанъ-Дуръ-Фишта, – приступлено было къ выборамъ подрядъ помощію избирательныхъ листковъ. Счетъ голосовъ, по назначенію Собранія, производили г.г. И.д. Старшины и выборные В.Г. Зуевичъ и О.М. Штерръ. По сдѣланію счета голосовъ избранными оказались вновь никто-рые изъ вышеименованныхъ лицъ, а именно: Князь Е.Е. Кесаринъ 32мя голосами, В.О. Кандинскій 30ть, О.О. Ваисса 30ть, М.М. Коковникова 29ть, М.Т. Вушна 24мя и Одесскій 2й гильдіи купецъ О.Г. Зуевичъ. На мѣсто же Н.Ф. Фанъ-Дуръ-Фишта – для довершенія срока, на который онъ былъ избранъ, по 1му Января 1897 года – избранъ Одесскій 1й гильдіи купецъ А.А. Анатра 21мя голосами.

Настоящій протоколъ съ избирательными листками и списками счетчиковъ представить г. Одесскому Градоначальнику на утвержденіе. – Подлинный подписали: и.д. Старшины и 28 выборные.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И.д. Старшины Ю. Лемме

Протокол
заседания собрания выборных Одесского купеческого сословия.
17 ноября 1894 г.

Собрание происходило под председательством и. д. старосты купеческого сословия Ю.К. Лемме. В собрании присутствовало 34 выборных, считая в том числе и и. д. старосты.

По выслушанию отношения Одесского комитета торговли и мануфактур от 16 сентября сего года за № 266 о выборе шести членов в оный комитет на место оканчивающим к 1-му января 1895 срока службы гг. И.Г. Вучина, князя Ю.Е. Гагарина, В.С. Кандинского, М.М. Кожевникова, А.Л. Рабиновича и О.С. Хаиса, и на место выбывшего до окончания срока, на который был избран, К.Ф. Фан-дер-Флита, – приступлено было к выборам посредством избирательных листиков. Счет голосов, по назначению собрания, производили гг. и. д. старосты и выборные С.Г. Зусман и Ф.М. Штерн. По сведении счета голосов избранными оказались вновь некоторые из вышепоименованных лиц, а именно: князь Ю.Е. Гагарин 32-мя голосами, В.С. Кандинский 30-ю, Ф.С. Хаис 30-ю, М.М. Кожевников 29-ю, И.Г. Вучина 24-мя и одесский 2-й гильдии купец С.Г. Зусман – 19. На место же Н.Ф. Фан-дер-Флита – для дослужения срока, на который он был избран, т. е. по 1 янв. 1897 года – избран одесский 1-й гильдии купец А.А. Анатра 21-м голосом. Настоящий протокол с избирательными листками и списком счетчиков представить на утверждение. Подлинный подписали: и. д. старосты и 28 выборных.

С подлинным верно:
и. д. старосты Ю. Лемме

К этому времени В.С. Кандинский оставался купцом 1-й гильдии.[7] От купеческого сословия он стал избираться в Комитет торговли и мануфактур с 1880 г.[8] Каждый из указанных в приведенном выше документе лиц играл важную роль в развитии торговли, банковского дела, промышленности, меценатства и культуры Одессы. К примеру – основатель торгового дома «Князь Юрий Гагарин и К°», положившего начало регулярному судоходству на Дунае.[9] В.С. Кандинский в 1880-м году был членом ревизионной комиссии акционеров Черноморско-Дунайского общества пароходства.[10]

* * *

Особое значение имеет и следующий документ из фондов ГАОО. Это лист переписи населения Одессы, проходившей в 1897 г. Из него следует что «на ул. Дерибасовской, дом 17/20, кв. 5, про-

живал Кандинский Василий Сильвестрович. Хозяин. 57 лет. Холост. Потомственный почетный гражданин. Родился в Забайкальской области, Нерчинский уезд. Прописан (почерк. – **В. А.**) Вероисповедание православное. Родной язык – русский. Обучался в частной гимназии. Главное занятие, дающее средство к существованию, – доверенное лицо Товарищества К. и С. Поповых. Побочное – управляющий магазином Товарищества Абрикосовых».[11]

В этом угловом доме, выходящем своими фасадами на Дерибасовскую и Екатерининскую улицы и принадлежавшем Санцу, В.С. Кандинский поселился в 1889 г.[12] Затем, сменив ряд адресов, с 1895 по 1910 г. вновь проживал в этом доме, о чем и свидетельствуют одесские справочные издания. История этого дома восстановлена одесским исследователем О.И. Губарем.[13]

Комментария требует и запись в графе образование – «обучался в частной гимназии». В.С. Кандинский получил образование в Москве в частном пансионе Эннеса.[14]

Как видно из документа, В.С. Кандинский в Одессе представлял интересы двух известнейших в России и за ее пределами

Ул. Дерибасовская, дом Санца

Интерьер магазина Абрикосовых в доме Санца

торгово-производственных фирм – Товарищества чайной торговли и складов «Братья К. и С. Поповы», основанного в 1842 г., и кондитерского Товарищества А.И. Абрикосова и сыновей, основанного в 1847 г. Примечателен тот факт, что еще дед В.С. Кандинского, известный Кяхтинский купец Хрисанф Кандинский, который вел крупные операции по торговле чаем из Китая, еще в начале шестидесятых годов положил начало внешнеэкономической деятельности фирмы «Братья К. и С. Поповы».[15] Как часто бывало в деловых кругах, контакты между домами Поповых и Абрикосовых были со временем укреплены родственными связями. С другой стороны, существовали родственные связи между семьями Абрикосовых и Кандинских. К примеру, один из сыновей основателя Товарищества А.И. Абрикосова (1824-1904), Николай Алексеевич Абрикосов, был женат на Вере Николаевне Кандинской (1852-1925), двоюродной сестре Василия Сильвестровича Кандинского. Другой его сын, Владимир Алексеевич Абрикосов (1858-1922), был женат на Марии Филипповне Чемякиной, родная сестра которой Анна Филипповна в 1891 г. стала женой тогда еще студен-

та Московского университета, а позже художника Василия Кандинского. Сохранилось множество свидетельств связей с семьей Владимира Абрикосова. Художник дарил им свои произведения, в разные годы приезжал в их имение Васильевское в Ахтырке под Москвой. В 1897 г. обучался в Мюнхене, выполнил рекламный плакат фирмы Абрикосовых, который мы и воспроизводим.

И, наконец, последний архивный документ, относящийся к биографии отца художника – Василия Сильвестровича Кандинского. Это книга регистрации актов смертей в Одессе в 1926 году.[16] Под номером 3263 в книге имеется запись, свидетельствующая о том, что 17 августа 1926 г. умер от паралича сердца Василий Сильвестрович Кандинский, живший на Базарной ул., № 34. Возраст 88 лет, вдовец. Основное занятие – иждивенец. Заявителем о смерти был некто Полен, проживавший на Базарной ул., № 38.

Наряду с тем, что документ позволяет установить последний адрес В.С. Кандинского и дату его кончины, он вызывает ряд вопросов:

1. В приведенном акте регистрации указан возраст В.С. Кандинского – 88 лет. Значит, он родился в 1836 г. Это, как увидим, не соответствует действительности. Очевидно, составители акта по каким-то причинам не воспользовались паспортом или другими личными документами В.С. Кандинского, удостоверяющими его возраст.

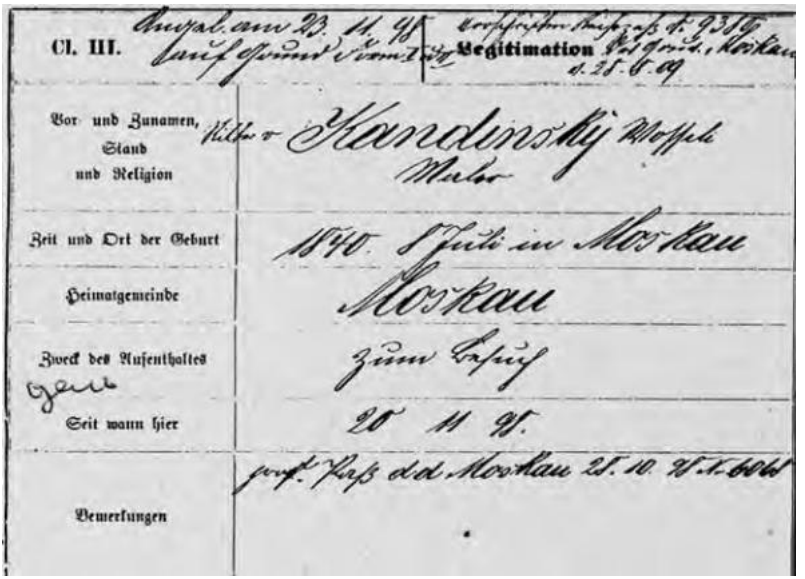
Заметим, что в приведенном выше листе переписи населения в Одессе в 1897 г. отмечен возраст В.С. Кандинского – 57 лет. Таким образом, он родился в 1840 году, и на момент смерти ему было 86 лет. Это подтверждается и авторитетным исследованием Гизелы

Запис про смерть №3265

Клейн, которая обнаружила в Городском архиве Мюнхена и воспроизвела в своей публикации официальный документ – регистрационный формуляр В.С. Кандинского, заполненный в 1898 г. во время его приезда в Мюнхен к сыну. Документ засвидетельствовал номер паспорта отца художника, выданного в Москве, и указывает год и дату его рождения – 8 июля 1840 г. Визиты В.С. Кандинского к сыну в Мюнхен продолжились в 1905, 1908, 1909 и 1914 годах.[17]

2. В научной литературе, касающейся вопросов биографии художника В.В. Кандинского и в частности его контактов с отцом, остававшимся после окончательного отъезда художника из России в Германию в декабре 1921 г., существуют некоторые разночтения. Так первый биограф В.В. Кандинского Уилл Громанн без ссылки на источник информации отмечает, что «художник поддерживал отношения с отцом до самой смерти». Он также упоминает о некоторых записях, касающихся смерти отца, сделанных В.В. Кандинским во время его пребывания в Баухаузе.[18] По сви-

Cl. III.
Legitimation
Vor und Zunamen, Stand und Religion
Zeit und Ort der Geburt
Heimatgemeinde
Zweck des Aufenthaltes
Seit wann hier
Bemerkungen

детельству второй жены В.В. Кандинского Нины Николаевны, опубликованному в ее известной книге «Кандинский и я», отмечено: «Известие о смерти его отца настигло Кандинского, когда мы жили в Дессау».[19]

В исследовании В. Бараева год рождения В.С. Кандинского определен как 1832 й.[20]

* * *

Еще один документ из фондов ГАОО.

Это запись в метрической книге Кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1901 год. В части III-й об умерших отмечено, что «27 марта умерла и 29-го марта погребена дочь коллежского регистратора Елизавета Ивановна Тихеева, 72 года. Причина смерти – кровоизлияние в мозг. Похоронена на старом кладбище. Исповедовал ее священник Алексей Жадрицкий. Обряд отпевания совершал протоиерей Владимир Величков».[21]

Эта запись дополняется сведением из объявления о смерти Е.И. Тихеевой, помещенном в газете «Одесские новости» за 27 марта 1901 г.: «Лидия Ивановна и Михаил Михайлович Кожевниковы с душевным прискорбием извещают о кончине сестры Елизаветы Ивановны Тихеевой, последовавшей 27 марта. Панихиды 28-го в 9 час. утра и в 8 час. вечера. Вынос тела из дома Менделевича по Пушкинской ул., № 14, в четверг в 2 час. дня в Собор, а оттуда после отпевания на Старое кладбище».

Елизавета Ивановна Тихеева играла исключительную роль в воспитании будущего художника. В упоминавшихся выше автобиографических текстах Кандинский писал: «Большое, неизгладимое влияние имела на мое развитие старшая сестра моей матери… просветленную душу которой никогда не забудут соприкасавшиеся с нею в ее глубоко альтруистической жизни. Ей я обязан зарождением моей любви к музыке, сказке, позже к русской литературе и к глубокой сущности русского народа».[22] В.В. Кандинский рассказывает об участии тети в его детских играх с буланой лошадкой, о совместном рисовании.

Е.И. Тихеева. 1870 г.[32]

Е.И. Тихеева. Одесса, конец 90-х гг. XIX в.[33]

Спустя более десяти лет после смерти Е.И. Тихеевой художник посвящает ей один из самых значительных своих теоретических трудов «О духовном в искусстве», изданный в Мюнхене в 1912 г., сопроводив посвящение ксилографией со стилизованным мотивом колоколен, помещенной на фронтисписе книги.[23]

Е.И. Тихеева прожила в Одессе тридцать лет. Судя по воспоминаниям В.В. Кандинского, она переехала в Одессу в 1871 г. «…Когда мне было лет пять, родители мои вместе с Е.И. Тихеевой, которой я обязан так многим, должны были переехать по болезни отца на юг, в тогда еще мало устроенную Одессу».[24]

После развода родителей В.В. Кандинского, произошедшего сразу после переезда семьи в Одессу, Е.И. Тихеева жила (с 1874 г.) в семье младшей сестры, которая сменила в Одессе множество адресов (с 1900 по 1904), – упоминаемый выше адрес: Пушкинская, д. 14[25].

Судя по отдельным архивным документам ГАОО, Е.И. Тихеева принимала участие в воспитании сводных братьев В.В. Кандинского. Так, в 1880 году она крестила одного из них – Александра. В метрической книге Карантинной Св. Николая церкви г. Одессы за 1880 год в I-й части «О родившихся» под № 22 записано: «апреля 18 родился, а мая 11

крещен Александр, родители его Потомственный почетный гражданин Михаил Михайлович Кожевников и законная жена его Лидия Ивановна; оба православного исповедания. Восприемниками были: почетный гражданин Анатолий Иванов Тихеев и дочь коменского регистратора Елизавета Ивановна Тихеева».

Некоторые биографические данные Александра Кожевникова, включая и приведенную выше метрическую запись, дает его личное дело студента С.-Петербургского университета.[26] Из него следует, что Александр Кожевников обучался в Одесской III-й гимназии до 1898 г. В этом году он поступает в Новороссийский университет, из которого после осеннего полугодия переводится на факультет восточных языков С.-Петербургского университета, который оканчивает в 1902 г. А.М. Кожевников умер от туберкулеза 20 апреля 1906 г. и был похоронен в Одессе.[27]

В архиве В.В. Кандинского в Центре Ж. Помпиду сохраняется несколько писем матери художника, касающихся драматической судьбы его брата.

Е.И. Тихеева была крестной и самого младшего из сводных братьев В.В. Кандинского Алексея Кожевникова. Об этом свидетельствуют записи в метрической книге Карантинной Николаевской церкви Одессы за 1883 г. «22 ноября 1882 г. родился и 27 марта 1883 крестился Алексей, родители его Потомств. почетн. гражданин Михаил Михайлович Кожевников и законная жена его Лидия Ивановна. Восприемники: сын Потомственного поч. гражданина Василий Васильевич Кандинский и дочь губернского секретаря, девица Елизавета Ивановна Тихеева».[28]

В 1883 году В. Кандинский учился в старших классах Одесской гимназии.

С 1901 по 1908 год Алексей Кожевников – студент медицинского факультета Новороссийского университета. Из его личного дела видно, что он в 1906 году по собственному прошению временно оставляет занятия и получает заграничный паспорт для поездки во Францию. В Париже был до 25 октября 1906 года, о чем свидетельствует отметка парижского нотариуса.[29] В Париж он отправился вместе с отцом В.В. Кандинского Василием Сильвестровичем. Там же они встречаются с Василием Кандинским, который находится в Париже с мая 1906 г.

Некоторые сведения об Алексее Кожевникове обнаруживаются в архиве Г. Мюнтер и И. Эйхнера, находящемся в городской галерее «Ленбаххаус» (Мюнхен). В недатированном письме Марии Лебедевой В.В. Кандинскому из Москвы читаем: «Леля (так называли Алексея в кругу семьи. – **В. А.**) получил предложение быть на высших женских курсах ассистентом… Он получает отделение и амбулаторный прием, в работе то, что потерял, то наверстает».

Из письма Алексея Кожевникова матери от 23.4.1914 г. в Мюнхен, где она находилась у Василия Кандинского, видно, что он в это время находился в Москве. А из его открытки, адресованной В. Кандинскому и матери в Мюнхен, от 2.5.1914 г. видно, что он путешествовал в Рим.

Нина Кандинская (Андреевская) в книге «Кандинский и я» отметила: «Крестником Василия был самый младший его брат – Алексей Кожевников. Учился психиатрии и был в своем предмете известен за пределами России».[30]

Много позже в письмах В.В. Кандинского из Дессау от 10 апреля 1931 г. и 17 июня 1932 г. своему племяннику философу Александру Кожевникову (псевд. Кожев) художник в последний раз упоминает имя Алексея Кожевникова.[31]

Алексей Михайлович Кожевников, невропатолог, доктор медицины, профессор, зав. нервным отделением больницы им. Н.А. Семашко, умер в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище. (см. электронный ресурс Центра генеалогических исследований).

Захоронение Е.И. Тихеевой не сохранилось. Старое кладбище Одессы в начале 30-х годов было уничтожено. Сохранилось несколько ее фотографий. Значимость рассматриваемого документа определяется еще и тем, что в искусствоведческой литературе дата смерти Е.И. Тихеевой «сдвинута» на 1903-й год.[34]

В эпистолярном наследии В.В. Кандинского существует ряд писем из Одессы, в которых он упоминает своих племянниц – дочерей его сводной сестры Елизаветы Михайловны Кожевниковой (род. в 1875, Одесса), в замужестве Ксида. В письме, адресованном художнице Габриэле Мюнтер, от 15 сентября 1903 г. художник отметил: «Завтра будут крестить новорожденного ребенка моей сестры». Спустя два года в письме от 24 сентября 1905 г. – «…Самая старшая племянница меня еще не забыла и мы хорошо

Открытые письма – поздравления племянниц В.В. Кандинскому. 1912 г.

поговорили. Ее зовут Мария, но все называют Машура или Муха, малышку (младшую из племянниц. – **В. А.**) зовут Лидией, как мою матушку».[35] В ГАОО сохраняются документы о рождении этих девочек.

В метрической книге одесской Покровской церкви за 1901 г. указано, что «Мария родилась 29 ноября и была крещена 23 декабря. Родители: классный художник, поручик запаса Константин Константинович Ксида и законная жена его Елизавета Михайловна. Восприемники: коммерции советник Михаил Михайлович Кожевников и жена надворного советника Елена Константиновна Макарова».[36]

Согласно архивным документам, младшую племянницу Лидию в 1903 г. крестил В.В. Кандинский, о чем свидетельствует

Константино-Еленинский храм на Большом Фонтане
Репродукции «Храмы и монастыри Одессы и Одесской области». – Одесса, 2012, с. 419

запись в метрической книге одесской Константино-Еленинской церкви: «9 августа родилась Лидия. Родители: классный художник и военный прапорщик запаса Константин Константинович Ксида и законная жена его Елизавета Михайловна, оба православные. Восприемники: Потомственный почетный гражданин Василий Васильевич Кандинский и одесского купца дочь, девица Хариклия Константиновна Ксида».

В фонде В. Кандинского, находящемся в Центре Ж. Помпиду (Париж), находится ряд фотографий племянниц В. Кандинского, а также открытки-поздравления Марии и Лидии Василию Кандинскому с днем его рождения, датированные 21 ноября 1912 г.

Связь В.В. Кандинского с семьей Ксиды продолжалась много позже, когда, уехав из России, художник работал в Германии, а затем во Франции.

P. S. Когда статья была подготовлена к изданию, в фондах ГАОО обнаружились еще два документа. Первый из них (ф. 37, оп. 2а, д. 734, л. 132, 132 об.) дополняет рассмотренные в начале статьи сведения о бракосочетании в 1874 Лидии Ивановны Тихеевой с М.М. Кожевниковым. Это так называемый «Брачный обыск»,

составленный в Преображенском соборе в день бракосочетания. В нем зафиксирован, кроме прочего, формальный документ, дающий право Л.И. Тихеевой вторично выйти замуж, а именно свидетельство о расторжении первого брака с В.С. Кандинским, выданное Херсонской духовной консисторией 15 янв. 1874 г. за № 134.

Второй документ (ф. Р-8085, оп. 1) – алфавит ЗАГС, фиксирующий умерших лиц в Одессе в 1920 г. Под № 1480 указана мать В.В. Кандинского Кожевникова Лидия.

Автор приносит свою благодарность Л. Белоусовой и С. Седых за их благосклонность и помощь в подготовке статьи.

Примечания

[1] «Одесские новости», 1913, 26 янв., № 8932. Некролог; Там же – «М.М. Кожевников». 27 янв. (с приложением фото М.М. Кожевникова). Год рождения М.М. Кожевникова устанавливается по записи о смерти в метрической книге Покровской церкви Одессы. ГАОО, ф. 37, оп. 13, ед. хр. 396.

[2] Ралли Степан Иванович (1821, Лондон – 1902, Одесса) – представитель одной из известнейших семей Одессы. См. Г.Е. Решетов. Ралли. – Всемирные одесские новости, 2009, № 3 (74), с. 3.

[3] «Одесский вестник», 1871, 6 авг., № 171, 178.

[4] ГАОО, ф. 42, оп. 35, ед. хр. 358, л. 1, 2.

[5] Подробнее об этом см. Абрамов В. В.В. Кандинский в художественной жизни Одессы. Документы, материалы. – О., 1995, с. 10-12.

[6] См. Старая Одесса, фотографии и фотографы. Из коллекции А.А. Дроздовского. – Одесса, 2013. с. 72, 142-146.

[7] Ежегодник промышленности и торговли г. Одессы. 2-е изд. – Одесса, 1897, с. 41.

[8] Адрес-календарь Одесского градоначальства. – Одесса. 1889, с. 151 и последующие.

[9] Князь Гагарин-Стурдза Юрий Евгеньевич (1846-1905).

[10] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1890 г., с. 154.

[11] ГАОО, ф. 2, оп. 8, ед. хр. 564.

[12] Путеводитель по Одессе и ее окрестностям. Издание В.В. Спидана. Адрес-календарь. – Одесса, 1889, с. 370.

[13] Губарь О. Дерибасовская, № 17 + Екатерининская, № 16: недвижимость Калафати (Санца) / Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Книга 63. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2015, с. 70-90.

[14] Отчет III-й Одесской мужской гимназии за 1881/82 гг., составленный секретарем педсовета М. Панченко. – Одесса, 1883, с. 23.

[15] Очерк деятельности Товарищества чайной торговли и складов «Братья К. и С. Поповы» Смирнов И.П. Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. – Москва, 2006, с. 131-142.

[16] ГАОО, ф. Р-8085, оп. 1, д. 412, с. 43.

[17] Gisela Kleine. Vasilij Silvestrovič Kandinskij – ein Maler? – Kunstchronik, 3/1990, S. 93, 94.

[18] Цит. по: Will Grohmann. Wassily Kandinsky, sein Leben, sein Werk, Cologne, DuMond – Shauberg. 1956, S. 15, 16.

[19] Цит. по: Kandinsky N. Kandinsky und ich / 2nd ed. Munich, 1987.

[20] Бараев В. Древо. Декабристы и семейство Кандинских. – М., 1991, с. 246.

[21] ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 523, л. 97, 98.

[22] Цит. по: Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства. Т. I. – М., 2001, с. 268.

[23] Kandinsky. Über das Geistige in der Kunst. – München, 1912. Об упоминаемой гравюре В.В. Кандинского см. Roethel H.K. Kandinsky: Das Graphiche Werk. – Cologne, 1970, S. 166, 167.

[24] Кандинский Ступени. Текст художника. – М., 1918, с. 53.

[25] См. Адрес-календари Одесского градоначальства, 1901-1904 гг.

[26] Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 36027.

[27] «Одесские новости», 1906, 10 и 31 марта.

[28] ГАОО, ф. 45, оп. 5, ед. хр. 6369. Запись в метрической книге воспроизводится по личному делу Алексея Михайловича Кожевникова – студента Новороссийского университета.

[29] Там же, с. 13.

[30] Kandinsky N. Kandinsky und ich. 2 nd ed. – Munich, 1987, S. 25.

[31] Cristian Derouet. Vassily Kandinsky. Correspondances avec Zervos et Kojeve. Les Cahiers du musée national d'art moderne. Hors-serie / Archives. 1992, p. 158, 167.

[32] Фото библиотеки архива В.В. Кандинского, Центр Ж. Помпиду, Париж. Публикуется по репродукции снимка. См. Кандинский. Каталог выставки. Музей Соломона П. Гуггенхайма. – Нью-Йорк, 2009, с. 286, 319 (на англ. языке.).

[33] Публикуется по воспроизведению фотографии. См. Grohmann W. Vassily Kandinsky. Life and Work / 2nd ed. New York, 1958, p. 19.

[34] См. В.В. Кандинский. Избранные труды по теории искусства. Т. I. – М., 2001, с. 376; Аронов И. Кандинский. Истоки 1886-1907. – М., 2010, с. 118.

35.Письма находятся в архиве Г. Мюнтер и И. Эйхнера в городской галерее Ленбаххаус (Мюнхен).

[36] ГАОО, ф. 37, оп. 13, ед. хр. 500, л. 226, запись 234.

Елена Константинова

«Мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью...»

В Москве, в Доме И.С. Остроухова в Трубниках 17 марта 2016 года состоялась презентация уникального совместного проекта Государственного литературного музея и издательства «Книжники» – сборника «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век», составленного по итогам одноименной международной конференции к 120-летию со дня рождения писателя.

Наша беседа – с редактором издания, ведущим российским бабелеведом, сотрудником Государственного литературного музея **Еленой Погорельской**.

– С момента выхода бабелевского сборника прошло еще немного времени. Но о нем, кажется, уже довольно хорошо известно. Во всяком случае, в «Фаланстере», который называют главным магазином интеллектуальной литературы в Москве, он разлетается, можно сказать, в одну минуту. Какие первые отклики?

– Да, времени прошло не так много – из типографии книга вышла 1 февраля. И действительно, она по современным меркам совсем неплохо раскупается, с учетом того, что это все же научный сборник. Ну а отклики пока немногочисленные – в основном это авторы и так или иначе причастные к сборнику люди, и несколько знакомых филологов. Если честно, то мнения самих авторов сборника мне особенно дороги. Отклики восторженные, не в последнюю очередь благодаря прекрасной внешности издания. Вероятно, будут рецензии и более обстоятельные отзывы.

– То есть ваши ожидания оправдались?

– Вполне.

– Чем, на ваш взгляд, интересно это издание?

– По сути, это первый за всю историю литературоведения сборник на русском языке, посвященный Исааку Бабелю. Скажем, доклады конференции к 100-летию со дня рождения писателя, проведенной на базе Российского государственного гуманитарного университета, печатались в специальных выпусках «Литературного обозрения», но в отдельное издание так и не были собраны. В 2004 году конференция, посвященная Бабелю, состоялась в Стэнфордском университете (США), в 2009-м по ее материалам под редакцией профессора Стэнфордского университета Григория Фрейдина вышла книга – естественно, на английском языке – с символическим заглавием «The Enigma of Isaak Babel: Biography, History, Context» («Загадка Исаака Бабеля: биография, история, контекст»).

Стоит принять во внимание не только широту обсуждаемых тем, но и географический охват нынешнего сборника. Его авторы – литературоведы, многие с мировым именем, из России, США, Израиля, Франции, Германии, Венгрии, Украины, Грузии, причем это не только специалисты по творчеству Бабеля, но и те, кто занимается русской и зарубежной литературой XX века. Представлены разные литературоведческие школы, разные методики…

– Уже в названии сборника заявлено стремление раскрыть творческое наследие писателя во всем многообразии. Кроме того, очевиден посыл на будущее…

– Это название в полной мере отражает задачи современного этапа бабелеведения. Во-первых, творчество Бабеля не только возможно, но и необходимо рассматривать в самом широком контексте мировой истории и культуры. Во-вторых, в нынешнем столетии исследования о нем выходят на качественно иной уровень, что в первую очередь связано с отменой идеологических и цензурных ограничений. Кроме того, стали доступны многие архивные документы, прямо или косвенно касающиеся Бабеля, которые позволяют по-новому взглянуть на его творческую биографию, да и просто на биографию. Во время конференции состоялась встреча с начальником Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России Василием Христофоровым, который официально заявил, что после многочисленных проверок установлено: И.Э. Бабель ни в одном из списков сотрудников ЧК, ГПУ, НКВД не значится.

– А что на сегодня известно – позвольте ненамного отойти в сторону от главной темы разговора – об архиве Бабеля, изъятом у него при обыске и аресте 15 мая 1939 года в Переделкине?

– До сих пор ничего не известно. В том числе о тех папках, в которых были его рукописи.

Находясь во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, 11 сентября 1939 года Бабель написал заявление наркому внутренних дел Л.П. Берии с просьбой разрешить привести в порядок отобранные при аресте рукописи: «Они содержат черновики очерков о коллективизации и колхозах Украины, материалы для книги о Горьком, черновики нескольких десятков рассказов, наполовину готовой пьесы, готового варианта сценария. Рукописи эти – результат восьмилетнего труда, часть из них я рассчитывал в этом году подготовить к печати. Я прошу Вас также разрешить мне набросать хотя бы план книги в беллетристической форме о пути моем…».

Привести в порядок рукописи Бабелю не дали. Были ли они в то время на Лубянке, тоже неизвестно. Однако никаких актов

об уничтожении архива Бабеля нет, поэтому есть надежда на его обретение.

Перед арестом он работал над подготовкой сборника «Новые рассказы», ведь его последний прижизненный сборник, в который целиком вошел конармейский цикл, издан в 1936 году.

– Из каких разделов – если в общих чертах – состоит ваш сборник, который, что не исключено при тираже пятьсот экземпляров, скоро станет библиографической редкостью?

– Первый раздел посвящен «Конармии». Бабель находился в рядах Первой Конной армии во время советско-польской войны 1920 года в качестве военного корреспондента газеты «Красный кавалерист». Сначала был прикомандирован к штабу армии, а в 20-х числах июня перевелся в 6-ю кавалерийскую дивизию. Первые рассказы конармейского цикла публиковались в одесских «Известиях». С появлением этих рассказов в московской печати, еще до выхода отдельного первого издания книги в мае 1926 года, Бабель становится одним из наиболее популярных советских писателей.

В этом разделе обсуждаются вопросы текстологии и комментариев, анализируются композиция цикла и характеры персонажей, освещается полемика вокруг конармейских рассказов.

– Второй раздел сборника, «Поэтика, интерпретации, интертекст», и самый объемный, и самый загадочный…

– Все это вполне объяснимо. Статьи этого раздела свидетельствуют о насыщенности текстов Бабеля многими скрытыми смыслами, подтекстами, аллюзиями, об их жанровом своеобразии.

В третьем разделе, «Писатель и время», говорится о связях Бабеля с его литературными современниками: Осипом Мандельштамом, Шолом-Алейхемом, Андреем Платоновым, Михаилом Шолоховым, Владимиром Маяковским, Всеволодом Ивановым. И порой выявляются неожиданные сближения.

– Например?

– Все статьи, посвященные творческим и жизненным связям Бабеля с названными писателями, очень важны и интересны, но я хотела бы выделить две из них: «Сидели два нищих: Бабель и Мандельштам, или Как делалась русская еврейская литература» Григория Фрейдина и «Исаак Бабель в «Фабрике литературы» Андрея Платонова» Натальи Корниенко (Москва). Прежде всего, вторую статью я имею в виду, когда говорю о неожиданных сближениях или сопоставлениях. А еще назову статью «Элиас Канетти: Штрихи к портрету Бабеля» Елены Шастиной (Казань). О встрече Бабеля с Канетти известно, но подкупают в этой работе именно детали, всесторонний охват темы.

В четвертом разделе, «Бабель, Одесса, южнорусская школа», кроме статей о городском тексте Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши и Бабеля и о метрической прозе Семена Кирсанова напечатана статья об истории Одесского коммерческого училища, богатая фактическим материалом. Пятый раздел, «Memoria», посвящен одному из первых советских бабелеведов Льву Лившицу.

– В 1954 году благодаря настойчивости вдовы писателя Антонины Николаевны Пирожковой Бабель был посмертно

реабилитирован. Его первый посмертный сборник «Избранное» вышел после 21 года забвения в «Гослитиздате» тиражом всего семьдесят пять тысяч экземпляров с предисловием Ильи Эренбурга, который в феврале того же 1957 года в «Литературной газете» напечатал большую статью о писателе – «Необходимое объяснение»...

– ...а затем понадобилось еще девять лет, прежде чем появились два новых сборника Бабеля – в Москве и Кемерово. И лишь в 1990-м Антонине Николаевне Пирожковой удалось издать его сочинения в двух томах.

– Среди тех, кто пробил завесу молчания в научных кругах вокруг имени Исаака Бабеля, есть один из авторов сборника – Сергей Поварцов, литературовед, известный, наверное, и тем, кто просто считает себя читателем Бабеля?

– Да, думаю, имя Сергея Николаевича Поварцова известно не только литературоведам. Он был комментатором первого бабелевского двухтомника, о котором я только что сказала. Долгие годы был дружен с Антониной Николаевной. Вместе с ней опубликовал и прокомментировал конармейский дневник писателя, написал предисловие к первой полной публикации дневника. Вклад Поварцова в бабелеведение трудно переоценить. Он занимался Бабелем почти полвека, начиная с 1960-х годов, что тогда было делом совсем непростым. В 1970 году Поварцов защитил вторую в СССР кандидатскую диссертацию (после Израиля Смирина, 1964), посвященную писателю. А его главная книга о Бабеле «Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля» (Москва, 1996) наряду с документальной повестью Виталия Шенталинского «Прошу меня выслушать» и поныне остается важнейшим исследованием об истории ареста и гибели писателя.

18 июня 2015 года Сергей Николаевич ушел из жизни.

По трагическому совпадению, несколькими днями раньше, 13 июня, не стало другого исследователя – выдающегося знатока одесского периода жизни Бабеля Александра Розенбойма, чаще всего печатавшегося под псевдонимом Ростислав Александров.

И. Бабель. Начало 1930-х

– В сборнике авторской статьи Розенбойма нет. Но ему, как и Поварцову, посвящена ваша работа «Проблемы текстологии и источники реального комментария к конармейскому циклу Исаака Бабеля», о чем свидетельствует соответствующий эпиграф. Пожалуйста, поподробнее – что он был за человек? Незаурядный инженер, вдруг ставший незаурядным литератором, – вообще, это бабелевский сюжет?

– Я приглашала Сашу (простите, что отхожу от «протокола»: несмотря на разницу в возрасте, мы были по именам и на «ты», и мне так проще его называть) на конференцию, но он не смог выбраться. От участия в сборнике тоже отказался, так как был занят другой срочной работой. Может быть, причиной всему – болезнь, ставшая смертельной.

Не могу судить, каким он был инженером, но литератором он был действительно незаурядным, необыкновенно ярким, талантливым и очень знающим. А его литературный слог! Но, вероятно, вы правы, инженером тоже был отличным. Ведь талантливый человек талантлив во всем, и это, как сказал бы Остап Бендер, «медицинский факт». Я люблю все тексты Розенбойма (Александрова), которые читала. Но, понятно, что прежде всего меня интересуют его исследования о Бабеле. Три свои фундаментальные – без преувеличения – работы (о родословной матери Бабеля Фейги Ароновны, о пяти печатных прижизненных редакциях и реальной основе рассказа «Король», о прототипах рассказа «Любка Казак») он в 2011 году, дополнив, объединил в книгу «Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля». Эта книга прекрасна.

И человеком Саша Розенбойм был замечательным – отзывчивым, теплым, с прекрасным чувством юмора. Словом, настоящий

одессит! А это лично для меня определяет многое… Поэтому все, что с ним связано, – сюжет, безусловно, бабелевский.

– Присутствие в сборнике сразу трех представителей Франции – филологов Эмиля Когана («Ранняя проза И. Бабеля: От реализма к модернизму (1916-1917 гг.)») и Мирей Коган-Брудер («Бабель и Эйзенштейн: Конфликтный монтаж в сценарии «Карьера Бени Крика»), преподавателей Института восточных языков и цивилизаций (Париж), и переводчика Софи Бенеш («И. Бабель во Франции и на французском языке») символично. Именно французский язык 15-летний Бабель, прекрасно им владевший, выбрал для своих первых рассказов. Не говоря уже о том, что он был влюблен во французскую литературу. И французский – это, кажется, первый из иностранных языков, на который были переведены его произведения?

– Если верить «Автобиографии» Бабеля, он действительно свои первые не дошедшие до нас рассказы написал по-французски. Правда, Бабель был чуть раньше переведен на немецкий язык (1926) и на испанский (1927). Французские переводы появились в 1928 году.

Но абсолютно верно то, что у французских классиков, как и у русских, Бабель учился писательскому мастерству. Своему кумиру он посвятил рассказ «Гюи де Мопассан» (1932). А в 1926-1927 годах стал редактором небольшого трехтомника Мопассана (изд-во «Земля и фабрика»), для которого перевел три новеллы – «Идиллия», «Признание» и «Болезнь Андре». Интересно замечание Софи Бенеш: «Когда я переводила Бабеля, я внимательно прочла его переводы, заодно перечитала все рассказы Мопассана и убедилась в том, что у них с Бабелем действительно есть что-то общее – и в стиле, и в ощущении жизни».

– По-видимому, ответ на вопрос, насколько переводим Бабель и понятен иностранцам, заключен опять же в Софи Бенеш, удостоенной за перевод собрания сочинений Бабеля (изд-во «Le bruit du temps» – «Шум времени», 2011) французской премии Laure Bataillon (2012)? Добавим, что

в ее «послужном списке» – Борис Пастернак, Варлам Шаламов, Анна Ахматова, Василий Гроссман, Лидия Чуковская, Надежда Мандельштам, Зинаида Гиппиус; она же лауреат премии «Русофония» (2010) за перевод «Повести непогашенной луны» Бориса Пильняка. И она же не только переводит русскую классику, но и издает, – открыв в 1992 году в Париже собственное издательство «Interférences» («Взаимодействие»).

– Да, конечно. Не отрицая проблем, связанных с чрезвычайно сложным языком и стилем Бабеля, сама Софи Бенеш – на сегодня она последняя, кто перевел Бабеля на французский, – считает, что переводчику они по силам. Вот ее слова: «Само собой разумеется, некоторые вещи трудно передать, но почти всегда можно найти способ это сделать <…> я подошла к прозе Бабеля как к стихам, обращая самое пристальное внимание на музыку, на ритм, на интонации, на звучность, на ассонансы. Бабель умеет «выкручивать» язык так, что вспыхивают искры, он расширяет границы языка, но не искажает его, он выявляет то, что таилось в языке и что никто до него не угадывал. Я стараюсь таким же образом подойти к французскому языку, но без насилия над ним».

– Завершает сборник «экскурсия» по выставке «Дороги Исаака Бабеля» в Государственном литературном музее – в залах «Дом И.С. Остроухова в Трубниках». Здесь и фотографии, и ваши комментарии к историко-литературным разделам…

– Главную идею выставки подсказал рассказ Бабеля с символическим названием «Дорога», герой которого в 1918 году пробирается нелегким маршрутом из Киева в Петроград. Однако в первую очередь этот рассказ о непростом выборе жизненного пути героя. В названии выставки раскрывались оба значения слова «дорога». С одной стороны – это определенный маршрут, перемещение с места на место, с другой – это жизненный и творческий путь писателя Исаака Бабеля.

Образ дороги так или иначе присутствует во многих его произведениях. Кроме того, сам он почти всегда находился в разъездах. Причиной тому – конкретные житейские обстоятельства и необходимость новых впечатлений для творчества.

– Своими документами, на что указывают подписи к фотографиям в сборнике, поделились многие архивы. С учетом того, что выставка была приурочена к бабелевской конференции, есть какие-то особенности?

– Выставка была приурочена не к конференции, а, как и конференция, к юбилею Бабеля. Но некоторые из экспонировавшихся документов действительно упоминались в ряде докладов или даже служили к ним иллюстрацией. Но это скорее совпадение. Например, экспонаты небольшого раздела «Маяковский, «Леф», Мария Денисова»: № 4 журнала «Леф» за 1923 год, книги «Облако в штанах» (2-е издание, 1918) Маяковского и «Мария» (1935) Бабеля, фотографии поэта и М. Денисовой, ее письмо, адресованное Маяковскому, стали иллюстрацией к докладу «Мария: Маяковский *vs* Бабель» Веры Терехиной (Москва).

– Не могли бы вы расшифровать связь этих трех имен?

– С ответственным редактором журнала «Леф» Владимиром Маяковским Бабель встретился в Москве в мае-июне 1923 года, побывав на квартире поэта в Водопьяном переулке. Тогда же Бабель отдал свои восемь рассказов для публикации в журнале.

Их выход в начале января 1924 года в № 4 «Лефа» за 1923 год Бабель считал началом своей литературной работы.

В феврале 1924 года Бабель и Маяковский снова встретились, на сей раз в Одессе, теперь уже Маяковский побывал в гостях у Бабеля, на Ришельевской, 17. В Одессе Маяковский объявил о публикации в следующем номере «Лефа» еще одного рассказа Бабеля из конармейского цикла – «Мой первый гусь».

«Одесская» муза Маяковского Мария Денисова, жена члена Реввоенсовета Первой Конной Е.А. Щаденко, участвовавшая в гражданской войне в рядах Конармии, не только вдохновила поэта на создание образа героини «Облака в штанах», но и в какой-то мере послужила прототипом внесценической заглавной героини пьесы Бабеля «Мария».

8 декабря 1929 года она отправила Маяковскому письмо с просьбой написать к десятилетию Первой Конной «стихотворение динамического характера» и «красноармейскую драму». В этом письме упоминался Бабель и его «Конармия».

– Какие из экспонатов, продемонстрированных впервые, вы выделили бы прежде всего?

– Справку о снятии «тов. Бабеля (Лютова)» с довольствия в столовой штаба Первой Конной армии, выписанную в Фастове 26 июня 1920 года. И два документа, которые вместе с ксерокопиями листов и фотографиями следственного дела Бабеля были представлены в разделе «Не дали закончить…».

Первый – записка А.А. Жданову от А.А. Фадеева и П.А. Павленко, готовивших списки для награждения советских писателей орденами в январе 1939 года.

«Дорогой Андрей Александрович!

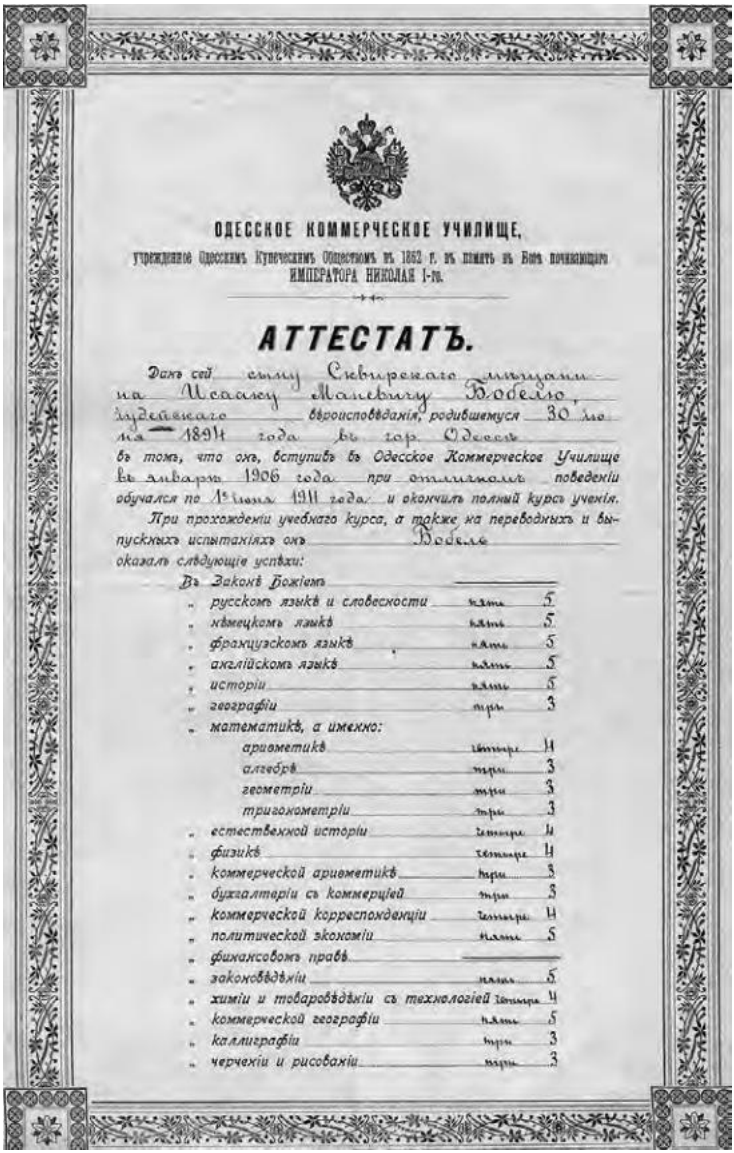
Мы не включили в списки для награждения следующих крупных писателей, в политическом лице которых сомневаемся. Оставляем их на усмотрение ЦК:

Бабель Исаак Эммануилович

Пастернак Борис Леонидович

Олеша Юрий Николаевич <*sic!*>

Эренбург Илья Григорьевич».

ОДЕССКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

учрежденное Одесским Купеческим Обществом въ 1862 г. въ память въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го.

АТТЕСТАТЪ.

Данъ сей сыну Сѣверскаго мѣщанина Исаакову Маневичу Бобелю, іудейскаго вѣроисповѣданія, родившемуся 30 іюня 1894 года въ гор. Одессѣ въ томъ, что онъ, вступивъ въ Одесское Коммерческое Училище въ январѣ 1906 года при отличномъ поведеніи обучался по 1-е іюня 1911 года и окончилъ полный курсъ ученія.

При прохожденіи учебнаго курса, а также на переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ онъ Бобель оказалъ слѣдующіе успѣхи:

Въ Законѣ Божіемъ		
„ русскомъ языкѣ и словесности	пять	5
„ нѣмецкомъ языкѣ	пять	5
„ французскомъ языкѣ	пять	5
„ англійскомъ языкѣ	пять	5
„ исторіи	пять	5
„ географіи	три	3
„ математикѣ, а именно:		
ариѳметикѣ	четыре	4
алгебрѣ	три	3
геометріи	три	3
тригонометріи	три	3
„ естественной исторіи	четыре	4
„ физикѣ	четыре	4
„ коммерческой ариѳметикѣ	три	3
„ бухгалтеріи съ коммерціей	три	3
„ коммерческой корреспонденціи	четыре	4
„ политической экономіи	пять	5
„ финансовомъ правѣ		
„ законовѣдѣніи	пять	5
„ химіи и товаровѣдѣніи съ технологіей	четыре	4
„ коммерческой географіи	пять	5
„ каллиграфіи	три	3
„ черченіи и рисованіи	три	3

Аттестат об окончании Одесского коммерческого училища. 3 июня 1911. Государственный архив Киева

На основаніи ст. 52 Высочайше утвержд. 15 Апрѣля 1896 г. Положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ удостоенъ онъ Бобель званія личнаго почетнаго гражданина.

Относительно отбыванія воинской повинности и поступленія на государственную службу на должности, требующія познаній по коммерческой спеціальности, а равно въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, пользуется онъ Бобель правами, предоставленными окончившимъ курсъ реальныхъ училищъ.

Въ удостовѣреніе сего и выданъ ему Бобелю сей аттестатъ за надлежащими подписями и съ приложеніемъ печати Училища.

Одесса, Іюня 3 дня 1911 года.

Предсѣдатель Попечительнаго Совѣта

Члены

Директоръ Училища

Инспекторъ Училища

Секретарь Педагогическаго Комитета

№ 128.

Дѣлопроизводитель Попечительнаго Совѣта

Аттестат об окончании Одесского коммерческого училища. Оборотная сторона

Второй – открытка М.Э. Шапошниковой (родной сестры писателя), адресованная Л.Н. Лившиц (своей подруге и жене школьного товарища Бабеля), отправленная из Брюсселя 20 июля 1939 года, то есть больше чем через два месяца после ареста Бабеля на даче в Переделкине: «Милая Люсенька, давно тебе не писала. Настроение очень плохое, мама все время болеет, и брат, видно, не здоров, так как давно ничего не пишет».

«Дорога» Исаака Бабеля оборвалась…

– В последние годы интерес к Бабелю, никогда, впрочем, и не стихавший, заметно возрос, что очевидно и по книжным полкам, которые заполняются все новыми и новыми изданиями его книг. Назовем, к примеру, те, где вы указаны как составитель, комментатор или редактор: «Исаак Бабель. Письма другу: Из архива И.Л. Лившица» (2007); «Исаак Бабель. Рассказы» (2014); библиофильское издание «Исаак Бабель. «Улица Данте» (2015). В настоящее время вы готовите «Конармию» Бабеля для издания в серии «Литературные памятники»… Чем можно объяснить читательский интерес к Бабелю?

– Думаю, в первую очередь яркостью и необычайным своеобразием его литературного дара, безупречностью стиля. Лично меня Бабель завораживает: даже анализируя его тексты, выявляя приемы, я не могу понять до конца – *как* он это сделал. Но в то же время непревзойденный мастер короткого рассказа, талантливый драматург и киносценарист, отразив в своем творчестве трудную эпоху первой трети XX века, Бабель, как бы, возможно, банально это ни прозвучало, сумел наполнить свои произведения вечными ценностями добра, справедливости и гуманизма.

На выставке «Дороги Исаака Бабеля» экспонировалось письмо Бабеля Анне Григорьевне Слоним от 7 декабря 1918 года, в котором он писал: «В характере моем есть нестерпимая черта одержимости и нереального отношения к действительности». Мне кажется, что эту самохарактеристику можно отнести и к его произведениям.

– В Одессе, на родине Исаака Бабеля, в сентябре 2011 года на углу улиц Жуковского и Ришельевской, напротив уже упоминавшегося дома № 17, где семья Бабеля поселилась в 1909 году, появилась композиция из бронзы, выполненная скульптором Георгием Франгуляном, – именно его проект был одобрен родными писателя: автор «Одесских рассказов» и «Конармии» сидит на ступенях с блокнотом, рядом с ним – символическое катящееся колесо.

Что мешает открыть там же, в Одессе, еще и музей, посвященный этому писателю? В Одесском литературном музее, расположенном, кстати, в красивейшем дворце, который некогда принадлежал представителю высших кругов русской аристократии, одному из первых граждан Одессы князю Дмитрию Ивановичу Гагарину, «у Бабеля» лишь экспозиция в зале одесской литературной школы...

– Безусловно, такой писатель, как Исаак Бабель, заслуживает «своего» музея. Но музея экстра-класса. А это практически неразрешимая задача. Говорю как музейщик с более чем сорокалетним стажем. И дело не только в деньгах.

Во-первых, в Одессе, коль уж мы говорим об Одессе, нельзя создать мемориальный музей: дом на Дальницкой улице на Молдаванке, где родился писатель, не сохранился, а в его квартире на Ришельевской, 17, живут люди.

Во-вторых, музей невозможно сделать без музейной коллекции. Скажем, рукописные материалы в виде хороших копий (оригиналы все равно в постоянной экспозиции не могут находиться по условиям их сохранности) можно было бы с миру по нитке собрать. Изобразительные материалы тоже можно найти. Но почти нет личных вещей Бабеля, а без них музей будет скучным… Делать полностью интерактивный музей, по-моему, не имеет никакого смысла.

В-третьих, для музея, пусть не мемориального, а чисто литературного, все равно нужно найти подходящее помещение или построить новое. Ну и так далее.

Мне кажется, скорее может речь идти о каком-нибудь культурном центре или литературном клубе, носящем имя Бабеля, не исключая и музейную составляющую.

– Понятно… А почему до сих пор не установлен памятник Бабелю в центре Москвы, в том же Большом Николоворобинском переулке, где он жил с 1932 года? Ведь точного подтверждения того, что прах Бабеля, расстрелянного 27 января 1940 года, захоронен именно в общей могиле № 1 на территории Донского монастыря, нет и, по-видимому, уже не будет…

– Вопрос об установке памятника в Москве упирается в первую очередь в финансирование.

– И вполне уместен, возможно, памятный знак в Санкт-Петербурге – городе, с которым, как и с Одессой, Николаевом, Киевом, у писателя связано немало воспоминаний – здесь в 1916 году он стал студентом четвертого курса юридического факультета Петроградского психоневрологического института, здесь осенью того же года в редакции журнала «Летопись» на Большой Монетной улице встретился с Горьким…

– …и не просто встретился. Горький сыграл особую роль в его жизни и творческой судьбе. «И вот – я всем обязан этой встрече, – писал Бабель в «Автобиографии», – и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением». И еще из очерка «Начало», в котором Бабель рассказал и о начале их дружбы, и о начале своего творческого пути: «Надо думать, в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции «Летописи».

Кстати, Бабель жил совсем недалеко от редакции журнала «Летопись», на той же Большой Монетной. «Летопись» помещалась в доме № 18, а Бабель снимал комнату у Анны Григорьевны и Льва Ильича Слоним в доме № 9а. Поэтому легко представить состояние юного Бабеля, когда Горький принял к публикации его рассказы – из редакции он, не помня себя, пошел не домой, а в противоположную сторону, и оказался у Черной речки.

В «Летописи» Горький напечатал два рассказа молодого Бабеля – «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла».

Когда Горький умер, Бабель не только потерял друга и учителя. Неслучайно он сказал жене: «Теперь мне жить не дадут». Спустя почти три года Бабеля арестовали. В части тиража альманаха

«Год XXI» (1938), попавшей в библиотеки, текст очерка «Начало» был вырван, а фамилия его автора в оглавлении тщательно вымарана.

– Простите, пожалуйста, не только за бестактный, но и абсурдный вопрос. Но с учетом современной политической ситуации не задать его вам невозможно. Почему Бабель – с одинаковым успехом и там и там – становится камнем преткновения для тех, кто страдает националистической болезнью? Какому народу Бабель принадлежит?

– Но националистическая болезнь, как вы сказали, это болезнь не нашего времени или нынешней политической ситуации. Антисемитизм, как и русофобия, и тому подобные «измы» и фобии, существует с незапамятных времен. Чтобы далеко не ходить за примерами, возьмем их из произведений Бабеля. В рассказе «Замостье» из «Конармии» мужик говорит Лютову: «– Жид всякому виноват <…> и нашему и вашему. Их после войны самое малое количество останется». Или вспомним холодящий душу эпизод из рассказа «Дорога». Но ведь не только о национальной ненависти идет речь. Часто эта ненависть распространяется на талантливых, да просто интеллигентных и образованных людей любой национальности. «…Тут режут за очки», – из той же «Конармии» («Мой первый гусь»).

Я бы видоизменила второй ваш вопрос: «Какой литературе принадлежит Бабель?».

Для меня лично ответ на этот вопрос однозначный: Бабель – русский писатель. Не могу согласиться с той точкой зрения, что язык в определении «национальности» литературного произведения не является первичной категорией. Но, конечно, Бабеля можно причислить и к русско-еврейским писателям. На эту тему, в частности, есть прекрасная статья «Шабос-нахаму в Петрограде: Бабель и Шолом-Алейхем» Эфраима Зихера в обсуждаемом сборнике. Еще надо назвать уже давнишнюю статью «Русско-еврейская литература и Исаак Бабель» Шимона Маркиша. В упомянутой статье Григория Фрейдина речь идет о *русской еврейской* литературе – это нечто иное. Памятуя об «Одесских рассказах», месте действия «Конармии», вероятно, можно говорить и о рус-

ско-украинском писателе Бабеле. Безусловно, Бабель – ярчайший представитель южнорусской литературной школы. Нельзя забывать и о связи писателя с западноевропейской культурной традицией, и о том, что на сегодняшний день произведения Бабеля переведены не только на основные европейские и славянские языки, но и на португальский, норвежский, шведский, датский, даже исландский, а также на китайский, японский, турецкий и многие другие. Следовательно, Бабель принадлежит мировой литературе. Думаю, любящие Бабеля не станут спорить с таким определением: «классик русской и мировой литературы».

Но все же вернемся к вашему вопросу: «Какому народу принадлежит Бабель?». Бабель – еврей не только по происхождению. Еврейская тема разлита по всему его творчеству. Он чтил традиции еврейского народа, в том числе религиозные, и прекрасно во всем этом разбирался. Но мне почему-то вспомнилось определение Всеволода Иванова, которое он дал Бабелю в одном из писем Максиму Горькому: «еврей с русской душой». Разумеется, Иванов не имел в виду, что русская душа чем-то лучше еврейской, а вкладывал в это совсем иной смысл. Вероятно, он подразумевал то, что мы теперь называем ментальностью. А еще – преданность Бабеля России, знание ее истории и культуры. И в этом, на мой взгляд, нет никакого противоречия.

Завершить ответ на этот и в самом деле трудный вопрос мне бы хотелось словами героя рассказа «Гюи де Мопассан», имеющими национальные истоки, но носящими общечеловеческий характер: «Мудрость дедов сидела в моей голове: мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью, мы рождены для этого и ни для чего другого».

Роман Бродавко

Две памятные даты

В 2016 году исполняется 90 лет со дня рождения композитора Юрия Знатокова (1926–1998) и 80 лет со дня рождения композитора Александра Красотова (1936–2007). Оба они сыграли большую роль в музыкальной жизни не только Одессы, но и всей страны. Их произведения звучали в престижных концертных залах и в крупных театрах, записывались на пластинки, часто звучали по радио. А главное: их любили исполнители и высоко ценили многочисленные слушатели.

С черноморским огоньком

Юрий Знатоков всегда обращал на себя внимание яркой и благородной внешностью. Тонкие черты лица, лучистые глаза, ранняя седина, статная фигура, легкая походка… У него был на редкость приятный тембр голоса, прекрасные манеры, редкая в наши дни доброжелательность к людям. Только этого одного, по-видимому, было бы достаточно, чтобы выделить Знатокова из массы тех, кто такими достоинствами не обладает. Но в первую очередь он был, конечно, талантливым музыкантом, на редкость одаренным композитором, автором произведений, которые высоко ценили, любили и с удовольствием исполняли. А это симфония памяти Ф. Достоевского, симфоническая фантазия «Монолог Гамлета», симфоническая поэма «На Пискаревском кладбище», балеты «Торжество любви». «Княгиня Волконская», «Свадьба Свечки», оперетты «Черноморский огонек» и «Песня над саваннами», концерты для скрипки с оркестром и для фортепиано

с оркестром, камерная музыка, музыка к почти 200 театральным постановкам и кинофильмам, песни…

Его довоенное детство прошло в Батуми. Там он окончил музыкальную школу по классу фортепиано. Когда началась Великая Отечественная, Юрий добровольцем ушел на фронт. Принимал участие в десанте на Малую землю. Был ранен. За мужество награжден орденом Красной Звезды. После войны поступил в Одесское музыкальное училище. На первом курсе его произведения услышал директор Одесской консерватории, известный украинский композитор Константин Данькевич. По совету Константина Федоровича одаренного молодого человека сразу переводят на четвертый курс. Его наставниками становятся известный теоретик и композитор Александр Коган и выдающийся хормейстер и педагог Константин Пигров. Затем Юрий Владимирович продолжил обучение в консерватории под руководством А.Л. Когана. Первые крупные произведения – Фортепианный концерт и Молодежный концерт – приносят молодому композитору широкое признание.

После окончания консерватории Юрий Знатоков свыше десяти лет работал директором сначала детской музыкальной школы № 4, а затем ДМШ № 1. Здесь проявились не только его хорошие организаторские и педагогические способности, но и большой интерес к учебному репертуару. Юрий Владимирович пишет пьесы для детей, многие из которых исполняются учащимися по сей день.

Уже с пятидесятых годов симфонические произведения Знатокова входили в репертуар многих оркестров страны и, конечно,

в первую очередь – одесского. Среди их интерпретаторов такие известные дирижеры, как Н. Рахлин, В. Дударова, Р. Баршай, не говоря об одесских маэстро – Е. Русинове, Ю. Алиеве, М. Корсавине, Г. Гоциридзе…

Любовь к театру Знатоков пронес через всю жизнь. Его балетная музыка обладает исключительной выразительностью. Каждый характер выписан ярко и крупно. Каждое событие имеет глубокую музыкальную характеристику. Поэтому не случайно балеты на музыку Знатокова с успехом шли не только в Одессе, но и в Киеве, Ленинграде и других городах в постановке известных балетмейстеров, а фрагменты из них исполнялись в концертных программах. Думаю, что и сейчас театрам следовало бы обратить внимание на балетную музыку Знатокова.

Музыка к драматическим спектаклям – особый вид композиторской деятельности. Она требует от автора максимального внимания к драматургии, к режиссерскому замыслу. Порой несколько точных музыкальных фраз могут не только создать необходимое настроение, охарактеризовать персонажей, но и глубоко выразить идею всего спектакля. Знатоков умел писать для театра точно и лаконично. Несколько музыкальных тем в спектакле по драме М. Кулиша «97» в Одесском украинском театре поднимали его содержание на эпическую высоту. Столь же емкой и глубокой была музыка к спектаклю по драме В. Гюго «Мария Тюдор». А еще он умел создавать сказочный мир, в котором царили красивые запоминающиеся мелодии. Не одно десятилетие в Одесском ТЮЗе шел «Кошкин дом» с музыкой Знатокова – такой же светлой и доброй, каким был ее автор.

Звезда любви и надежды

Быстротекущее время, как волна, накатывает на нас множество событий. Мы погружаемся с головой в ежедневную текучку, в решение больших и малых проблем – и то, что потрясло нас, казалось бы, совсем недавно, отдаляется, уходя в область прошлого. Но неожиданно память возвращает лица ушедших друзей, эпизоды жизни, в которых мы были с ними, и на душе становится

светло. Друзья приходят к нам воспоминаниями, которые дороги сердцу.

До 1982-го года нас с А.А. Красотовым связывало исключительно шапочное знакомство. Оно переросло в творческое сотрудничество, а затем в многолетнюю дружбу неожиданно. В филармонии, где я тогда работал, шли репетиции его оратории. Как всегда, требовательный ко всем, Александр Александрович проводил часы в филармоническом зале, добиваясь от хора и оркестра нужного результата. Однажды после репетиции мы разговорились. Красотов сказал, что пишет песню для детского хора, но никак не может найти двусложное слово, с которого должен начинаться припев. Он напел мелодию, и я непроизвольно произнес: «Надо!». Это оказалось именно «то слово». На следующий день я показал композитору свой текст песни. Стихи ему понравились. Вскоре песню «Надо!» включили в репертуар многие детские коллективы, она была опубликована в сборнике, который вышел в киевском издательстве «Музика», на УТ был снят видеоклип с записью хора Киевского дворца пионеров. С тех пор я стал часто бывать в его доме, и с каждым годом наши отношения становились все более тесными, доверительными.

С Красотовым было всегда интересно. Сан Саныч обладал тонким чувством юмора, был жизнелюбив, гостеприимен. Обладая яркой артистической внешностью, он всегда следил за собой, вполне оправдывая фамилию.

Александр Александрович был высокообразованным человеком. Он великолепно знал не только классическую, но и современную музыку. Любил живопись. Прекрасно разбирался в литературе, особенно в поэзии. В его большом наследии – симфония

на стихи Олжаса Сулейменова, вокальный цикл на стихи Юлии Друниной, произведения на стихи Миколы Лукива… Прочно вошли в репертуар многих исполнителей его песни на стихи одесских авторов – Виктора Бершадского, Александра Баренбойма, Юрия Михайлика. К текстам он был предельно требователен. Некоторые из его одесских песен стали на редкость популярны, особенно – «Свидание с Одессой». Недавно эта песня прозвучала по телевидению в исполнении Михаила Водяного (кстати, она была написана для него), и сердце дрогнуло, когда услышал знакомую мелодию и слова: «Опять иду по лестнице воспетой…».

Высокий профессионализм Красотова позволял ему работать в самых разных жанрах. Он писал симфонии, инструментальные концерты, камерную музыку, оперы, мюзиклы, песни, музыку к спектаклям. И все это было на том художественном уровне, который не мог не привлекать внимание самых именитых, а главное – требовательных исполнителей. Так, по заказу известного музыканта, профессора Московской консерватории Тимофея Дакшицера Александр Александрович написал Концерт для трубы с оркестром, который стал обязательным произведением в программе престижного международного конкурса и вошел в репертуар многих известных исполнителей.

Красотов был признанным мастером оркестровки. Его оркестр всегда был величав и многокрасочен.

Композитор обладал безупречным чувством стиля. В восьмидесятые годы по заказу Театра музкомедии он написал мюзикл «Звезда любви и надежды» по мотивам сценария известного чаплинского фильма «Огни рампы». Главную роль – роль Кальверо – в спектакле должен был исполнять М. Водяной. Мюзикл почти полностью был соткан из мелодий Ч. Чаплина, творчески переосмысленных и оригинально трактованных А. Красотовым. В музыкальном отношении это произведение, на мой взгляд, было безупречным. К сожалению, неожиданная кончина Водяного не дала возможности реализоваться этому оригинальному замыслу.

Александр Александрович любил театр, чувствовал его специфику. Оперы Красотова «Конец сказки», «Таежная песня», «Михаил Воронцов» отличаются высоким качеством музыкальной

драматургии и глубоким психологизмом в раскрытии характеров героев. На протяжении многих лет композитор мастерски создавал музыку к драматическим спектаклям. Он умел в нескольких музыкальных фразах подчеркнуть главное в персонажах, в драматических конфликтах, в кульминациях – и музыка становилась неотъемлемой частью спектакля. Помню, насколько органичной была музыка Сан Саныча к спектаклю Русского театра «Всего тринадцать месяцев» по пьесе Юрия Дынова: она, казалось, насквозь была проникнута пушкинской поэзией.

Красотов начал преподавать в Одесской консерватории сразу же после того, как окончил ее сам. К своему педагогическому труду он относился с предельной добросовестностью и ответственностью. Любил своих учеников, радовался их успехам, а ученики, как мне кажется, всегда отвечали ему взаимностью. Среди его воспитанников – известные композиторы Кармелла Цепколенко, Юлия Гомельская, Сергей Шустов, Людмила

Александр Красотов с коллегами и учениками

Самодаева, Игорь Юсим… Я могу с уверенностью сказать, что многому в понимании современной музыки научился у Красотова. Он умел о сложных вещах говорить просто, доступно. Он был педагогом по призванию.

Сан Саныч обладал редким обаянием. Мне кажется, он всегда был молодым: годы, опыт, звания не отражались на его образе мыслей, поведении, поступках…

Последние семь лет жизни он провел в Китае, и там, работая в консерватории, сумел завоевать уважение у коллег, а его ученики становились победителями всекитайских композиторских конкурсов.

Я слушаю запись одного из последних произведений А. Красотова – «Farewell» («Прощай»), и думаю о том, насколько его музыка может быть (и должна быть!) востребована сегодня. Она современна, мудра и эмоциональна, и те исполнители, которые соприкоснутся с ней, наверняка получат возможность выразить себя и найти понимание у слушателей.

Аркадий Вайнер, Эдуард Кузнецов

«Танкер «Дербент»

К 75-летию выхода кинофильма

Иногда почти забытые произведения литературы и искусства, если к ним повнимательней присмотреться, предстают в новом и неожиданно привлекательном свете. Некогда популярный роман Юрия Крымова «Танкер «Дербент» при современном прочтении и сегодня оказывается крепкой прозой – почти классическим произведением: с закрученным сюжетом, с живыми героями, с небанальными производственными и любовными перипетиями. Сюжет романа несложен. Механик Басов, пришедший на самый отстающий танкер в пароходстве, постепенно преодолевает разобщенность моряков и создает коллектив, поверивший в свои силы.

Роман был написан в 30-е годы и сразу обратил на себя внимание. О нем с восторгом отозвались писатели (в том числе А. Фадеев, А. Платонов, М. Шагинян), он был переведен на многие языки. Через три года после его выхода в Одессе был снят фильм, до сих пор считающийся одним из лучших в истории Одесской киностудии.

Автор романа Юрий Крымов (настоящая фамилия Беклемишев), инженер и ученый, родился в семье петербургских литераторов (отец С. Копельман, мать В. Беклемишева). С детских лет он был покорен морской романтикой: школьником был юнгой на корабле, работал мотористом в рыбацкой артели, часто бывал на Каспийском и Черном морях. Окончив физико-математический факультет МГУ, трудился в Институте водного транспорта, в Нефтяном институте, плавал на танкере, работал на судоверфях. После «Танкера «Дербента» он написал не много: осенью 1941 года он погиб на Украине, выбираясь с боями из окружения.

Фильм «Танкер «Дербент» снимался в Одессе в 1941 году. В его создании приняли участие люди неординарные и талантливые, ставшие впоследствии выдающимися деятелями театра и кино. Киносценарий написал Сергей Ермолинский, работавший до этого с Михаилом Шолоховым над литературной основой картины «Поднятая целина». Он был близким другом Михаила Булгакова, за что во время войны поплатился арестом и ссылкой. После реабилитации он опубликовал о писателе интересные воспоминания. Кстати, им был написан сценарий знаменитой картины «Неуловимые мстители».

Режиссером фильма был Александр Файнциммер, всегда проявлявший интерес к морской тематике (ленты «Балтийцы», «Морской батальон», «За тех, кто в море»…). Позже за свои работы он был отмечен двумя Сталинскими премиями (1950, 1951). Из его более поздних фильмов можно назвать экранизацию романа Э. Войнич «Овод» (с Олегом Стриженовым и Николаем Симоновым) и детектив «Трактир на Пятницкой». Файнциммер много снимал в Одессе – наверно, это повлияло на то, что его сын Леонид Квинихидзе (тоже режиссер, автор популярных «Соломенной шляпки» и «Небесных ласточек») впоследствии осел в Одессе, став главным режиссером Театра музыкальной комедии им. М. Водяного.

Одним из операторов фильма был Григорий Айзенберг, проработавший на Одесской киностудии в 30-е годы более 10 лет. Известный мастер кино, лауреат Сталинской премии (1950), он принимал участие в создании киношедевров 40-х годов – «Весна», «Поезд идет на Восток», «Сталинградская битва», и фильмов 60-80-х годов – «Война и мир», «Хождение по мукам», «Тегеран-43»… В фильме «Танкер «Дербент» он был автором комбинированных съемок.

Художник фильма Михаил Юферов был известен как знаток морских приключений (фильмы «Моряки», «Морской ястреб», «Дочь моряка», «Адмирал Нахимов», «Максимка», «Море зовет», «Матрос Чижик» и другие). В 30-е годы он работал на Одесской и Киевской киностудиях.

Музыку и слова песен к фильму написал Павел Арманд – сын сестры известной большевички Инессы Арманд, автор популярнейшей песни «Тучи над городом встали…».

Не менее интересен был подбор артистов на роли героев романа. Многие из участников фильма стали в позднее время настоящими звездами советского театра и кино. Капитана Кутасова играл Анатолий Горюнов, боцмана Догайло – Василий Меркурьев, буфетчицу Веру – Лидия Сухаревская, моториста Мишу – Константин Сорокин, рулевого – Ефим Копелян, радиста Тарумова – Павел Шпрингфельд. Все они тогда были молодыми подающими надежды артистами.

В. Меркурьев (шарж М. Гандурова)

Пожалуй, наиболее знаменитым на тот момент был Горюнов (настоящая фамилия Бендель), только что снявшийся в главных ролях двух популярных фильмов «Три товарища» (1935 г.) и «Вратарь» (1936 г.). Он воспитывался в театральной семье (его мать была сестрой двух мхатовских корифеев, И. Москвина и М. Тарханова), много играл в театре. Через пять лет после съемок в фильме он получил звание народного артиста РСФСР, а еще через четыре – Сталинскую премию. К сожалению, он умер в 1951 году всего 49 лет от роду.

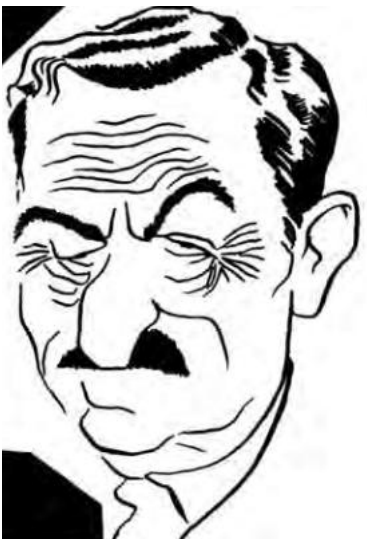

А. Горюнов (шарж Н. Акимова)

Другие артисты по известности через некоторое время догнали Горюнова. Звание заслуженного артиста РСФСР получил Шпрингфельд, народного артиста РСФСР – Сорокин,

Л. Сухаревская

Е. Копелян (шарж В. Соколова)

народного артиста СССР – Меркурьев, Сухаревская, Копелян. Сталинской премией были отмечены Меркурьев (трижды – в 1947, 1949 и 1952 годах) и Сухаревская (в 1951 году). Все они часто играли в кино и были любимы зрителями; до сих пор кинофильмы с их участием не сходят с экранов.

Меркурьев блистал в драматических и комедийных ролях, но, пожалуй, более всего запомнился в кинокомедиях «Небесный тихоход» и «Верные друзья».

Сухаревская успешно выступала на театральных сценах Ленинграда и Москвы, снималась в кинофильмах. Она осталась в памяти зрителей в одной из последних ролей в спектакле А. Арбузова «Старомодная комедия» (позже перенесенном на телеэкран). Она и ее муж Борис Тенин великолепно исполнили роли двух одиноких пожилых людей, постепенно становящихся необходимыми друг другу.

Сорокин, сыгравший более чем в 70 фильмах, был в них всегда узнаваем и убедителен. Особенно удавались ему острохарактерные комедийные роли.

Не меньше, чем Сорокин, сыграл и Шпрингфельд. Он стал знаменит оригинальным исполнением второстепенных ролей (например, гардеробщика в «Джентльменах удачи»). Чаще всего он играл чудаковатых недотеп; в таком качестве он выступил и в роли Глеба в фильме «Сердца четырех». Это была его главная удача, по ней его на долгие годы запомнили и кинематографисты, и зрители.

К. Сорокин (шарж Л. Самойлова)

Копелян больше прославился театральными работами в знаменитом товстоноговском БДТ. Благодаря сдержанной и многозначительной манере поведения он не без основания стал считаться советским Жаном Габеном. Даже в невидимой роли чтеца за кадром в «Семнадцати мгновениях весны» он сумел обратить на себя внимание и с тех пор именовался уже не Ефимом Захаровичем, а Ефимом Закадровичем. Он сыграл около 40 киноролей, среди которых и участие в «Неуловимых мстителях».

П. Шпрингфельд (шарж Г. Щукина)

Да и остальные артисты, участвовавшие в фильме, создали запоминающиеся образы: А. Краснопольский (Басов), И. Кузнецов (Гусейн), Э. Геллер (моторист), Т. Беляева (Муся). Не всем из них в дальнейшем

удалось достичь больших успехов в кинопрофессии – у каждого жизнь сложилась по-своему.

«Танкер «Дербент» сегодня воспринимается как осколок великого советского кинематографа, как одно из вершинных достижений коллектива кинематографистов Одесской киностудии, сумевшей собрать для участия в съемках выдающихся мастеров.

Евгений Голубовский

Игорь Гусев между временем и пространством

В июне художник Игорь Гусев покажет две персональные выставки – в Музее западного и восточного искусства и во Всемирном клубе одесситов.

Не каждый художник придумывает названия для направления в искусстве. Игорю Гусеву это удалось – художественные акции на Староконном рынке он назвал АРТрейдерством, их участников соответственно – АРТрейдерами. Но, по сути, ни за кем определение не закрепилось, кроме… самого Игоря Гусева.

Итак, Игорь Гусев – артрейдер.

А как же актуальное искусство? Актуальное сегодня, оно может быть совсем малоинтересным завтра или послезавтра. Актуальные темы меняются, надоедают. А вот артрейдерство – это вечный процесс сложения нового из б/у (бывшего в употреблении), привнесения в старое новых смыслов.

Время не фиксируется.

Пространство изменчиво.

Одесса может обернуться Кипром, а может – Японией. И тогда возникнут то античные сопереживания, то живописные хокку. Попробуй, расположи их во времени и пространстве.

Нет, они именно тем интересны, что живут между временем и пространством, на стыке тектонических плит, в постоянной вибрации.

Один из излюбленных приемов Игоря Гусева – вибрация реалистического рисунка, сдвиг, изменяющий время его существования.

Это не придуманный эффект, не имеющий связи с реальной жизнью. Напротив, подсмотренный в нашей куцей реальности.

Как плохо держат напряжение наши электростанции. Как искажается сигнал на безумных экранах телевизоров при падении напряжения. Изображение дробится, растягивается, меняет форму, выходит из времени и пространства.

Как же не восхититься этим артрейдеру?

Можно подумать, что все, что я написал об артрейдерстве, об Игоре Гусеве, не более чем стеб. Ведь и он провоцирует бесконечно ироническое отношение к миру вокруг себя.

Создал Игорь Гусев галерею. Назвал ее «Норма». Вот вроде бы и станет ясно, что является нормой для художника Гусева. Но не так-то все просто. «Норма», – объясняет Игорь, – «Новая русско-маланская альтернатива». Попробуйте после этого обойтись без стеба.

Или это и есть норма по-одесски…

И все же, если всерьез, для меня Игорь Михайлович Гусев, родившийся в Одессе в 1970 году (а все молодой-молодой!) – настоящий Культурный герой. Он живописец (школа Владимира Криштопенко), график (школа Валерия Аликберова), акционист, куратор (школа Александра Ройтбурда), создатель перформансов (самоучка). За его плечами за 25 лет выставочной деятельности до сотни выставок, из которых два десятка персональных.

Я предлагал Михаилу Рашковецкому, автору статьи об Игоре Гусеве в каталоге выставки, спустя 3 года вновь высказаться о любимом художнике. Не уговорил. «Нет нового повода». Я предлагал М. Рашковецкому тему для сказки – «Игорь Гусев как колобок». Не уговорил. Да, ушел – и от того ушел, и от того ушел, но катится, катится, катится…

Игоря Гусева трудно заставить всерьез отвечать на вопросы. В любом интервью он немного актерствует, шутит, исполняет очередной перформанс для микрофона и телекамеры… И все же, как мне кажется, лет пять тому назад Евгений Деменок и я взяли у него почти серьезное интервью для «Смутной алчбы». Приведу только один ответ Игоря Гусева:

– Существует мнение, что если картина написана сегодня и выставлена на Соборке, то это – современное искусство.

Я пытаюсь спорить, что нет. Мне кажется, что произведение, которое можно отнести к актуальному искусству, должно на-

На первой странице вкладки, сверху вниз, левая колонка:
«Эфирная коррупция», «На афтерпарти»;
правая колонка: «Александр Великий»,
«Портрет активистки», «Портрет механика».
На второй странице, сверху вниз, левая колонка: «Монро»,
«Эми Уайнхаус», «Байконур»;
правая колонка: «Заговор консервной банки»,
инсталляция «Славянская колыбель», вар. 2

ходиться внутри еще не отработанной проблематики. В картине должен присутствовать открытый жест, новаторство. А если произведение не несет в себе подобных критериев, то это просто «симпатичная картинка».

Вот этот водораздел между произведением искусства и симпатичной картинкой, осознанный художником 25 лет назад, и определил его творчество.

Приходите на выставки Игоря Гусева – в Музей западного и восточного искусства, к нам, во Всемирный клуб одесситов, где будет показана коллекция работ Игоря Гусева из собрания Евгения Деменка, и вы ощутите ритм его картин, силовое поле воздействия его таланта.

Михаил Талалай

Последние доклады и анекдоты Умберто Эко

Умберто Эко и организатор конференции по Якобсону Стефания Сини. 17 ноября 2015 г.

Соотечественники иногда сравнивают Эко с Лихачевым – некий национальный эталон культуры.

Отчасти это так – к Умберто Эко прислушивались, спрашивали государственных советов, давали трибуну в СМИ. Но было и отличие: да, как и Лихачев, Эко был ученым, отцом современной семиотики и коммуникативных исследований, академиком с повышенным общественным темпераментом, но он был и автором романных бестселлеров. Последнее обстоятельство стимулировало на его родине извечный порок – зависть. В среде его коллег считалось добрым тоном ругнуть Эко за ошибки и легкомыслие. Ошибки, понятно, были – кто без них? – но легкомыслия отнюдь нет. Была удивительная легкость в суждениях, выборе тем, стиле. Серьезные вещи он делал играючи. И это было одним из залогов планетарного успеха его романов.

Я входил в миллионную толпу восхищенных читателей Эко, начиная с «Имени розы» – кстати, после его кончины газета «Corriere della Sera» подборку статей, ему посвященных, назвала

«Умберто Эко: имя нашей культуры». Романы я читал на русском, очеркистику – на итальянском. Несколько лет читал последнюю страничку еженедельника «Panorama», где он вел рубрику на свободную тему – пока она Эко не надоела: непросто каждую неделю писать что-то оригинальное.

В голове застревает всякая ерунда, и вот запомнился один его парадокс на этой еженедельной страничке – «Моя любимая русская водка –«Абсолют» (подразумевалось, что всем читателям известно, что это водка шведская). Мне и до сей его фразы она нравилась более других, отсутствием водочного вкуса в первую очередь, а с той поры я стал предлагать гостям «Абсолют», приговаривая, что это любимая водка Умберто Эко. Авторитет действовал и тут, и гости восхищенно пили.

Признаюсь, что благодаря прекрасным переводам Елены Костюкович я не чувствовал нужды читать романы Эко в оригинале. Однако когда в 2000 году вышла его книга «Баудолино», редакция парижской «Русской мысли» попросила меня срочно откликнуться. Издательство «Bompiani» мне тут же прислало на рецензию книгу, на которую моего тогдашнего итальянского не хватило. Отступать было поздно, и я совершил мистификацию, надеюсь, в духе автора, опубликовав подробную рецензию на непрочитанный текст. Каюсь публично… Ведь для историка, привычного работать с текстами, достаточно двух-трех чужих рецензий. Спустя пять лет прочитал и превосходный перевод Костюкович, убедившись, что в своем отклике ухватил суть.

Умберто Эко пребывал в иных сферах, пусть и в Милане (об особом к нему отношении я задумался, когда один соотечественник написал: «Как здорово, что Вы живете в Милане, в городе Умберто Эко»).

Счастливое с нему приближение началось года два тому назад, когда моя супруга, литературовед, приступила к подготовке в Милане международной конференции по Роману Якобсону, которого ценил и знал Умберто Эко. Я уверял, что он не откликнется, но оказался неправ, в 2013 году Эко написал: «приду, если буду жив». И пришел, в ноябре 2015 года.

В процессе подготовки конференции он сообщил и свой домашний адрес – Piazza Castello, № 13, попросив его не афишировать.

Дом в Милане, где жил Умберто Эко

Теперь эта его просьба неактуальна: недавно вся Италия увидела по ТВ этот миланский дом, куда люди несли цветы. Вероятно, в недалеком будущем здесь появится мемориальная доска.

Так получилось, что последнее публичное выступление Умберто было посвящено русскому филологу. Он остроумно перемежал личные воспоминания с оценкой академической карьеры Якобсона, охотно общался и фотографировался с участниками конференции. Казался вечным…

Гражданская панихида 23 февраля 2016 г. проходила во дворе миланского замка (миланского Кремля, как я его называю). Выступали мэры городов – Алессандрии, где он родился, Милана, где он жил и умер, говорили ректоры университетов, коллеги. Более всего публику тронуло выступление внука с главной фразой «Каково иметь такого деда?». Звучала барочная музыка, которую он любил. Все было легко и светло, как и его земной путь, – несмотря на особую тяжесть его тела, теперь неподвижного, в закрытом гробу.

Вероятно, только на похоронах Умберто Эко мог прозвучать еврейский анекдот – последний. Рассказал друг академика-романиста актер Мони Овадия, который в Италии прославлен как представитель культуры идиш (пару лет тому назад он представил публике спектакль «Adesso Odessa» («Теперь Одесса»), с одесскими шутками и песнями Леонида Утесова). Мони, по его словам, часами обменивался с Эко еврейскими анекдотами, и самым последним был следующий:

«В царской России в одном еврейском местечке у Янкеля произошел небывалый случай, о котором он решил поведать

раввину. Тот пришел к Янкелю и услышал такую действительно странную историю.

Когда Янкель приготовил себе завтрак – перечислялся состав завтрака, – на его стол прыгнула кошка. Прогоняя ее, Янкель нечаянно смахнул на пол бутерброд, обильно намазанный маслом.

– Равви, как полагаете, какой стороной упал на пол мой бутерброд?

– Понятно, что маслом!

– Нет, масло оказалась вверху!

Потрясенный раввин удалился. Три года он потратил на разгадку удивительного происшествия, ради чего вступил в переписку с раввинами Петербурга, Вены и Праги. Спустя три года раввин вернулся к Янкелю и торжествующе заявил:

– Янкель, после долгого обсуждения с самыми умными раввинами Европы мы пришли к выводу: ты уронил бутерброд на пол ошибочной стороной!»

…Так получилось, что последний научный доклад и последний анекдот Умберто Эко был посвящен русским историям, не без пятого пункта. Интересно, знал ли он об этом ярком семиотическом образе? Уверен, что он бы его заинтересовал.

Милан, февраль 2016 г.

Фото автора

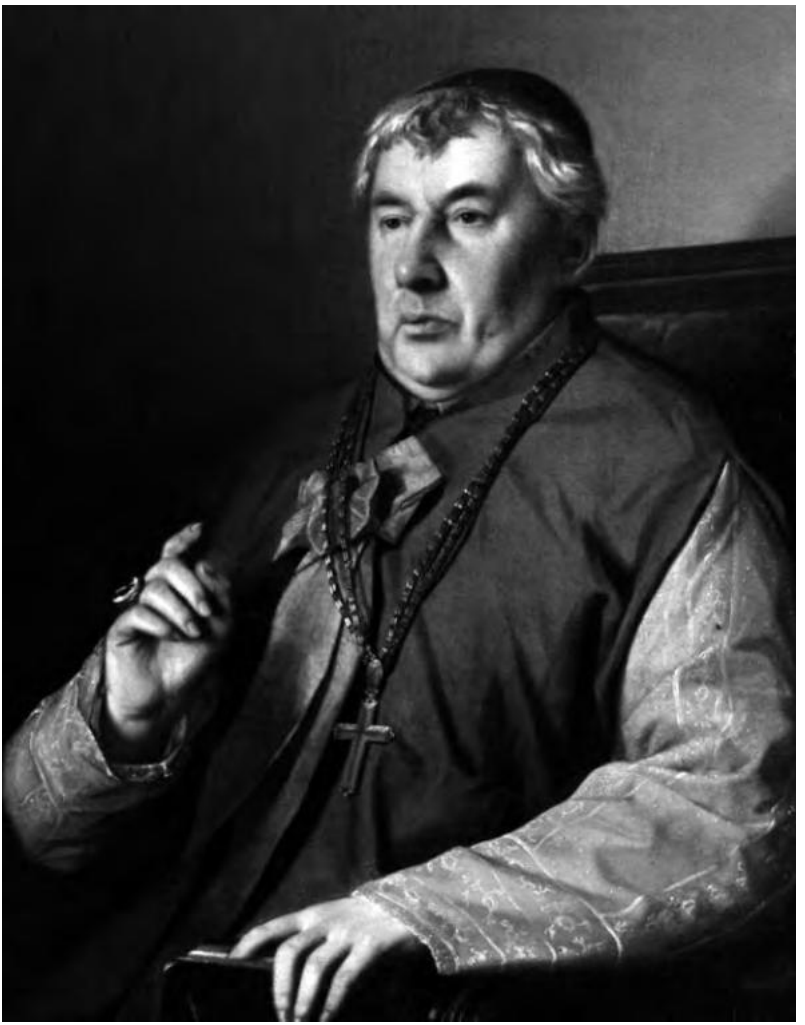
Сергей Седых, Юрий Загоруйко

Портрет священнослужителя

Одесский художественный музей (ОХМ) в 2014 году отмечал свое 115-летие. К этому событию была приурочена выставка «Одесские художники-«шестидесятники» XIX века». В основу экспозиции легли произведения художников, работавших в Одессе в 1860-х годах. Многие из них принимали участие в создании Одесского общества изящных искусств (ООИИ) – прародителя ОХМ. Одесский музей западного и восточного искусства (ОМЗиВИ) предоставил для выставки работы польских художников из своего собрания, одна из которых представляла особый интерес.

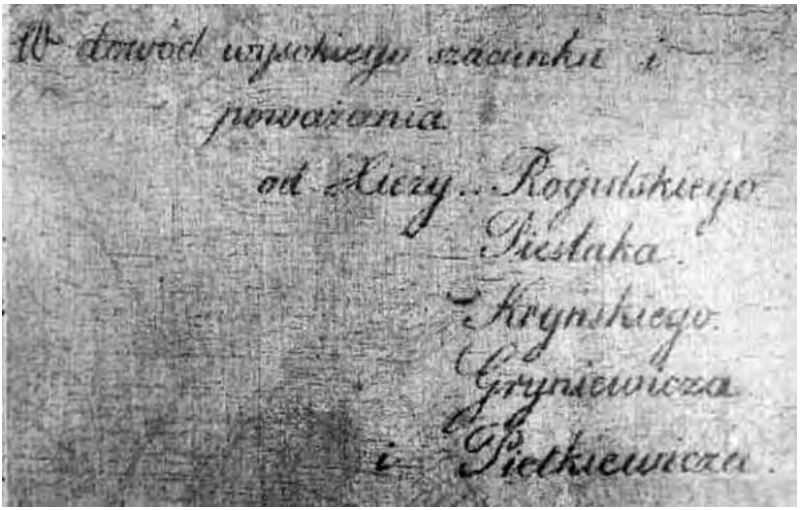
В каталоге музея о ней можно прочитать: «Монограммист R. Ch. XIX век. Польская школа. Портрет священнослужителя. Х., м. 110×85. Справа внизу подпись-монограмма и дата: R. Ch. 1860. (146) [инвентарный номер]»[1]. Директор ОХМ В.А. Абрамов предположил, что автором работы мог быть одесский художник польского происхождения Ромуальд Хойнацкий. Основанием для такого заключения послужила хранящаяся в ОХМ картина «Мадонна», также подписанная монограммой «R. Ch.»[2]. Это одно из первых произведений, приобретенных для ООИИ. При делении коллекций в определенные исторические периоды работы польских художников попадали в собрания музеев, хранивших как отечественную, так и западноевропейскую живопись.

Биография Ромуальда Хойнацкого известна благодаря статьям польского писателя И.И. Крашевского[3], с которым художника связывала многолетняя дружба. Некролог Р. Хойнацкого, написанный И.И. Крашевским в 1885 году, опубликовали в «Tygodnik Ilustrowany»[4], затем его перепечатали многие издания[5], в том числе и одесские[6]. Ромуальд Хойнацкий был одним из основа-

Р. Хойнацкий. Портрет священнослужителя. 1860. ОМЗиВИ

телей ООИИ и первых преподавателей Рисовальной школы, учрежденной обществом. Он снискал известность как портретист. Но картины религиозного содержания занимали в его творчестве

Надпись на обороте картины «Портрет священнослужителя»

значительное место. Современники в шутку отмечали, что не было ни одного храма на Подолье, не расписанного Хойнацким[7].

О принадлежности портрета к «польской школе» говорит надпись на польском языке на обороте картины: «*W dowod wysokiego szacunku i poważania od Xieży... Rogulskiego, Pieslaka, Kryńskiego, Gryniewicza i Pietkiewicza*» [В знак высокого почтения и уважения от священников Рогульского, Песлака, Крынского, Гриневича и Петкевича]. В справочном издании «Новороссийский календарь 1860 года»[8] в разделе «Римо-католические церкви. Епархия Тираспольская» упоминаются некоторые из вышеуказанных имен: «настоят[ели]-священ[ники]: … 3) В колониях: Зельце: иером. Рох Песляк, Мангейм: почет[ный] каноник Феликс Рогульский, Иозефсталь: Христофор Петкевич…». Более подробные сведения о них можно найти в других справочных изданиях. Все они были священиками в католических храмах, расположенных в поселениях немецких колонистов.

Наиболее известными представителями католической церкви в Одессе в 1860 году были Григорий Разутович и Викентий

Липский. В том же «Новороссийском календаре» указано: «В Новороссийском крае и Бессарабии… Суффраган: еписк[оп] Викентий Липский. Декан Р[имо-] Католических церквей Херс[онской] губ[ернии], настоят[ель] Одесск[ой] приходск[ой] церкви, прелат Георгий Разутович»[9]. Их биографии известны, и в них можно найти параллели. К примеру, оба создавали в Одессе приюты, оба были погребены в церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Прелат Г. Разутович. Фото из книги К. Келлера «Немецкие колонии в Южной России»

Прелат Георгий Разутович (1811-1877) начал свою душепастырскую работу в Одессе в 1842 году как законоучитель Ришельевского лицея. С его именем связано строительство церкви Успения Пресвятой Богородицы. Также в 1857 году он стал инициатором открытия при церкви приюта для мальчиков и девочек католического вероисповедания.

Делая предположение, что на портрете изображен прелат Г. Разутович, следует учесть имеющиеся в нашем распоряжении сведения. На момент написания портрета ему было 49 лет. Мужчина, изображенный на портрете, выглядит значительно старше. В книге Конрада Келлера[10] приведена фотография Разутовича. Сравнивая ее с портретом, можно сделать вывод, что изображение на портрете работы Р. Хойнацкого не принадлежит прелату Георгию Разутовичу.

Еще одним источником сведений о портретируемом послужил анализ облачения священника. Большую помощь в этом оказал генеральный викарий Одесско-Симферопольской епархии РКЦ о. Христофор (Кшиштоф) Контек. В одежде католических священнослужителей существует строгая иерархия. О том, что на портрете

Фотография епископа и священника, облаченных в моцетту (слева) и мантелетту (справа)

изображен епископ, говорит накидка с разрезами вместо рукавов длиной до колен, имеющая название мантелетта (mantolet). Она также служит символом ограничения сферы полномочий, означающим, что перед нами епископ-помощник (главный епископ епархии вместо мантелетты носит короткую накидку моцетта (mucet), которая охватывает плечи и застегивается на груди.

Единственным епископом Тираспольской епархии в 1860 году в Одессе мог быть Викентий Липский. В его биографии говорится, что 13 октября 1856 он был назначен епископом Ионополитанским in partibus infidelium («в стране неверных») и суффраганом (то есть помощником епископа) Тираспольским. Рукоположен в епископы 9 января 1857 года.[11]

Он также был единственным епископом польского происхождения, управлявшим Тираспольской епархией, за всю ее историю. Возможно, этим и обусловлено, что польские священники, служащие в римо-католических приходах, большей частью населенных немецкими колонистами, решили выразить свою признательность и дань уважения епископу-поляку. Подарком к знаменательному событию стал заказанный известному художнику портрет.

Продолжим рассмотрение одежды священника и остановим внимание на элементе, носящем название рокета (rokieta). Это кружевное облачение с подлеском из цветной ткани. Цвет подлеска на портрете можно определить как розовый. Согласно регламентации цветовой гаммы в римо-католическом обряде, розовый цвет, символизирующий радость, не являлся обязательным, но мог допускаться в течение двух дней: третье воскресенье Ад-

вента (Gaudete, в зависимости от даты Рождества и начала Адвента выпадает на день с 11 по 17 декабря) и четвертое воскресенье Великого поста (Laetare).[12] Следует отметить, что второй праздник в 1860 году приходился на 17 марта и совпал с 65-летним юбилеем Викентия Липского.

Существуют различные предположения о событии, в честь которого готовился подарок. Им могло стать вручение награды, отмечавшей заслуги епископа.[13] «Викентий Липский, Суффраган Тираспольский, Епископ Иономолитанский, Док[тор] Богосл[овия], им[ел] орд[ена] Св. Анны и Св. Стан[ислава] 2 ст. с Импер[аторской] кор[оной], кр[ест] и мед[аль] «В пам[ять войны] 1853-56 г.».[14] Красный бант, прикрепленный с правой стороны накидки, мог быть как элементом награды, так и украшением.

Знаками отличия, указывающими на епископский сан изображенного на портрете, являются наперсный крест и перстень.

Как уже упоминалось, Викентий Липский умер 11 декабря[15] и был погребен 17 декабря 1875 года в Одессе в церкви Успения Пресвятой Богородицы Девы Марии[16].

Городские хроники одесских газет писали: «Вчера, 17-го декабря, с раннего утра католическая церковь стала наполняться народом. В 11 ч. утра начался обряд отпевания тела покойного епископа Викентия Липского. По этому случаю церковь была драпирована черным коленкором; священнодействие совершено было с большой торжественностью; на хорах кроме органа играл оркестр инструментальной музыки. По окончании панихиды, к которой приглашены были именитые граждане города, произнесены были надгробные слова на польском, французском и немецком языках. Один из ораторов вкратце рассказал биографию покойного епископа. Затем гроб был опущен в склеп, устроенный с левой стороны, у второго алтаря».[17] «Вчера, в среду, в католической церкви происходило погребение епископа Липского. Народу было столько, что никакие полицейские силы не могли устоять против натиска публики».[18] «При отправлении панихиды по покойном епископе-суффрагане Липском в здешней католической церкви любителями был исполнен Requiem Моцарта».[19]

Памятная доска над местом захоронения епископа Викентия Липского в кафедральном соборе Успения Пресвятой Богородицы Девы Марии в г. Одессе

В 1877 в этом храме, в правом пределе был похоронен прелат Г. Разутович.[20] В 1935 году храм закрыли, а в его помещении устроили клуб. После войны здесь находилась спортивная школа. В 1991 году здание возвратили Церкви.

Во время восстановительных работ в 2000 году был найден саркофаг с останками епископа. «В соответствии с обращением настоятеля римо-католического храма Успения Пресвятой Богородицы о. Игнация Рындзёнека судебно-медицинским экспертом высшей категории Загоруйко Юрием Васильевичем 18.12.2000 г. произведена эксгумация».[21] Экспертом медико-криминалистического отделения Одесского областного бюро судебно-медицинской экспертизы был составлен подробный отчет. Некоторые сведения, изложенные в нем, имеют особое значение для идентификации личности. Например, место погребения в храме, указанное в газетной заметке и в отчете, совпадают.[22] В результате исследований останков не было обнаружено повреждений, полученных в результате травм, что исключает возможность принадлежности останков Г. Разутовичу.[23] Было выявлено, что у умершего «в шейном отделе определяется конкресценция – врожденная аномалия, обусловленная сращиванием 3 и 4 шейных позвонков».[24] На портрете епископ изображен в три четверти, при этом взгляд его не направлен на зрителя. Отсутствие подвижности шейных позвонков объясняет неестественную позу портретируемого. К отчету прилагается большое количество фотографий, сделанных (в том числе и с использованием рентгена) в процессе исследования останков и убранства усопшего. На одной из них запечатлена перчатка с правой руки с епископским перстнем.

Литургические перчатки с епископским перстнем
Фото из отчета об эксгумации епископа Викентия Липского

На другой фотографии перстень воспроизведен крупным планом. Он сохранился лучше всего, так как не был подвержен коррозии. Это золотой перстень с печаткой из драгоценного двухслойного камня – оникса: белого цвета фон, темно-коричневого – фигуры Святых апостолов Петра и Павла.

На портрете у священника перстень с таким же изображением. Наблюдательный художник запечатлел даже такую незначительную деталь, как утончение в правой верхней части ободка перстня (возможно, механическое повреждение), присутствующее и на фотографии. Перстень, изображенный на портрете, по мнению эксперта, соответствует перстню на фотографии. Епископский перстень в древности являлся печатью для документов. Он также символизирует обручение епископа со своей Церковью, вручается во время рукоположения и носится на безымянном пальце правой руки. По традиции верующие выражают почтение епископу, целуя его перстень. Перстень умершего епископа не наследуется: его оставляют при погребении на руке епископа, поверх литургической перчатки.

Епископский перстень из погребения и на фрагменте «Портрета священнослужителя»

Эти сведения позволяют сделать вывод, что на портрете священнослужителя Ромуальд Хойнацкий запечатлел епископа Викентия Липского.

Определив личность, можно сделать несколько предположений об истории портрета. А. Доброер в статье «Религиозное служение польских священников в Южной Украине» пишет о Викентии Липском: «Благодетельствуя храм Божий и школу, он не забывал и о немощных старцах. В своем завещании от 28 октября 1875 года все состояние и 10 000 тыс. руб. пожертвовал на строительство приюта для престарелых, «преимущественно не способных к работе по увечью католиков». В завещании было указано, что приют должен быть построен в церковной ограде, на земле, принадлежавшей римско-католической церкви. Приют был построен по смерти Липского. Оставшиеся деньги были отданы в банк под проценты, которые расходовались на содержание в приюте для престарелых. Однако число нуждающихся в приюте старцев увеличивалось. Бла-

годетельные прихожане решили расширить приют и создать лучшие условия для этих несчастных. На пожертвованные денежные средства был выстроен рядом другой приют. Старое здание приюта в приходе называли «домиком епископа». Его сдавали в аренду, а вырученные деньги шли на содержание старцев».[25]

Эти сведения дают возможность сделать провенанс портрета. Исполненный в 1860 году Р. Хойнацким, он был преподнесен священниками в дар к знаменательной дате. После смерти епископа, в 1875 году, портрет как часть имущества мог быть завещан приюту и находился в нем до его закрытия в 1920-х годах. В собрание ОМЗиВИ эта работа «поступила со склада Оргсобеса (из имущества польской богадельни [приюта для престарелых]) по акту № 10/22 от 29 ноября 1927 года».[26]

Каждый полученный ответ рождает новые вопросы, которые ждут новых ответов. Наш случай не является исключением. Сохранилось ли дело, содержащее формулярный список и изображение епископа Викентия Липского в документах, хранящихся в Государственном архиве Саратовской области[27]? Где он умер? Где находится полный текст его завещания? Надо надеяться, что время поможет получить ответы и на эти вопросы.

P. S. Выражаем благодарность за *оказанную помощь и терпение*: Н.О. Емельяненко, о. Христофору (Кшиштофу) Контеку, о. Игнацию Рындзенеку, В.А. Абрамову, Л.Л. Сауленко, О.М. Барковской.

Примечания

[1] Одесский музей западного и восточного искусства. Отдел западноевропейского искусства. (Живопись, скульптура): каталог / сост.: В.Д. Власов, Н.Г. Луцкевич и др. – Киев: Мистецтво, 1973, с. 42.

[2] Одесский художественный музей. Живопись XVI – начала XX веков: каталог / сост. Л.Н. Калмановская. – О.: ИМК Город мастеров, 1997, с. 143.

[3] Gazeta Warszawska. 1855. № 63. Str. 1-2. – Listy do redakcyi Gazety Warszawskiéj I.J. Kraszewskiego. List IV (о Хойнацком).

[4] Tygodnik Ilustrowany. 1885. T. 5. № 127. Str. 368. – Chojnacki, Romuald: «Romuald Chojnacki», szt.; Там же, Str. 363. Chojnacki, Romuald: J.I. Kraszewski, «Romuald Chojnacki», art.

[5] Некролог // Худож. новости: прил. к журн. «Вестник изящных искусств» / ред. А.И. Сомов; Имп. академия художеств. – СПб., 1885. Т. 3. № 14, 15 июля, стб. 390.

[6] Некролог // Одесский листок. № 66, 22 марта (3 апреля) 1885, с. 1.

[7] Р. Хойнацкий. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 37А : Ходский – Цензура / ред. К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский. – Санкт-Петербург: тип. Акц. общ. Брокгауз – Ефрон, 1903, с. 505.

[8] Новороссийский календарь на 1860 високосный год, издаваемый от Ришельевского лицея. – О.: Гор. типография, 1859, с. 328.

[9] Там же, с. 329.

[10] Keller C. Die deutschen Kolonien in Südrussland / Conrad Keller. – Odessa, 1905. – Bd. 1, XII, S. 96.

[11] Kufeld J. Die Deutschen Kolonien an der Wolga. – Nürnberg; München, 2000. S. 430-431.

[12] А. Крамли. Литургические цвета. Latin Mass Society's Newsletter, May 2001 http://www.unavoce.ru/library/crumly_colors.html

[13] Священники, прослужившие 12 лет в должности настоятеля храма или члена епархиального попечительства о бедных, а также члена правления семинарии, духовного училища, получали право на награждение орденом Св. Анны 3-й степени. Такое же право получали священнослужители за преподавание «Закона Божьего» в учебных заведениях в течение 25 лет, а диаконы – за 50-летнюю службу.

[14] Римско-католическая иерархия // Духовенство Виленской католической епархии на 1872 год. – Режим доступа http://www.petergen.com/bovkalo/sp/wilno1872.html

[15] В биографиях В. Липского дата смерти указана как 11 декабря 1875 года, о месте смерти сведений не приводится. Погребение состоялось в Одессе 17 декабря 1875 года. В отчете об эксгумации говорится: «…при смещении алтарной плиты определяется саркофаг, внутри которого расположен цинковый гроб с расположенными по бокам от него различной величины фрагментами досок деревянного гроба, обтянутые истлевшей по наружной поверхности тканью фиолетового цвета». Наличие цинкового гроба и 6 дней между датой смерти и датой похорон могут говорить о вероятной транспортировке тела усопшего в Одессу.

[16] Keßler J.A. Geschichte der Diözese Tyraspol / J.A. Keßler // Reiseerlebnisse, Dickinson, North Dakota, USA, Berlag von Rev. Georg Uberle, 1930, p. 68-71.

[17] Новороссийский телеграф, № 276, 18 декабря 1875, с. 2.

[18] Одесский вестник, № 276, 18 декабря 1875, с. 2.

[19] Одесский листок объявлений, № 274, 18 декабря 1875, с. 1.

[20] Доброер А. Религиозное служение польских священников в Южной Украине // Поляки на Півдні України. – Ополє-Ольштин, 2007, с. 39-47.; Похороны прелата Г. Разутовича / Одесский вестник, № 277, 8 (20) октября 1877, с. 2.

[21] Загоруйко Ю.В. Эксгумация епископа Викентия Липского: отчет / Машинопись – 2001, с. 1.

[22] В газете «Новороссийский телеграф» (см. прим. 17) место захоронения в храме указано как «склеп, устроенный с левой стороны, у второго алтаря». В отчете об эксгумации отмечено: «Место захоронения располагается в левом боковом нефе храма, по соседству с боковым алтарем, между первой колонной и наружной стеной храма». Пол левой стороны храма сохранился, в отличие от правой стороны, где был погребен прелат Г. Разутович.

[23] Прелат Г. Разутович трагически погиб от полученных травм в результате разбойного нападения. Газеты писали: «…врач херсонского санитарного отделения г. Циммерман 2-й… производил судебно-медицинское вскрытие тела умершего от огнестрельной раны прелата Георгия Разутовича. При исследовании оказалось, что пуля, проникнув в брюшную полость, пошла через все существо печени и направилась к позвоночному столбу; причем, повредив тело 11-го позвонка, засела в существе самого спинного мозга, откуда и была извлечена. Повреждение это безусловно смертельно. Кроме того, у Разутовича найдены переломленными два ребра» (Одесский вестник, № 278, 9 (21) октября 1877, с. 4.).

[24] Загоруйко Ю.В. Эксгумация епископа Викентия Липского: отчет / Машинопись – 2001, с. 4.

[25] Доброер А. Религиозное служение польских священников в Южной Украине // Поляки на Півдні України. – Ополє-Ольштин, 2007, с. 39-47.

[26] Островский В.И. Добрый пастырь одесских католиков (идентификация забытого портрета) / В.И. Островский // Одесский музей западного и восточного искусства – 90: сб. науч. статей. – Одесса: Астропринт, 2014, с. 51-54.

[27] ГАОО, ф. 365, оп. 2. Тираспольская римско-католическая духовная консистория Департамента духовных дел иностранных исповеданий, г. Саратов. 1856-1917.

Лилия Ишуткина

Сюита «Елены»

Из «Книги о моем имени»

Сюита (франц. suite– последовательность, ряд) – в разных видах искусства череда и совокупность самостоятельных произведений на общую тему.

Словарь иностранных слов

Имя «Елена» не стало моим, хоть и было предложено крестившим меня батюшкой, ибо я родилась на следующий после дня Святой Елены день.

Названная иначе, но все равно хорошо, я живу с ощущением потери, с чувством родства с Еленами, в восхищении от звучания и смыслов этого древнего и всегда юного имени – в истории, в искусстве, в личном бытии людей.

Мне захотелось рассказать о тех из Елен, кого трепетно бережет моя память.

I.

Лики Елены

Елене Петропавловской, моей дочери

...Есть в истории искусства женщина, прекрасная во все времена и для всех. Она шествует через века, не старясь и не умирая, чаруя мужчин и завораживая женщин. Ее так и называют: Елена Прекрасная. Смысл имени – ей под стать: «светлая, сияющая, солнечная; как факел; избранная». Имя Елена настолько древнее, что даже античные греки считали его догреческим.

Елена Спартанская, или Прекрасная, – первая из знаменитых Елен европейской цивилизации. Согласно мифу, она дочь Зевса и Леды. Вопреки традиции, лишавшей гречанку права на какую-либо самостоятельность, совершенная красота позволила Елене самой выбрать мужа. Им стал (на горе себе, Спарте и Трое!) Менелай, младший брат царя Микен Агамемнона и сам лакедемонский властитель. Мифологическая героиня, Елена не всегда была смертной: в очень давнем эпосе она считалась божеством растительного мира, бессмертной богиней плодородия и света. Превратив Елену в прекрасную, но смертную женщину, народная фантазия эллинов заставила потрясенного ее красотой царевича Тесея (до Париса) похитить (или спрятать) Елену. Тогда ее нашли и вернули братья Диоскуры.

Парису удалось завладеть Еленой с помощью благодарной Афродиты, которой он отдал «яблоко раздора» на конкурсе красоты, унизив Геру и Афину. Троянская война за возвращение Елены Менелаю окончилась гибелью Париса и Трои. Существует множество мифологических версий относительно жизни Елены Прекрасной после падения Трои: вначале она побывала женой брата Париса; затем ее вернул Менелаю египетский царь Протей, ибо, оказывается, в Трое был лишь ее призрак, а сама она находилась в Египте; пережила она и изгнание из Спарты после смерти Менелая. В итоге Елена покончила с собой на острове Родос, а после смерти душа ее перенеслась на остров в Черном море (греч. о. Левке), который одесситы называют Змеиным. Там Елена Прекрасная становится супругой Ахилла, воскрешенного на упомянутом острове стараниями матери, богини Фетиды.

Елена Прекрасная олицетворяет вечную женственность во II части «Фауста» Гете (1749-1832); она стала героиней «Елены Спартанской» Е. Верхарна (1855-1916); Жан Жироду (1882-1944) в пьесе «Троянской войны не будет» утверждает, что красота – лишь повод для войны, а причина кровавых людских столкновений всегда иная…

Интересно, что Елена Прекрасная в очень древних мифах Эллады считалась покровительницей моряков наряду с Афродитой

(«Рожденной из пены»), богиней не только красоты и любви, но и, в силу рождения, морской стихии. Земная Елена раздражала Афродиту, соперничая с нею и в красоте, и в любви, и во власти над морем и моряками. Именно такой увиделась она Константину Бальмонту (1867-1942).

О Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных луною морей…
Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем луна.
Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

Были и другие почитаемые Елены, уже не языческие, а христианские. Например, Елена Святая (Елена Флавия) – мать византийского императора Константина I Великого (III-IV вв. н. э.), почитавшего ее за служение христианству. Елена была возведена сыном в сан августы; чеканились монеты с ее изображением; городам присваивалось ее имя.

В 325 г. Елена предприняла свое знаменитое путешествие в Палестину, основывая на пути церкви, открывая святыни. Ею был найден гроб Иисуса Христа, над которым она воздвигла церковь, и крест, на котором был распят Сын Божий. Так появился праздник Воздвижения Креста.

Возвратясь к сыну, Елена продолжает активно проповедовать христианскую веру среди людей. По преданию, став монахиней, эта удивительная духовной силой женщина умирает в 327 г. Католики почитают ее память 31 августа, православные – 3 июня.

Православная церковь почитает и Святую Елену Сербскую (1243-1276), королеву Сербии, канонизированную за ее умение

примирять распри, заботиться о сиротах и осуществлять богатые вклады в монастыри.

Исторические хроники сообщают о Елене Васильевне Глинской (1508-1538), второй жене царя и великого князя московского Василия III Ивановича, матери Ивана Грозного. Она правила Россией в 1533-1538 гг., укрепляя централизованную власть и проведя важную денежную реформу.

Если же говорить о других представительницах царствующей в России династии, носительницах имени Елена, то справедливо вспомнить великую княгиню Елену Павловну Романову (1806-1873), урожденную принцессу Вюртембергскую, в 1824 г. вышедшую замуж за младшего сына Павла Первого – великого князя Михаила Павловича. Она была человеком незаурядным, образованным, начитанным, поражавшим широтою и живостью своего ума. Поэтому завещанием императрицы-матери Марии Федоровны под опеку великой княгини Елены Павловны с 1828 г. поступают Мариинский и Повивальный институты, где (неслыханно для Европы!) обучались женщины…

В Крымскую войну Елена Павловна публикует воззвание ко всем русским женщинам – помочь больным и раненым. Ее дворец превращается в склад вещей и медикаментов, а в Севастополь ею был снаряжен и послан отряд врачей во главе с Н.И. Пироговым. Основанная великой княгиней Крестовоздвиженская община сестер милосердия стала прообразом Красного Креста. Ее имение Карловка в Полтавской губернии было отдано для первого в России опыта освобождения крестьян, а многие принципы Положения 19 февраля 1861 года отрабатывались с учетом этого опыта. После ее смерти, но по ее проекту, открылся Клинический институт, где теоретические исследования в медицине проверялись во врачебной практике специалистами разного профиля.

Учебные заведения для девиц всех сословий, бесплатная клиническая больница для детей бедняков, бесплатные лекарства, обеды, учебники – такова деятельность великой княгини в одном только Петербурге.

Она дружила с либеральными государственными деятелями, музыкантами, артистами, учеными, которые собирались

в Михайловском дворце. Елена Павловна была хорошо знакома с Н. Карамзиным, В. Жуковским и П. Плетневым (они обучали ее русскому языку), В. Одоевским, П. Вяземским, А. Рубинштейном, Ф. Тютчевым, И. Тургеневым. Она восхищалась гением А.С. Пушкина, и он вписал в ее альбом одно из самых серьезных своих стихотворений – «Полководец». Именно от А.С. Пушкина великая княгиня получила для прочтения «Записки» Екатерины II, скопированные поэтом в библиотеке М.С. Воронцова в Одессе и запрещенные к изданию Николаем I. Елена Павловна общалась с А.С. Пушкиным до последних дней его жизни и искренне оплакала его гибель. Умевшая подняться над условностями большого света, великая княгиня Елена Павловна понимала душевные страдания людей, заставлявшие их поступать неординарно: мучительные пушкинские, завершившиеся трагедией смертельной для него дуэли, и драматические тютчевские, ставшие горем последних лет его жизни.

В отличие от Ф.И. Тютчева, для которого имя Елены роковое, в жизни Пушкина оно промелькнуло лишь в нескольких эпизодах, правда, породивших у Пушкина поэтический отклик.

Встреча Пушкина с первой Еленой произошла 12 апреля 1814 года в Лицее, куда на встречу с братом, Александром Горчаковым, приехала красавица Елена Горчакова, бывшая пятью годами старше 15-летнего Пушкина. Его лицейский товарищ, А.М. Горчаков (1798-1883), станет впоследствии министром иностранных дел России, канцлером и светлейшим князем. А княжна Е.М. Горчакова (1794-1855) – супругой полковника русской армии Георгия Кантакузина (ум. 1857), героя 1812 года и одного из вождей тайного общества революционеров, боровшихся за освобождение Греции от власти Турции. С супругами Кантакузиными Пушкин будет часто видеться в Кишиневе, во время своей южной ссылки (1820). Но весной 1814 года никто из них не знал своей судьбы, и все дружно мечтали о любви и ее волнениях. А. Горчаков показал сестре изящное стихотворение Пушкина «Измены», где рядом с именем Елены упоминалось имя Лилы (так мое имя звучало у Пушкина). В «Изменах» – признание в любви к Елене и тщетности измен с другими:

Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал.
Что же? – напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!

Княжну Елену стихотворение юного Пушкина позабавило, и, задетый этим, он посвятил ей другое стихотворение, назвав его совсем прозаически: «Красавице, которая нюхала табак…».

…Пройдут годы. Еще одной Еленой, тронувшей сердце Пушкина, стала младшая дочь генерала Раевского Елена Николаевна (1803-1852). В 1820 году ссыльный, по сути, Пушкин путешествовал с семейством любившего его генерала по морскому и сухопутному Крыму. Пушкин дружил с молодыми Раевскими, Николаем и Александром, и был влюблен, хоть и по-разному, во всех трех их сестер: Екатерину, Марию и Елену. Умная и образованная, голубоглазая и белокурая, младшая из сестер, Елена, была тогда опасно больна. Опечаленный этим, Пушкин посвятил ей два прелестных стихотворения с элегическим началом:

1. «Увы! Зачем она блистает
Минутной нежной красотой?»

2. «Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать…»

С милой Еленой Раевской А.С. Пушкин будет встречаться и в Одессе (август 1823 – июль 1824)…

В 1834 году Пушкин написал свой цикл «Песен западных славян»: среди них – баллада «Феодор и Елена», где Пушкин, как

и во всем цикле, использовал «Гузлу», блестящую литературную мистификацию Проспера Мериме (1803-1870).

А чуть ранее, в 1829 году, А.С. Пушкин в последний раз обратился к неизвестной Елене с такими словами:

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг?.. я твой.

А теперь – о Елене Ф.И. Тютчева. Двадцатичетырехлетняя Елена Александровна Денисьева стала предметом любви уже немолодого Ф.И. Тютчева, имевшего взрослых детей и трудно пришедшего к своему второму браку с любимой им женщиной, Эрнестиной Дернберг.

Елена Денисьева, племянница и воспитанница инспектрисы Смольного института, была подругой дочерей Ф. Тютчева. Ее открытая 14-летняя связь с поэтом, рождение троих детей, страстная взаимная привязанность – все это было в глазах высшего общества неприличным. Но тяжесть отверженья легла лишь на плечи женщины. Драматизм ситуации был и в том, что Ф.И. Тютчев сохранял привязанность к семье, к жене, хорошо понимавшей его и бывшей человеком благородным и сострадательным. Речь идет о красавице Эрнестине Дернберг, урожденной баронессе Пфефель.

Ф.И. Тютчев писал:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.

Елена Александровна Денисьева умерла в 38 лет…

Ф.И. Тютчева А.С. Пушкин лично не знал, ибо в 30-е годы Тютчев находился на дипломатической службе за границей. Но его друг князь И.С. Гагарин доставил в Петербург несколько стихо-

творений поэта В. Жуковскому, А Пушкину и П. Вяземскому. Восхищенный прочитанным, Пушкин решает познакомить русское общество с поэзией Ф. Тютчева, и в 1836 году в пушкинском «Современнике» (книги 3 и 4) впервые были напечатаны 24 стихотворения Ф.И. Тютчева. Жаль, но чудесный «денисьевский» цикл поэта Пушкин прочесть не успел.

…Искусствоведами было замечено, что женщинам с именем Елена свойственно вдохновлять художников самых разных видов искусства. Питер Пауль Рубенс (1577-1640), замечательный фламандский художник, в 1630 г. женился вторым браком на молодой красавице Елене Фоурмен и написал множество ее портретов. Наиболее интимный из них – «Шубку» (Вена, Музей истории искусства) – он завещал ей самой. Ее облик угадывается в женских образах сюжетных картин Рубенса и прямо называется по имени в семейных портретах – ее и их детей.

Знаменитый сюрреалист, испанский художник Сальвадор Дали (1904-1989) пережил в жизни и обессмертил в творчестве свою жену и модель Елену Дьяконову (Галà), вдохновлявшую до него французского поэта Поля Элюара (1895-1952).

Елены чаще служили для живописцев моделями и музами, нежели творили сами. Мне известна лишь одна по-настоящему талантливая художница Елена – Елена Дмитриевна Поленова (1850-1898), сестра крупного русского художника В.Д. Поленова (1844-1927). Ее масляная живопись, акварели, керамика и книжная графика просто превосходны…

Подчас судьбы литературных, живописных и даже философских Елен переплетаются самым причудливым образом. В Одессе в 1842 году умерла и была похоронена на Старом христианском кладбище известная писательница Елена Андреевна Ган, давшая жизнь своей знаменитой дочери Елене Петровне Блаватской (1831-1891). Совсем молодой с учением Е.П. Блаватской познакомилась Елена Ивановна Рерих (1879-1955), жена Н.К. Рериха (1874-1947), мать Ю.Н. Рериха (1902-1960) и С.Н. Рериха (1904-1991). Семья Рерихов – художников, ученых, философов и просветителей – известна всему миру. Как и Международный центр Рерихов в Москве! Там 24 марта 2008 года его директор Л.В. Шапошникова вручила диплом и памятную

медаль имени Елены Ивановны Рерих художнику-реставратору Маргарите Алексеевой, восстановившей изумительный портрет Елены Рерих, созданный в 1937 году ее сыном, художником Святославом Рерихом.

Случилось так, что оригинальный музей Рерихов в Одессе возглавляет тоже Елена – Е.Г. Петренко, всю жизнь положившая на то, чтобы в приобретенной для этой цели огромной квартире создать притягательный очаг истинного просвещения: с книгами, картинами, музыкой и философией… Радостно, что именно в Одессе, многонациональной и толерантной к разным религиозным верованиям, гуманный лозунг «Мир через культуру» утверждается в стенах «Дома Рерихов».

А среди литературных героинь самой незабываемой стала Елена Стахова (роман И.С. Тургенева «Накануне», 1860). Писатель, удивительно чуткий к идеям своего времени (1816-1883), И.С. Тургенев сумел понять и воссоздать характер женщины страстной, ищущей смысл жизни, умной, смелой в осуществлении осознанного долга. Бросив дом, богатство, она продолжит справедливое дело покойного мужа Дмитрия Инсарова: борьбу за освобождение Болгарии от господства Турции.

Елена Стахова была идеалом для нескольких поколений русских женщин. Близкий друг И.С. Тургенева, Юлия Вревская, став сестрой милосердия, погибнет во время русско-турецкой войны.

Образ Елены Стаховой, по собственному признанию Джона Голсуорси (1867-1933), волновал его, когда он создавал одну из самых обаятельных своих героинь: Ирэн в «Саге о Форсайтах» (1906-1921). Правда, не все литературные героини с именем Елена столь привлекательны. Справедливо осуждаемой стала Элен Куракина-Безухова из эпопеи Толстого «Война и мир» (1863-1869).

Елены могут не только вдохновлять или быть моделями и прообразами, или становиться героинями в произведениях мэтров, или, наконец, творить сами. Они умеют также хранить наследие больших художников. С Елены Сергеевны Шиловской (1893-1970), своей последней жены, М.А. Булгаков написал удивительную Маргариту (роман «Мастер и Маргарита», 1929-

1940). Он дал имя Елены главной героине романа «Белая гвардия» (1925-1927) и пьесы «Дни Турбиных» (поставлена в 1926 г.). Только благодаря Елене Булгаковой сохранились рукописи оконченных и не завершенных произведений М.А. Булгакова, потому в 1966-1967 гг. и оказалась возможной публикация его романа «Мастер и Маргарита»…

Поистине прав В. Шекспир: «Мир – театр, и люди в нем актеры». Наверное, поэтому само искусство театра, как никакое другое, сращено с жизнью.

Любителям театра известно имя знаменитой англичанки Эллен Терри (ум. 1928) – актрисы, режиссера, соуправительницы (с Г. Ирвингом) театра «Лицеум» и руководительницы театра «Империал» в Лондоне. Своего сына, Гордона Крэга (ум. 1966), она заразила своей любовью к Шекспиру. Став со временем художником, теоретиком искусства и режиссером, Г. Крэг в 1911 году поставил трагедию «Гамлет» – совместно с К.С. Станиславским в Московском художественном театре.

А на сцене Малого театра в Москве свыше 70-ти (!) лет выступала Елена Николаевна Гоголева (1900-1994), и в старости прекрасная, со жгучими черными очами и великолепным талантом.

Созданное братьями Люмьер, кино всегда соперничало с театром, не вытесняя, но тесня его. Из-за особой манеры игры и похожей внешности крупнейшую актрису в истории советского кино, Елену Александровну Кузьмину (1909-1979), называли русской Гретой Гарбо. Фильмы с нею – «Новый Вавилон», «Окраина», «Мечта», «Секретная миссия» – вошли в золотой фонд российского кинематографа.

Сегодня известными актрисами и театра, и кино справедливо считаются Е. Соловей, Е. Яковлева, Е. Проклова, Е. Симонова. Только в кино успешно работают Е. Сафонова, Е. Коренева, Е. Цыплакова. На эстраде многим нравятся Елена Степаненко и Елена Воробей (театр «Кривое зеркало»).

По-настоящему прекрасна, музыкальна, философична и интеллигентна в своем театре песни Елена Камбурова. Бесспорно народна в пении и сценическим обликом Елена Ваенга.

Наверное, великая музыкальная фамилия помогла спортивному тренеру Елене Чайковской воспитать блестящих «ледовых»

чемпионов, в то время как ласково-забавная фамилия не помешала Елене Петушковой прославиться в мужской выездке вместе с конным другом и питомцем Пеплом…

Если бы меня спросили: кто сегодня из Елен бесспорно велик? кто впечатляюще талантлив? кто необычно оригинален? – я бы сказала в заключение так.

Истинное величие в искусстве нашего времени несет в себе имя певицы Елены Васильевны Образцовой, неповторимое мецо-сопрано которой, к сожалению, навсегда умолкло 12 января 2015 года.

В современной художественной литературе по-настоящему талантлива Елена Чижова (р. 1957, Ленинград). В прошлом бизнес-леди, экономист с научной степенью, знаток европейских языков, а потому переводчик высокого уровня, ныне она директор Санкт-Петербургского русского пен-клуба, главный редактор международного журнала «Всемирное слово». Но главное! Елена Чижова – интересный романист и эссеист; она многократно награждалась престижными литературными премиями России. Ее романы: «Крошки Цахес» (2001), «Орест и его сын» (2002), «Лавра» (2003), «Полукровка» («Преступница», 2005), «Время женщин» (2009).

Что же касается парадоксальных Елен современности, то первенство среди них, конечно же, принадлежит Патрисии Томсон. Она доктор философии Нью-Йоркского университета и внебрачная дочь (р. 1926) Владимира Владимировича Маяковского. Эта удивительная женщина написала и издала несколько книг о знаменитом отце, превратив свой дом в прекрасный музей его памяти. В свои 89 лет она желала бы получить российский паспорт на имя Елены Владимировны Маяковской, коей всегда себя считала.

Разумеется, в моем эссе ипрессионистично представлены судьбы нескольких женщин, носивших (или носящих) светоносное имя Елены – без проникновения в мир техники, медицины, естественных и точных наук. Но! Ego plus quam feci, facere non possum. Больше, чем сделала, сделать не могу.

В речи русского народа, в его фольклоре Елена превратилась в Олену, Алену, Аленку, Аленушку…

II.

Родные Елены

1. Дочь моя, Алена

Так, по-народному, я именую с рождения и поныне свою дочь – единственную и уже потому неповторимую. Вопреки беспощадному к нам, женщинам, календарю, она остается естественно молодой, разнообразно талантливой и абсолютно непредсказуемой.

Общий стон жертв ее обаяния был мною услышан и воссоздан – с сочувствием и улыбкой.

Мужские страдания

Ты – огонек во мгле!
Ты – ромашка из сада!
Ты – одна на Земле!
Ты – и другой не надо!

Горек мир без тебя,
С тобою – все круги ада!
Прошел через них любя,
Где мне за то награда?!

Лед – твои чувства ко мне,
Ласки – из снега и града!
Горе топлю в вине,
Ты же смеешься и рада!

Нет больше сил терпеть,
Есть ли муке преграда?
Страстно хочу умереть,
Искренне, без бравады!

Но я поднимусь с одра
Без маршей, фанфар и парада!
Ты снова свежа и бодра,
Прелестная, как наяда!

В тебя я, как прежде, влюблен,
Готов на штурм и осаду.
И так – до вторых похорон…
О, дайте мне, дайте яду!

2. Мой друг Лена Мишра

Жила-была в Краснодарском крае, в городке с нерусским названием Темрюк, очень русская курносая молоденькая казачка Леночка. Она с отличием окончила техникум и, к удивлению многих, прекрасно говорила по-английски. Потом перебралась работать в Новороссийск и здесь, к ужасу родителей, влюбилась в индийского моряка. А он – в нее! Обычная история, но только в наши, а не в те дни! Тогда, прямо скажем, непатриотично все это было! Отец девушки добрался до самой Москвы, чтобы ответственные столичные люди помогли ему образумить непокорную дочь. Однако молодой человек из далекой экзотичной страны оказался упрямым и бесстрашным. Он не дрогнул, и Леночка законной женой уплыла с ним, на его корабле, в огромный и чужой мир…

Супруги Мишра живут вместе по сию пору. Но как непросто, как причудливо и порой мучительно складывалась их совместная жизнь!

Раби Мишра, ее муж, капитан дальнего плавания. Его судно принадлежит американской судоходной компании. Много лет назад серьезно обсуждалась возможность его назначения консулом в Одессу: его друзьям в правительстве родного штата хотелось видеть его консулом в Одессе. Предельно честный в профессиональном отношении, г-н Мишра отказался от дипломатической карьеры из-за отсутствия юридического образования, хотя морское право изучалось им в одном из престижных учебных заведений Индии, где преподавали известные юристы.

Аристократ по происхождению, избалованный неограниченной властью на море и привилегиями своего сословия на суше, Раби Мишра, красивый с европейской и азиатской точек зрения, безусловно, незаурядный человек, сложный и противоречивый. Мне кажется, г-н Мишра так до конца и не понял, скольких сил, какого мужества и таланта стоило молодой женщине, его жене, врасти в мир чуждых ей поначалу традиций и отношений! Лена Мишра, обладая блестящими лингвистическими способностями, великолепно изучила несколько местных языков. Она не только с природным изяществом стала носить пенджаби и сари, ничуть не хуже местных дам, но и сумела зорко следить в отсутствие мужа за образованием сыновей. Она удивительно тонко разбирается в сложностях банковского дела, преумножая игрой на бирже семейный капитал. Прекрасно ориентируясь в ценах на недвижимость, Лена, не смущаясь, торгует земельными участками, вызывая зависть удивленных ее успехами риелторов. Она лично управляет домом; божественно водит семейный «марути»; на бешеной скорости умеет бросить свой скутер в проемы узких улиц Пуны. В то же время она каким-то непостижимым образом остается обаятельной женщиной с улыбкой, способной свести с ума мужчину любой страны.

И все-таки они, эти супруги, вначале влюбленные, не сумели одарить друг друга настоящим человеческим счастьем. Даже родив сыновей и мощно преумножив семейные деньги, они прожили для всех единую, а по сути, каждый – свою, особую, жизнь. Наверное, пытаясь разобраться в себе, а возможно, желая обрести духовную силу, Лена приняла католичество, став глубоко религиозным человеком. Она, как говорится, для души дает уроки скрипичной игры, ибо, окончив в юности музыкальную школу, никогда не расставалась со скрипкой, забрав ее с собой, и продолжает заниматься музыкой сама и с другими.

Неизбывна ее тоска по России, где жили ее родители, недавно погибшие в автокатастрофе. Она упрямо пытается обучить русскому языку своих сыновей, но сама уже говорит по-русски с заметным акцентом. Лена хранит русские книги, трепетно слушает записи русской классической музыки, украшает стены своей

европейски убранной прелестной квартиры репродукциями с картин знаменитых русских художников.

Многие из приехавших в Пуну россиян, украинцев, прибалтийцев побывали у нее в гостях и навсегда запомнили ее доброту и милое лукавство.

Удивительна в этой женщине способность помогать людям, попавшим в беду, умея заразить этим прекрасным свойством своего мужа Раби Мишру, далеко не сентиментального человека. Мы (мать, внук и я) выжили в Индии только благодаря этой семье.

...Однажды мы возвращались с Леной из предместья Пуны, где гостили у ее друзей, по горной дороге, опасной своей крутизной, но и прекрасной огнями затаившейся глубоко внизу долины. Необычность этого фантастического путешествия, грустное молчание Лены и мое искреннее ей сочувствие родили строки, которые я, вернувшись в свой временный индийский дом, записала на листке бумаги, а потом, расставаясь с Леной навсегда, подарила их ей на память:

Мы возвращались... Тихо пелась песня
О той любви, что в жизни не бывает.
И было мне безумно интересно:
Признается ль она, что это – знает?!

Неслась машина с песнями и с нами
Сквозь ночь и мрак, и свет чужих машин.
Ее лицо в зеркальной узкой раме
И мягкий шелест пролетавших шин...
Моя душа и плакала, и пела,
Мелодия лилась... Но вдруг мотив затих!
И в отражении ее я зорко разглядела
Признаний грустных промелькнувший миг.

И навсегда я унесла с собою
То ощущение редкой красоты,
Которое дорогою ночною
Так искренно мне подарила ты...

3. Сестренка Леночка

1.

…Я никогда не забывала своей младшей сестренки, трагически умершей семилетней девочкой в 1944 году. Просто с течением времени это семейное горе осело на дне моей души и таится там до сих пор.

После Сталинградской битвы отец разыскал нас с матерью в эвакуации и сумел вывезти в грузинский Поти, где базировался тогда весь военный Черноморский флот.

Мы с сестрой были здесь не единственными оголодавшими и ушибленными войной детьми, и летом 1944 года командование базы предложило нашим отцам, военным морякам, оздоровить всех нас в ведомственном пионерском лагере, расположенном вблизи Гагры, но высоко в горах, в великолепном бывшем помещичьем имении. Там детей хорошо кормили и лечили, восстанавливая их психику играми, спортом и книгами.

Связь с внешним миром, где продолжалась война, была: раз в месяц маленький поезд из двух вагонов с паровозиком доставлял по узкоколейке из Гагры сюда, в горы, все необходимое для лагерной жизни и новую ребячью смену, увозя на обратном пути прежнюю. Паровозик-пыхтелка останавливался лишь однажды – у перевала, где дежурный обходчик имел и рацию, и оружие, хотя места эти считались глубоким тылом…

Мы не были с сестрой похожими, но нас часто считали близняшками, так как Леночка, хоть и была на полтора года моложе, выросла вровень со мной: прекрасное спокойное большелобое и большеглазое дитя. Она хорошо понимала мою мычащую после контузии немоту и объясняла взрослым, чтò я хочу сказать. Я же так завидовала ее умению говорить, что неблагодарно и неблагородно дралась с нею при каждом удобном, когда не видели, случае.

После нескольких счастливых дней нашей пионерской жизни случилась страшная беда: немцы выбросили парашютный десант, который захватил лагерь. Фашисты расстреляли всех женщин (мужчин здесь не было) – вожатых, нянечек

и врачей, а детей загнали в сараи. Я не знаю о судьбе всех, потому что родители ни тогда, ни годы спустя не говорили об этом.

В нашем с Леночкой сарае старшим по возрасту оказался 12-летний Саша Калашников. Я запомнила его навсегда. Как только стрельба прекратились, он сказал, что утром немцы наверняка нас убьют. Помолчав и подумав, мальчик сплел наши руки, взобрался на это дрожащее сплетение, дотянулся до соломенной крыши сарая и продырявил ее. Он предложил всем так бежать отсюда, но согласились только мы с сестренкой и еще два мальчика. Остальные бедные дети помогли нам выбраться на крышу, и мы целую ночь шли по узкоколейке к разъезду обходчика… Помню, Леночка потеряла одну сандальку, а так как гравий на путях был острым, Саша нес ее на руках, потом на спине.

Под утро мы добрались до дежурного у перевала и потрясли его: он тут же обо всем доложил по рации и утешал нас, как только мог. За нами из Гагры прислали машину, и мы не увидели, как развивались события дальше…

Сожалею, но никогда потом я не встречала храброго мальчика Сашу Калашникова. Как на духу признаюсь, что собственную долгую жизнь считаю полученной из его рук. А когда молюсь о здравии близких, то и теперь прошу небо о благе для него, еще живущего или уже ушедшего из живых… Из спасенных им двух девочек выжила только я, ибо сразу же после нашего возвращения в Поти Леночка заболела, а через неделю она умерла. Мать чуть не сошла с ума от горя, и отец добился перевода на родину, в Одессу, где матери должны были помочь оправиться родные стены.

Мы вернулись в Одессу за месяц до окончания войны.

2.

В 1967 году сестре Леночке было бы уже тридцать лет, а моей дочери, названной Еленой в память о ней, исполнилось столько же, сколько было сестренке, когда ее не стало. Я поплакала над этими цифрами…

Дом в Одессе, где мы жили с родителями в 1967 году, был самым высоким в переулке Маяковского, а наше жилье в доме находилось на самом высоком его этаже и потому называлось нами то старой голубятней, то ласточкиным гнездом. Родной балкон пугал не только меня низкими перильцами и хрупкими ажурными решетками. Он парил над двориком-колодцем, имевшим общую каменную стену с внутренним двором тогдашнего Музея обороны Одессы, ныне историко-краеведческого.

С балкона, как со смотровой площадки, мы видели среди деревьев и кустов потемневшие от времени бронзовые фигуры фаворитов Екатерины II, основателей Одессы, и бюст самой императрицы – все, что осталось от поверженного задолго до Войны памятника им Бориса Эдуардса, но сохранялось сотрудниками музея.

В открытые летом окна наших поднебесных комнат легко впархивали звонкие голоса детей из соседнего Городского сада. Мы же с дочерью обычно отправлялись на променад по недлинной улице Гоголя, к парапету над обрывом в конце нее. Склоны обрыва упирались внизу в улицу Суворова, ныне Приморскую. За нею круглые сутки гремел порт и плескалось Черное море. А еще дальше, далеко за ним, омывали землю другие моря и океаны. И где-то там, в дальних широтах, плыло и плыло судно отца девочки, моего мужа, и мы с нею здесь, у парапета над обрывом, очень без него скучали…

3.

Как всегда в осенней Одессе, в эту осень 1967 года улица Гоголя насквозь продувалась ядреным морским ветром. Он гнал по тротуарам, поднимал в воздух и бросал в лобовые стекла машин на проезжей части охапки рыжей листвы, собранной, но не убранной дворниками.

В один из таких полных ветра дней мы с дочерью отправились на ритуальную при всякой погоде прогулку по любимой улице. Придерживая рукой шляпу, я не преминула остановиться у известного «Дома с атлантами», чтобы рассказать девочке, какой античный миф использовал скульптор Т. Фишель, чтобы

украсить этот и без того нарядный исторический дом, некогда принадлежавший семейству Фальц-Фейнов.

Бедняжка дочь честно пыталась запомнить трудные иностранные имена, лихо произносимые мною с неизбывным лекторским азартом. Вот тогда-то мимо нас прошла дама, лица которой я не успела увидеть. Но ее спина, прямая, как у балерины, особая манера наклонять при ходьбе голову – все это показалось мне на диво знакомым. Я потянула удивленную дочку за собой, и мы бросились за уходящей женщиной. Обогнав ее и мгновенно узнав, я четко сказала:

– Вы Зинаида Андреевна Пушкарь. Много лет назад вы лечили в Поти мою сестру. Вы не спасли ее – она умерла…

И тут наступила великая тишь: удивленно остановилась старая дама; застыла в испуге моя девочка; тряслась в ознобе и в молчании ошеломленная нежданной встречей я. Даже ветер утих – и вся улица замерла в безмолвии, будто в кадре немого кино!

Женщина ожила первой:

– Я вас не помню, не помню вашей сестры! Остальное обо мне – правда. Чего вы хотите?

– Тоже правды! Я хочу знать, почему умерла моя сестра, маленькая девочка!

Зинаида Андреевна взглянула на Алену, большелобую и большеглазую, до боли похожую на ту, которая погибла, и, протянув к ней руку, ей же сказала:

– Да-да! Я вспоминаю, я вспомнила! Была у меня такая девочка, была! Почему она погибла? Припоминаю и диагноз: обширный, чрезвычайно редкий у детей инсульт, возникший в результате сильнейшего нервного потрясения. Единственным тогда спасением мог стать сульфидин, имевшийся, к сожалению, только у американцев. Но наши летчики получили его у американского экипажа, доставили к нам в госпиталь, однако было уже поздно: ребенок скончался… Так в чем вы вините меня?!

Нет, я не винила ее – теперь! Но и должных слов благодарности я не нашла: не было на то сил… Дочь взяла мою руку, вежливо сказала: «Пожалуйста, прощайте!» – и повела меня домой.

Сергей Наровчатов
1919-1981

Твое имя

Имя твое! И в сон, и в явь,
С именем этим хоть в море вплавь,
Хоть один в поединок против полка,
И жизнь легка, и смерть легка!

И где бы я ни был – на всех раздорожьях, –
Куда бы мой жребий меня ни бросал,
Имя твое, словно имя Божье,
Как солдат в старину, я от бед призывал.

1943

Евгений Голубовский

Когда мы были молодые…

Когда мы были молодые… Как приятно иногда оглянуться и увидеть всех молодыми. Преисполненными планов, романтичными и ироничными, неунывающими. Да, они были такими. Одесские художники шестидесятых-восьмидесятых. И такими остались на фотографиях Ильи Гершберга.

Нужно ведь всего ничего. Оказаться в том месте, где происходит событие, и запечатлеть его на пленке. Именно это и удалось И. Гершбергу. Поэтому перед нами и панорама портретов главных действующих лиц одесского художественного андерграунда, «квартирник» в доме Аллы Шевчук – вывешены картины Владимира Стрельникова и самое главное событие – «Заборная выставка»…

Несколько слов об авторе этой фотовыставки. Он мой друг, я могу быть необъективен, и все же… Всегда считал Эдика Гершберга замечательным мастером.

Кстати, об имени. По паспорту он Илья, но дома родители звали его Эдик, мы, друзья, – Дик. Такое вот разнообразие имен.

Лев Межберг и Ася Муртазина. 1965

Гершберг окончил Одесский политехнический институт. Инженер-литейщик. Уже в институте, а было это давно, я видел у него в руках фотоаппарат.

Позже он познакомился с Дмитрием Зубрицким, вошел в фотоклуб «Одесса», работал на «Полиграфмаше». Был активным фотохудожником, много снимал, участвовал в выставках – областных, международных – натюрморты, ню, пейзажи. Много экспериментировал с печатью, добивался большей объемности фотографии.

Владимир Стрельников. 1965

Своеобразной школой был чешский журнал «Фотография» и общение с замечательным московским фотомастером Александром Виханским.

С начала 60-х годов я брал Дика к одесским художникам – на «среды» к Олегу Соколову, на «лотереи» к Ануфриевым… Вначале он испытывал некоторую неловкость при фотосъемке художников и их натурщиц. Но потом преодолел свою застенчивость и начал делать портретную галерею одесских нонконформистов и тех, кто не вписывался в гладкую схему соцреализма.

Квартира Межберга. 1965

Мне удалось уговорить Гершберга бросить «Полиграфмаш» и полностью отдаться фотографии. Он возглавил фотолабораторию в Одесском театрально-художественном училище и читал там лекции по фотомастерству. Уехав в Израиль в 1991 году, продолжал фотографировать, став корреспондентом газеты «Время», а с 1992 года газеты «Вести». И там тоже выставки. Последняя – в прошлом году в Музее русского искусства имени Цетлиных в Рамат-Гане.

Вернусь в шестидесятые-восьмидесятые. Молодые прекрасные лица одесских художников. Нет у меня ностальгии по прошлому.

Но молодость прекрасна вне политических, социальных условий. Думаю, это можно ощутить на снимках.

Некоторые комментарии к фотографиям

В своем архиве Илья Гершберг обнаружил еще одну фотографию «Заборной выставки». И дело не только в том, что можно увидеть больше работ Сычева и Хруща, обнаружена гордая надпись, о которой мы все забыли, – «Это выставка!».

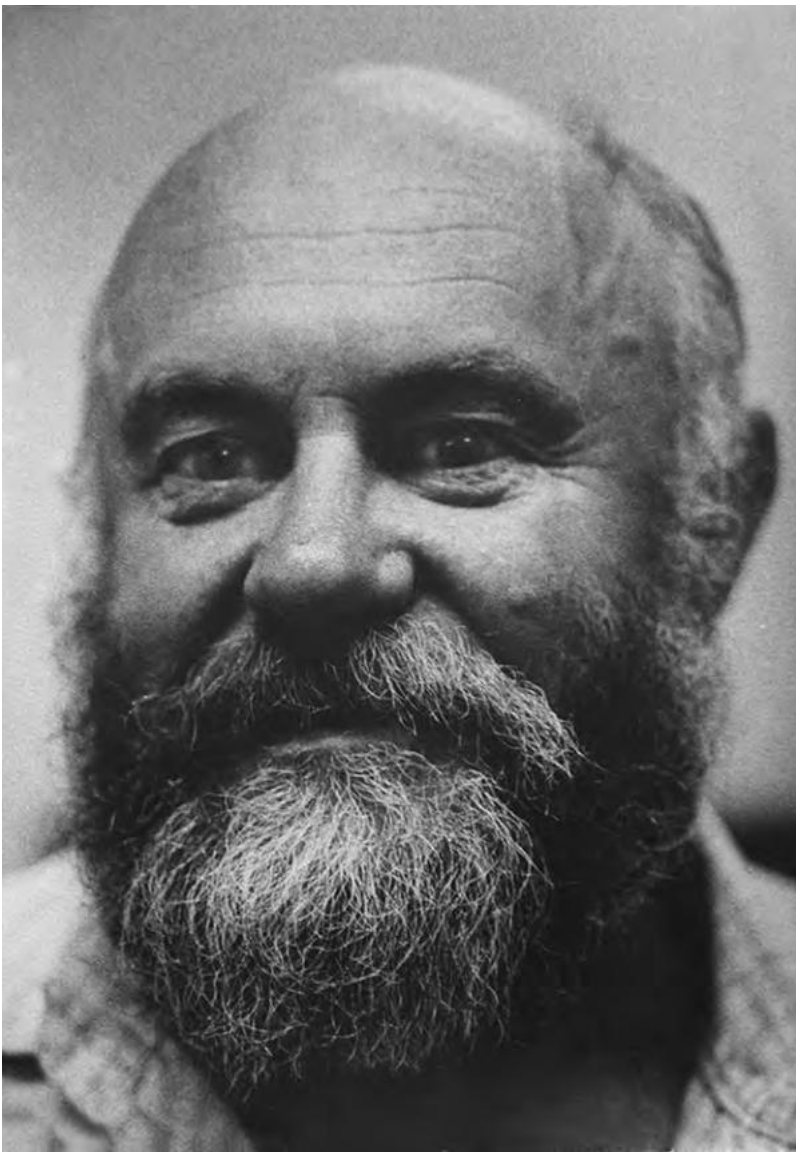
«Квартирники». Мне кажется, что первой квартирной выставкой была выставка Володи Стрельникова в квартире Аллы Шевчук в переулке Чайковского. А выставка деревянных кукол Эсфири Серпионовой проходила на улице Горького. Именно там Гершберг усадил Эсфирь, Люду Ястреб и меня (верхний ряд), ниже – Витя Маринюк и Валик Хрущ.

С Люсиком Межбергом, Мишей Черешней Илья дружил, в Аню Зильберман в юности был влюблен. Нужно ли удивляться, что так много их снимков сохранилось в его архиве? Но радует то, что есть фотографии художников, редко участвовавших в тусовках, – это и Виктор Рисович, и Шурик Рихтер, и Костя Скобцов. И Надя Гайдук, с начала семидесятых жившая в Москве, но постоянно приезжавшая в Одессу к родителям, дружившая со всеми нонконформистами. Нади, увы, не стало в феврале 2016 года…

Не только художники, но их жены, подруги. Это и жена Люсика Межберга – Ася Муртазина, и жена Вити Маринюка (после кончины Люды Ястреб) Лена Марущак, и моя – Валентина Голубовская.

В Музее западного и восточного искусства сфотографированы Олег Соколов с Еленой Шелестовой, в Художественном – Виталий Абрамов. А в галерее «Тирс», ставшей первой попыткой создания в послевоенной Одессе Музея современного искусства, – Феликс Кохрихт, что-то объясняющий группе слушателей, среди которых его соратница по будущему музею Рита Ануфриева.

Не только одесскую фотографию Осика Островского прислал Гершберг, но и трагическую – похороны Островского в Израиле. Я впервые увидел, как хоронят в пустыне, был поражен этим снимком.

Юрий Коваленко. 1975

Ряд этих фотографий сделан при мне. Расскажу об одной съемке – в мастерской Люсика Дульфана. Я предупредил его, что приду не один, а с фотографом, снять несколько картин перед его выставкой для статьи. Я не учел психологии знаменитого выдумщика Дульфана. Он подготовился, оделся, как восточный купец, стоял в наполеоновских позах и меньше всего хотел, чтобы фотографировали картины. Это был спектакль одного актера перед одним фотографом. Упустить такую возможность было нельзя. Дульфан – это Дульфан, предсказуемый и всегда неожиданный.

Обратите внимание на фотографию, где Володя Стрельников около своей работы. Такая же композиция была и в фотографии Саши Ануфриева – возле картины. Гершберг потом их отпечатал в большом формате (кажется, 40×60), и художники уже по фото расписывали свои картины. Насколько помнится, такая, выполненная в четыре руки, фотография хранится у Вити Маринюка.

«Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли…» – пели Никитины. Можно сделать ударение на слове «чушь», я бы советовал – на слове «прекрасную». Когда мы были молодыми, легко и задорно мы пытались перевернуть мир. Что-то вышло, что-то не получилось. Вглядитесь в эти фотографии, в лица этих людей. Прекрасных, свободных духом и помыслами людей. Такими их сохранила для нас фотокамера Ильи (Эдика, Дика) Гершберга. Спасибо ему!

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

К вопросу о военной службе В.П. Катаева

В биографии В.П. Катаева много неясного. Например, вопрос о службе в годы первой мировой войны. События этого периода неоднократно описаны в художественной прозе, но разночтений там много, а документальные подтверждения исследователями не были обнаружены.

Меж тем в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве хранится немало документов, относящихся к армейской службе будущего классика советской литературы. Прежде всего – «Послужной список 46-го пехотного запасного полка прапорщика Катаева» (ф. 409, оп. 1, д. 85340, п/сп 32-769, 1917 г.). Документ составлен 29 июля 1917 г. – когда выпускник Одесского военного училища «убыл в распоряжение командира 5-го запасного полка». В сентябре список был дополнен.

Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Сокращения расшифровываются в квадратных скобках.

Послужной список[1]
46-го пехотного запасного полка прапорщика Катаева.
Составлен 29 июля 1917 г.

I. Чин, имя, отчество и фамилия: прапорщик Валентин Петрович Катаев.

II. Должность по службе: младший офицер.

III. Ордена и знаки отличия: не имеет.

IV. Когда родился: 1897 года января 16.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец: Сын чиновника, уроженец Херсонской губернии.

VI. Какого вероисповедания: Православного.

VII. Где воспитывался: В Одесской 5 гимназии окончил 6 классов и в Одесском военном училище 4-месячный курс по I разряду.

VIII. Получаемое на службе содержание[2]:

IX. Прохождение службы. Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места служения или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия; всемилостивейшие рескрипты и высочайшие благоволения.

В службу вступил в I батарею 64 артиллерийской бригады вольноопределяющимся I разряда	916 янв[аря] 1
Переведен на службу во 2 батарею 64 артиллерийской бригады	916 июня 27
Младшим фейерверкером	916 окт[ября] 31
Принят на сокращенный курс при Одесском военном училище	916 дек[абря] 7
Приказом армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства произведен в прапорщики армейской пехоты и назначен в распоряжение штаба Одесского военного округа	917 мар[та] 29
Со старшинством	917 апр[еля] 1

На основании п. 15 приказа по В[оенному] в[едомству] 1914 № 689 за время обучения в училище с ускоренным курсом особой обязательной службы в войсках не назначается	
Отправился по назначению	917 апр[еля] 1
Прибыл из штаба Одесского военного округа и зачислен в списки 46-го пехотного запасного полка младшим офицером 3-й роты. Приказ по полку № 110, § 6	917 апр[еля] 9
Назначен командиром очередной № 196 роты пополнения. Приказ по полку № 176, § 9	917 июня 6
Убыл с ротой пополнения в распоряжение командира 5-го запасного полка и исключен из списков полка. Приказ по полку № 181, § 17	917 июня 5
Прибыл и зачислен в списки 57 пехотного Модлинского полка младшим офицером в 7 роту[3]	*1917 июня 28*
Ранен	*917 июля 11*
Прик[азом] IV армии от 5 сентября 1917 г. № 5247 награжден орденом Св[ятой] Анны 4 ст[епени] с надписью за храбрость	*917 сент[ября] 5*

X. Бытность вне службы[4]

Холост или женат, на ком, имеет ли детей, год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания: холост.

XI. Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное: не имеет.

XII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничением в преимуществах по службе: когда и за что именно, по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке: не подвергался.

XIII. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по высочайшему повелению или от начальства: не был.

В службе означенного офицера не было обстоятельств, лишающих права на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги по сему знаку.[5]

За командира 46 пех[отного] зап[асного] полка начальник хоз[яйственной] части капитан (подп.); И[сполняющий] д[олжность] полкового адъютанта чиновник военного времени (подп.)[6]

Итого в сем послужном списке пронумерованных, прошнурованных и казенной печатью припечатанных четыре (4) листа.[7]

И[сполняющий] д[олжность] полкового адъютанта чиновник военного времени (подп.)[8]

Примечания

[1] Бланк документа отпечатан типографски. При заполнении пунктов сведения печатались на пишущей машинке.

[2] Пункт не заполнен.

[3] Выделенные курсивом сведения вписаны в послужной список от руки. При этом на л. 2 вставка «Прохождение службы» поверх типографски напечатанного заголовка: «Бытность вне службы: а) во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительною; б) в бессрочном отпуску с какого и по какое время; в) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы, д) в плену: когда и где взят и когда возвратился на службу; е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу»)

[4] Пункт не заполнен.

[5] Фраза впечатана в бланк.

[6] Штамп синего цвета с подписями должностных лиц.

[7] Фраза впечатана в бланк.

[8] Штамп синего цвета с подписью должностного лица.

Алена Яворская

Аравийский роман

Еще недавно статья о Семене Григорьевиче Гехте с полным правом могла начинаться со слов «забытый писатель…». Но в последние годы о нем достаточно много написано и в Одессе, и за ее пределами, его стихи и рассказы входят в антологии одесской литературы. В родном городе вышла книга Гехта «Избранное» – благодаря поддержке Евгения Калинского.

Но слово «забытый» все еще можно отнести если не к писателю, то к его книгам. Вернее, двум «загадочным и забытым» повестям: «Танков», 1928 (о лефовцах и салоне Лили Брик), и «Пароход идет в Яффу и обратно», 1936 (о жизни подмандатной Палестины).

Как любят говорить французы: «Ищите женщину». И женщина в этой истории – не яркая и прославленная Лиля Брик, а одна из сестер Синяковых, семьи, сыгравшей значительную роль в истории русского авангарда. «Синие оковы» – так писал о них Хлебников. В Марию, Надежду, Веру, Оксану влюблялись Хлебников и Маяковский, Пастернак и Бурлюк, Асеев и Петников.

В 1925 году Вера Синякова стала женой Гехта и, естественно, общение с Маяковским и его кругом было очень близким. В 1928 году Сергей Бондарин, друг Гехта, писал в Одессу: «Гехт напечатал повесть «Танков», послужившую причиной вражды к нему лефов и Лили Брик, которых он отчасти в этой повести изобразил».

Если повесть «Танков» совершенно выпала из поля зрения литературоведов, то вторая – «Пароход идет в Яффу и обратно» – осталась, пусть даже уничижительным отзывом Ильи Ильфа: «Об этом уже надо писать статью под названием «Нет, Жан, это не недоразумение». <…> Некто Меерзон раскачивает шезлонг, в котором сидит его любовница. Занятие совершенно бессмысленное – это не гамак и не качалка. Палестинские

пальмы имеют мохнатые ветви. Я таких не видел ни в Батуме, ни в Калифорнии. «Обильные косы». «Маджестик», новый французский пароход, пришел в Яффу. А он английский, не новый, и в Яффу не ходит. Нет, нет, Жан, это не недоразумение».

Повесть эту Гехт писал долго. Первое упоминание о ней еще в письме 1930 года Сергею Бондарину: «Летом соберусь и закончу свой аравийский роман. Он наполовину написан. Меня что-то не тянет к нему».

Вкратце сюжет повести – двое юношей, Александр Гордон и Герш Гублер, мечтающие о Палестине, добираются туда, а через несколько лет возвращаются в Советский Союз и едут в Биробиджан.

История более чем реальная, в фондах одесского Общества земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ), действовавшего в 1925-38 гг., сохранились письма о реэмиграции нескольких групп из Палестины в Биробиджан. Гехт, много писавший о жизни евреев, еврейских колхозах, Биробиджане, в 1920-х – начале 1930-х годов мог встречать таких людей.

Но могли ли вчерашние жители кибуцев (или квуц, как тогда говорили), как правило, ремесленники без особого образования, рассказать так подробно о политической жизни подмандатной Палестины? Так ярко описать быт переселенцев, историю первых кибуцев, строительство Тель-Авива?

Откуда мог знать об этом Гехт? Кто ему рассказал? И как человек, ни разу не побывавший за границей, мог так точно описать реалии политической жизни Палестины, внутренние разногласия? А кто мог пересказать выступления Жаботинского, рассказать о Хаиме Бялике, Сауле Черниховском, Иосифе Трумпельдоре? Описать тюрьму?

Ответ, скорее всего, кроется опять же в салоне Лили Брик. Именно там Гехт мог познакомиться с Яковом Блюмкиным, фигурой мрачной и загадочной. Блюмкин – убийца германского посла фон Мирбаха, чекист, разведчик, друживший с Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, упоминавшийся в стихах Николая Гумилева.

Вряд ли пути Гехта и Блюмкина могли пересечься в 1910-е годы в Одессе. А в 1923-м Гехт уезжает с юга на север, в Москву, а Блюмкин – наоборот, из Москвы на юг, в Палестину.

Известно, что Блюмкин с декабря 1923 года поселился в Яффе, естественно, с фальшивыми документами. Для прикрытия он открывает прачечную, но активно занимается сбором информации о ситуации в подмандатной Палестине и английских колониях Ближнего Востока.

Неизвестно, какие именно сведения Блюмкин собрал, но бесспорно – если дореволюционную Одессу, клуб «Маккаби», эвакуацию в феврале 1920 года Гехт описывал по своим воспоминаниям (выводя реальные лица: Эмма Зегер – скорее всего, танцовщица Эльза Крюгер (или, возможно, певица Иза Кремер), Меерзон – журналист Яков Натансон, издатель популярной газеты «Одесские новости»), то реалии жизни Палестины – и бытовые, и политические – только со слов очевидца.

Не берусь утверждать, что никто из знакомых Гехта, кроме Блюмкина, не бывал в Палестине. Но упоминание английского разведчика, перипетии столкновения политических сил, упоминание и, похоже, личное знакомство с Владимиром Жаботинским и Иосифом Трумпельдором склоняет к мысли о Блюмкине.

В 1944 Гехт был арестован. На допросе всплывет знакомство с Блюмкиным:«…Случайно в 1926 году столкнулся на улице с Яковом Блюмкиным – бывшим секретарем Троцкого.

– Что, – спрашивает, – пишет сейчас Бабель?

– Рассказы, – говорю, – о чекистах…

– А-а, – засмеялся. – «Вечера на хуторе близ Лубянки»… Побасенки стороннего наблюдателя».

В обвинительном приговоре Гехту инкриминируют связь с троцкистами – через Блюмкина.

Но это все впереди, а пока читатели могут узнать о далекой и экзотической Палестине, куда так стремились евреи из черты оседлости. Повесть написана в советское время, и, разумеется, один из героев заявляет, что «на Палестину мы много надеялись, но мало от нее получили». Тем не менее более трех четвертей действия происходит именно в Палестине, часть в Одессе, а Биробиджан – скорее фон для рассказа о быте колонистов, жизни Иерусалима и Тель-Авива, столкновениях с английскими властями и с арабами, нежели описание трудовых подвигов переселенцев Биробиджана.

Герои вспоминают прошлое, действие переносится то в дореволюционную Одессу, то в Биробиджан, то в Иерусалим.

Но нам сегодня интереснее, какой описывал Гехт Одессу.

Ведь книга, изданная восемьдесят лет назад не таким уж маленьким тиражом 10 000 экземпляров, стала библиографической редкостью – не раз серьезные исследователи долго восторгались, увидев ее в витрине Одесского литературного музея, а затем так же долго и бурно

возмущались ее недоступностью. Ведь лишь в 1983 году несколько глав из «Парохода…» были опубликованы в Израиле в книге Гехта «Простой рассказ о мертвецах».

В 1964 году Константин Паустовский писал в Гослитиздат: «Гехт был писателем большого дарования, мужества и чистоты. <…> Гехт писал сочно и лаконично. Наличие некой строгой и взыскательной доброты было характерно для его вещей, так же, как и наличие огромной его заинтересованности в окружающей писателя «быстротекущей» жизни. Гехт принадлежит к тем писателем, книги которых бесспорно требуют переиздания».

Через пятьдесят лет после смерти Гехта, через восемьдесят лет после выхода книги издательство «Книжники» в серии «Проза еврейской жизни» готовит к публикации книгу Семена Гехта «Пароход идет в Яффу и обратно».

Семен Гехт

Пароход идет в Яффу и обратно

Одесские фрагменты

Представьте себе Болгарскую улицу на Молдаванке в Одессе. Два мальчугана насмотрелись библейских картинок, наслушались заманчивых рассказов о пастухах и виноградарях Святой земли, о дочерях Сиона, собравшихся у колодца. Мы клялись друг другу, бродя по Болгарской. Дворницкие дети посылали нам в спину оскорбления. «Александр, мы поедем домой?» – «Поедем». Мальчики жмут друг другу руки, читают нараспев Бялика и ходят по вечерам на Большую Арнаутскую, в синагогу – клуб Явне. Ораторы зовут домой. Усышкин говорит о родной земле, Жаботинский рисует перед трахомными глазами мечтателей еврейские легионы, и семь братьев Маккавеев смотрят с упреком на обнищавший духом народ…

<…>

– Я также вырос в семье полусапожника-полумаклера, и мой отец Вениамин Бронштейн похоронен на третьем одесском кладбище.

Алена Яворская

Аравийский роман

Еще недавно статья о Семене Григорьевиче Гехте с полным правом могла начинаться со слов «забытый писатель…». Но в последние годы о нем достаточно много написано и в Одессе, и за ее пределами, его стихи и рассказы входят в антологии одесской литературы. В родном городе вышла книга Гехта «Избранное» – благодаря поддержке Евгения Калинского.

Но слово «забытый» все еще можно отнести если не к писателю, то к его книгам. Вернее, двум «загадочным и забытым» повестям: «Танков», 1928 (о лефовцах и салоне Лили Брик), и «Пароход идет в Яффу и обратно», 1936 (о жизни подмандатной Палестины).

Как любят говорить французы: «Ищите женщину». И женщина в этой истории – не яркая и прославленная Лиля Брик, а одна из сестер Синяковых, семьи, сыгравшей значительную роль в истории русского авангарда. «Синие оковы» – так писал о них Хлебников. В Марию, Надежду, Веру, Оксану влюблялись Хлебников и Маяковский, Пастернак и Бурлюк, Асеев и Петников.

В 1925 году Вера Синякова стала женой Гехта и, естественно, общение с Маяковским и его кругом было очень близким. В 1928 году Сергей Бондарин, друг Гехта, писал в Одессу: «Гехт напечатал повесть «Танков», послужившую причиной вражды к нему лефов и Лили Брик, которых он отчасти в этой повести изобразил».

Если повесть «Танков» совершенно выпала из поля зрения литературоведов, то вторая – «Пароход идет в Яффу и обратно» – осталась, пусть даже уничижительным отзывом Ильи Ильфа: «Об этом уже надо писать статью под названием «Нет, Жан, это не недоразумение». <…> Некто Меерзон раскачивает шезлонг, в котором сидит его любовница. Занятие совершенно бессмысленное – это не гамак и не качалка. Палестинские

пальмы имеют мохнатые ветви. Я таких не видел ни в Батуме, ни в Калифорнии. «Обильные косы». «Маджестик», новый французский пароход, пришел в Яффу. А он английский, не новый, и в Яффу не ходит. Нет, нет, Жан, это не недоразумение».

Повесть эту Гехт писал долго. Первое упоминание о ней еще в письме 1930 года Сергею Бондарину: «Летом соберусь и закончу свой аравийский роман. Он наполовину написан. Меня что-то не тянет к нему».

Вкратце сюжет повести – двое юношей, Александр Гордон и Герш Гублер, мечтающие о Палестине, добираются туда, а через несколько лет возвращаются в Советский Союз и едут в Биробиджан.

История более чем реальная, в фондах одесского Общества земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ), действовавшего в 1925-38 гг., сохранились письма о реэмиграции нескольких групп из Палестины в Биробиджан. Гехт, много писавший о жизни евреев, еврейских колхозах, Биробиджане, в 1920-х – начале 1930-х годов мог встречать таких людей.

Но могли ли вчерашние жители кибуцев (или квуц, как тогда говорили), как правило, ремесленники без особого образования, рассказать так подробно о политической жизни подмандатной Палестины? Так ярко описать быт переселенцев, историю первых кибуцев, строительство Тель-Авива?

Откуда мог знать об этом Гехт? Кто ему рассказал? И как человек, ни разу не побывавший за границей, мог так точно описать реалии политической жизни Палестины, внутренние разногласия? А кто мог пересказать выступления Жаботинского, рассказать о Хаиме Бялике, Сауле Черниховском, Иосифе Трумпельдоре? Описать тюрьму?

Ответ, скорее всего, кроется опять же в салоне Лили Брик. Именно там Гехт мог познакомиться с Яковом Блюмкиным, фигурой мрачной и загадочной. Блюмкин – убийца германского посла фон Мирбаха, чекист, разведчик, друживший с Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, упоминавшийся в стихах Николая Гумилева.

Вряд ли пути Гехта и Блюмкина могли пересечься в 1910-е годы в Одессе. А в 1923-м Гехт уезжает с юга на север, в Москву, а Блюмкин – наоборот, из Москвы на юг, в Палестину.

Известно, что Блюмкин с декабря 1923 года поселился в Яффе, естественно, с фальшивыми документами. Для прикрытия он открывает прачечную, но активно занимается сбором информации о ситуации в подмандатной Палестине и английских колониях Ближнего Востока.

Неизвестно, какие именно сведения Блюмкин собрал, но бесспорно – если дореволюционную Одессу, клуб «Маккаби», эвакуацию в феврале 1920 года Гехт описывал по своим воспоминаниям (выводя реальные лица: Эмма Зегер – скорее всего, танцовщица Эльза Крюгер (или, возможно, певица Иза Кремер), Меерзон – журналист Яков Натансон, издатель популярной газеты «Одесские новости»), то реалии жизни Палестины – и бытовые, и политические – только со слов очевидца.

Не берусь утверждать, что никто из знакомых Гехта, кроме Блюмкина, не бывал в Палестине. Но упоминание английского разведчика, перипетии столкновения политических сил, упоминание и, похоже, личное знакомство с Владимиром Жаботинским и Иосифом Трумпельдором склоняет к мысли о Блюмкине.

В 1944 Гехт был арестован. На допросе всплывет знакомство с Блюмкиным:«…Случайно в 1926 году столкнулся на улице с Яковом Блюмкиным – бывшим секретарем Троцкого.

– Что, – спрашивает, – пишет сейчас Бабель?

– Рассказы, – говорю, – о чекистах…

– А-а, – засмеялся. – «Вечера на хуторе близ Лубянки»… Побасенки стороннего наблюдателя».

В обвинительном приговоре Гехту инкриминируют связь с троцкистами – через Блюмкина.

Но это все впереди, а пока читатели могут узнать о далекой и экзотической Палестине, куда так стремились евреи из черты оседлости. Повесть написана в советское время, и, разумеется, один из героев заявляет, что «на Палестину мы много надеялись, но мало от нее получили». Тем не менее более трех четвертей действия происходит именно в Палестине, часть в Одессе, а Биробиджан – скорее фон для рассказа о быте колонистов, жизни Иерусалима и Тель-Авива, столкновениях с английскими властями и с арабами, нежели описание трудовых подвигов переселенцев Биробиджана.

Герои вспоминают прошлое, действие переносится то в дореволюционную Одессу, то в Биробиджан, то в Иерусалим.

Но нам сегодня интереснее, какой описывал Гехт Одессу.

Ведь книга, изданная восемьдесят лет назад не таким уж маленьким тиражом 10 000 экземпляров, стала библиографической редкостью – не раз серьезные исследователи долго восторгались, увидев ее в витрине Одесского литературного музея, а затем так же долго и бурно

возмущались ее недоступностью. Ведь лишь в 1983 году несколько глав из «Парохода…» были опубликованы в Израиле в книге Гехта «Простой рассказ о мертвецах».

В 1964 году Константин Паустовский писал в Гослитиздат: «Гехт был писателем большого дарования, мужества и чистоты. <…> Гехт писал сочно и лаконично. Наличие некой строгой и взыскательной доброты было характерно для его вещей, так же, как и наличие огромной его заинтересованности в окружающей писателя «быстротекущей» жизни. Гехт принадлежит к тем писателем, книги которых бесспорно требуют переиздания».

Через пятьдесят лет после смерти Гехта, через восемьдесят лет после выхода книги издательство «Книжники» в серии «Проза еврейской жизни» готовит к публикации книгу Семена Гехта «Пароход идет в Яффу и обратно».

Семен Гехт

Пароход идет в Яффу и обратно

Одесские фрагменты

Представьте себе Болгарскую улицу на Молдаванке в Одессе. Два мальчугана насмотрелись библейских картинок, наслушались заманчивых рассказов о пастухах и виноградарях Святой земли, о дочерях Сиона, собравшихся у колодца. Мы клялись друг другу, бродя по Болгарской. Дворницкие дети посылали нам в спину оскорбления. «Александр, мы поедем домой?» – «Поедем». Мальчики жмут друг другу руки, читают нараспев Бялика и ходят по вечерам на Большую Арнаутскую, в синагогу – клуб Явне. Ораторы зовут домой. Усышкин говорит о родной земле, Жаботинский рисует перед трахомными глазами мечтателей еврейские легионы, и семь братьев Маккавеев смотрят с упреком на обнищавший духом народ…

<…>

– Я также вырос в семье полусапожника-полумаклера, и мой отец Вениамин Бронштейн похоронен на третьем одесском кладбище.

– Правда, правда, – сказал я, – у нас там было четыре кладбища. На первом хоронили миллионеров и стотысячников; их укладывали в мраморные склепы с райскими изображениями на каменных плитах. Их отпевал кантор Маньковский, их навещали толстые старухи в черных шелках. Они приезжали сюда в лакированных экипажах.

– Господин Ашкенази, – вспомнил Броун, – господин Блюмберг, господин Хаес…

– А на второе кладбище свозили адвокатов, зубных врачей и торговцев с Привоза. Их отпевал кантор из Шалашной синагоги. Здесь не было склепов, но все же покойников размещали удобно…

– За зелеными оградами, – сказал Броун, – среди тенистых акаций… и сторожа обходили свои владения, прогоняя бродяг и влюбленные парочки.

– Третье кладбище, – продолжал я, – было далеко за городом, рядом с сумасшедшим домом, на глухой и скандальной слободке Романовке. В ужасной куче теснились бедняки и члены погребального братства; они жаловались, что нищие их разоряют. Наших бедных отцов хоронили быстро и бесплатно. Вместо акаций рос дерн, вместо гранитных памятников над убогими и неряшливыми холмиками возвышались деревянные таблички…

– И еще было четвертое кладбище, – сказал Броун, – кладбище для самоубийц, для тех, кого религия поставила вне закона.

– Для самоубийц и повешенных за революцию, – произнес я. – У моего ребе Акивы повесили дочь: она покушалась на жизнь киевского генерал-губернатора. Ее свезли на четвертое кладбище…

<…>

С годами мы стали забывать легенду о родине, а с первых дней Октябрьской революции и не вспоминали больше о Святой земле. Заброшен клуб «Маккаби» на Херсонской, клуб богатых юношей. <…> На Болгарской, в библиотеке имени Пушкина, собирается кружок революционной молодежи.

<…>

Мать видела во сне всех умерших родственников: Йосифа-кантониста, Хану-акушерку, известную в свое время тем, что у нее была легкая рука, и погибшую от родов, Иерахмиеля, сборщика податей, и самого Макса Францевича Воскобойникова, почетного

члена трех обществ: «помощи больным», «по обеспечению невест приданым» и нееврейского «общества покровительства животным», где его очень уважали и куда он пожертвовал тысячу мисок с цепочками. Миски привязывались к уличным деревьям, дворники заботились, чтобы всегда в них была вода, и бродячие собаки утоляли бы здесь свою жажду.

А сестры? Сестры видели во сне то, чего они так и не увидели никогда наяву: негорбатых молодых людей со стеками в руках и в накрахмаленных манжетах. Они целовали сестрам руки, нанимали, не торгуясь, извозчиков с экипажами, снабженными резиновыми шинами, угощали их дамскими папиросами и глазированными фруктами и увозили ужинать в зеркальный, в бумажных цветах, японских фонариках и лампионах ресторан «Илиади».

<…>

В тот год мы увидели живого царя. Наш город праздновал двухсотлетие полтавской победы. На Куликовом поле поставили плохой памятник. Сам Николай Второй приехал его «освятить». Нас муштровали целую неделю. Попечитель всех городских училищ осмотрел наши черные костюмчики из сиротского сукна и грубые шинельки с зашитыми в сукно пуговицами. Носить пуговицы открытыми была привилегия гимназистов. Для этого нужно было быть сыном купца первой гильдии или принять православие. Мы же учились с Гордоном в Свечном училище. Оно называлось вторым казенным. Здесь проходили краткий курс практических наук, готовили конторщиков и бухгалтеров. Училище существовало на деньги свечного сбора. Нас поставили в самом конце поля, и царь проехал мимо нас в открытой машине. Старый инвалид с Георгиевским крестом вынырнул из толпы и бросился на землю перед царским автомобилем. Его обидели чиновники, он искал помощи у царя-батюшки.

– Царь-батюшка! – закричал инвалид. – Ваше императорское величество!

На него набросились со всех сторон. Дюжина приставов и полковников оттащила его в сторону, а царь очень испугался и уткнулся в угол машины.

Праздник кончался. Царь уехал в Петербург, а георгиевского кавалера посадили в Чубаевскую тюрьму. Об этом говорили

зубные врачи в своих салонах и адвокаты в кулуарах окружного суда. Об этом шептались лавочники, развешивая крупу и сахар, и школьники, играя на дворе в чехарду.

Среди других учителей был у нас Абрам Маркович Манылам. Он учил нас рисованию. Наши родители хотели видеть нас не художниками, а приказчиками, и потому рисование было необязательным предметом. Но в каждой роте есть свой запевала, и у нас был Александр Гордон. Его смешные рисунки и головы учителей, которые он лепил на дворе из глины, сделали его в наших глазах высшим человеком. Абрам Маркович Манылам любил поплакать; однажды он подошел к парте Гордона и обнаружил там полный ящик маленьких голов и фигур. Он рассмотрел еще сырую глину, поцеловал мальчика в макушку и заплакал.

– Кто знает, – сказал он и вздохнул. – Может быть, ты будущий Антокольский.

В детстве часто случаются чудеса. Как-то в зимний день учитель пришел с большим человеком. Большой человек был знаменитый скульптор из Парижа. Его звали Аронсон. Он взял Моисея, вылепленного Гордоном, покачал головой и пожал мальчику его грязную руку.

– О! – сказал Аронсон.– Надо учиться. Стоит.

Аронсон уехал, чудо ушло, а Абрам Маркович Манылам заболел. Уроки рисования прекратились. Мы зубрили историю «о наших предках-славянах», о Людовике Шестнадцатом, который разозлился на свой народ и навсегда покинул Францию, мы учили географию и готовились к двойной итальянской бухгалтерии. Покидая школу, мы шли с Гордоном на Чумку. Это была невысокая насыпь. Гордон говорил:

– Вот горы Иудеи.

Мы гуляли по бульварной аллее, где цвели платаны, и оркестр играл венские вальсы.

– Вот Средиземное море,– говорил Гордон, показывая на Черное.

Мы кончили с ним школу в первый год русско-германской войны. Нам обоим было по тринадцать лет. Он поступил приказчиком к Дубинскому, я – к Бомзе. Он разносил по домам колбасу и сыр, а я стоял за прилавком с карандашом за ухом и с аршином

в руках. Когда магазин пустел, меня выгоняли на улицу зазывать покупателей. Я хватал их за полу, получал от них тумаки и затрещины.

– Дамочки! – кричал я. – Мамзельки! Мамочки!

<…>

То были годы русско-германской войны. Улица, на которой жил Гордон, называлась Мясоедовской. Когда повесили полковника Мясоедова, жители испугались: не обвинят ли в шпионаже и евреев? А улица была такая еврейская, что на босяцкой Косарке о ней говорили, будто там из водосточных труб капает чесночный сок. Улица часто плакала. Нищие, умеющие прилично выть на чужих похоронах, стали хорошо зарабатывать. У Гордона был среди родственников один скорняк, заседавший в погребальном братстве. Теперь, когда Гордон ходил по улице, о нем часто шептались: «Вы видите этого мальчика? Это – Гордон. У него рука в погребальном братстве».

<…>

Кончив работу, Гордон направился в клуб «Маккаби». Он раскачивал в руке крохотный чемоданчик, где лежал гимнастический костюм. Этот чересчур легкий чемоданчик не шел к его широким плечам и жесткой одежде. На нем были короткие сапоги, зеленоватые и грубошерстные галифе и грудастый френч.

Раскачивая чемоданчик, Гордон шел в клуб «Маккаби». Он не был его членом: для этого надо было считаться партийным сионистом. Гордон даже не был поалей-ционистом, членом рабочей сионистской партии. Он умело пользовался несолидностью своего возраста, чтобы брать у маккабистов все, что ему было по душе. Вот если была бы партия растревоженных библейскими сказаниями людей, он вступил бы в эту партию. Чего хотелось Гордону? Ему хотелось той жизни, чудесными рассказами о которой было сладко отравлено его детство: чтоб были горы, чтоб были шатры и водоемы, бараньи стада и виноградники, смуглые сионистские девушки и воины, сторожащие пустыню. Он брал у маккабистов все эти образы, они были куда лучше холодной белизны газетной экспедиции, типографских попоек и бесчисленных национальных ущемлений.

<…>

Главным в клубе «Маккаби» было для Гордона физическое возрождение евреев. Он был убежден, что такие, то есть не горбатые и не пораженные трахомой юноши не будут прятаться от погромов ни на чердаках, ни в подвалах. Клуб «Маккаби» был исходом из его печального детства, о котором он много будет вспоминать в Иудее по ночам, карауля пустыню. В клубе Гордон укреплял свою мускулатуру, выжимая гири, всползая на руках по отвесам гимнастических лестниц, прыгая, подобно дельфину, и опускаясь ласточкой в клубный бассейн. В этот день Александр собирался много плавать. Он расстался у входа в клуб с дождем и прошел в раздевалку. Там он нашел объявление о докладе. Раздеваясь, он спросил соседа, о чем доклад. Сосед сообщил: сегодня выступит сам председатель клуба, агроном Канторович. Он будет говорить о маккавейских батальонах. И сосед сказал:

– Кончено!

– С чем кончено? – спросил Гордон.

– С нашей бездеятельностью кончено. Сейчас не время разговаривать: мы не в синагоге. Если мы хотим получить свою землю, мы должны ее отвоевать. Наступило время осуществления мечты. Короче говоря: вы ничего не слышали о маккавейских батальонах? Мы будем драться против Турции. Владимир Жаботинский сколотил в Англии несколько таких частей. Нам надо хлопотать о зачислении в эти батальоны.

– Как?

– Ну, подать, скажем, петицию в военное министерство. Вы запишетесь?

Гордон помолчал и ответил:

– Нет, не запишусь.

– Не запишетесь? – спросил сосед.– Не запишетесь? – повторил он вслед за этим несколько раз, накаляясь возмущением.

– Нет, не запишусь, – отвечал, забывая свой возраст, Гордон, – я ненавижу войну.

– Значит, вы не хотите умереть за Сион?

– Я согласен, – ответил Александр, – умереть за Сион, но не желаю, чтобы за него умирал тот, кому он не нужен.

– То есть?

– Я не хочу убивать турок.

– Послушайте вы, вегетарианец с Колонтаевской! – кричал сосед. – Вас же все равно скоро возьмут на войну. Надеюсь, вы не станете себе наращивать грыжу?

– Нет, не стану.

– Ну?! – вскипел сосед. – Значит, за русского царя вы готовы умереть, а за еврейское государство – нет?

Гордон объяснил:

– За царя я пойду умирать поневоле, тут же идет разговор о добровольцах.

Сосед закричал:

– Довольно! Я поставлю вопрос об исключении вас из партии.

– Я не в партии.

Сосед ударил себя от досады по затылку.

– Зачем же я с вами разговариваю? Как вы сюда попали?

– Меня рекомендовал Хаим Бялик.

– Хаим Бялик?! Откуда вы его знаете?

– Я работал у него в типографии, – ответил Гордон, – фальцевал бумагу.

Тут ссора потухла. Знакомство Гордона с Хаимом Бяликом успокоило маккабиста. Похлопав себя по спине, они оба пошли купаться.

<…>

В письмах пяти забранных на фронт фальцовщиков все неудобства войны были связаны с дождем. В последние дни в экспедицию часто приходила мать одного фальцовщика. Второй номер при шестидюймовом орудии был ее сыном. Она перестала получать от него письма. В эти дни русские войска покидали Галицию. Шло развернутое отступление из Червонной Руси. В очередях за керосином заметно прибавились траурные повязки. В экспедиции говорили: «Кончился второй номер». А мать второго номера приходила сюда плакать. Она плакала и мешала работать. Тюки и пачки летели через ее голову. Бумажный снег валился на ее нищенскую шаль. «Кончился второй номер», – сказал Гордону на улице его товарищ по работе. Он встретил его у клубных дверей. Под дождь товарищ рассказывал ему: сегодня днем мать получила письмо. А в письме было: «Ваш сын та-та,

та-та – под Журавой. Он похоронен в братской могиле». Затем следовала неразборчивая подпись полкового адъютанта.

<…>

Так Гордон дожил до девятнадцати лет. На улице была осень. В городе не было воды. Французы грузили свои пароходы. На заставах уже видели большевистскую конницу. Богачи платили десятки тысяч за иностранные паспорта и целовали ноги жадным судовым администраторам. <…> Но по городу разнеслась весть о декларации Бальфура. В тот день, когда Лоуренс обещал Палестину вместе со всей Аравией арабам, министр Бальфур обещал ее евреям.

Тут случилась история с «Биконсфильдом». История случилась, собственно, не с «Биконсфильдом», потому что «Биконсфильд» был пароходом, а с семьей Цигельницких, пожелавшей на него попасть. Они заплатили две тысячи рублей в долларах судовому механику английского торгового парохода «Биконсфильд». Механик взял эти деньги и через час пришел за новыми. Он загнал семью Цигельницких в трюм и старался о них не забывать, пока не двинется пароход.

– Еще пятьсот, – говорил он по-русски, спускаясь в трюм.

– Одним словом, – жаловался старый Цигельницкий, – чем я ближе к могиле, тем я делаюсь опытнее. Теперь я знаю, что и среди англичан есть шантажисты и взяточники.

Цигельницкие не врали, когда говорили, что у них больше нет денег: они никогда не были богачами. В доме Блюмбергов их не принимали. Функель тоже дал им понять, что птица запела слишком рано.

– Это скандал, – возмущался в обществе признанных богачей Функель, – несчастные люди с трудом скопили жалкую тысячу рублей, и они хотят уже считаться богачами. Я же не лезу в главнокомандующие, несмотря на то, что я тоже умею ходить в ногу.

Гордон был соседом Цигельницких и хорошо знал, как они скопили свои две тысячи рублей. Старый Цигельницкий служил в течение десяти лет «зиц-редактором» в большой либеральной газете «Эхо Юга». Примерно раз в год к нему приходили из редакции и сообщали, чтоб он приготовил себе чистое белье. Это означало, что в газете появилась какая-нибудь смелая статейка,

и губернатор приговорил ответственного редактора к трем месяцам тюрьмы. Цигельницкий, подписывавший газету и получавший за это шестьдесят рублей в месяц, отправлялся сидеть.

Еще не уставшие остряки спрашивали его иногда на улице:

– Скажите, мосье Цигельницкий, почему у вас сегодня такая скучная газета? Вы, наверное, жалеете денег для Жаботинского?

– Ах, я не знаю, – отмахивался Цигельницкий, – разве Жаботинский перестал писать?

Он был настолько не любопытен, что за все десять лет даже не развернул газету, которую подписывал. О Жаботинском он знал от детей. Он часто слышал, как они читали его фельетоны и похоронные речи в стихах.

Семья Цигельницких состояла из пяти человек. Как же случилось, что в тюрьме «Биконсфильда» их оказалось шесть? Неужели мадам Цигельницкая спешно родила?

Шестым был Гордон. Он слышал от Цигельницких, что они бегут на родину со всеми богачами, что у них есть место на пароходе «Биконсфильд», который пойдет в Константинополь и Яффу. Потом он видел сумятицу, какая была в городе.

В Яффу?

Ожила ослабевшая фантазия. Снова стали тесниться в голове лиловые высоты Святой земли и склоненные выи иорданских тростников. Вот она, перед глазами, золотая кожа сионских дочерей, пляшущих под голоса тимпанов и бубен. Яффа – ворота обетованного края, родина первой гимназии, удачно возродившей забытый язык. От Яффы расходятся песчаные дороги и каменистые тракты на Газу, на Иерусалим, на Кайфу, на Хеврон, на Сихем.

Несбыточное стало для Гордона возможным. Надо только попасть в трюм «Биконсфильда». Неужели этот еврей, бывший английским министром и аристократом и ставший пароходом, не позволит ему притулиться в одном из уголков своего большого и теплого брюха? И Гордон примкнул к Цигельницким, не сказав им ничего об этом.

Они отдали все свои деньги судовому механику и в порт тащились пешком, волоча за собой свои корзины с женскими кофтами со стеклярусами, множеством филактерий и запасами нюха-

тельного табака. Когда механик увидел их, окруженных скарбом, он высокомерно на них посмотрел и не стал даже пересчитывать. Зато он слишком часто навещал их в трюме.

Выйдя из дому, Гордон завел со старым Цигельницким разговор об Уганде и о иеменских евреях. Гордон начал с того, что Израиль Зангвиль – человек, лишенный сердца.

– Скажите мне, – негодовал он, – зачем он хватается за Африку? Я знаю, что он тоже хочет, чтоб евреи были земледельцами. Но разве все равно, какую землю обрабатывать?

– Он потерял еврейского Бога, – ответил старый Цигельницкий, довольный негодующими речами юноши.

– Нет, – продолжал Гордон, – не Парагвай и не Уругвай, а цветущие ячменем и пшеницей поля Хеврона.

– Поля Хеврона! – вздыхал старый Цигельницкий.

Когда они подошли к пароходу, старик хотел спросить Гордона: «Молодой человек, а ты куда?» – но увидел безумие в его побелевших глазах. Если бы механик спросил: «А это кто? Тоже твой?» – тогда другое дело! Он сказал бы: «Нет, он чужой, он прицепился к нам. Берите его, господин». Но механик ничего не спросил.

Они сидели в трюме два дня и две ночи. Пароход должен был тронуться на рассвете третьего дня. Накануне пришел в пятый раз судовой механик.

– Еще двести, – сказал он злобно, огорченный тем, что эти евреи его так безжалостно надули. Другие брали с них по десять и по двадцать тысяч.

Гордон не слышал, что ответил ему на это требование Цигельницкий. Душный воздух трюма сжал его дыхание и заволок холодом бессилия его глаза. Он упал.

Соседи настояли, чтоб его взяли в судовой лазарет.

Он пробыл там целые сутки и очнулся. Когда пароход уже сделал сто узлов и растерял берега, он снова спустился в трюм и не увидел там Цигельницких. Судовой механик продал в последнюю минуту их места за двадцать пять тысяч рублей. Их сбросили на берег за десять минут до отхода «Биконсфильда».

<…>

Снова очутившись в трюме, Гордон стал понемногу знакомиться с его обитателями. В грязи и вони валялись среди кулей

и тюков хорошо одетые мужчины и дамы. Уже многие, видно, начали успокаиваться, и в дальнем углу кто-то играл в карты, а одна дама умудрялась даже флиртовать в этом смрадном месте, непригодном для кокетства и легких разговоров. Гордон ее знал. Она была эстрадной балериной и прославилась исполнением танго. Неталантливая, но красивая танцовщица никогда бы не увидела роскошной жизни, если бы в студию, где она училась, не заглянул случайно рыжебородый и чахлый Меерсон, владелец двух оптических магазинов на Преображенской улице. Он увидел ее и сразу влюбился в белоглазую Эмму Зегер, бедную ученицу второсортной студии. Он предложил ей переехать к нему на дачу. «Кстати, она расположена в Аркадии, на берегу залива, рядом с морскими ваннами. Кстати, там есть свободная комната. Стоимость комнаты? Потом! Мы сочтемся потом, когда вы станете знаменитой, и я потребую все деньги сразу за все время! О, я на вас прекрасно заработаю». Балеринка сказала, что она не согласна, нет, ни в коем случае. Это, наконец, неудобно. Через час она уже сидела в саду на даче Меерсона, и он раскачивал ее шезлонг. Затем он предложил ей прокатиться с ним на его собственной моторной лодке, и Эмма Зегер снова сказала, что не согласна. Так она пять дней отказывалась от всех предложений и делала все, что он у нее просил, а на шестой стала его содержанкой и вдруг всюду заговорила с гордостью о своей связи. В ее дом ходили владельцы конфекционов с Александровского проспекта, меховщики с Еврейской улицы, содержатели немецких баров с Малой Арнаутской, офицеры и театральные рецензенты. За короткий срок она изменила ему четыре раза, но Меерсон считал, что Эмма только один раз его обманула, и кое-как с этим примирился.

Когда Эмма Зегер купила себе за два бриллианта место на пароходе, Меерсон лежал в больнице. Она скрыла от него свой побег, но все в городе это знали. Знали и на пароходе, в трюме. Меховщики и владельцы конфекционов оглядывали ее с презрением, а их жены неумолчно ее ругали, возмущаясь и гневно перешептываясь. Еще обидней было то, что балерина, так дорого стоившая коммерсанту Меерсону, кокетничала с приказчиком из кондитерской Либмана. Сам Либман сидел тут же, на бочке с маслом, и злорадно посмеивался, говорил про себя, что он –

убежденный циник и его «радует всякое человеческое неустройство, каждая ерунда, глупость и чепуха на нашей сверхдурацкой, архиидиотской и наикретинической планете».

Однако в трюме ожили немногие. Перебираясь через ящики и бочки и бродя по всем закоулкам трюма, Гордон видел удрученные и злобные лица. Кто-то плакал, кто-то неистово проклинал. Уже ругали больше французов, чем большевиков. «Это же понятно, – возмущался меховщик Гантили, – большевики – это большевики, и что с них возьмешь? Но союзники! Французы! Англичане! Ведь на них-то можно было рассчитывать»… И все собравшиеся в трюме коммерсанты в горе своем радовались, что вот они, коммерсанты, оказались доверчивыми, а союзники – подлецы. Всюду, за каждым кулем и бочкой, слышал подобные разговоры Гордон. Одесские буржуа, лишенные удобных квартир и прислуг, вели себя на редкость нечистоплотно, и Гордон удивлялся грязи и вони вокруг них. Почти никто не умывался, не ходил дышать свежим воздухом на палубу, и странно было видеть в этой смрадной клоаке, наполненной гниющими объедками и испражнениями, чистую и надушенную Эмму Зегер.

<…>

– Мистер Броун, – попросил я, – вы там были, расскажите о Тель-Авиве.

– Что вы о нем знаете? – сказал мистер Броун.

– Очень мало. Я знаю о нем только то, что лет двадцать назад сионисты выстроили на пустом месте, на береговой полосе в полутора километрах от Яффы еврейскую гимназию. После декларации Бальфура здесь возник большой город, столица. В самом ли деле он так велик и красив?

– Вы хорошо знаете окрестности Одессы? – спросил Броун.

– Еще бы, – ответил я, – и Чубаевку, и Пересыпь, и Ярмарочную площадь, и Лазуновку, и Большой Фонтан, и Средний, и Малый, и Хаджибеевский лиман с Куяльницким, Аркадию, и Дофиновку…

– А вы бывали когда-нибудь в поселке Самопомощь?

Я вспомнил, что в детские годы мы часто туда ходили с Гордоном. Надо обогнуть Куликово поле, миновать Ботанический сад и выйти в степь. Слева – море, пожирающее берега, скудные холмы, разломанные скалы, красноватые оползни. Справа – степь,

где растет подсолнух и запуталась в своих волосах кукуруза. Жара, соленый ветер. Мы проходим с Гордоном четыре километра, и в степи возникает нарядный городок. Лают собаки из-за чугунных ворот, цокает экипаж, иногда покажется высокий каретообразный автомобиль, стучатся в двери кухонь молочницы. Я запомнил ряд зеленых улиц, главная называлась Каштановой – там росли каштановые деревья; если попадешь туда осенью, так и ходишь по каштанам, и топчешь их, и расшвыриваешь вокруг себя. Здесь не было ни одного доходного дома; в Самопомощи жили акционеры, управляющие банков, известные врачи, знаменитые адвокаты. В каждом доме – хозяин с семьей, дочка играет на рояли, на окнах – жалюзи, в кухнях – кафельные полы, много прислуги, в садах – шезлонги, и мальчуганы в длинных костюмчиках играют в серсо и крокет.

Все дома были сложены из белого известнякового камня, в каждом доме – два или три этажа, черепичная крыша, мансарда в парижском вкусе. У чугунных ворот – медные таблички: Исай Павлович Купервассер, Иосиф Ильич Зак, Израиль Львович Хейфец, Абрам Яковлевич Штейнберг… Каждое утро прислуги натирали таблички мелом…

– Правильно, – сказал мистер Броун. – Когда же многие жители Самопомощи перебрались в Палестину, они построили там большую Самопомощь. Вообразите ряд широких улиц, укатанных гравием, посреди – электрические столбы, а по обеим сторонам – именно такие двухэтажные и трехэтажные дома. Есть улица Ахад-Гаама, улица генерала Алленби, есть бульвар Ротшильда. На бульваре Ротшильда – соломенные скамейки, пальмы, музыка. На морском берегу – большой пляж, много спортсменов, ресторан. Всюду звучит древнееврейская и русская речь. Говорить на жаргоне неприлично и преступно. Конторы, магазины, мастерские. В Тель-Авиве нет ни одной фабрики, впрочем, в последние годы там появилась труба. Было много шуму по поводу открытия кирпичного завода. А сколько медных табличек! Сколько адвокатов, врачей, преподавателей и дантистов! Они могли бы обслужить полумиллионный город, а в Тель-Авиве – около сорока тысяч жителей.

<…>

Все спрашивали друг друга:

– Вы не видели начальника порта?

Кто-то пробежал по молу с узелком в руке.

– Понимаете, – крикнул он на ходу, – я уже полчаса ищу начальника порта.

– Когда же он наконец придет?

В гавани собралось множество пассажиров. Они проводили здесь третьи сутки, то уходя в город за покупками, то снова возвращаясь. Четыре парохода стояли у причалов, готовые к отплытию. Море буйствовало. Валы перекатывались через волнорез. Не переставая ревел ураганный ветер. Шторм на Черном море продолжался три дня. Все надеялись, что он с минуты на минуту должен утихнуть, но ветер усиливался, рос накат, все белей и белей становилась пена прибоя. Начальник порта сказал, что не выпустит ни один корабль. Злые и сонные бродили по гавани пассажиры: их ждали в Николаеве, в Батуме, в Пирее.

Кроме них столпились в порту и встречающие. Пять кораблей маялись в открытом море. Ураган мешал им войти в порт, и родственники тревожились о судьбе плененных бурей пассажиров. Начальник порта стал здешним богом. Время от времени он получал отовсюду сведения, принимал радиограммы с блуждающих пароходов, и стоило ему появиться в своей конторе или на молу, как к нему сразу бросались десятки людей, засыпая его вопросами.

– Ну что, товарищ начальник? Какие сведения?

– Двенадцать баллов, – сурово отвечал начальник порта, безнадежно оглядывая всю толпу.

Пять больших кораблей маялись в открытом море. Два шли из Батума, один из Николаева, четвертый возвращался из кругосветного путешествия, нагруженный электрооборудованием и рыболовными снастями, а пятый плыл из Порт-Саида. Ураган настиг их внезапно. Ночью море разыгралось, семь баллов быстро перешли в девять и одиннадцать. Суда были недалеко от Одессы, когда сила ветра достигла двенадцати баллов, а крен дошел до сорока градусов. Они не успели вовремя проскочить в порт и теперь ждали, как и люди на берегу, успокоения погоды. Радиограммы сообщали об оголенных винтах, о сорванных ветром шлюпках, нехватке угля. В порту обледенели все канаты

и причальные тумбы. Люди шли, прижимаясь к стенам, но ветер все же отрывал их от земли и кружил по пристани, смешно вздувая одежды.

Находились дураки, которые в толпе матерей и женщин заводили разговоры о всевозможных кораблекрушениях, случавшихся в разные времена в разных портах. На них смотрели с презрением, от них убегали, как от злодеев и прокаженных. Наоборот, настоящие моряки весело утешали публику, часто повторяя, что этот шторм еще не самый высший и что в их жизни бывали похуже.

Наконец появился начальник порта. Он зарос бородой, словно дал обещание не бриться до тех пор, пока не уляжется море. В руках он держал таинственную сводку со сведениями.

– Ну как, товарищ начальник?

– К вечеру успокоится, – ответил он. – Есть приятные сведения из Новороссийска и Севастополя, там начинается затишье.

Как развеселилась гавань! Все радостно толкали друг друга, повторяли:

– Вы слышали? Начинается успокоение!

– Ну да, затишье!

Жадно всматривались в морские дали, и хотя так же буйно свирепствовало море и гулял ветер, и яростно белела пена прибоя, люди убеждали друг друга, что они видят, как уменьшились гребешки и как – вы разве не чувствуете? – ослабевает ветер. Нашлись добровольцы-гонцы, они ежечасно бегали на радиостанцию, и на пристани стали их встречать так же внимательно и восторженно, как и начальника порта. Изучали полет птиц, гадали по ним, как и по флюгеру на вышке Дворца моряка, стоявшего на бульваре, над красноватым и чуть заснеженным обрывом. Приумолкли хвастливые дураки. Вдруг все стали пить чай. Пили весело и шумно. Шутки, которые ранее выслушивались молча и недружелюбно, начали пользоваться успехом. И опять:

– Вы не видели начальника порта?

– Когда же он наконец придет?

Образовались маленькие коммуны. У одного был в избытке сахар и чай, между тем как у его соседей они давно иссякли. Угощали друг друга, делили продукты, переходили с «вы» на «ты»,

записывали батумские, николаевские, севастопольские, пирейские, стамбульские адреса и телефоны.

Пассажиры и встречающие ждали вечера. Я ушел в город и, когда зажглись первые огни, снова спустился в порт. Действительно, шторм ослабевал, но корабли еще было запрещено выпускать из гавани. Пошел слух, что ночью в порт смогут войти блуждающие за рейдом пароходы. Начальник сообщил публике: первым причалит пароход «Декабрист», идущий из Порт-Саида.

– Мой сынок! – вскричала женщина.

Я оглянулся и увидел старую-престарую еврейку, закутанную в два шерстяных платка.

– Мой сынок на этом пароходе, – сказала она, схватив за руку начальника. – Он работает в кочегарке. Вы, должно быть, его знаете. Моя фамилия Эпштейн.

– А! – произнес начальник порта и прошел дальше.

Заметив мой внимательный взгляд, старушка подсела ко мне и рассказала мне в нескольких словах жизнь сына. Он кончил мореходное училище, уже два года плавает на «Декабристе», он будет помощником старшего механика. Она всегда выходит его встречать. Грех жаловаться, он не забывает старую мать. Она раньше сама зарабатывала себе на жизнь, но он ей запретил. Видите ли, она торговала на Привозе, у нее был самовар, она варила в нем пшенку и продавала детям, но сын не хочет, чтобы она занималась такими делами.

<…>

Распрощавшись со швеей, я двадцатый или тридцатый за эти дни раз поднялся в город и вернулся в порт поздно ночью. Еще сверху я разглядел освещенную прожектором толпу и великую суету на молу. Когда я спускался по лестнице, протяжно и величественно загудел гудок. Я заметил движущиеся огни – пароход входил в гавань.

<…>

Я побежал к причальной пристани, где шумно возились портовые рабочие, волокли сходни, и охрана оттесняла со всех сторон напиравшую толпу.

– «Декабрист» пришел! – кричали люди. – Через двадцать минут войдет «Ильич». Я вас очень прошу, пропустите, пожалуйста: ваш сын же не на «Декабристе»! Пропустите!

– Спокойно, товарищи, спокойно, – голосили охрипшие стрелки портовой охраны.

Пароход медленно поворачивался в бухте, осторожно подплывая к пристани. Кто-то снизу бросил концы, кто-то наверху подхватил. Все радостно кричали вокруг: и на корме, и на носу, и на молу.

<…>

[В это же время в Палестине вспоминают об Одессе. – **А. Я.**]

Кто знает, может быть, права народная пословица, гласящая, что хорошо только там, где нас нет. Возвращаясь домой, старый колонист признался, что хотел бы на один день – хотя бы на один день – заехать в Одессу и посмотреть, что делается на местах его детства и ранней юности. Кто же поселился в доме Ашкенази на Воронцовской улице и на ее божественной даче в конце Французского бульвара, над красноватым обрывом, заросшим ароматным терновником и высокими полынными кустами? Кто живет в доме Блюмберга, Хаеса, Кондиаса? Кто торгует в магазинах Пташникова, Бомзе и Дубинского? Кто работает и управляет на заводах Гена, Попова и в доках Ропита, и на складах Юротата? Купаются ли еще в Горячей Луже на Пересыпи, у мельницы Вайнштейна? Что стало с богатыми болгарскими огородами на полях орошения? Что делается на Куликовом поле, на Толчке, на Косарке, на Бугаевке, на Ярмарочной площади? Кто вдыхает запахи сирени, акаций и маслин на дачах Вальтуха, Цудека, Маразли и Натансона? Кто сидит в Городской думе? Кто поет в Городском театре? Кто бродит по Хаджибеевским горам и кто гуляет по саду Трезвости? На Еврейской были меховые лавки, а на Малой Арнаутской – немецкие трактиры и постоялые дворы. Кто там сейчас? На Старорезничной играла в театре Болгаровой Эстер Каминская, на Прохоровской гудела мельница Инбера, в Городском саду управлял оркестром Прибик. Что там сейчас? Стоит ли еще дом на Мясоедовской, 14? В том доме был колодец и хедер. Дети из хедера прозвали колодец священным и рассказывали о нем множество легенд.

На джутовой фабрике часто случались драки, а на Кривой Балке было так жутко, что ночью сюда боялись ходить даже портовые рабочие – люди отчаянные и бесшабашные…

Волна воспоминаний оказалась сильней и быстрей волны шлюзовой. Вспоминая, старый колонист из Кадимо чувствовал, как он тоскует по родине и как растравляет воспоминаниями рану своей тоски.

<…>

Жил в Одессе в конце девятнадцатого века агент колониальной фирмы Соломон Халлаш. Имел контору на Греческой улице, где на прохладных полках лежали запечатанные пакеты с рисом, перцем, кокосовыми орехами, финиками и стояли бутылки, наполненные старинными винами. Соломон Халлаш брал с собой каждое утро груду пакетов и бутылок. Он называл их образцами и разносил по городу вместе с роскошными многоцветными, богато разрисованными прейскурантами. Копил деньги, скупал ковры и мебель, воспитывал детей. Путь юного Ильи старый Халлаш усеял взятками, как розами. Была в четвертой гимназии четырехпроцентная норма, но Соломон Халлаш дал полицмейстеру сорок рублей, а директору гимназии вручил сотенную. Сына допустили к экзаменам. Когда Соломон Халлаш узнал, что два преподавателя собираются провалить его мальчика, желающего поступить в третий класс, то пригласил обоих преподавателей к себе на ужин. Они в тот вечер пили и ели, как никогда в жизни. Вернувшись домой, каждый обнаружил у себя в передней ящик с вином и конверт с запечатанной в нем двадцатипятирублевкой. Легко было учение молодого Ильи Халлаша. Он всходил на взятках, как на дрожжах, и цветущей была колея его жизни. Сын кончил гимназию. А по дороге в университет можно было пройти только тому, кто плотно утрамбовал ее взятками. Старый Халлаш дал полицмейстеру сто рублей, попечителю учебных заведений – сто тридцать, трем профессорам – по пятьдесят, и ректору Новороссийского университета – триста. Перед зачетами все профессора получали мешки с кокосовыми орехами и ящики с вином. Так молодой Илья кончил юридический факультет, так он сделался секретарем у известного адвоката Валерия Станиславовича Маглай-Ягузинского, которому отец вручил чек на пятьсот рублей. Так Илья Халлаш сделался помощником присяжного поверенного. Так он сделался адвокатом. Был еще жив отец, и вместе с сыном они поняли,

что молодой звезде не хватает сияния, то есть славы. Они пригласили на ужин двух фельетонистов из «Эхо Юга» и «Черноморского листка». Откупоривая бутылки поммери (марка шампанского. – **А. Я.**), оба фельетониста привычным взглядом заметили под тарелками с салатом по семьдесят пять рублей. Через три дня появились два судебных отчета о деле наследников Вальбе, разбиравшемся в окружном суде. Журналисты с восторгом отмечали выдающиеся способности молодого адвоката. В «Эхо Юга» статья была озаглавлена «Новый Плевако», а в «Черноморском листке» – «Редкий дар красноречия». Глупый народ поверил газетам, и с тех пор дело наследников Вальбе стали называть нашумевшим. Илья Халлаш прославился. Густо пошли к нему клиенты, и через несколько лет он выстроил для себя в поселке Самопомощь, на пятой станции, каменный коттедж, крытый черепицей, с четырьмя террасами, двумя длинными и узкими, отлитыми из цемента бокалами на фасаде, и садом, где росли каштаны и маслины, где на деревьях повисли гамаки и на дорожках были расставлены шезлонги. Он пожертвовал для общества помощи бедным пятнадцать рублей, для «Капли молока» – двадцать, и столько же внес в Погребальное братство и Общество помощи больным. Так он прослыл благотворителем. Затем он купил на пятьдесят рублей шекелей и произнес речь в синагоге Явне. Так его стали уважать в сионистских кругах. Уже у него родился сын, уже сын пишет стихи о Сионе, но редактор журнала «Щит Давида» сказал, что стихи плохи и их нельзя напечатать. Тогда адвокат навестил редактора-издателя и заявил ему, что согласен подписаться на сто экземпляров, если тот будет более внимателен к его сыну. Стихи были напечатаны. Так жил в Одессе известный адвокат Илья Халлаш.

Сейчас Гордон стоял у ворот его дома на улице Алленби. Он с удивлением рассматривал знакомую обстановку. Покинув Одессу, адвокат выстроил здесь тот же дом, с теми же бокалами на фасаде, с той же крышей и террасами и разбил такой же сад, в котором, правда, было больше маслин и росли четыре пальмы. Кто-то полулежал в шезлонге, кто-то качался на гамаке, кто-то играл на рояле. Двор был укатан гравием, по дорожке бегала маленькая собачонка, откормленная и голая.

<…>

Гордон шел обратно в Тель-Авив, и его душа была полна грусти и мечтаний. Ему захотелось вернуться этим пароходом в его родной и давно покинутый город. Он обдумывал всевозможные планы и видел сны наяву. Мечтая, он воображал: снова произойдет случайность, он каким-то образом – неведомо каким – снова очутится в трюме и проваляется там четыре дня, а затем выйдет на палубу и увидит родную землю, которую он обманул. Вот волнорез. Вот яхт-клуб. Вот Николаевский мол и Арбузная гавань. В море вонзился желтый Дофиновский мыс. Лежит в огнях и дыму Пересыпь. Он поднимается по лестнице, встречает старых друзей… Что потом? Тут мечты обрывались. Дальнейшее было темно, неразличимо.

<…>

Буран улегся, сияло солнце, сквозь зимний холод люди чуяли запахи весны. Двадцать четыре человека сошли один за другим с трапа «Декабриста». Вся пристань беспорядочно шумела и кричала. <…>

И в ту минуту я увидел Александра Гордона. Он растерянно оглядывался, медленно спускаясь по трапу. <…>

– Александр! – заорал я. – Александр!

Он заметил меня, рванулся через толпу, но рассерженный стрелок разъединил нас.

– Отойдите, гражданин, – сурово сказал он. – Стыдно! Кричите, как… Вы же не мамаша! Всю выгрузку испортили!..

Но через пять минут мы нашли в толпе друг друга. Мы расцеловались, и я забросал его вопросами.

– Потом, – отвечал он растерянно, – потом. Как ты узнал, что я приеду?

<…>

Скоро пристань опустела, и Гордон подошел со мной к своим попутчикам. Они стояли у своих чемоданов – черные, бородатые, нездешние люди. Они окружили рослого человека в шубе, представителя Озета, как я узнал после.

– Тише! – кричал рослый человек. – Сейчас будет автобус! Подождите!

<…>

Мы сели в автобус. Все жадно смотрели через оттаявшие окна, толкали друг друга.

– Это Карл Маркс? Да?

– Здесь же стояла Екатерина…

– Сабанеев мост! Смотрите, Сабанеев мост! Вот тут жил персидский шах…

Многие узнавали улицы и дома, где родились, жили, учились. Увидели шествие детей с барабаном – удивились. Увидели статую Ленина в нише бывшей Биржи, красный флаг над зданием, где была синагога Бродского. Все время удивлялись, толкая друг друга, что-то кричали, вспоминали.

<…>

Автобус кружил по городу, и нездешние черные люди никак не могли оторваться от окон. Узнавали Косарку, Толчок, Степовую, Водопроводную, Запорожскую.

– Арон! – закричал один. – Ты знаешь, где мы, Арон?

– Я знаю! Мы – дома!

– Мы – дома, – повторил третий. – Это же наша родная земля.

Я показывал Гордону, объяснял. Он должен помнить – здесь не было никакого сада. А Прохоровская улица? Она вся в цветах. Видел ли он когда-нибудь цветы на Прохоровской? Дом градоначальника? Его сломали. Да, он был на этом месте.

– Хорошо, – сказал Гордон, – я сниму бороду.

Когда нездешние люди немного успокоились, рослый человек из Озета сообщил им, что они пробудут здесь пять дней, потом поедут в Москву и оттуда – в Биробиджан. Их отправят с большой новой партией, на днях туда выезжают двести семей.

<…>

Мы вышли из кафе, и, бродя по ясной Одессе, Гордон вспомнил старого колониста. Он был первый, кто захотел домой, но смерть преградила ему дорогу в обетованную страну. Так в древние времена встала она на пути легендарного Моисея. Старый колонист хотел знать, кто живет на даче Ашкенази, в конце Французского бульвара. Я показывал Гордону: дачу еврейской миллионерши соединили с дачей греческого магната Маразли и сделали санаторий для рабочих. Я знакомил его с шахтерами, в задумчивости бродившими над красноватым

обрывом, заросшим ароматным терновником и высокими полынными кустами. «Кто живет в доме Блюмберга, Хаеса, Ксидиаса?» – спрашивал перед смертью старый колонист. Я рассказывал Гордону: в доме Блюмберга живут его приказчики и сорок студентов, приехавших из сел. Дом Хаеса также заполнен разным рабочим людом, а во дворце Ксидиаса находится Дворец труда. В магазинах Пташникова, Бомзе и Дубинского по-прежнему торгуют мануфактурой, часами и колбасой; они называются кооперативами… Где бывшие хозяева? Не знаю. Ропита уже нет, есть Советский торговый флот, и им управляет Богун, бывший рабочий. Купаются ли еще в Горячей Луже? Конечно, нет. Ее осушили, а наш народ уже не так глуп, чтоб искать целебных свойств в сточных водах. Сейчас он всюду: на лиманах и на фронтах, на всех золотых, бархатных, изумрудных, отрадных, ясных и уютных пляжах. Играет ли еще Эстер Каминская? Нет, ее не слышно. Далеко уехала или умерла – не знаю. Вряд ли сейчас взволнует кого-либо судьба Мирале Эфрос, гордой хозяйки дома. Но актрису помнят и вспоминают с любовью… Старый колонист спрашивал, что на Бугаевке, на Косарке, на полях орошения? Что ж, Косарка – в цветах, а поля орошения уже не принадлежат болгарским купчикам: там – большой совхоз. Бугаевка по-прежнему сера и неустроена. В Городском театре – украинская опера. Тенор Селявин уже не поет, ушел на покой. Отдыхает от полувековых трудов и главный дирижер Прибик. Старик Столярский продолжает выпускать талантливых мальчиков. Вы, должно быть, слыхали у себя про Эмиля Гилельса и Бусю Гольдштейна. На джутовой фабрике делают, как и в старину, стальные и пеньковые канаты для кораблей. Дерутся ли там? Не тот рабочий, не те жены, не те игры, не те нравы. Иные школьные товарищи кончили университет; кто ушел в армию, кто стал директором, инженером. А колодец на Мясоедовской, 14, забросали землей и камнями. И дом Маразли, и мельница Инбера, и фабрика Попова, и морские ванны Тригера, и земли Ковалевского, и дачи Прокудина, Синицына, Натансона, Цудека – все принадлежит одному хозяину… Множество перемен, Александр.

– А помнишь, на Слободке было кладбище для самоубийц?

– Городских сумасшедших помнишь? Марьяшеса с его тростью? Хаву, которая с утра до вечера мыла руки? Гершеле Полоумного с его коляской?..

Неожиданно Гордон перебивает наш разговор, полный воспоминаний.

– Когда пароход шел обратно из Яффы, – говорит он задумчиво, – мы не могли насмотреться на команду. Евреи с Молдаванки стали матросами и механиками! Вы, должно быть, привыкли к таким вещам?

– Давно, – сказал я и смутился, разобрав в тоне своего ответа ноты превосходства.

– Черное море не хотело нас пустить, – продолжал Гордон. – Какой ураган! Море не шумело, а вулканизировало. Надо сказать, советские евреи выдержали испытание лучше библейских. Они боролись со шквалом, как великаны. Неужели с тех пор как я уехал, на нашей Молдаванке, среди ее тщедушных обывателей, завелись великаны? <…>

Посидим на скамейке. Помолчим.

возмущались ее недоступностью. Ведь лишь в 1983 году несколько глав из «Парохода…» были опубликованы в Израиле в книге Гехта «Простой рассказ о мертвецах».

В 1964 году Константин Паустовский писал в Гослитиздат: «Гехт был писателем большого дарования, мужества и чистоты. <…> Гехт писал сочно и лаконично. Наличие некой строгой и взыскательной доброты было характерно для его вещей, так же, как и наличие огромной его заинтересованности в окружающей писателя «быстротекущей» жизни. Гехт принадлежит к тем писателем, книги которых бесспорно требуют переиздания».

Через пятьдесят лет после смерти Гехта, через восемьдесят лет после выхода книги издательство «Книжники» в серии «Проза еврейской жизни» готовит к публикации книгу Семена Гехта «Пароход идет в Яффу и обратно».

Семен Гехт

Пароход идет в Яффу и обратно

Одесские фрагменты

Представьте себе Болгарскую улицу на Молдаванке в Одессе. Два мальчугана насмотрелись библейских картинок, наслушались заманчивых рассказов о пастухах и виноградарях Святой земли, о дочерях Сиона, собравшихся у колодца. Мы клялись друг другу, бродя по Болгарской. Дворницкие дети посылали нам в спину оскорбления. «Александр, мы поедем домой?» – «Поедем». Мальчики жмут друг другу руки, читают нараспев Бялика и ходят по вечерам на Большую Арнаутскую, в синагогу – клуб Явне. Ораторы зовут домой. Усышкин говорит о родной земле, Жаботинский рисует перед трахомными глазами мечтателей еврейские легионы, и семь братьев Маккавеев смотрят с упреком на обнищавший духом народ…

<…>

– Я также вырос в семье полусапожника-полумаклера, и мой отец Вениамин Бронштейн похоронен на третьем одесском кладбище.

– Правда, правда, – сказал я, – у нас там было четыре кладбища. На первом хоронили миллионеров и стотысячников; их укладывали в мраморные склепы с райскими изображениями на каменных плитах. Их отпевал кантор Маньковский, их навещали толстые старухи в черных шелках. Они приезжали сюда в лакированных экипажах.

– Господин Ашкенази, – вспомнил Броун, – господин Блюмберг, господин Хаес…

– А на второе кладбище свозили адвокатов, зубных врачей и торговцев с Привоза. Их отпевал кантор из Шалашной синагоги. Здесь не было склепов, но все же покойников размещали удобно…

– За зелеными оградами, – сказал Броун, – среди тенистых акаций… и сторожа обходили свои владения, прогоняя бродяг и влюбленные парочки.

– Третье кладбище, – продолжал я, – было далеко за городом, рядом с сумасшедшим домом, на глухой и скандальной слободке Романовке. В ужасной куче теснились бедняки и члены погребального братства; они жаловались, что нищие их разоряют. Наших бедных отцов хоронили быстро и бесплатно. Вместо акаций рос дерн, вместо гранитных памятников над убогими и неряшливыми холмиками возвышались деревянные таблички…

– И еще было четвертое кладбище, – сказал Броун, – кладбище для самоубийц, для тех, кого религия поставила вне закона.

– Для самоубийц и повешенных за революцию, – произнес я. – У моего ребе Акивы повесили дочь: она покушалась на жизнь киевского генерал-губернатора. Ее свезли на четвертое кладбище…

<…>

С годами мы стали забывать легенду о родине, а с первых дней Октябрьской революции и не вспоминали больше о Святой земле. Заброшен клуб «Маккаби» на Херсонской, клуб богатых юношей. <…> На Болгарской, в библиотеке имени Пушкина, собирается кружок революционной молодежи.

<…>

Мать видела во сне всех умерших родственников: Йосифа-кантониста, Хану-акушерку, известную в свое время тем, что у нее была легкая рука, и погибшую от родов, Иерахмиеля, сборщика податей, и самого Макса Францевича Воскобойникова, почетного

члена трех обществ: «помощи больным», «по обеспечению невест приданым» и нееврейского «общества покровительства животным», где его очень уважали и куда он пожертвовал тысячу мисок с цепочками. Миски привязывались к уличным деревьям, дворники заботились, чтобы всегда в них была вода, и бродячие собаки утоляли бы здесь свою жажду.

А сестры? Сестры видели во сне то, чего они так и не увидели никогда наяву: негорбатых молодых людей со стеками в руках и в накрахмаленных манжетах. Они целовали сестрам руки, нанимали, не торгуясь, извозчиков с экипажами, снабженными резиновыми шинами, угощали их дамскими папиросами и глазированными фруктами и увозили ужинать в зеркальный, в бумажных цветах, японских фонариках и лампионах ресторан «Илиади».

<…>

В тот год мы увидели живого царя. Наш город праздновал двухсотлетие полтавской победы. На Куликовом поле поставили плохой памятник. Сам Николай Второй приехал его «освятить». Нас муштровали целую неделю. Попечитель всех городских училищ осмотрел наши черные костюмчики из сиротского сукна и грубые шинельки с зашитыми в сукно пуговицами. Носить пуговицы открытыми была привилегия гимназистов. Для этого нужно было быть сыном купца первой гильдии или принять православие. Мы же учились с Гордоном в Свечном училище. Оно называлось вторым казенным. Здесь проходили краткий курс практических наук, готовили конторщиков и бухгалтеров. Училище существовало на деньги свечного сбора. Нас поставили в самом конце поля, и царь проехал мимо нас в открытой машине. Старый инвалид с Георгиевским крестом вынырнул из толпы и бросился на землю перед царским автомобилем. Его обидели чиновники, он искал помощи у царя-батюшки.

– Царь-батюшка! – закричал инвалид. – Ваше императорское величество!

На него набросились со всех сторон. Дюжина приставов и полковников оттащила его в сторону, а царь очень испугался и уткнулся в угол машины.

Праздник кончался. Царь уехал в Петербург, а георгиевского кавалера посадили в Чубаевскую тюрьму. Об этом говорили

зубные врачи в своих салонах и адвокаты в кулуарах окружного суда. Об этом шептались лавочники, развешивая крупу и сахар, и школьники, играя на дворе в чехарду.

Среди других учителей был у нас Абрам Маркович Манылам. Он учил нас рисованию. Наши родители хотели видеть нас не художниками, а приказчиками, и потому рисование было необязательным предметом. Но в каждой роте есть свой запевала, и у нас был Александр Гордон. Его смешные рисунки и головы учителей, которые он лепил на дворе из глины, сделали его в наших глазах высшим человеком. Абрам Маркович Манылам любил поплакать; однажды он подошел к парте Гордона и обнаружил там полный ящик маленьких голов и фигур. Он рассмотрел еще сырую глину, поцеловал мальчика в макушку и заплакал.

– Кто знает, – сказал он и вздохнул. – Может быть, ты будущий Антокольский.

В детстве часто случаются чудеса. Как-то в зимний день учитель пришел с большим человеком. Большой человек был знаменитый скульптор из Парижа. Его звали Аронсон. Он взял Моисея, вылепленного Гордоном, покачал головой и пожал мальчику его грязную руку.

– О! – сказал Аронсон.– Надо учиться. Стоит.

Аронсон уехал, чудо ушло, а Абрам Маркович Манылам заболел. Уроки рисования прекратились. Мы зубрили историю «о наших предках-славянах», о Людовике Шестнадцатом, который разозлился на свой народ и навсегда покинул Францию, мы учили географию и готовились к двойной итальянской бухгалтерии. Покидая школу, мы шли с Гордоном на Чумку. Это была невысокая насыпь. Гордон говорил:

– Вот горы Иудеи.

Мы гуляли по бульварной аллее, где цвели платаны, и оркестр играл венские вальсы.

– Вот Средиземное море,– говорил Гордон, показывая на Черное.

Мы кончили с ним школу в первый год русско-германской войны. Нам обоим было по тринадцать лет. Он поступил приказчиком к Дубинскому, я – к Бомзе. Он разносил по домам колбасу и сыр, а я стоял за прилавком с карандашом за ухом и с аршином

в руках. Когда магазин пустел, меня выгоняли на улицу зазывать покупателей. Я хватал их за полу, получал от них тумаки и затрещины.

– Дамочки! – кричал я. – Мамзельки! Мамочки!

<…>

То были годы русско-германской войны. Улица, на которой жил Гордон, называлась Мясоедовской. Когда повесили полковника Мясоедова, жители испугались: не обвинят ли в шпионаже и евреев? А улица была такая еврейская, что на босяцкой Косарке о ней говорили, будто там из водосточных труб капает чесночный сок. Улица часто плакала. Нищие, умеющие прилично выть на чужих похоронах, стали хорошо зарабатывать. У Гордона был среди родственников один скорняк, заседавший в погребальном братстве. Теперь, когда Гордон ходил по улице, о нем часто шептались: «Вы видите этого мальчика? Это – Гордон. У него рука в погребальном братстве».

<…>

Кончив работу, Гордон направился в клуб «Маккаби». Он раскачивал в руке крохотный чемоданчик, где лежал гимнастический костюм. Этот чересчур легкий чемоданчик не шел к его широким плечам и жесткой одежде. На нем были короткие сапоги, зеленоватые и грубошерстные галифе и грудастый френч.

Раскачивая чемоданчик, Гордон шел в клуб «Маккаби». Он не был его членом: для этого надо было считаться партийным сионистом. Гордон даже не был поалей-ционистом, членом рабочей сионистской партии. Он умело пользовался несолидностью своего возраста, чтобы брать у маккабистов все, что ему было по душе. Вот если была бы партия растревоженных библейскими сказаниями людей, он вступил бы в эту партию. Чего хотелось Гордону? Ему хотелось той жизни, чудесными рассказами о которой было сладко отравлено его детство: чтоб были горы, чтоб были шатры и водоемы, бараньи стада и виноградники, смуглые сионистские девушки и воины, сторожащие пустыню. Он брал у маккабистов все эти образы, они были куда лучше холодной белизны газетной экспедиции, типографских попоек и бесчисленных национальных ущемлений.

<…>

Главным в клубе «Маккаби» было для Гордона физическое возрождение евреев. Он был убежден, что такие, то есть не горбатые и не пораженные трахомой юноши не будут прятаться от погромов ни на чердаках, ни в подвалах. Клуб «Маккаби» был исходом из его печального детства, о котором он много будет вспоминать в Иудее по ночам, карауля пустыню. В клубе Гордон укреплял свою мускулатуру, выжимая гири, всползая на руках по отвесам гимнастических лестниц, прыгая, подобно дельфину, и опускаясь ласточкой в клубный бассейн. В этот день Александр собирался много плавать. Он расстался у входа в клуб с дождем и прошел в раздевалку. Там он нашел объявление о докладе. Раздеваясь, он спросил соседа, о чем доклад. Сосед сообщил: сегодня выступит сам председатель клуба, агроном Канторович. Он будет говорить о маккавейских батальонах. И сосед сказал:

– Кончено!

– С чем кончено? – спросил Гордон.

– С нашей бездеятельностью кончено. Сейчас не время разговаривать: мы не в синагоге. Если мы хотим получить свою землю, мы должны ее отвоевать. Наступило время осуществления мечты. Короче говоря: вы ничего не слышали о маккавейских батальонах? Мы будем драться против Турции. Владимир Жаботинский сколотил в Англии несколько таких частей. Нам надо хлопотать о зачислении в эти батальоны.

– Как?

– Ну, подать, скажем, петицию в военное министерство. Вы запишетесь?

Гордон помолчал и ответил:

– Нет, не запишусь.

– Не запишетесь? – спросил сосед.– Не запишетесь? – повторил он вслед за этим несколько раз, накаляясь возмущением.

– Нет, не запишусь, – отвечал, забывая свой возраст, Гордон, – я ненавижу войну.

– Значит, вы не хотите умереть за Сион?

– Я согласен, – ответил Александр, – умереть за Сион, но не желаю, чтобы за него умирал тот, кому он не нужен.

– То есть?

– Я не хочу убивать турок.

– Послушайте вы, вегетарианец с Колонтаевской! – кричал сосед. – Вас же все равно скоро возьмут на войну. Надеюсь, вы не станете себе наращивать грыжу?

– Нет, не стану.

– Ну?! – вскипел сосед. – Значит, за русского царя вы готовы умереть, а за еврейское государство – нет?

Гордон объяснил:

– За царя я пойду умирать поневоле, тут же идет разговор о добровольцах.

Сосед закричал:

– Довольно! Я поставлю вопрос об исключении вас из партии.

– Я не в партии.

Сосед ударил себя от досады по затылку.

– Зачем же я с вами разговариваю? Как вы сюда попали?

– Меня рекомендовал Хаим Бялик.

– Хаим Бялик?! Откуда вы его знаете?

– Я работал у него в типографии, – ответил Гордон, – фальцевал бумагу.

Тут ссора потухла. Знакомство Гордона с Хаимом Бяликом успокоило маккабиста. Похлопав себя по спине, они оба пошли купаться.

<…>

В письмах пяти забранных на фронт фальцовщиков все неудобства войны были связаны с дождем. В последние дни в экспедицию часто приходила мать одного фальцовщика. Второй номер при шестидюймовом орудии был ее сыном. Она перестала получать от него письма. В эти дни русские войска покидали Галицию. Шло развернутое отступление из Червонной Руси. В очередях за керосином заметно прибавились траурные повязки. В экспедиции говорили: «Кончился второй номер». А мать второго номера приходила сюда плакать. Она плакала и мешала работать. Тюки и пачки летели через ее голову. Бумажный снег валился на ее нищенскую шаль. «Кончился второй номер», – сказал Гордону на улице его товарищ по работе. Он встретил его у клубных дверей. Под дождь товарищ рассказывал ему: сегодня днем мать получила письмо. А в письме было: «Ваш сын та-та,

та-та – под Журавой. Он похоронен в братской могиле». Затем следовала неразборчивая подпись полкового адъютанта.

<…>

Так Гордон дожил до девятнадцати лет. На улице была осень. В городе не было воды. Французы грузили свои пароходы. На заставах уже видели большевистскую конницу. Богачи платили десятки тысяч за иностранные паспорта и целовали ноги жадным судовым администраторам. <…> Но по городу разнеслась весть о декларации Бальфура. В тот день, когда Лоуренс обещал Палестину вместе со всей Аравией арабам, министр Бальфур обещал ее евреям.

Тут случилась история с «Биконсфильдом». История случилась, собственно, не с «Биконсфильдом», потому что «Биконсфильд» был пароходом, а с семьей Цигельницких, пожелавшей на него попасть. Они заплатили две тысячи рублей в долларах судовому механику английского торгового парохода «Биконсфильд». Механик взял эти деньги и через час пришел за новыми. Он загнал семью Цигельницких в трюм и старался о них не забывать, пока не двинется пароход.

– Еще пятьсот, – говорил он по-русски, спускаясь в трюм.

– Одним словом, – жаловался старый Цигельницкий, – чем я ближе к могиле, тем я делаюсь опытнее. Теперь я знаю, что и среди англичан есть шантажисты и взяточники.

Цигельницкие не врали, когда говорили, что у них больше нет денег: они никогда не были богачами. В доме Блюмбергов их не принимали. Функель тоже дал им понять, что птица запела слишком рано.

– Это скандал, – возмущался в обществе признанных богачей Функель, – несчастные люди с трудом скопили жалкую тысячу рублей, и они хотят уже считаться богачами. Я же не лезу в главнокомандующие, несмотря на то, что я тоже умею ходить в ногу.

Гордон был соседом Цигельницких и хорошо знал, как они скопили свои две тысячи рублей. Старый Цигельницкий служил в течение десяти лет «зиц-редактором» в большой либеральной газете «Эхо Юга». Примерно раз в год к нему приходили из редакции и сообщали, чтоб он приготовил себе чистое белье. Это означало, что в газете появилась какая-нибудь смелая статейка,

и губернатор приговорил ответственного редактора к трем месяцам тюрьмы. Цигельницкий, подписывавший газету и получавший за это шестьдесят рублей в месяц, отправлялся сидеть.

Еще не уставшие остряки спрашивали его иногда на улице:

– Скажите, мосье Цигельницкий, почему у вас сегодня такая скучная газета? Вы, наверное, жалеете денег для Жаботинского?

– Ах, я не знаю, – отмахивался Цигельницкий, – разве Жаботинский перестал писать?

Он был настолько не любопытен, что за все десять лет даже не развернул газету, которую подписывал. О Жаботинском он знал от детей. Он часто слышал, как они читали его фельетоны и похоронные речи в стихах.

Семья Цигельницких состояла из пяти человек. Как же случилось, что в тюрьме «Биконсфильда» их оказалось шесть? Неужели мадам Цигельницкая спешно родила?

Шестым был Гордон. Он слышал от Цигельницких, что они бегут на родину со всеми богачами, что у них есть место на пароходе «Биконсфильд», который пойдет в Константинополь и Яффу. Потом он видел сумятицу, какая была в городе.

В Яффу?

Ожила ослабевшая фантазия. Снова стали тесниться в голове лиловые высоты Святой земли и склоненные выи иорданских тростников. Вот она, перед глазами, золотая кожа сионских дочерей, пляшущих под голоса тимпанов и бубен. Яффа – ворота обетованного края, родина первой гимназии, удачно возродившей забытый язык. От Яффы расходятся песчаные дороги и каменистые тракты на Газу, на Иерусалим, на Кайфу, на Хеврон, на Сихем.

Несбыточное стало для Гордона возможным. Надо только попасть в трюм «Биконсфильда». Неужели этот еврей, бывший английским министром и аристократом и ставший пароходом, не позволит ему притулиться в одном из уголков своего большого и теплого брюха? И Гордон примкнул к Цигельницким, не сказав им ничего об этом.

Они отдали все свои деньги судовому механику и в порт тащились пешком, волоча за собой свои корзины с женскими кофтами со стеклярусами, множеством филактерий и запасами нюха-

тельного табака. Когда механик увидел их, окруженных скарбом, он высокомерно на них посмотрел и не стал даже пересчитывать. Зато он слишком часто навещал их в трюме.

Выйдя из дому, Гордон завел со старым Цигельницким разговор об Уганде и о иеменских евреях. Гордон начал с того, что Израиль Зангвиль – человек, лишенный сердца.

– Скажите мне, – негодовал он, – зачем он хватается за Африку? Я знаю, что он тоже хочет, чтоб евреи были земледельцами. Но разве все равно, какую землю обрабатывать?

– Он потерял еврейского Бога, – ответил старый Цигельницкий, довольный негодующими речами юноши.

– Нет, – продолжал Гордон, – не Парагвай и не Уругвай, а цветущие ячменем и пшеницей поля Хеврона.

– Поля Хеврона! – вздыхал старый Цигельницкий.

Когда они подошли к пароходу, старик хотел спросить Гордона: «Молодой человек, а ты куда?» – но увидел безумие в его побелевших глазах. Если бы механик спросил: «А это кто? Тоже твой?» – тогда другое дело! Он сказал бы: «Нет, он чужой, он прицепился к нам. Берите его, господин». Но механик ничего не спросил.

Они сидели в трюме два дня и две ночи. Пароход должен был тронуться на рассвете третьего дня. Накануне пришел в пятый раз судовой механик.

– Еще двести, – сказал он злобно, огорченный тем, что эти евреи его так безжалостно надули. Другие брали с них по десять и по двадцать тысяч.

Гордон не слышал, что ответил ему на это требование Цигельницкий. Душный воздух трюма сжал его дыхание и заволок холодом бессилия его глаза. Он упал.

Соседи настояли, чтоб его взяли в судовой лазарет.

Он пробыл там целые сутки и очнулся. Когда пароход уже сделал сто узлов и растерял берега, он снова спустился в трюм и не увидел там Цигельницких. Судовой механик продал в последнюю минуту их места за двадцать пять тысяч рублей. Их сбросили на берег за десять минут до отхода «Биконсфильда».

<…>

Снова очутившись в трюме, Гордон стал понемногу знакомиться с его обитателями. В грязи и вони валялись среди кулей

и тюков хорошо одетые мужчины и дамы. Уже многие, видно, начали успокаиваться, и в дальнем углу кто-то играл в карты, а одна дама умудрялась даже флиртовать в этом смрадном месте, непригодном для кокетства и легких разговоров. Гордон ее знал. Она была эстрадной балериной и прославилась исполнением танго. Неталантливая, но красивая танцовщица никогда бы не увидела роскошной жизни, если бы в студию, где она училась, не заглянул случайно рыжебородый и чахлый Меерсон, владелец двух оптических магазинов на Преображенской улице. Он увидел ее и сразу влюбился в белоглазую Эмму Зегер, бедную ученицу второсортной студии. Он предложил ей переехать к нему на дачу. «Кстати, она расположена в Аркадии, на берегу залива, рядом с морскими ваннами. Кстати, там есть свободная комната. Стоимость комнаты? Потом! Мы сочтемся потом, когда вы станете знаменитой, и я потребую все деньги сразу за все время! О, я на вас прекрасно заработаю». Балеринка сказала, что она не согласна, нет, ни в коем случае. Это, наконец, неудобно. Через час она уже сидела в саду на даче Меерсона, и он раскачивал ее шезлонг. Затем он предложил ей прокатиться с ним на его собственной моторной лодке, и Эмма Зегер снова сказала, что не согласна. Так она пять дней отказывалась от всех предложений и делала все, что он у нее просил, а на шестой стала его содержанкой и вдруг всюду заговорила с гордостью о своей связи. В ее дом ходили владельцы конфекционов с Александровского проспекта, меховщики с Еврейской улицы, содержатели немецких баров с Малой Арнаутской, офицеры и театральные рецензенты. За короткий срок она изменила ему четыре раза, но Меерсон считал, что Эмма только один раз его обманула, и кое-как с этим примирился.

Когда Эмма Зегер купила себе за два бриллианта место на пароходе, Меерсон лежал в больнице. Она скрыла от него свой побег, но все в городе это знали. Знали и на пароходе, в трюме. Меховщики и владельцы конфекционов оглядывали ее с презрением, а их жены неумолчно ее ругали, возмущаясь и гневно перешептываясь. Еще обидней было то, что балерина, так дорого стоившая коммерсанту Меерсону, кокетничала с приказчиком из кондитерской Либмана. Сам Либман сидел тут же, на бочке с маслом, и злорадно посмеивался, говорил про себя, что он –

убежденный циник и его «радует всякое человеческое неустройство, каждая ерунда, глупость и чепуха на нашей сверхдурацкой, архиидиотской и наикретинической планете».

Однако в трюме ожили немногие. Перебираясь через ящики и бочки и бродя по всем закоулкам трюма, Гордон видел удрученные и злобные лица. Кто-то плакал, кто-то неистово проклинал. Уже ругали больше французов, чем большевиков. «Это же понятно, – возмущался меховщик Гантили, – большевики – это большевики, и что с них возьмешь? Но союзники! Французы! Англичане! Ведь на них-то можно было рассчитывать»… И все собравшиеся в трюме коммерсанты в горе своем радовались, что вот они, коммерсанты, оказались доверчивыми, а союзники – подлецы. Всюду, за каждым кулем и бочкой, слышал подобные разговоры Гордон. Одесские буржуа, лишенные удобных квартир и прислуг, вели себя на редкость нечистоплотно, и Гордон удивлялся грязи и вони вокруг них. Почти никто не умывался, не ходил дышать свежим воздухом на палубу, и странно было видеть в этой смрадной клоаке, наполненной гниющими объедками и испражнениями, чистую и надушенную Эмму Зегер.

<…>

– Мистер Броун, – попросил я, – вы там были, расскажите о Тель-Авиве.

– Что вы о нем знаете? – сказал мистер Броун.

– Очень мало. Я знаю о нем только то, что лет двадцать назад сионисты выстроили на пустом месте, на береговой полосе в полутора километрах от Яффы еврейскую гимназию. После декларации Бальфура здесь возник большой город, столица. В самом ли деле он так велик и красив?

– Вы хорошо знаете окрестности Одессы? – спросил Броун.

– Еще бы, – ответил я, – и Чубаевку, и Пересыпь, и Ярмарочную площадь, и Лазуновку, и Большой Фонтан, и Средний, и Малый, и Хаджибеевский лиман с Куяльницким, Аркадию, и Дофиновку…

– А вы бывали когда-нибудь в поселке Самопомощь?

Я вспомнил, что в детские годы мы часто туда ходили с Гордоном. Надо обогнуть Куликово поле, миновать Ботанический сад и выйти в степь. Слева – море, пожирающее берега, скудные холмы, разломанные скалы, красноватые оползни. Справа – степь,

где растет подсолнух и запуталась в своих волосах кукуруза. Жара, соленый ветер. Мы проходим с Гордоном четыре километра, и в степи возникает нарядный городок. Лают собаки из-за чугунных ворот, цокает экипаж, иногда покажется высокий каретообразный автомобиль, стучатся в двери кухонь молочницы. Я запомнил ряд зеленых улиц, главная называлась Каштановой – там росли каштановые деревья; если попадешь туда осенью, так и ходишь по каштанам, и топчешь их, и расшвыриваешь вокруг себя. Здесь не было ни одного доходного дома; в Самопомощи жили акционеры, управляющие банков, известные врачи, знаменитые адвокаты. В каждом доме – хозяин с семьей, дочка играет на рояли, на окнах – жалюзи, в кухнях – кафельные полы, много прислуги, в садах – шезлонги, и мальчуганы в длинных костюмчиках играют в серсо и крокет.

Все дома были сложены из белого известнякового камня, в каждом доме – два или три этажа, черепичная крыша, мансарда в парижском вкусе. У чугунных ворот – медные таблички: Исай Павлович Купервассер, Иосиф Ильич Зак, Израиль Львович Хейфец, Абрам Яковлевич Штейнберг… Каждое утро прислуги натирали таблички мелом…

– Правильно, – сказал мистер Броун. – Когда же многие жители Самопомощи перебрались в Палестину, они построили там большую Самопомощь. Вообразите ряд широких улиц, укатанных гравием, посреди – электрические столбы, а по обеим сторонам – именно такие двухэтажные и трехэтажные дома. Есть улица Ахад-Гаама, улица генерала Алленби, есть бульвар Ротшильда. На бульваре Ротшильда – соломенные скамейки, пальмы, музыка. На морском берегу – большой пляж, много спортсменов, ресторан. Всюду звучит древнееврейская и русская речь. Говорить на жаргоне неприлично и преступно. Конторы, магазины, мастерские. В Тель-Авиве нет ни одной фабрики, впрочем, в последние годы там появилась труба. Было много шуму по поводу открытия кирпичного завода. А сколько медных табличек! Сколько адвокатов, врачей, преподавателей и дантистов! Они могли бы обслужить полумиллионный город, а в Тель-Авиве – около сорока тысяч жителей.

<…>

Все спрашивали друг друга:

– Вы не видели начальника порта?

Кто-то пробежал по молу с узелком в руке.

– Понимаете, – крикнул он на ходу, – я уже полчаса ищу начальника порта.

– Когда же он наконец придет?

В гавани собралось множество пассажиров. Они проводили здесь третьи сутки, то уходя в город за покупками, то снова возвращаясь. Четыре парохода стояли у причалов, готовые к отплытию. Море буйствовало. Валы перекатывались через волнорез. Не переставая ревел ураганный ветер. Шторм на Черном море продолжался три дня. Все надеялись, что он с минуты на минуту должен утихнуть, но ветер усиливался, рос накат, все белей и белей становилась пена прибоя. Начальник порта сказал, что не выпустит ни один корабль. Злые и сонные бродили по гавани пассажиры: их ждали в Николаеве, в Батуме, в Пирее.

Кроме них столпились в порту и встречающие. Пять кораблей маялись в открытом море. Ураган мешал им войти в порт, и родственники тревожились о судьбе плененных бурей пассажиров. Начальник порта стал здешним богом. Время от времени он получал отовсюду сведения, принимал радиограммы с блуждающих пароходов, и стоило ему появиться в своей конторе или на молу, как к нему сразу бросались десятки людей, засыпая его вопросами.

– Ну что, товарищ начальник? Какие сведения?

– Двенадцать баллов, – сурово отвечал начальник порта, безнадежно оглядывая всю толпу.

Пять больших кораблей маялись в открытом море. Два шли из Батума, один из Николаева, четвертый возвращался из кругосветного путешествия, нагруженный электрооборудованием и рыболовными снастями, а пятый плыл из Порт-Саида. Ураган настиг их внезапно. Ночью море разыгралось, семь баллов быстро перешли в девять и одиннадцать. Суда были недалеко от Одессы, когда сила ветра достигла двенадцати баллов, а крен дошел до сорока градусов. Они не успели вовремя проскочить в порт и теперь ждали, как и люди на берегу, успокоения погоды. Радиограммы сообщали об оголенных винтах, о сорванных ветром шлюпках, нехватке угля. В порту обледенели все канаты

и причальные тумбы. Люди шли, прижимаясь к стенам, но ветер все же отрывал их от земли и кружил по пристани, смешно вздувая одежды.

Находились дураки, которые в толпе матерей и женщин заводили разговоры о всевозможных кораблекрушениях, случавшихся в разные времена в разных портах. На них смотрели с презрением, от них убегали, как от злодеев и прокаженных. Наоборот, настоящие моряки весело утешали публику, часто повторяя, что этот шторм еще не самый высший и что в их жизни бывали похуже.

Наконец появился начальник порта. Он зарос бородой, словно дал обещание не бриться до тех пор, пока не уляжется море. В руках он держал таинственную сводку со сведениями.

– Ну как, товарищ начальник?

– К вечеру успокоится, – ответил он. – Есть приятные сведения из Новороссийска и Севастополя, там начинается затишье.

Как развеселилась гавань! Все радостно толкали друг друга, повторяли:

– Вы слышали? Начинается успокоение!

– Ну да, затишье!

Жадно всматривались в морские дали, и хотя так же буйно свирепствовало море и гулял ветер, и яростно белела пена прибоя, люди убеждали друг друга, что они видят, как уменьшились гребешки и как – вы разве не чувствуете? – ослабевает ветер. Нашлись добровольцы-гонцы, они ежечасно бегали на радиостанцию, и на пристани стали их встречать так же внимательно и восторженно, как и начальника порта. Изучали полет птиц, гадали по ним, как и по флюгеру на вышке Дворца моряка, стоявшего на бульваре, над красноватым и чуть заснеженным обрывом. Приумолкли хвастливые дураки. Вдруг все стали пить чай. Пили весело и шумно. Шутки, которые ранее выслушивались молча и недружелюбно, начали пользоваться успехом. И опять:

– Вы не видели начальника порта?

– Когда же он наконец придет?

Образовались маленькие коммуны. У одного был в избытке сахар и чай, между тем как у его соседей они давно иссякли. Угощали друг друга, делили продукты, переходили с «вы» на «ты»,

записывали батумские, николаевские, севастопольские, пирейские, стамбульские адреса и телефоны.

Пассажиры и встречающие ждали вечера. Я ушел в город и, когда зажглись первые огни, снова спустился в порт. Действительно, шторм ослабевал, но корабли еще было запрещено выпускать из гавани. Пошел слух, что ночью в порт смогут войти блуждающие за рейдом пароходы. Начальник сообщил публике: первым причалит пароход «Декабрист», идущий из Порт-Саида.

– Мой сынок! – вскричала женщина.

Я оглянулся и увидел старую-престарую еврейку, закутанную в два шерстяных платка.

– Мой сынок на этом пароходе, – сказала она, схватив за руку начальника. – Он работает в кочегарке. Вы, должно быть, его знаете. Моя фамилия Эпштейн.

– А! – произнес начальник порта и прошел дальше.

Заметив мой внимательный взгляд, старушка подсела ко мне и рассказала мне в нескольких словах жизнь сына. Он кончил мореходное училище, уже два года плавает на «Декабристе», он будет помощником старшего механика. Она всегда выходит его встречать. Грех жаловаться, он не забывает старую мать. Она раньше сама зарабатывала себе на жизнь, но он ей запретил. Видите ли, она торговала на Привозе, у нее был самовар, она варила в нем пшенку и продавала детям, но сын не хочет, чтобы она занималась такими делами.

<…>

Распрощавшись со швеей, я двадцатый или тридцатый за эти дни раз поднялся в город и вернулся в порт поздно ночью. Еще сверху я разглядел освещенную прожектором толпу и великую суету на молу. Когда я спускался по лестнице, протяжно и величественно загудел гудок. Я заметил движущиеся огни – пароход входил в гавань.

<…>

Я побежал к причальной пристани, где шумно возились портовые рабочие, волокли сходни, и охрана оттесняла со всех сторон напиравшую толпу.

– «Декабрист» пришел! – кричали люди. – Через двадцать минут войдет «Ильич». Я вас очень прошу, пропустите, пожалуйста: ваш сын же не на «Декабристе»! Пропустите!

– Спокойно, товарищи, спокойно, – голосили охрипшие стрелки портовой охраны.

Пароход медленно поворачивался в бухте, осторожно подплывая к пристани. Кто-то снизу бросил концы, кто-то наверху подхватил. Все радостно кричали вокруг: и на корме, и на носу, и на молу.

<…>

[В это же время в Палестине вспоминают об Одессе. – **А. Я.**]

Кто знает, может быть, права народная пословица, гласящая, что хорошо только там, где нас нет. Возвращаясь домой, старый колонист признался, что хотел бы на один день – хотя бы на один день – заехать в Одессу и посмотреть, что делается на местах его детства и ранней юности. Кто же поселился в доме Ашкенази на Воронцовской улице и на ее божественной даче в конце Французского бульвара, над красноватым обрывом, заросшим ароматным терновником и высокими полынными кустами? Кто живет в доме Блюмберга, Хаеса, Кондиаса? Кто торгует в магазинах Пташникова, Бомзе и Дубинского? Кто работает и управляет на заводах Гена, Попова и в доках Ропита, и на складах Юротата? Купаются ли еще в Горячей Луже на Пересыпи, у мельницы Вайнштейна? Что стало с богатыми болгарскими огородами на полях орошения? Что делается на Куликовом поле, на Толчке, на Косарке, на Бугаевке, на Ярмарочной площади? Кто вдыхает запахи сирени, акаций и маслин на дачах Вальтуха, Цудека, Маразли и Натансона? Кто сидит в Городской думе? Кто поет в Городском театре? Кто бродит по Хаджибеевским горам и кто гуляет по саду Трезвости? На Еврейской были меховые лавки, а на Малой Арнаутской – немецкие трактиры и постоялые дворы. Кто там сейчас? На Старорезничной играла в театре Болгаровой Эстер Каминская, на Прохоровской гудела мельница Инбера, в Городском саду управлял оркестром Прибик. Что там сейчас? Стоит ли еще дом на Мясоедовской, 14? В том доме был колодец и хедер. Дети из хедера прозвали колодец священным и рассказывали о нем множество легенд.

На джутовой фабрике часто случались драки, а на Кривой Балке было так жутко, что ночью сюда боялись ходить даже портовые рабочие – люди отчаянные и бесшабашные…

Волна воспоминаний оказалась сильней и быстрей волны шлюзовой. Вспоминая, старый колонист из Кадимо чувствовал, как он тоскует по родине и как растравляет воспоминаниями рану своей тоски.

<…>

Жил в Одессе в конце девятнадцатого века агент колониальной фирмы Соломон Халлаш. Имел контору на Греческой улице, где на прохладных полках лежали запечатанные пакеты с рисом, перцем, кокосовыми орехами, финиками и стояли бутылки, наполненные старинными винами. Соломон Халлаш брал с собой каждое утро груду пакетов и бутылок. Он называл их образцами и разносил по городу вместе с роскошными многоцветными, богато разрисованными прейскурантами. Копил деньги, скупал ковры и мебель, воспитывал детей. Путь юного Ильи старый Халлаш усеял взятками, как розами. Была в четвертой гимназии четырехпроцентная норма, но Соломон Халлаш дал полицмейстеру сорок рублей, а директору гимназии вручил сотенную. Сына допустили к экзаменам. Когда Соломон Халлаш узнал, что два преподавателя собираются провалить его мальчика, желающего поступить в третий класс, то пригласил обоих преподавателей к себе на ужин. Они в тот вечер пили и ели, как никогда в жизни. Вернувшись домой, каждый обнаружил у себя в передней ящик с вином и конверт с запечатанной в нем двадцатипятирублевкой. Легко было учение молодого Ильи Халлаша. Он всходил на взятках, как на дрожжах, и цветущей была колея его жизни. Сын кончил гимназию. А по дороге в университет можно было пройти только тому, кто плотно утрамбовал ее взятками. Старый Халлаш дал полицмейстеру сто рублей, попечителю учебных заведений – сто тридцать, трем профессорам – по пятьдесят, и ректору Новороссийского университета – триста. Перед зачетами все профессора получали мешки с кокосовыми орехами и ящики с вином. Так молодой Илья кончил юридический факультет, так он сделался секретарем у известного адвоката Валерия Станиславовича Маглай-Ягузинского, которому отец вручил чек на пятьсот рублей. Так Илья Халлаш сделался помощником присяжного поверенного. Так он сделался адвокатом. Был еще жив отец, и вместе с сыном они поняли,

что молодой звезде не хватает сияния, то есть славы. Они пригласили на ужин двух фельетонистов из «Эхо Юга» и «Черноморского листка». Откупоривая бутылки поммери (марка шампанского. – **А. Я.**), оба фельетониста привычным взглядом заметили под тарелками с салатом по семьдесят пять рублей. Через три дня появились два судебных отчета о деле наследников Вальбе, разбиравшемся в окружном суде. Журналисты с восторгом отмечали выдающиеся способности молодого адвоката. В «Эхо Юга» статья была озаглавлена «Новый Плевако», а в «Черноморском листке» – «Редкий дар красноречия». Глупый народ поверил газетам, и с тех пор дело наследников Вальбе стали называть нашумевшим. Илья Халлаш прославился. Густо пошли к нему клиенты, и через несколько лет он выстроил для себя в поселке Самопомощь, на пятой станции, каменный коттедж, крытый черепицей, с четырьмя террасами, двумя длинными и узкими, отлитыми из цемента бокалами на фасаде, и садом, где росли каштаны и маслины, где на деревьях повисли гамаки и на дорожках были расставлены шезлонги. Он пожертвовал для общества помощи бедным пятнадцать рублей, для «Капли молока» – двадцать, и столько же внес в Погребальное братство и Общество помощи больным. Так он прослыл благотворителем. Затем он купил на пятьдесят рублей шекелей и произнес речь в синагоге Явне. Так его стали уважать в сионистских кругах. Уже у него родился сын, уже сын пишет стихи о Сионе, но редактор журнала «Щит Давида» сказал, что стихи плохи и их нельзя напечатать. Тогда адвокат навестил редактора-издателя и заявил ему, что согласен подписаться на сто экземпляров, если тот будет более внимателен к его сыну. Стихи были напечатаны. Так жил в Одессе известный адвокат Илья Халлаш.

Сейчас Гордон стоял у ворот его дома на улице Алленби. Он с удивлением рассматривал знакомую обстановку. Покинув Одессу, адвокат выстроил здесь тот же дом, с теми же бокалами на фасаде, с той же крышей и террасами и разбил такой же сад, в котором, правда, было больше маслин и росли четыре пальмы. Кто-то полулежал в шезлонге, кто-то качался на гамаке, кто-то играл на рояле. Двор был укатан гравием, по дорожке бегала маленькая собачонка, откормленная и голая.

<…>

Гордон шел обратно в Тель-Авив, и его душа была полна грусти и мечтаний. Ему захотелось вернуться этим пароходом в его родной и давно покинутый город. Он обдумывал всевозможные планы и видел сны наяву. Мечтая, он воображал: снова произойдет случайность, он каким-то образом – неведомо каким – снова очутится в трюме и проваляется там четыре дня, а затем выйдет на палубу и увидит родную землю, которую он обманул. Вот волнорез. Вот яхт-клуб. Вот Николаевский мол и Арбузная гавань. В море вонзился желтый Дофиновский мыс. Лежит в огнях и дыму Пересыпь. Он поднимается по лестнице, встречает старых друзей… Что потом? Тут мечты обрывались. Дальнейшее было темно, неразличимо.

<…>

Буран улегся, сияло солнце, сквозь зимний холод люди чуяли запахи весны. Двадцать четыре человека сошли один за другим с трапа «Декабриста». Вся пристань беспорядочно шумела и кричала. <…>

И в ту минуту я увидел Александра Гордона. Он растерянно оглядывался, медленно спускаясь по трапу. <…>

– Александр! – заорал я. – Александр!

Он заметил меня, рванулся через толпу, но рассерженный стрелок разъединил нас.

– Отойдите, гражданин, – сурово сказал он. – Стыдно! Кричите, как… Вы же не мамаша! Всю выгрузку испортили!..

Но через пять минут мы нашли в толпе друг друга. Мы расцеловались, и я забросал его вопросами.

– Потом, – отвечал он растерянно, – потом. Как ты узнал, что я приеду?

<…>

Скоро пристань опустела, и Гордон подошел со мной к своим попутчикам. Они стояли у своих чемоданов – черные, бородатые, нездешние люди. Они окружили рослого человека в шубе, представителя Озета, как я узнал после.

– Тише! – кричал рослый человек. – Сейчас будет автобус! Подождите!

<…>

Мы сели в автобус. Все жадно смотрели через оттаявшие окна, толкали друг друга.

– Это Карл Маркс? Да?

– Здесь же стояла Екатерина…

– Сабанеев мост! Смотрите, Сабанеев мост! Вот тут жил персидский шах…

Многие узнавали улицы и дома, где родились, жили, учились. Увидели шествие детей с барабаном – удивились. Увидели статую Ленина в нише бывшей Биржи, красный флаг над зданием, где была синагога Бродского. Все время удивлялись, толкая друг друга, что-то кричали, вспоминали.

<…>

Автобус кружил по городу, и нездешние черные люди никак не могли оторваться от окон. Узнавали Косарку, Толчок, Степовую, Водопроводную, Запорожскую.

– Арон! – закричал один. – Ты знаешь, где мы, Арон?

– Я знаю! Мы – дома!

– Мы – дома, – повторил третий. – Это же наша родная земля.

Я показывал Гордону, объяснял. Он должен помнить – здесь не было никакого сада. А Прохоровская улица? Она вся в цветах. Видел ли он когда-нибудь цветы на Прохоровской? Дом градоначальника? Его сломали. Да, он был на этом месте.

– Хорошо, – сказал Гордон, – я сниму бороду.

Когда нездешние люди немного успокоились, рослый человек из Озета сообщил им, что они пробудут здесь пять дней, потом поедут в Москву и оттуда – в Биробиджан. Их отправят с большой новой партией, на днях туда выезжают двести семей.

<…>

Мы вышли из кафе, и, бродя по ясной Одессе, Гордон вспомнил старого колониста. Он был первый, кто захотел домой, но смерть преградила ему дорогу в обетованную страну. Так в древние времена встала она на пути легендарного Моисея. Старый колонист хотел знать, кто живет на даче Ашкенази, в конце Французского бульвара. Я показывал Гордону: дачу еврейской миллионерши соединили с дачей греческого магната Маразли и сделали санаторий для рабочих. Я знакомил его с шахтерами, в задумчивости бродившими над красноватым

обрывом, заросшим ароматным терновником и высокими полынными кустами. «Кто живет в доме Блюмберга, Хаеса, Ксидиаса?» – спрашивал перед смертью старый колонист. Я рассказывал Гордону: в доме Блюмберга живут его приказчики и сорок студентов, приехавших из сел. Дом Хаеса также заполнен разным рабочим людом, а во дворце Ксидиаса находится Дворец труда. В магазинах Пташникова, Бомзе и Дубинского по-прежнему торгуют мануфактурой, часами и колбасой; они называются кооперативами… Где бывшие хозяева? Не знаю. Ропита уже нет, есть Советский торговый флот, и им управляет Богун, бывший рабочий. Купаются ли еще в Горячей Луже? Конечно, нет. Ее осушили, а наш народ уже не так глуп, чтоб искать целебных свойств в сточных водах. Сейчас он всюду: на лиманах и на фронтах, на всех золотых, бархатных, изумрудных, отрадных, ясных и уютных пляжах. Играет ли еще Эстер Каминская? Нет, ее не слышно. Далеко уехала или умерла – не знаю. Вряд ли сейчас взволнует кого-либо судьба Мирале Эфрос, гордой хозяйки дома. Но актрису помнят и вспоминают с любовью… Старый колонист спрашивал, что на Бугаевке, на Косарке, на полях орошения? Что ж, Косарка – в цветах, а поля орошения уже не принадлежат болгарским купчикам: там – большой совхоз. Бугаевка по-прежнему сера и неустроена. В Городском театре – украинская опера. Тенор Селявин уже не поет, ушел на покой. Отдыхает от полувековых трудов и главный дирижер Прибик. Старик Столярский продолжает выпускать талантливых мальчиков. Вы, должно быть, слыхали у себя про Эмиля Гилельса и Бусю Гольдштейна. На джутовой фабрике делают, как и в старину, стальные и пеньковые канаты для кораблей. Дерутся ли там? Не тот рабочий, не те жены, не те игры, не те нравы. Иные школьные товарищи кончили университет; кто ушел в армию, кто стал директором, инженером. А колодец на Мясоедовской, 14, забросали землей и камнями. И дом Маразли, и мельница Инбера, и фабрика Попова, и морские ванны Тригера, и земли Ковалевского, и дачи Прокудина, Синицына, Натансона, Цудека – все принадлежит одному хозяину… Множество перемен, Александр.

– А помнишь, на Слободке было кладбище для самоубийц?

– Городских сумасшедших помнишь? Марьяшеса с его тростью? Хаву, которая с утра до вечера мыла руки? Гершеле Полоумного с его коляской?..

Неожиданно Гордон перебивает наш разговор, полный воспоминаний.

– Когда пароход шел обратно из Яффы, – говорит он задумчиво, – мы не могли насмотреться на команду. Евреи с Молдаванки стали матросами и механиками! Вы, должно быть, привыкли к таким вещам?

– Давно, – сказал я и смутился, разобрав в тоне своего ответа ноты превосходства.

– Черное море не хотело нас пустить, – продолжал Гордон. – Какой ураган! Море не шумело, а вулканизировало. Надо сказать, советские евреи выдержали испытание лучше библейских. Они боролись со шквалом, как великаны. Неужели с тех пор как я уехал, на нашей Молдаванке, среди ее тщедушных обывателей, завелись великаны? <…>

Посидим на скамейке. Помолчим.

Татьяна Щурова

«Если нравится, считайте, что получилось»

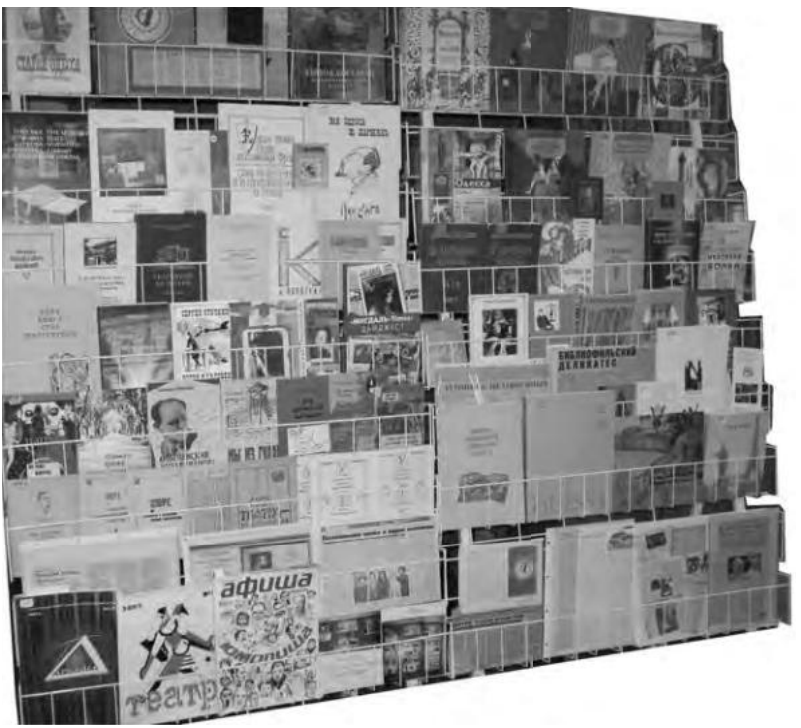
Это заметки в преддверии «полукруглого» юбилея отдела искусств Одесской национальной научной библиотеки, который появился как самостоятельная структурная единица летом 1971 года, то есть сорок пять лет назад. Не будем утомлять вас перечислением серьезных задач и планов, возникших тогда перед нами. «Горьковка» – крупнейшая книжная сокровищница Украины с уникальной коллекцией литературы (в частности, насчитывающей более 200 тыс. единиц хранения по вопросам искусства) и редкой краеведческой периодикой, предметом зависти коллег не только нашей страны. Благодаря профессионально сформированному подсобному фонду, способному удовлетворить запросы самого взыскательного читателя, стала возможна работа с творческими союзами и организациями города, выполнение научных запросов исследователей из Украины, а также СНГ, США, Канады, Германии, Франции, Израиля и т. д.

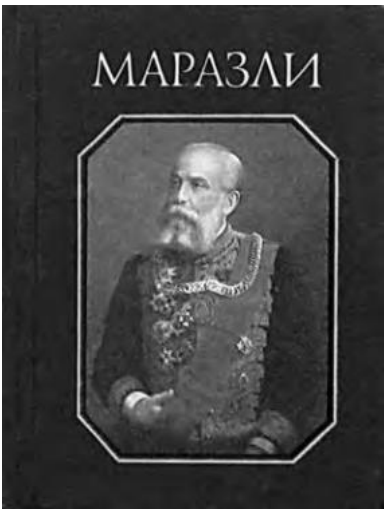
В памяти вдруг всплыла некогда прочитанная цитата-афоризм: «Вероятно, лишь один человек из тысячи страстно поглощен своей работой как таковой. Разница только в том, что про мужчину скажут: «Он увлечен своим делом», – а про женщину: «Она какая-то странная». Так получилось, что в одном месте собрались сразу четыре «странные дамы», и отдел искусств достаточно быстро стал популярным центром информации. Удовлетворяя запросы читателей, мы могли рассчитывать уже на партнерские отношения. Это позволило со временем осуществить интересные совместные проекты с театрами и музеями, Научной секцией книги Одесского дома ученых, Одесским филиалом Греческого

фонда культуры, известными искусствоведами и краеведами не только Одессы, но и ближнего и дальнего зарубежья.

Опыт, естественно, приходил постепенно. В 70-80-е годы мы подготовили несколько рекомендательных библиографических указателей и иллюстрированных каталогов выставок, получивших одобрение научной и творческой элиты города. К середине 90-х гг. уже был накоплен опыт серьезного изучения фондов, и можно было браться за подготовку фундаментальных работ, основанных на богатейшей старой одесской периодике.

Но все же толчком к началу активной издательской деятельности стал разговор с Евгением Михайловичем Голубовским о том, что пора не только помогать исследователям, но и самим «делать книжки». Удалось тогда подготовить сувенирное издание –

КНИЖНЫЙ ХИТ-ПАРАД НЕДЕЛИ

Десятка лучших новинок издательств Украины

1. Михайло ГРУШЕВСЬКИЙ. «Всесвітня історія в коротенькім нарисі», 6-го ж. «Пам'ятки України». Ч.2. — К.: Українознавство.

Во второй выпуске карманного многотомника изложение доведено до событий середины XVII столетия.

2. Д. Х. ЧЕЙЗ. «Цветок пороков. Последствия обмана». — Одесса: Асвект.

Государственная юношеская библиотека только что обработала результаты ежегодного опроса почти 20 тысяч юных читателей Украины: в десятке наиболее популярных авторов — Д. Х. Чейз.

3. «Українська абетка». — К.: Веселка.

Под одной нарядной и прочной обложкой собрано с десяток детских азбук, издававшихся в последние годы в виде неодинаковых «методичек».

4. «Григорий Григорьевич Маразли, меценат и коллекционер». — Одесса: ОКФА.

Едва ли не единственное за последние пять лет юбилейное издание, выполненное, в тону же, на приличном этому виду высоком полиграфическом уровне. Сборник статей об известном одесском филантропе прошлого столетия.

5. Джулз МЕРТУС, Малкіна ДАТ, Ненсі ФЛАУЕРС. «Ненсі любить права. Посібник з дитячих людських прав». — Ужгород: Карпаты.

На 200 страницах увеличенного формата — [illegible] детской доброжелательной мысли. Автора

довелось «Не для одних только женщин, но вместе с ними».

6. «Современные лекарственные средства», в 2-х тт. — Донецк: Отечество.

Справочник, какого никогда не бывает в избытке.

7. Виталий ГЛАДКИЙ. «Последняя жертва «Мастера». — Донецк: Отечество.

Пять детективных повестей автора с уже «работанными» именем. Внешний вид — «культовая Москва».

8. «Высоцкий: время, наследие, судьба (Рукописи В. Высоцкого собрания А. Кайдаловой)», сер. «Источники». — К.: ИСА.

Библиофильское издание содержит 87 факсимильно воспроизведенных рукописей поэта. Все тексты являются уникальными.

9. Мери СТЮАРТ. «Маленькая ведьма», сер. «Семейная библиотека». — Одесса: Дом Слова.

Перевод популярной современной англоязычной сказочной истории.

10. Р. ШЕКЛИ. «Управление бизнесом. Экспресс-курс для деловых людей». — К.: Межрегиональная Академия управления персоналом.

Издание известного специалиста, адаптированное для начинающих бизнесменов.

Рейтинг составлен культурологической ассоциацией МИАУ-кул

ОРНИК. 2 ИЮЛЯ 1996

Газета «Всеукраинские ведомости»
2 июля 1996 г.

миниатюрные зарисовки Леонида Утесова «Моя Одесса» (ОКФА, 1995; вступ. ст. Е. Голубовского; худ. А. Карпушкин).

Это творческое занятие оказалось очень заразительным. В том же году появился сборник статей и материалов «Григорий Григорьевич Маразли – меценат и коллекционер» (1995), который к тому же объединил усилия не только библиотечных работников. В создании книги приняли участие краеведы, музейщики, историки, журналисты. Одессе было возвращено имя одного из ее славных сынов, много сделавшего для процветания города. Это миниатюрное издание вошло в «Десятку лучших новинок издательств Украины» 1996 года (по рейтингу, составленному культурологической ассоциацией МИАУ-культ), а «тема Маразли» с тех пор является постоянной для историков и исследователей, проводятся выставки, конференции, маразлиевские чтения.

В 1998 году был издан необычный иллюстрированный каталог выставки «Вся Одесса в шаржах Линского», скорее представляющий сборник материалов о творчестве неординарной многогранной лич-

ности Михаила Семеновича Линского (Моисея Шлезингера) – полузабытой фигуры Серебряного века отечественной культуры, популярнейшего карикатуриста, автора скетчей, пародий, киносценариев, журналиста, театрального антрепренера. Для подготовки этой работы потребовалось тщательное изучение фондов ОННБ и обращение к Одесскому областному архиву, художественным собраниям музеев не только Одессы.

В том же 1998 году удалось выпустить второе миниатюрное издание, подготовленное отделом искусств совместно с выдающимся одесским краеведом С.З. Лущиком – «Одесский журнал «Крокодил» и его

авторы». ОННБ – единственный в городе обладатель полного комплекта раритетного юмористического журнала, выходившего в Одессе в далекие 1911-1912 гг. Для сувенирного издания были выбраны материалы, которые наиболее ярко запечатлели время, оставаясь содержательными и забавными сегодня. В книгу во-

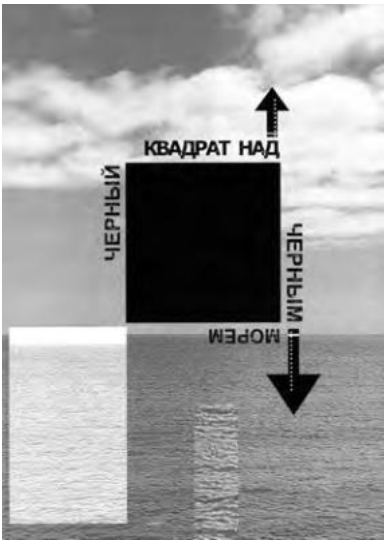
шло исследование об авторах «Крокодила», фактаж для которого Сергей Зенонович собирал по крупицам многие годы.

В 2000 году в отделе завершилась работа по созданию фундаментального библиографического справочника «Товарищество южнорусских художников» (ТЮРХ), продолжавшаяся более 10 лет. Впервые был собран огромный материал об одном из крупнейших художественных объединений Украины конца XIX – начала XX вв. (хроника жизни общества и около 400 биографических справок о художниках). В сборе информации активно помогали сотрудники областного архива, музейные работники и коллекционеры. Справочник был подарен музеям и библиотекам, попал к искусствоведам за рубеж. Тираж в 300 экземпляров оказался мал, до сих пор на книгу поступают заявки. Поэтому было принято решение подготовить второе, значительно дополненное издание справочника (работа, подписанная к печати в конце 2013 года, ждет своего издателя).

Интересным опытом изучения краеведческой литературы может служить подготовка и издание сборника «Черный квадрат над Черным морем» (О., 2001, переиздание в 2007), опять же объединившим усилия искусствоведов, историков музыки и кино, библиографов и журналистов. Это была попытка исследовать авангардное начало во всех сферах культурной жизни многонациональной Южной Пальмиры на протяжении XX века.

Под эгидой дружеских и творческих связей с Одесским филиалом Греческого фонда культуры и Одесским художественным музеем в 2003 году была подготовлена и напечатана книга-альбом «Кириак Костанди и художники-греки в Одессе», над которой

сотрудники отдела искусств работали в течение нескольких лет. Сведения о полузабытых художниках греческого происхождения, связанных с Одессой, были разбросаны в периодике конца XIX – начала XX вв. и требовали серьезных разысканий. Приходилось обращаться в областной архив и даже в архивы СБУ, а также к друзьям-коллекционерам. Еще одна забытая страница в художественной жизни Одессы раскрылась благодаря «зоне интеллектуального общения».

Интересным примером работы со старой одесской периодикой может служить подготовка и издание книги Александра Дерибаса «Старая Одесса. Забытые страницы»: исторические очерки и воспоминания (2004). Чтобы дать возможность оценить солидность и притягательность этого издания, приведем несколько фактов: в книге 400 страниц, в именном списке – около 1100 фамилий одесситов, упомянутых в очерках; много редчайших фотографий и открыток, некоторые из них публиковались впервые, благодаря сотрудничеству библиотеки с известными коллекционерами города. Книга получила доброжелательные отзывы в прессе, стала победителем во всеук-

раинской акции «Книга года ’2004» как лучшее краеведческое издание, составители ее получили диплом лауреата муниципального конкурса «Твои имена, Одесса!».

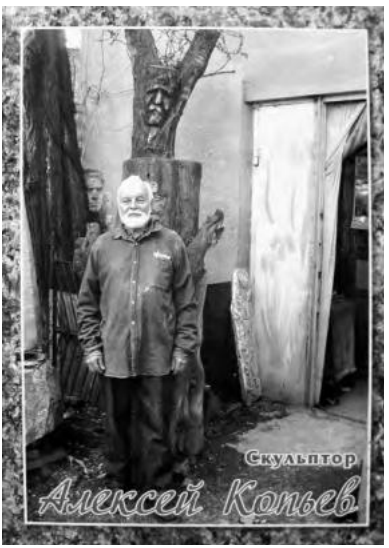
На суд читающей публики в 2009 году была вынесена своеобразная антология старой одесской периодики – книга «Благоухающий пепел», куда вошли материалы, ранее регулярно печатавшиеся в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Книга, которая сегодня уже стала раритетом, появилась благодаря дружеской инициативе редколлегии нашего альманаха, и мы с удовольствием произносим слова благодарности нашим друзьям – Евгению Голубовскому, Олегу Губарю, Феликсу Кохрихту. В толстый том вошло около пятидесяти названий альманахов, газет и журналов с конца XIX до середины двадцатых годов XX века. Многие из них так или иначе позволяют судить о том, «что значила Одесса в отечественной и европейской истории и что значила истинная культура в одесской истории» (по словам одного из рецензентов книги).

В 2012 году отдел искусств издал две книги. История создания одной из них –

биобиблиографического справочника «Общество независимых художников в Одессе» началась в 2004 году. Тогда в продолжение изучения темы художественной жизни нашего города первых десятилетий XX столетия был издан небольшой указатель литературы «Общество независимых художников в Одессе». Поднят еще один пласт краеведческой литературы, тщательно изучена периодика, подобрана библиография о художниках, пришедших на смену участникам выставок ТЮРХа. Труд библиографа-искусствоведа был высоко оценен на Международной научной конференции «Возвращение авангарда» (О., 2004). Тема, разработку которой ОННБ начала первой, вызвала не только живой интерес, но и желание многих искусствоведов найти в зарубежных коллекциях следы участников тех выставок одесских независимых 1909-1914 гг. В активном желании маститых специалистов сотрудничать с нами, безусловно, сказывался научный авторитет исследовательской работы отдела искусств, накопленный за последние двадцать лет.

По инициативе отдела искусств ОННБ были собраны материалы о творчестве заслуженного художника Украины А.В. Ко-

пьева (1936-2013), летом 2012 года вышел альбом-каталог «Скульптор Алексей Копьев». К счастью, мастер успел его увидеть. Его работы установлены не только в Украине, но и в России, Молдове, других странах. Барельефы с портретами легендарных личностей украшают фасады зданий Одессы или же мастерски вписаны в интерьеры лучших архитектурных сооружений. Более 100 скульптурных композиций безвозмездно передано городу (в том числе и ОННБ).

Несколько лет продолжалась работа над сборником материалов «Александра Николаевна Тюнеева». Это – совместный труд отдела искусств, научной части и научно-библиографического отдела библиотеки. Книга готовилась тщательно и стала первой попыткой собрать воедино материалы о жизни и деятельности великой подвижницы библиотечного дела в Одессе А.Н. Тюнеевой (1888-1984). Она создала один из первых музеев книги в СССР на базе Одесской городской публичной библиотеки – ныне ОННБ.

В 2013 году в издательстве «Optimum» вышел подготовленный в отделе сборник материалов «Сергей Зенонович Лущик», открывший новую серию библиогра-

фических пособий «Краеведы Одессы». Это дань любви и уважения наставнику и другу. С.З. Лущик учил нас работать с книгой, искать и находить необходимые факты, точно использовать их. Теперь мы твердо убеждены, что без его влияния многое в жизни и в креативной издательской деятельности отдела пошло бы совсем иначе…

При подготовке книги мы использовали не только справочный аппарат и фонды ОННБ, но и картотеку, архив и уникальную библиотеку самого С.З. Лущика. С нами охотно поделились заметками и воспоминаниями члены Всемирного клуба одесситов, сотрудники Одесского литературного музея, краеведы.

В начале 2014 года в издательстве «ВМВ» вышел альбом «С искренней благодарностью…», который мы приурочили к 185-летию библиотеки. В нем собраны автографы известных мастеров литературы и искусства, подаренные отделу искусств за четыре десятилетия. Своеобразная летопись творческих связей подтверждает плодотворность совместной работы и становится важным документальным материалом в истории библиотеки.

Книги, о которых шла речь, получили положительные рецензии и активно используются в работе. Успех каждой из них обусловлен, конечно, редкой по богатству коллекцией нашей книжной сокровищницы. Но не следует сбрасывать со счетов многолетний подвижнический труд ведущих сотрудников отдела искусств, в меру своих знаний и опыта умножающих уважительное отношение к научной и издательской деятельности библиотеки.

Феликс Кохрихт

Дорогой королей и красавиц

Гордость Кракова – Мариацкий собор

Краков – второй после Варшавы польский город, это если сравнивать площадь и население. А вообще, к нему, как и к Одессе, более всего подходит определение «не первый, но и не второй» – по месту и роли в истории не только Польши, но и Европы.

Краков раскинулся на берегах Вислы, на холмах и в низинах, где издавна селились люди энергичные, творческие, отважные и религиозные. За более чем тысячелетие они создали здесь полис, хранящий приметы и суть многих поколений, образцы светского и церковного зодчества, по которым можно изучать историю архитектуры.

Казалось бы, для того чтобы ознакомиться с его достопримечательностями (а среди них – и всемирно известный Ягеллонский университет, и еврейский квартал Казимеж, и соляные копи Величка с их чудесами и артефактами), проникнуться духом и шармом первой столицы Речи Посполитой, понадобится по крайней мере неделя, но, как это ни удивительно, нам хватило нескольких дней. Разумеется, наше знание города, его памятных мест доста-

Собор Святых Петра и Павла

точно фрагментарно, но дело в том, что основные составляющие пазла «Собери Краков» расположены на удивление компактно. Мы приглашаем вас совершить прогулку по Дороге королей, само название которой свидетельствует о том, что по этому маршруту следовали те, кому предстояло через несколько часов возглавить государство, большую часть своей истории находившееся в самом центре важнейших событий – драматических, а то и трагических.

Но это будет, скажем, завтра, а сегодня один из королей, скажем, Казимир II Справедливый, на горячем коне держит путь по этой самой Дороге королей – от Флорианских ворот к Вавельскому замку, где на его голову наденут корону. Такая же, но поменьше, украсит головку той, кто станет Первой венценосной дамой… Так продолжалось 500 лет, а затем Краков уступил ценз столице Варшаве.

Короли строили здесь дворцы, но больше – храмы, и сегодня, где бы ты ни находился, отовсюду видны шпили колоколен

и башен соборов, которые никогда не пустуют, а в часы молитв – многолюдны. Здесь молятся сосредоточенно, а то и отрешенно, многие верующие стоят на коленях – не на специальных скамеечках. а на ледяном мраморном полу…

Если вспоминать башни, то в первую очередь – венчающие Мариацкий костел, особо любимый за красоту декора. Башен две – разной высоты. О причинах этого повествуют занимательные истории, также и о том, когда на одной из них впервые появился трубач, каждый час оглашающий Рыночную площадь обрывающейся на полуслове мелодией. Согласно летописи, в XV веке город осадили враги, которых увидел бдительный музыкант. Он успел сыграть сигнал тревоги, но был сражен стрелой…

Мариацкий костел – доминанта знаменитой Рыночной площади с Суконными рядами, где в Средние века находились цеха ремесленников. Сейчас это крытые торговые павильоны, где за умеренную цену можно выбрать традиционные галицийские сувениры – керамику, работы по дереву, стеклу, фольклорную одежду, и все сделано здесь, а не в Китае.

На площади – бронзовый Адам Мицкевич. Мы рассказали краковским журналистам о том, что великий польский поэт жил в Одессе, где встречался с Пушкиным, и что у нас тоже установлен ему памятник. Коллеги тут же вспомнили строки нашего поэта о гордых полячках…

Если стать лицом к собору, то по левую руку со временем выйдешь к Флорианским воротам и одноименной башне, где и начинается Дорога королей. Они связаны с судьбой одного из небесных покровителей Кракова, которого особо почитают

и в наши дни. Отсюда стартует главный туристический маршрут, на который зазывают многочисленные экскурсоводы с разноцветными зонтиками.

А еще на Флорианской расположен культовый ресторан краковской богемы, «Яма Михалика», названный в честь первого владельца. В нем мы под чистейшую Zubrowku и вкуснейший bigos вспоминали нашего поэта Юру Михайлика, знатока застолий…

…Мы вернулись на Рыночную площадь, откуда направо – примерно половина пути к Вавельскому замку. И тут я должен особо остановиться на одной из достопримечательностей Кракова. Как и в других европейских городах, центральная площадь – место сбора экипажей, на которых можно совершить прогулку по достопримечательностям города. Как и всюду, лошади украшены сбруей и попонами, поражающими богатством и яркостью отделки, но лишь в Кракове на облучках карет и ландо восседают не дюжие усатые кучера, обычно чуть навеселе, а барышни

Паненки в капорах приглашают прокатиться

в заманчивых мундирчиках, схожих с гусарскими, которые призывно смотрят на тебя, приглашая разделить с ними радость путешествия… Особую пикантность придает то, что они принадлежат к двум конкурирующим фирмам, и головки одних украшают шляпки с кружевами, а других – капоры а-ля пани Валевская…

Всю дорогу до Вавеля нас сопровождали и обгоняли экипажи – стук колес, нежный смех с облучка, восторженные ахи пассажиров…

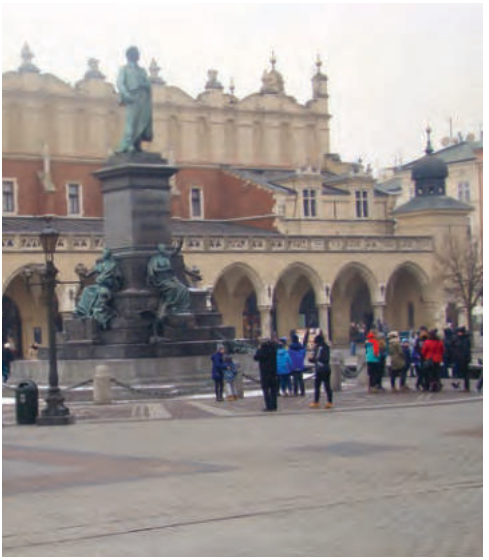
По пути заглядываем в собор Петра и Павла – это первое церковное здание Польши, построенное в стиле барокко. Он невелик, и поэтому фигуры святых украшают здание снаружи. Собор с его уникальной акустикой облюбован музыкантами: мы слушали здесь камерный оркестр Святого Маурициа с программой, включающей Баха, Вивальди и, разумеется, Шопена. Вечером после концерта собор и соседние здания неожиданно предстали в необычном свете, который, хотя и не в полной мере, передала наша камера…

Можно было бы рассказывать и о музее художника Яна Матейко, и об оперном театре, и о часовнях по пути к Вавельскому замку. Но вот он уже виден – на вершине холма. По сути, это город, обладающий всеми признаками столицы государства: дворец, собор, служебные и жилые постройки, в которых веками работали, жили, молились, сражались с врагом многие исторические личности и те, кто их окружал.

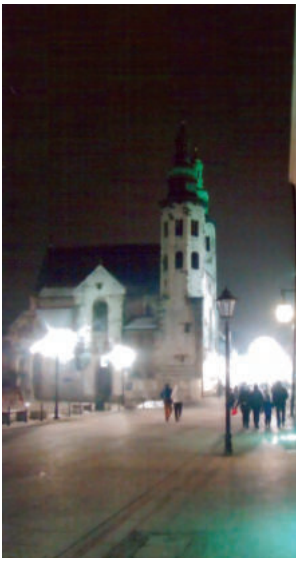
Разумеется, мы со вниманием обошли замок, полюбовались панорамой, открывающейся с крепостных стен, подивились соразмерности массивных зданий окружающему пространству.

Сердце Вавеля – кафедральный собор Святых Станислава и Вацлава, сооружение которого началось в XI веке. Здесь похоронены многие выдающиеся личности, среди которых – Адам Мицкевич, Тадеуш Костюшко, Юзеф Пилсудский…

Но вот и пришло время признаться: мы прошли весь город – от Флорианской башни до Вавеля – на свидание, долгие годы манившее нас в Краков. Здесь хранится одна из лучших работ Леонардо да Винчи, вошедшая в историю как «Дама с горностаем». У каждого из любителей искусства – свои кумиры, свои предпочтения в живописи, но именно этот портрет представляется нам воплощением изысканной и простой, радостной и щемящей женской красоты и благородства…

Памятник Адаму Мицкевичу на Рыночной площади

Ночью старый Краков обретает иные – таинственные краски…

Интерьер в стиле модерн знаменитого кабачка «Яма Михалика»

Здешние художники выставляют свои работы у Флорианских ворот

Работа Леонардо да Винчи «Дама с горностаем» временно обитает в одном из вавельских дворцов

А эта картина кисти неизвестного мастера XIV века – из коллекции здешнего музея

Зимний Вавельский холм…

Слово «Kantor» на вывеске вовсе не означает, что в этом доме живет синагогальный певец: так по-польски именуются пункты обмена валют. Впрочем, здешние ребятишки предпочитают еврам и долларам знаменитые краковские бублики

Чтобы снизить некоторый излишний пафос, упомянем, что недавно ученые определили белоснежного зверька на руках Дамы как хорька, а вовсе не благородного горностая, чей мех, увы, идет на королевские мантии. И тем лучше!..

Работа Леонардо – единственная в Польше – входит в коллекцию Музея князей Чарторыйских, один из которых ее в свое время и приобрел, но родовой дворец вельможи переживает капитальный ремонт, и шедевр на время обрел достойное место – Королевский замок Вавель, где представлен со всей приличествующей торжественностью и надежной охраной.

Когда мы спускались по дороге, ведущей из замка в город, навстречу – вверх, и по пути – вниз, обгоняя нас, под цокот копыт катились кареты, управляемые прелестницами в кокетливо завязанных капорах и сдвинутых набекрень шляпках…

Дорога королей и красавиц

Хороши ли польки иль полячки,
что пленили Бульбиного сына, Пушкина, меня,
Наполеона?
Да – в тиши часовни иль собора,
в переливах колокольных звонов.
Да – в изысканной недорогой кавьярне,
да еще при кавалере – бойком парне.
Да – студентка Ягеллона – та, что прыгает с перрона
в уносящийся экспресс…
Эти барышни и пани, несомненно, вызывают интерес.
Но – в трамвае, булочной, столовке, за станком,
прилавком и в бытовке,
в ненароком порванной кроссовке…
Но они и там, как хороши эти польские чертовки!

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Вадим Чирков

Даня Шац и его капельное орошение

Даня Шац жив в моей памяти. И я знаю, что многим ему обязан. В жизни каждого из нас, в некий важнейший отрезок времени должен быть человек, который произнесет нужные слова или примет в тебе участие. А Даня был именно тем человеком.

Я, тренер по вольной борьбе в обществе «Динамо», поселился тогда у моего ученика, Изи Фукса. 16-летний юнец жил в двухкомнатной квартире один, и вот почему. Отец его, часовой мастер, был расстрелян как валютчик (переводил советские деньги в доллары), мать как соучастницу преступления надолго посадили, бабушка умерла, когда в дом пришли с обыском. Стены квартиры были везде просверлены – органы искали бриллианты. Газ был отключен за неуплату…

Шац жил через три дома от Изи, соседи были знакомы, как-то общались. Мой хозяин, встретив Шаца, рассказал ему, что у него живет его тренер. Даня, сам занимавшийся лет пять назад борьбой, решил со мной познакомиться. Мы познакомились, Связывало нас на то время две вещи – общий год рождения и принадлежность к одному виду спорта. Нет, ежели честно, – три. «Бабы». Даня был небольшого роста, очкарик, картавил, да и не красавец. Ясно, что волновало ум – женский ответ на его, Шаца, приближение, на его картавость. Очень скоро мы с ним углубились в бесконечную тему отношений полов…

Как-то, по-соседски зайдя ко мне, он увидел на моем столе стопку бумаги и рукописный текст на первом листе. Прочитал. Поднял на меня остекленный очками взгляд.

– Вот это лишнее, – показал на первый объемистый абзац. – Начинать лучше с этой строки, – показал ее. И тут же переключился – начался тот, близкий нам обоим, 27-летним, разговор.

Шац говорил и говорил, а я не мог дождаться, когда он уйдет: мне нужно было побыстрей понять, почему первый абзац лишний, и что там за строка, с которой нужно начинать рассказ.

После рассказ был опубликован, он начинался отмеченной Шацем строкой: «Наша батарея стоит над обрывом, четыре 130-мм пушки…»

А вскоре Шац привел меня в Литобъединение, что располагалось в доме, где жил когда-то Пушкин, на втором этаже. Я увидел пишущую Одессу, молодых людей нашего с Данькой возраста, которые читали с кафедры свои стихи и рассказы, другие поднимались на нее разбирать и критиковать услышанное.

Помню, какой гул, какое у-у-у пронеслось по помещению, когда один из взобравшихся на кафедру начал свой рассказ фразой: «В комнате царил таинственный полумрак…».

И помню воцарившееся в аудитории зачарованное молчание, когда один парень из порта, исподлобья глянув на аудиторию (зубастые одесситы, только что безжалостно осмеявшие коллегу), повел рассказ так:

– Лошадь была, – пауза, взгляд в зал. – Белая… – снова пауза. – Суставы ног у нее были уже опухшие, и копыта потрескались, короче – пожила. Поработала, – пауза, зал насторожился, слушая. – Ходила лошадь уже трудно… Но была у нее радость – жеребенок. Тоже белый… – потомки братьев Катаевых, Олеши, Багрицкого осторожно переглядываются, но молчание абсолютное. Это – ритм, это – стиль, это – новое…

Скажу, чем занимался в отношении меня Шац – капельным, похоже, орошением. Этот термин я применяю, вспоминая школу, какую я получал в Одессе.

Следующий запомнившийся шаг моего друга был еще интереснее – он купил мне билет на концерт блиставшего тогда Вячеслава Сомова, читавшего в тот год так называемую «Западноевропейскую поэзию», куда входили Витезслав Незвал, Альберти, Пабло Неруда, Лорка…

…Он вышел на сцену быстрым шагом, с каким-то вызовом в каждом движении, с опасным, как мне показалось, блеском глаз;

сейчас его можно объяснить: это был вызов тогдашней цензуре, не допускающей мировой поэзии в советские залы.

– Огромен этот дом – отсутствие мое… – звучала строка Пабло Неруды, заставляя замирать сердца от безмерности образа.

Потом по просьбе публики Сомов прочитал есенинское «Письмо к женщине», и я понял, что совершенно не знаю этого стихотворения, что слышу его впервые, хотя читал «Письмо…» не раз и не два.

Случилось наконец и со мной – я написал первое стихотворение. Кому показать? Шацу! Я осмелился и прочитал ему стих, Авторитет выслушал до конца, поднял на меня глаза за ледышками (–50°) очков и произнес то знаменитое, чем он славился тогда в Одессе:

– Ну и что?

Трам-тарарам! Я что-то невнятное забормотал, бумагу со стихотворением поскорей спрятал (потом выбросил), перевел разговор на никчемную бытовуху; краткая оценка моего дебюта показалась мне исчерпывающей. В поэзии, как в физике: если не открываешь, не стоит ни тратить усилий, ни чернить бумагу. (За всю свою жизнь я написал, может быть, всего пяток стихотворений, и то с оглядкой на Шацево – нет, скорее, на главное в творчестве мерило – «Ну и что?».)

Однажды я чуть не убил Шаца. Я уже говорил, что работал тогда тренером по борьбе: улица Энгельса, что напротив парка Шевченко, большой зал на втором этаже, общество «Динамо», юноши. Гибкие и смуглые одесские мальчишки и юнцы, радостью было добавлять к их живости еще и ловкость борцовских приемов.

Шац шел с пляжа с девушкой, пара пересекла парк и заглянула ко мне. Сели на низкую гимнастическую скамейку, стали смотреть. Мальчишки отрабатывали приемы. Даня ими залюбовался, он ведь тоже лет пять назад кувыркался на ковре. Я, правда, не знал его борцовского уровня… Мои подопечные перешли к схваткам на ковре. Одна пара, другая… И вдруг Данька не выдержал:

– Слушай, дай я тоже поборюсь.

– А что… Ты в плавках?

– Все в порядке.

– Ну, раздевайся.

Шац был роста небольшого, по моим расчетам, боролся где-то в весовой категории 57 килограммов. Я дал ему в противники лучшего своего мальчишку, Валеру Золотухина, весившего примерно столько же. Быстрый, умница, первым схватывающий динамику броска, чуть монгольский разрез глаз, небольшая скуластость, Валера был единственным, пожалуй, кто брал все, что я давал как тренер.

Они сошлись на средине ковра, началась схватка. Девушка на гимнастической скамейке, да и я, в прошлом дважды призер первенств Украины по борьбе, о чем Данька знал, придали Шацу куража, молодечества – и я давно такой борьбы не видел. Бросок следовал за броском – Валера подхватил Шацеву лихость, мосты, уходы, снова стойка, снова бросок, мост, уход с моста…

За этой схваткой – борются очкарик, «старикашка» (27 лет), друг тренера, и быстрый и ловкий, как обезьяна, Валера – следили во все глаза и девушка, и все мои борцы.

Я глянул наконец на секундомер – 4 минуты. Свисток. Противники пожали друг другу руки, разошлись. Шац сел на скамейку, на ковер вышла следующая пара.

Шац сидел на скамейке неподвижно до конца тренировки.

Потом был общий для всех борцов душ, прощание, мы вышли из зала втроем: Данька, девушка и я.

– Тело помнит, – были первые слова Шаца на улице Энгельса, – понимаешь, тело, оказывается, все помнит, а я думал, что уже забыто…

Мы проводили девушку, остались вдвоем.

– А знаешь, – Шац остановился, – а знаешь, я ведь, когда сидел на скамейке, умирал…

– Как?! – не понял я в первую минуту. И охнул: я, тренер, я, балда, я ведь должен был знать, что бывший спортсмен, вдруг давший прежний темп, темп, который «помнит тело», на беговой дороже, на баскетбольной площадке или на ковре, рискует смертью! Сколько раз я читал и слышал о таких смертях!..

…А собирались мы то у Игоря Павлова – дворик напротив выхода с Привоза (здесь начиналась Молдаванка), комната с черным потолком, пишущая машинка у окна, в которой я никогда не видел бумаги, продавленный до пола диван, стол, накрытый… нет, не то слово! На столе стояли: тарелка с кружочками дешевой колбасы, может быть, сыром, тарелка с нарезанными помидорами, граненые стаканы и бутылка-другая молдавского «Вин де масе» («Вино столовое»), которое называлось за этим столом «Вино в массы». Комната была перегорожена шкафом, за шкафом скрывалась на своей лежанке от шумных, произносящих одно за другим диковинные имена и неслыханные строчки гостей мама Игоря Валентина Ивановна.

– «В сухой реке пустой челнок плывет»… – могло доноситься до нее…

Впрочем, круги тогдашней богемы были разные. Один, например актеры и художники, тусовался в баре ресторана «Красный» за рюмкой коньяка и чашкой черного кофе и у дамы сердца художника Олега Соколова, «где бывал и я». О круге Игоря Павлова Шац, выпивавший свою чашку кофе в баре, может, и знал, но бывать в его берлоге никогда не бывал. Даня дружил с Борей Нечердой, а тот, бездомный тогда, преломлял хлеб в подвале банка на Пушкинской – большое помещение с низким потолком, с зарешеченным окном, выходящим на тротуар, сыроватое помещение, которое сердобольным руководством банка было отдано больной полиомиелитом своей сотруднице, молоденькой и миловидной Нине Решетнёвой (передвигалась она на коляске). С ней-то и жил тогда в подвале Боря Нечерда. И гостеприимный их стол собрал свою компанию.

Боря Нечерда писал в то время на русском, подражая гремевшему на всю страну Андрею Вознесенскому, но, «сам собі пан», уже пытался выбиться из-под его влияния. Потом он перешел на родной ему украинский. Я помню и русские его стихи (начала):

Бродяжничаю,
Сею смуту,
Начинаюсь, как вёсны…

и украинские:

Одвересніло,
Тиша з тиш…
Яка врочистість соборова!..

К Нечерде из Киева и из других городов приезжали – так у них водится – поэты, попадали в подвал, уединялись в каком-то углу и вели там свои долгие, не слышные другим разговоры. Как-то спустился в подвал и харьковчанин Борис Чичибабин…

Заслышав об этом «огоньке», заглянул в подвал (спустился с небес, на коих обычно пребывал) поэт Ефим Ярошевский. Вошел, высоченный, наклонив голову из-за низкого потолка, сделал один метровый шаг к столу, другой… Прислушался к разговору, дал свою оценку, хмыкнул… У Ярошевского был свой круг, проверенный, с надышанной атмосферой.

Полупомешанные хиппи
По бедности немногих лет
Просили на духовный хлеб…
Я мог бы дать. Но где мне взять
На всех?

На столе в подвале банка были то же «вино в массы», та же дешевая колбаса – но какие разговоры блистали за столом! Филфаки одесского университета и педина могли бы им позавидовать. И приводимым строчкам чтимых поэтов («Баба я – вот и вся провинность, государства мои в устах…»), и убийственным оценкам нечтимых, и новым стихам, свежим, как только что вынутый из печи хлеб:

Пролітала над хатами ворона,
Зачепилась крильми за вірьовку,
Впала сіромаха коло млину,
Та й співае таку кломийку:
– Бийте в тулумбаси, бийте,
Бийте у літаври, не бійтесь,
З кого соловейка не вийде,
Вийде хоч ворона біла…

…И потехе был час. В то время всеми смотрелась «Великолепная семерка» с Юлом Бриннером и Чарльзом Бронсоном, прекрасно, по-моему, сделанный вестерн, мы разыгрывали сцены из фильма: Шац, сидя на полу у стены «с кольтом» в руке, кричал, картавя:

– Къис!

И «Къис» знаменитой походкой Юла Бриннера (Юлом был, как правило, я, спортивный парень) измерял по диагонали низкое помещение банковского подвала, шагал, навесив руку над «кобурой»…

А еще – Боря в легком подпитии вызывал меня побороться. Я его, конечно, укладывал, а он – сухощавый, жилистый, ловкий, привыкший, видимо, к победам в молодецком единоборье, но с серьезным спортом не знакомый, – никак не мог поверить в поражение…

Прошло проверочное время, Шац понял, что со мной можно откровенничать не только «о бабах». Однажды, движимый уж не знаю какой мыслью, он рассказал…

…что был он в 1950 году летом по каким-то делам в России, сидел, 17-летний юнец, на вокзальных ступеньках в небольшом городке, пусть будет Серпухов, ждал поезда, который опаздывал вот уже на два часа. Всего пять лет после окончания войны, виды вокруг – аховые. Обшарпанные, со следами пуль и снарядов стены вокзала, глубокая лужа на площади, в ней отражается разрушенная, без куполов, снесенных войной, покосившаяся церковь, домишки по обе стороны храма, безногий инвалид в рванине катит на коляске с колесиками-подшипниками прямо перед ним… Неумолчное тарахтение вокзального радио прерывается торжественным голосом диктора:

– …новая работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованная в сегодняшнем номере газеты «Правда», – очередной ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, в диалектический и исторический материализм. И.В. Сталин, гениально обобщая всю историю развития общества, развивает теорию исторического материализма о соотношении базиса и надстройки, дает законченное понятие о надстрой-

ке, ставит по-новому вопрос о характере скачков и революции, о классах и классовой борьбе… В своей работе вождь подверг сокрушительной критике «новое учение о языке» академика Николая Марра, которое на протяжении двух десятилетий господствовало в СССР, и поставил точку в дискуссии относительно «марризма»…

Слова диктора прямо накладывались на то, что видел перед собой Даня, на лужу перед ним, на разрушенную церковь и бедные домишки, на безногого, катившего ниоткуда в никуда…

– И я вдруг подумал тогда, – говорил мне Даня, – неожиданно подумал, меня как стукнуло: что в этом нелепом мире я должен быть умным, очень умным…

Коза. Я приехал из Кишинева в Одессу, к Шацу. Принимал он меня всегда одинаково: мы обнимались, он, не говоря ни слова, открывал холодильник, выставлял на стол все еды, какие там были, садился за столом напротив и складывал на груди руки. Разговор начнется потом, когда я буду сыт.

Шац не пил и не курил, не понимал людей, которые выпивают, поэтому наши беседы проходили «всухую». Впрочем, в подогреве они не нуждались. Все фразы были короткие, емкие, у нас сложился тот режим обмена информацией, который отличает старых друзей. Ему, обмену, не нужны ни подробности, ни пояснения. Шац знал меня, я знал Шаца.

Приходила мама Дани Мина Давыдовна, пожилая женщина с измученным лицом (никогда не мог сказать о ней *старуха* или *старушка* – несмотря на возраст, она все еще работала и умом была жива). С порога спрашивала, покормил ли меня Додик, узнав, что покормил, успокаивалась и шла на свою половину (единственная комната Шацев на Пушкинской была перегорожена тонкой стеной).

В воскресенье, когда мы просыпались после позднего разговора, завтрак был уже на столе – традиционный воскресный одесский завтрак – вареная, еще дымящаяся картошка, селедка с луком, тарелочка с кружочками колбасы, салат из овощей с Привоза (как пахнет!), сливочное масло, свежий хлеб.

А после завтрака мы, кое-как одетые, небритые («на время не стоит труда, а вечно причесанным быть невозможно»),

выходили на Пушкинскую и неторопливо, коротко переговариваясь, а иногда просто хмыкая или крякая (понятно, что вслед молодой женщине), переглядываясь, шли по направлению к Дерибасовской.

С Шацем часто здоровались, иногда он останавливался, чтобы о чем-то условиться, – у него всегда было множество больших и малых дел, я терпеливо его дожидался; Шац шел по своему городу, коего был неотъемлемой частицей.

Дерибасовская, хотя до полудня еще далеко, уже полна народу. У Пассажа не протолкнуться. Да мы и не спешим. Вот совсем остановились: у входа в Пассаж стоит у лотка с бижутерией такая хорошенькая девчонка, что не остановиться двум старым негодяям просто нельзя. Мы стоим, любуемся, даже причмокиваем…

– Коза, – бросает Шац.

– Коза… – соглашаюсь.

Потом, глянув на Шацеву седую щетину на щеках и подбородке, я сочиняю строчку:

Мы с тобой, как два ежа…

А Шац немедленно присоединяет к ней вторую:

А она, как май, свежа.

– Выступили? – отбивается от нашего премерзкого внимания девчонка. – Ну и валите отсюда!

Мы не обижаемся, мы усмехаемся, мы улыбаемся, мы даже смеемся от несоответствия «майского» личика продавщицы респектабельного Пассажа и ее уличной отповеди. Послушно, однако, поворачиваем и идем вниз по Дерибасовской, идем неторопливо, перебрасываясь словечками, часто оглядываясь и то хмыкая, то крякая, – два старых негодяя, которым уже не по зубам весеннеликие грубиянки.

Волшебный мелок. Шац приехал ко мне в Кишинев. Не один, конечно. Тары-бары-растабары, за общим столом, тары-бары-мансес бойдем (сказки на чердаке) – обо всем, обо всех понемногу, потрошечки.

Потом мы уединяемся в моей комнате. Здесь разговор серьезнее. Данька, сидя напротив, рассказывает о своих делах. Бывший «абстракционист», как называли его партийные деятели, Шац в Одессе теперь нарасхват. Имиджмейкер и спичрайтер мэра города (я чуть ухмыляюсь, потому что эти жуткие для русского языка слова еще и лишены у Даньки буквы «р»). Режиссер городских уличных праздников. Художественный руководитель «Юморин». Член жюри КВНов. Режиссер конкурса красоты «Мисс Одесса-87»…

– Волк в овчарне, – кидаю я.

– Там такие овечки… – соглашается Шац. – А еще я – директор Украинского дома культуры!

– Ничего, что я перед тобой в майке? – спрашиваю.

Наступает моя очередь рассказывать. Вышла книжка сказок (показываю, Шац листает).

– Интересный новый герой, – отмечает, – Буб Енчик. Рассказчик? Сам его придумал?

– Сам, – и продолжаю отчет: работа в газете, командировки по всей Молдавии, сценарии-документашки в киностудии: один сценарий – три моих зарплаты в газете…

Но в моем разговоре в этот день заложена одна хитрость. Я слишком хорошо знаю Шаца, знаю, как он может вдруг загореться и от чего, а мне его «пожар» нужен. И я жалуюсь:

– Книжка-то вышла, а одна сказка так и осталась недописанной. Начал, но дальше не пошло. Похожа, между прочим, на мультяшку…

Шац настораживается; «мультяшка» его, драматурга по призванию, цепляет за живое.

– Про волшебный мелок… Что им ни нарисуешь – все становится живым… – я хитрю, но стараюсь скрыть это. – Понимаешь, он, розовый, попал одной девочке в руки случайно, она нарисовала на тротуаре человечка, ну, как проволочного, а тот вдруг запрыгал вокруг нее…

Шац некоторое время молчит. Молчу и я, зная, чего стоит его молчание. Даже подошел к своей библиотеке, рассматриваю корешки книг.

– А дальше, – вдруг слышу голос Шаца, – дальше будет вот что!

Я оборачиваюсь: Данька стоит, снял очки, протирает платочком, но смотрит на меня.

– Вот что… – и я замираю, потому что из уст Шаца выливается оригинальнейший полный приключений, неожиданных поворотов, всем от мала до велика интересный мультик. Если я раньше говорил про капельное орошение, то сейчас меня окатывал обильный ливень.

– А заканчивается твоя сказка, – победно и оттого торжественно сообщает Шац концовку мультика, – вот чем: девочка хлопает ладошками, сбивая с пальцев остатки мела, а они падают на асфальт лепестками розы!

У меня не было магнитофона, о диктофонах я только слыхал, память в тот раз подвела – и я не запомнил приключений волшебного мелка, только последний эпизод. А Шац – я потом попросил повторить рассказанное – даже о нем не вспомнил, для него это были семечки.

В комнате Дани на Пушкинской кроме сотен книг всегда были детские игрушки. Они были расставлены на полках, на подоконнике, на полу стояла картонная коробка, полная «избранных» игрушек. Игрушки, игрушки – как, может, те, которых не было у него в детстве, как, может, те, что могут еще поучаствовать в придуманной им игре.

…Сколько я помню и знаю Даню, он всегда был на ногах, сидеть для него – мука. А чтобы написать полноценную сказку, нужно, я думаю, как раз уметь сидеть. Сидеть – вставать – ходить – потом снова сесть, чтобы записать строчку, пришедшую на ум во время ходьбы….

А теперь – рискованный эпизод. Шацы, Даня и его жена Наташа (хорошенькая полуполька, полурусская), приехали из Германии к нам в Нью-Йорк. Жена моя уступила друзьям свою комнату, Шац затащил туда два чемодана, стал разбирать. Прежде всего выставил на тумбочку у кровати Тору, молитвенник, портрет Любавичского ребе и сложенную вдвое ермолку. Я узнаю, что он, прежде не веривший ни в Бога, ни в черта, стал религиозен, совсем недавно, в религию его втянул (не могу подобрать пока другого слова) сын, живущий в Америке, а того

в свою очередь… вот, подобрал слово: а сына приобщили к религии местные иудеи.

Ладно. Религия – личное дело. Я считаю, что дело сердца.

Личное… К завтраку – была суббота – Шац вышел в кипе. И сел за стол необычно торжественный. Это у меня-то в доме, у старого друга, который знает его, что называется, насквозь!..

Понтовитость – на мой взгляд, чисто одесская черта. Каждый одессит то тут, то там – в одежде, в похвальбе престижной квартирой, должностью, супермодным костюмом, «бабой» – позволяет ее себе, понтовитость. Слово это любопытное, переводов его много, примеры – показушность, выпендреж. Я бы назвал ее еще одесскостью. Понт Эвксинский – не от него ли пошла вереница слов, которая начинается понятными каждому словами «понт», «понты»? Заканчивается она, кстати, великолепным выражением: «обломать понт».

Итак, кипа и надутый вид. Я не выдержал, спросил – как можно осторожнее спросил:

– С чего вдруг, Даня? – и кивнул на ермолку.

– Я должен быть со своим народом, – преважно ответил Шац. Так ответил – это передо мной-то! – что я сразу понял, как мне надо себя вести.

Пока моя жена накрывала на стол, я сходил в свой кабинет, нашел там в ящике письменного стола нательный крест, кем-то мне подаренный, вдел в ушко нитку и навесил крест на грудь. Вернулся.

– Ты молодец, Даня, – сказал я, притрагиваясь к кресту, – молодец: напомнил мне, что всяк должен быть в некий день со своим народом. Ведь сегодня день святого Пантелеймона!

Я боялся, что Дан может встать и выйти из-за стола, у известного менталитета есть такое «право», и мы со старым другом можем даже поссориться. Прошла минута молчания… Нет, голова Шаца сработала, он ничего-ничего не сказал, он, умница, признал, кажется, и мою демонстрацию справедливой. Завтрак пошел своим путем – подрумяненные в «печке» лепешки, ветчина, сыр, масло, творог, чай и кофе по желанию… мы говорили обо всем, но, конечно, все помнили о кипе и кресте ей в ответ.

Больше к столу Шац ермолку не надевал, а молился он по вечерам, плотно закрывая за собой дверь комнаты.

Религия, я считаю, – дело глубоко личное. А обеденный «межнациональный», но старых друзей стол – дело, братцы, общее, здесь царь и бог – блюда на столе, вкусные блюда и соответствующий им разговор.

Живя в Германии, Даня постоянно мотался в Одессу. Одесситы иначе не могут: Одесса, что бы там ни говорили о ней приезжие и вообще неодесситы, Одесса – мама. Она и обнимет (руками друзей-приятелей), она одарит запахами любимых блюд (за каждым окном в Одессе свое яство, и по улице идешь, как по выставке запахов), она усладит слух неповторимым говором улиц, а синяя полоска моря над морским портом скажет тебе: ты дома…

Но я хотел сказать совсем не об этом, я просто забылся, произнеся слово *Одесса*…

Как-то, только что вернувшись из Одессы в Германию (Франкфурт-на-Майне), Данька сразу позвонил мне и рассказал притчу, услышанную где-то на углу Дерибасовской и Ришельевской. В эту притчу, сказал Шац, он просто влюблен.

«Умер некий мужчина… И вот он пред вратами рая. У врат стоит, естественно, Петр с мечом в руке. Петр пропустил нашего покойника, сразу его разглядев, и все в нем поняв, в рай, а тот вдруг остановился в воротах и спрашивает у архангела:

– Скажи мне, святой Петр, а в чем все-таки был смысл моей жизни? И вообще человеческой? В чем, в чем ее смысл?!

Петр оперся на меч и неспешно начал:

– Ну вот ты родился… Попал в детский сад… Узнал там что-то новое, детишки вокруг, няни, горшочки, то, се – было?

– Да было, наверно. Кое-что до сих пор помню…

– Потом ты пошел в школу, учился, прогуливал, влюбился – помнишь?

– Как не помнить. И сейчас перед глазами.

– Окончил школу. Аттестат вручили на выпускном вечере, потом гуляли всю ночь – помнишь?

– Еще бы! Тогда как раз…

– Затем институт. И его ты закончил, и тебе вручили диплом. Было?

– Было.

– Начал работать, тебя награждали грамотами, путевками… В Ялту ездил.

– Ялту хорошо помню.

– После мотался по командировкам. Однажды попал даже в Сибирь.

– Мимо Байкала проезжал, – затуманился покойник. – Такая красота!..

– Но я вот что тебе напомню. Ехал ты из Сибири в Москву тоже поездом. И перед Челябинском зашел в вагон-ресторан…

– Было, наверно. Не мог же я голодным…

– А в ресторане сел за один стол с девушкой.

– Помню, но уже смутно. Была, кажется, девушка…

– А она вдруг попросила у тебя солонку. И ты ей солонку передал. Было? Было? – тут Петр даже наклонился к покойнику.

– Да вроде так…

– Вот!..»

Григорий Шухин

Три стихотворения

Белый-беленький

Какой ухоженный, благополучный кот!
Недавно ведь он, жалким и кричащим,
попал в семью, крутой, что означало поворот
в судьбе его – один на тысячу случившийся, не чаще.
Он белым был, как альбинос,
глухим с рождения, как оказалось позже,
и нежный, тонкий шкурки ворс
не прятал ребрышек под кожей.
Терпенье, ласку, доброту спасителей своих
котенок испытал по полной схеме:
предметов из керамики разбил он за троих
и сувенир, что куплен в Вифлееме.
Он рвал диван когтями, как врага,
и со столешницы ронял на пол стаканы,
а по ночам кричал, как пьяный хулиган,
и оставлял следы на днище ванны.
…Теперь, лишенный улицы и собственных яиц,
остался он кричащим, но спокойным,
на водогрейке развалился, словно принц…
Но за хозяйкой следует конвойным!

Кошачий март

Кошачий праздник – месяц март,
не открывает кошка карт –
ищи, старайся…

На крыше прячется она.
Но победит ее весна…
На старт, отдайся!

Отдайся рыжему коту,
осуществит свою мечту!
Недавно сделал он манту –
здоров и годен.
Ведь он любить сейчас готов,
побьет соперников-котов,
оставит многих без хвостов
папаш-уродин.

Ему совсем не нужен сват –
на горизонте только март
и время чаек,
уже топорщатся усы
и шерсть немыслимой красы…
Любовь качает!

И юркнув вместе в закуток,
и съев с загривка шерсти клок,
налог заплатит и оброк
семье кошачьей…
Не оглянувшись, отползет
и на полгода пропадет,
но прибежит, коль не умрет,
и снова – мачо.

Копилки

Кот-копилка мелких денег
не удержит – врать нельзя!
Деревянный хвост, как веник,
отметает от себя
сильно мятые бумажки,
меди старой пятаки…

Для сластены нашей Дашки
ожиданья нелегки.

Увеличить прорезь в спинке
не вопрос для детских рук!
Нет пилы – поможет вилка,
перочинный ножик – друг.
Здесь хранитель крепче нужен –
сейф младенческих забав
будет доверху загружен,
непреступным только став!

А вот глиняная свинка,
обожженная в печи,
та, что куплена на рынке,
от казны не сдаст ключи.
Обломает зубья вилке
и затупит острый нож…
Молотком стучишь по свинке –
пострадаешь ни за грош –
подзатыльник без заминки
и ремень вполне хорош!

Из керамики хавронья –
разукрашенный божок…
Кто пройдет, да и спросонья
бросит рупь на посошок.
Именинные подарки,
подношения родни:
евро, доллары и франки
сохранятся у свиньи.

Бат-Ям

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

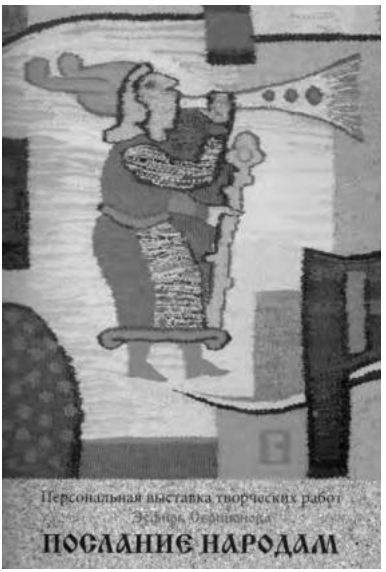
Морская журналистика Украины
в лицах и фактах
Одесса, Порты Украины, 2016

В Одессе создана в 2015 году Ассоциация морских журналистов. И хоть Черноморское морское пароходство давно уже превратилось в легенду, но работают порты, одесские моряки плавают «под флагами». И морские журналисты продолжают писать о море и моряках.

Первой книгой новой ассоциации и стал этот сборник, куда вошли 34 статьи, очерки, эссе журналистов разных поколений, разного опыта работы. А вообще, трудно представить себе журналиста Одессы, не писавшего о море. Вспоминаю, что брал интервью у ныне легендарного А.Е. Данченко, в первом номере «Вечерней Одессы» представлял самого молодого капитана ЧМП Евгения Ермакова, составлял книгу о капитане Вадиме Никитине…

В вышедшей книге материалы, написанные в разные годы. Но уже следующий выпуск будет представлять морскую журна-

листику за нынешний 2016 год, и так со временем, считает председатель Ассоциации К. Ильницкий, возникнет новая морская библиотека.

Послание народам
Текст Вероники Мон
Одесса, 2016

Персональной выставке творческих работ Эсфири Серпионовой посвящена эта изящная ярко оформленная книжка.

«Послание народам» – это триптих, выполненный в технике ручного ткачества художницей в 2010 году. Одна из работ, ставших частью монументальной выставки Серпионовой.

Несколько слов о художнице. Только недавно на фотовыставке И. Гершберга мы видели Э. Серпионову среди художников-нонконформистов на собственной «квартирной» выставке. Сегодня Эсфирь Серпионова (монахиня Таисия) – член Союза художников Украины, кандидат педагогических наук, доцент Педагогического университета имени К. Ушинского, руководитель иконописной мастерской при Одесском Свято-Архангело-Михайловском женском монастыре, заведующая иконописным отделением Одесской духовной семинарии.

При этом у Эсфири Наумовны остаются силы для собственного творчества. В этом году во Всемирном клубе одесситов состоится еще одна ее выставка.

Мирослав Кульчицкий
Арткнига
Одесса, Optimum, 2016

Год, прошедший со дня скоропостижной смерти художника, поэта, куратора выставок Мирослава Кульчицкого, дал возможность осмыслить, сколь много этот негромкий человек успел сделать, насколько глубоко он был погружен в европейский культурный процесс, как серьезно он относился к каждой своей выставке, публикации.

У меня на книжной полке стоят два томика, подаренных мне Мирославом, не раз публиковали мы его в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Но лишь сейчас, когда выходит том его сочинений в издательстве «Optimum», можно будет представить литературную составляющую его творчества.

А это не только сборники «Germania» и «Рим – открытый город», но и статьи о работах коллег, и, что куда более редко встречается, статьи о своих работах.

Когда-то Игорь Грабарь написал свою «Автомонографию». Думаю, эта серия статей Кульчицкого тоже попытка «автомонографии», глубокой, серьезной, я бы сказал, исследовательской.

Завершают книгу статьи о М. Кульчицком. Я огорчился, не увидев среди них статьи Маши Гудымы, только что опубликованной в предыдущем номере нашего альманаха. Значит, подумал я, будет переиздание, куда войдет и эта статья.

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

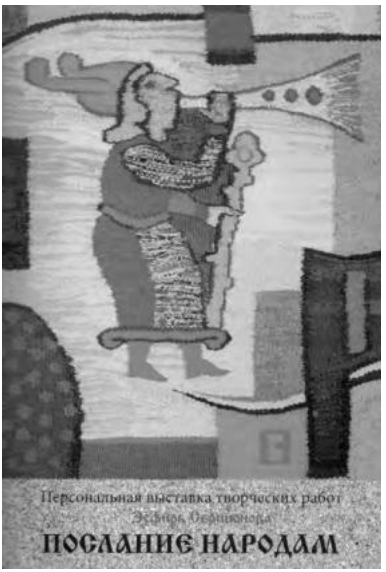
Морская журналистика Украины
в лицах и фактах
Одесса, Порты Украины, 2016

В Одессе создана в 2015 году Ассоциация морских журналистов. И хоть Черноморское морское пароходство давно уже превратилось в легенду, но работают порты, одесские моряки плавают «под флагами». И морские журналисты продолжают писать о море и моряках.

Первой книгой новой ассоциации и стал этот сборник, куда вошли 34 статьи, очерки, эссе журналистов разных поколений, разного опыта работы. А вообще, трудно представить себе журналиста Одессы, не писавшего о море. Вспоминаю, что брал интервью у ныне легендарного А.Е. Данченко, в первом номере «Вечерней Одессы» представлял самого молодого капитана ЧМП Евгения Ермакова, составлял книгу о капитане Вадиме Никитине…

В вышедшей книге материалы, написанные в разные годы. Но уже следующий выпуск будет представлять морскую журна-

листику за нынешний 2016 год, и так со временем, считает председатель Ассоциации К. Ильницкий, возникнет новая морская библиотека.

Послание народам
Текст Вероники Мон
Одесса, 2016

Персональной выставке творческих работ Эсфири Серпионовой посвящена эта изящная ярко оформленная книжка.

«Послание народам» – это триптих, выполненный в технике ручного ткачества художницей в 2010 году. Одна из работ, ставших частью монументальной выставки Серпионовой.

Несколько слов о художнице. Только недавно на фотовыставке И. Гершберга мы видели Э. Серпионову среди художников-нонконформистов на собственной «квартирной» выставке. Сегодня Эсфирь Серпионова (монахиня Таисия) – член Союза художников Украины, кандидат педагогических наук, доцент Педагогического университета имени К. Ушинского, руководитель иконописной мастерской при Одесском Свято-Архангело-Михайловском женском монастыре, заведующая иконописным отделением Одесской духовной семинарии.

При этом у Эсфири Наумовны остаются силы для собственного творчества. В этом году во Всемирном клубе одесситов состоится еще одна ее выставка.

Мирослав Кульчицкий
Арткнига
Одесса, Optimum, 2016

Год, прошедший со дня скоропостижной смерти художника, поэта, куратора выставок Мирослава Кульчицкого, дал возможность осмыслить, сколь много этот негромкий человек успел сделать, насколько глубоко он был погружен в европейский культурный процесс, как серьезно он относился к каждой своей выставке, публикации.

У меня на книжной полке стоят два томика, подаренных мне Мирославом, не раз публиковали мы его в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Но лишь сейчас, когда выходит том его сочинений в издательстве «Optimum», можно будет представить литературную составляющую его творчества.

А это не только сборники «Germania» и «Рим – открытый город», но и статьи о работах коллег, и, что куда более редко встречается, статьи о своих работах.

Когда-то Игорь Грабарь написал свою «Автомонографию». Думаю, эта серия статей Кульчицкого тоже попытка «автомонографии», глубокой, серьезной, я бы сказал, исследовательской.

Завершают книгу статьи о М. Кульчицком. Я огорчился, не увидев среди них статьи Маши Гудымы, только что опубликованной в предыдущем номере нашего альманаха. Значит, подумал я, будет переиздание, куда войдет и эта статья.

Издано в Харькове

Евгений Деменок
Вся Одесса очень велика
Харьков, Фолио, 2016

Это вторая книга искусствоведческих, литературоведческих очерков (первая – «Новое о Бурлюках», изданная в том же формате, как бы предваряющая серию. Здесь 21 очерк об одесситах в рассеянье. Евгений Деменок в постоянном поиске. Он не пересказывает общеизвестные истории, а ищет новые документы, забытые воспоминания, наконец – несправедливо забытых людей.

Могу сказать, что он труженик. Издательства медленнее, чем он пишет, «переваривают» его труды. Вот и в этот том не успели войти статьи о Бурлюке и Хлебникове, опубликованные в нашем альманахе и газете «Всемирные одесские новости», так что закладывается фундамент очередной исследовательской книги.

Особенно хочу подчеркнуть важность работы Евгения Деменка с материалами архива русской эмиграции в Праге. Если судьбы одесситов в Париже, в Берлине как-то были известны, то Прага, ставшая гостеприимным домом для историков, философов, литераторов, оставалась вне поисков исследователей.

Евгения Деменка привлекают фигуры не только первого авангарда, но и второго, о чем свидетельствуют его статьи о поэтическом творчестве Олега Соколова, обращение к живописи А. Ройтбурда, И. Гусева. Все это дает объемность его видению, возможность сопоставлять, поверять алгебру гармонией.

Издано в Pisa – Москва

Михаил Лопатто
Я не гость, не хозяин, лишь имя
Стихотворения, проза, письма
«Русская Италия», издательство «Водолей», 2015

Одесситам, изучающим литературное наследие нашего города, имя Михаила Иосифовича Лопатто (Вильна, 1892 – Флоренция, 1981) хорошо известно как одного из создателей замечательного издательства «Омфалос». Именно в этом издательстве вышли у Михаила Лопатто книги стихов «Избыток» (1916 год) и «Круглый стол» (1919 год), перепечатанные в этой книге. Затем эмиграция, жизнь в Италии. Третья книга М. Лопатто, «Стихи», вышедшая в Париже в 1959 году, нам была недоступна, как и его роман «Чертов сын», переводы Анри де Ренье.

Сейчас благодаря многолетней работе итальянского слависта Стефано Гардзонио все эти книги М. Лопатто собраны и выпущены в серии «Русская Италия».

В книгу не включены литературоведческие работы Лопатто, а ведь именно они заинтересовали структуралистов в конце XX века.

Интересно, что в романе есть главка об Одессе, так что теперь в антологии одесской прозы и поэзии может появиться еще одна интересная страница.

В приложениях к книге развеян миф о том, что «Кавалерийские победы» Клементия Бутковского написаны М.И. Лопатто. Еще в 60-х годах прошлого века, публикуя письмо ко мне Зинаиды Шишовой, писал, что Клементий Бутковский – псевдоним

друга М. Лопатто Вениамина Бабаджана. Потом это подтвердил в своих исследованиях С.З. Лущик.

И еще одна приятная неожиданность. В Смоленске, в издательстве «Мнемозина», вышел томик стихов Михаила Лопатто «Сердце ночи».

Тираж этой подаренной мне книги удивительный – 15 экземпляров. Именно таким тиражом издают в Смоленске серию «Серебряный пепел», куда вошло множество первоклассных книг.

А в «Сердце ночи» вошли, кроме трех книг стихов Михаила Лопатто, сборник «Омфалитический Олимп», над которым работали М. Лопатто, Н. Бахтин (брат Михаила Бахтина!) и Вениамин Бабаджан. Эту книжку репринтно я публиковал в сборнике Одесского литературного музея «Дом князя Гагарина».

Издано в США

Вера Зубарева
Тень города, или Эм це в круге
2016

Вера Зубарева родилась в Одессе, с 1989 года живет в США, профессор Пенсильванского университета. У нее вышло десятка два книг прозы, поэзии, литературоведения.

В предисловии к новой книге поэт Даниил Чкония особо подчеркивает негромкую интонацию стихов Веры Зубаревой как свидетельство того, что автор доверяет читателю.

В книги Веры Зубаревой пришли и Манхеттен, и Бродвей, но она остается верна

Черному морю своего детства. Не случайно Даниил Чкония своему предисловию выбрал название – строку «К морским глубинам тянется душа».

А мне запомнился образ, который навсегда связан с творчеством Веры Зубаревой, как бы мостик к ее первым стихам, которые она принесла мне много лет назад в «Вечерку»:

Штормит моя тетрадь…

Так, только так могла написать дочь легендарного одесского лоцмана, капитана дальнего плаванья Кима Беленковича.

Конечно же, ее стихи не только о море. Цикл ее стихов «Квартал» из «Городских картинок» – об Одессе, которая продолжает жить в душе и творчестве Веры Зубаревой.

Хочу надеяться, что на «Зеленой волне» будет эта книга Веры Зубаревой и она сама.

Валентина Голубовская

Эфрусси. Ренуар. Саша Розенбойм

Эдмунд де Вааль
Заяц с янтарными глазами
Скрытое наследие
Москва, АСТ, 2015

Не устаю удивляться этим «странным сближениям», этим сжимающимся в невероятный клубок времени и культуре!

Так случилось, что я закончила чтение потрясающей книги Эдмунда де Вааля «Заяц с янтарными глазами. Скрытое наследие» в день рождения Огюста Ренуара, с которым были тесно связаны предки автора этой книги. В этой книге о Ренуаре написано много.

Эдмунд де Вааль – известный английский художник-керамист, потомок знаменитого рода Эфрусси, выходцев из Одессы, ставших не только влиятельными банкирами, но и меценатами, коллекционерами.

После Одессы был Париж. В их дворце бывал Марсель Пруст, и один из Эфрусси, Шарль, прадед автора книги, является одним из прототипов Свана в цикле романов Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

Именно Шарль Эфрусси купил у Эдуарда Мане натюрморт «Пучок спаржи» за сумму, превышающую названную художником. После этого Шарль получил от Мане холст, на котором был написан один стебель спаржи, с запиской «Этот стебелек отвалился от Вашего пучка».

Перечислять коллекции семейства Эфрусси невозможно в коротком тексте. Но об одной картине Огюста Ренуара не могу не написать, вернее, процитировать Эдмунда де Вааля:

«…Именно такой была обстановка смелой картины Ренуара «Завтрак лодочников» (Le Déjeuner des canotiers), изображающей очаровательно-подозрительную компанию в «Мэзон Фурнэз» – ресторанчике на Сене… Это послеобеденная сцена в ренуаровском новом мире, состоящем из художников, их покровителей и актрис, где все дружны между собой… Здесь же присутствует Шарль. Он стоит в дальнем левом углу, в цилиндре и черном костюме. Он слегка отвернулся в сторону, и потому лица его почти не видно. Видна лишь рыжая борода. Он беседует с человеком, у которого приятное открытое и плохо выбритое лицо: это Лафорг, одетый, как настоящий поэт, в фуражку рабочего и, может быть, даже куртку…»

После Парижа была Вена с дворцом в самом центре австрийской столицы, на Ринге. Потом нацистская Германия присоединила Австрию к рейху… Начался исход. По всему миру.

А в начале XXI века потомки Эфрусси, братья Эдмунд и Томас, говорящий по-русски, побывали в Одессе. Точно не скажу год, но не ранее 2007 года, потому что уже восстановлен был памятник Екатерине Второй. Они пришли во Всемирный клуб одесситов в поисках информации об оставшихся следах Эфрусси на их родине. Евгений Голубовский познакомил их с Александром Розенбоймом.

«Мы с Томасом встречаемся, как было условлено, с Сашей – юрким миниатюрным ученым лет семидесяти с небольшим. На углу он сталкивается со старым другом – профессором, филологом-компаративистом, и мы направляемся к зданию школы вместе. Том с Сашей беседуют по-русски, а мы с профессором говорим по-английски о Шекспировском институте. Когда мы доходим до школы, профессор нас оставляет, а мы втроем садимся

пить сладкий кофе в кафе в скверике, где на нас бросают пристальные взгляды из бара три проститутки. Я рассказываю Саше о цели своего приезда и о том, что пишу книгу о… Я уже сам не знаю, о чем эта книга: о моей семье, об истории, обо мне самом, о маленьких японских безделушках?»

Легко догадаться, что профессор – Марк Соколянский. А школа – это здание Одесского городского 6-классного училища «Ефруси» (так в Адресной и справочной книге на 1908 год «Вся Одесса») на Старопортофранковской, теперь школа 99.

«…была еще школа Эфрусси для еврейских детей, основанная Игнацем в честь отца, патриарха семьи, которую тридцать лет продолжали материально поддерживать Шарль, Жюль и Виктор. Она существует до сих пор: это два низких здания у трамвайной линии, на краю пыльного сквера, где среди скамеек с оторванными сиденьями бродят одичавшие собаки. В 1892 году эта школа расписывалась в получении 1200 рублей, пожертвованных братьями Эфрусси. Школьные распорядители купили в Санкт-Петербурге астролябию, мензулу, глобус, стальной нож для резки стекла, скелет и разборную модель глаза. В одесской книжной лавке они истратили 533 рубля 64 копейки на 280 книг: Бичер-Стоу, Свифта, Толстого, Купера, Теккерея и Скотта…

Он вежливо говорит мне, что Горький тоже коллекционировал нэцке. Мы выпиваем еще кофе. Я привез с собой конверт с документами, который нашел в квартире Игги в Токио, между старыми номерами «Архитектурного дайджеста». Саша потрясен тем, что я привез оригиналы, а не копии, но, наблюдая за ним, я замечаю, что он перебирает разные бумаги, точно пианист клавиши.

Там есть документы, свидетельствующие о том, что грозный Игнац, строитель дворца, был в Одессе консулом шведской и норвежской короны, и свидетельство, подписанное царем, о том, что ему позволено носить бессарабскую медаль, и какие-то бумаги из раввината. Это очень старый документ, говорит Саша, с 1870 года они выглядели уже иначе: вот печать, а вот запись об уплате пошлины. Вот подпись губернатора, она всегда очень энергичная – глядите, едва не прорвал бумагу. Поглядите-ка на этот адрес: угол улиц Икс и Игрек! Очень по-одесски. А вот это переписано рукой письмоводителя, почерк очень плохой».

Это людей, только познакомившихся с Сашей, могла поразить его способность перебирать «разные бумаги, как пианист клавиши». Те, кто с Александром Юльевичем дружил долгие годы, знают, сколько часов, дней, лет провел он в архивах, читая, исследуя старинные документы, свидетельства… И сколько написал книг. В одной из них он тоже написал о встрече с наследниками знаменитого рода Эфрусси:

«На месте дома № 4, где жил Гилельс, и соседнего с ним № 6 были встарь дома банкира Игнация Ефрусси, сердечно откликавшегося, как написал о нем А.М. де Рибас в книге «Старая Одесса», на все добрые дела. Одним из них стало создание шестиклассного училища «Ефрусси» на Старопортофранковской, 94, за что учредитель был жалован званием потомственного почетного гражданина Одессы, переходившим ко всем его потомкам по мужской линии, где бы они не жили. Последним был Виктор Ефрусси, человек удивительной судьбы: переводчик у генерала Эйзенхауэра во время высадки союзников в Нормандии, он участвовал затем в войне на Дальнем Востоке, остался и основал крупную фирму в Японии, два года назад умер и погребен в… буддийском храме. На траурной церемонии было отмечено, что покойный имел честь состоять почетным гражданином Одессы… Потомки же Ефрусси по женской линии продолжают здравствовать за рубежом. Один из них, журналист Томас де Ваал, недавно побывал в Одессе, и Театральный переулок одарил его «встречей» с предком, фигура которого в семейных преданиях уже утратила четкие очертания. Потому и интересно ему было узнать, что помимо прочих титулов да должностей состоял Игнаций Ефрусси норвежским и шведским консулом в Одессе». (Ростислав Александров. «Исхоженные детством».)

Замечу, что в тексте Саши (Ростислава Александрова) одна неточность, легко объяснимая – краткость встречи, перевод… Не Виктор, а его двоюродный брат Игнац, взявший в Японии имя Игги, – герой этого сюжета.

Эфрусси, Огюст Ренуар, Саша Розенбойм, которого не стало год тому назад.

Два дома Эфрусси, школа на Старопортофранковской.

Все переплелось в тугой клубок истории, судеб, культуры.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Похождения бравого солдата Швейка 5

История, краеведение

Леонид Буйневич
«Кронштадт» 10

Андрей Добролюбский, Лариса Пикановская
Пляж Ланжерон под присмотром Аполлона Врача 30

Евгений Деменок
Бугаз, любовь моя 39

Александр Дорошенко
Русский модерн в Городе 50

Феликс Кохрихт
Дитя расчета и отваги 77

Одесский календарь

Ростислав Александров
Кафе Фанкони 86

Проза

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 96

Женя Голубенко
Zveri 136

Владимир Васьковцев
Торжественная меланхолия 150

Александр Мардань
Анатомия сознания 163

Поэзия

Виталий Амурский
Глазами Томаса Манна 168

Олег Школьник
Как я крикнуть хочу... 174

Юлия Петрусевичюте
Песни реки Стикс 178

Канат Канака
Благословляю, бабочка, лети... 181

Сергей Лазо
Черно-белые стихи 185

Юрий Гудумак
Новые эксперименты с вакуумом 188

Первые шаги

Море талантов 2015:
«Пятерка с хвостиком» 192

Искусство – жизнь – искусство

Виталий Абрамов
Семья В.В. Кандинского в Одессе 200

Елена Константинова
«Мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью...» 220

Роман Бродавко
Две памятные даты 238

Аркадий Вайнер, Эдуард Кузнецов
«Танкер «Дербент» 245

Евгений Голубовский
Игорь Гусев между временем и пространством 251

Михаил Талалай
Последние доклады и анекдоты Умберто Эко 254

Сергей Седых, Юрий Загоруйко
Портрет священнослужителя 258

Лилия Ишуткина
Сюита «Елены» 270

Евгений Голубовский
Когда мы были молодые ... 290

Публикации

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман
К вопросу о военной службе В.П. Катаева ... 298

Алена Яворская
Аравийский роман ... 303

Семен Гехт
Пароход идет в Яффу и обратно
Одесские фрагменты ... 306

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Если нравится, считайте, что получилось» ... 330

Путешествие

Феликс Кохрихт
Дорогой королей и красавиц ... 342

Ах, Одесса

Вадим Чирков
Даня Шац и его капельное орошение ... 350

Григорий Шухин
Три стихотворения ... 364

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал ... 368

Валентина Голубовская
Эфрусси. Ренуар. Саша Розенбойм ... 375

Одесский альманах
№65
II / 2016

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ